

ВЕНЕРИАНСКАЯ
КОЛДУНЬЯ

МИРЫ ЛИ БРЭКЕТТ

МИРЫ ЛИ БРЭКЕТТ

ВЕНЕРИАНСКАЯ
КОЛДУНЬЯ

ЛИ БРЭКЕТТ

THE WORLDS OF LEIGH BRACKETT

**ENCHANTRESS
OF VENUS**

**THE VEIL
OF ATELLAR**

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ ЛИ БРЭКЕТТ

**ВЕНЕРИАНСКАЯ
КОЛДУНЯ**

БУАЛЬ АСТЕЛЛАРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

Миры Ли Брэкетт. Венераианская колдунья / Пер. с англ. — Полярис, 1997. — 379 с.

В эту книгу вошли чарующие и пугающие рассказы одной из основательниц жанра «космической оперы» об экзотических мирах Солнечной системы — и дальше...

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчиков. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения художника Michael Whelan и его агентов: Glassonion Ltd. (США) и Александра Корженевского (Россия).

ISBN 5-88132-317-3

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1997

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Имя Ли Брэкетт неразрывно связано с историей научной фантастики, с ее «золотым веком». Вместе со своими друзьями и коллегами — Генри Каттнером, Кэтрин Мур — и мужем Эдмондом Гамильтоном, на которого оказала огромное влияние, она стояла у истоков одного из самых популярных жанров фантастики — «космической оперы».

Первый рассказ Ли Брэкетт вышел в свет в 1940 году, и на протяжении пятнадцати лет с того дня она оставалась непревзойденной мастерицей, оказавшей огромное влияние на развитие жанра. Не случайно единственная премия «Хьюго», которую она успела получить (присуждать их начали, когда расцвет ее творчества был уже позади), в 1980 году — посмертно — была получена ею за логическое завершение истории «космической оперы», сценарий знаменитого фильма Джорджа Лукаса из трилогии «Звездные войны» «Империя наносит ответный удар».

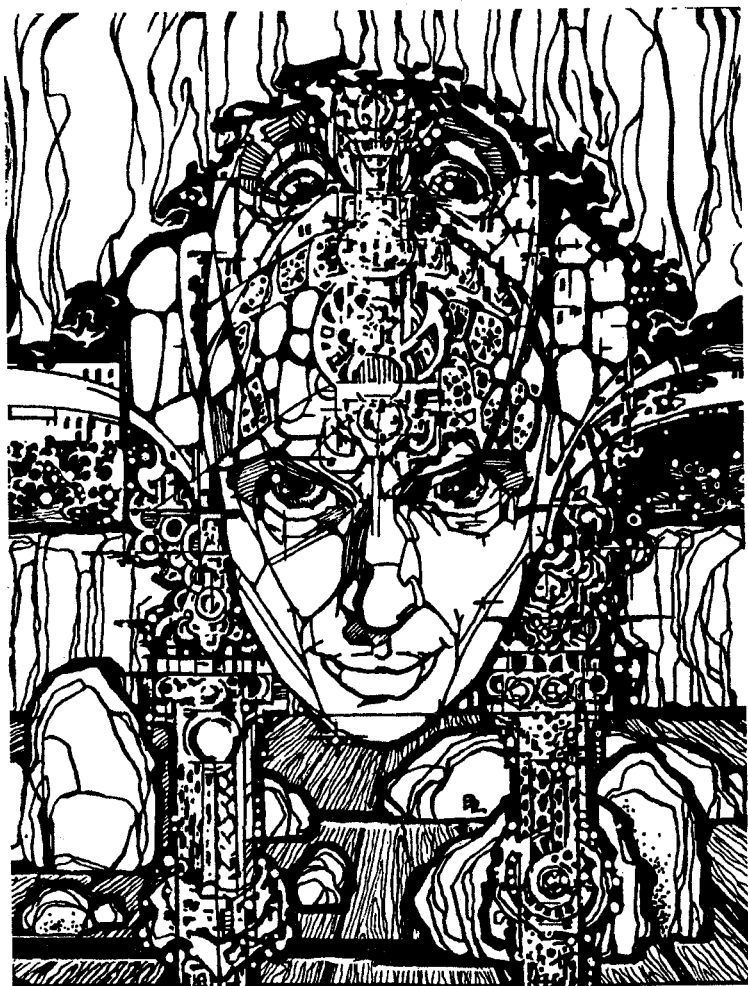
Перед читателями ее книг открывается Солнечная система, какой она представлялась до того, как человек вышел в космос — полная ужасающих тайн и древних секретов, необъяснимого и загадочного, арена великих подвигов и драм. Полная первобытной силы Венера, жестокий Меркурий, удивительные миры дальних планет и, конечно, кровавый Марс — вот арена, на которой разыгрывается действие большинства классических произведений Ли Брэкетт, несмотря на то что с начала пятидесятых годов она вышла на межзвездные просторы.

И на этой арене разыгрываются жестокие драмы. Мягкость, приписываемая обычно женщинам-фантастам, совершенно отсутствует в прозе Ли Брэкетт. Сюжеты ее просты, отношения персонажей четко определены. Даже краски яркие и пронзительны — лазурное небо, винно-красное море... и ослепительный блеск солнца на клинках. Писательница не делает скидок на слабость. Ее мир суров, и его закон — это закон сильного.

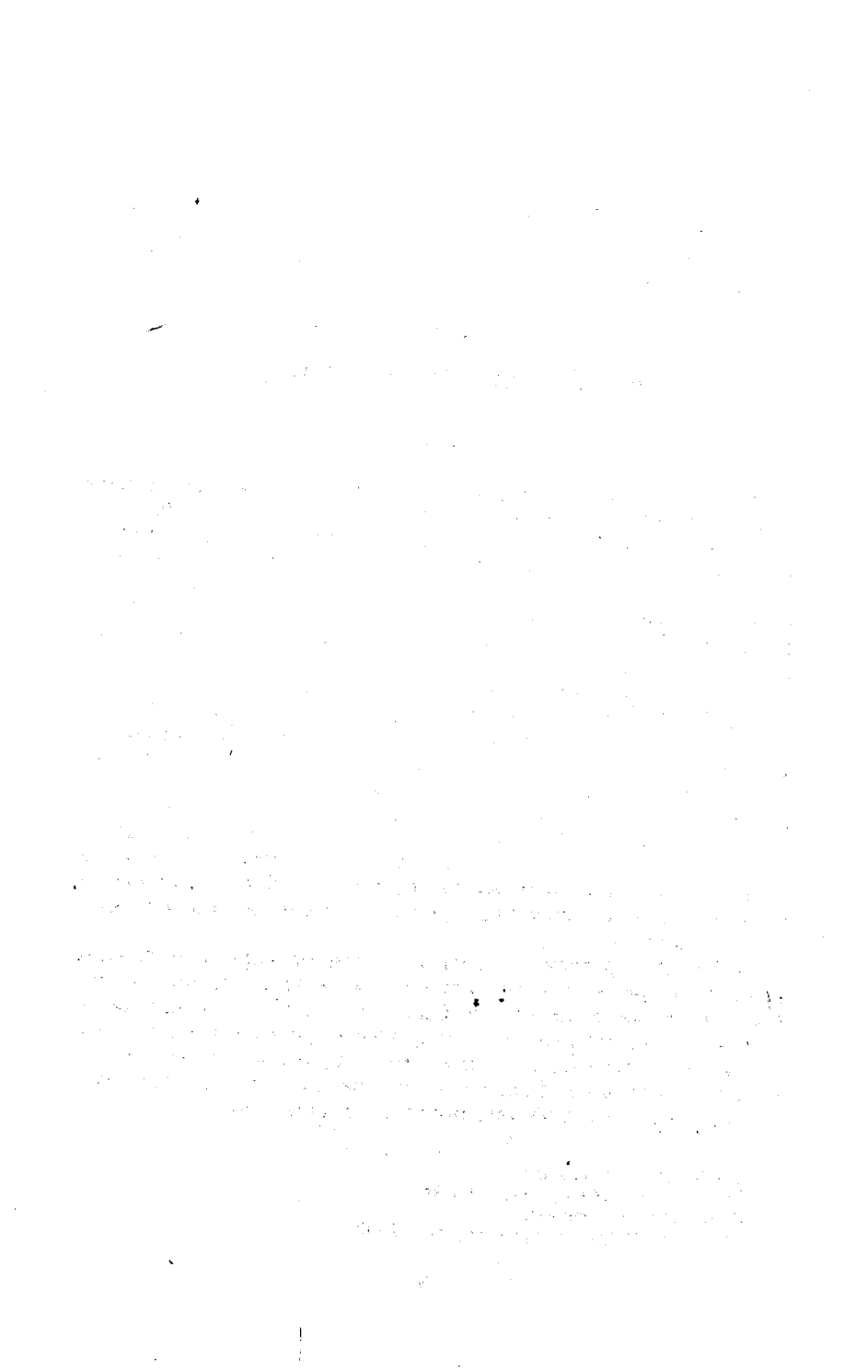
Настойчиво повторяются из рассказа в рассказ две темы — безыскусное благородство героев-одиночек и тоскливое чувство

потери, возникающее при столкновении с необычным, древним, чужим, потому что, как замечает один из ее персонажей, «мы не доверяем никому, кто так или иначе отличается от нас, и так или иначе уничтожаем их».

Во второй том избранных работ Ли Брэкетт вошли лучшие рассказы в жанре космической оперы, открывающие перед читателями панораму завораживающего, притягательного и опасного Космоса. Если первая часть книги — «Венерианская колдунья» — посвящена ближним планетам, то вторая, «Вуаль Астеллара», уводит нас за Пояс астероидов, к спутникам Юпитера, и еще дальше — к звездам...

ВЕНЕРИААНСКАЯ КОЛДУНЬЯ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВЕНЕРИАН

Глава 1

Ветер дул ровно, не усиливаясь, не налетая внезапными шквалами, и силы его хватало ровно настолько, чтобы еле-еле наполнять паруса обшарпанной скорлупки и не спеша гнать ее по тихим морским волнам. Мэтт Харкер лежал у румпеля, считал струйки пота, скатывавшиеся по его голому телу, и утрюмыми тусклыми глазами поглядывал в темно-индиговые небеса. Из последних сил он сдерживал бессильную злобу, что поднималась у него в горле, как горькая отрыжка.

Море — венерианская жена Рури Маклерена называла его морем Утренних Опалов — черное, пронизанное яркими подводными огоньками, чуть слышно плескалось за бортом корабля. Небо низко нависало над ним. Толстое облачное одеяние Венеры навсегда укрыло Солнце от изгнанников-землян, и теперь они почти забыли, как выглядит великое дневное светило. На горизонте синий мрак рассеялся, и узкая светлая полоска протянулась там, где небо сливалось с морем. Две тысячи восемьсот человек, экипажи двенадцати кораблей, чувствовали себя безнадежно заплутавшими на долгом пути между рождением и смертью.

Мэтт Харкер глянул на парус, затем на кормовой фонарь идущего впереди корабля. В туманном сиянии, которое не угасает на Венере даже ночью, было отчетливо видно его лицо, изможденное, осунувшееся, покрытое морщинами и шрамами той жизни, когда желаешь и не имеешь, умираешь, но не становишься мертвым. Харкер был тощим, жилистым, невысоким человеком со змеиной уверенностью в движениях.

The Vanishing Venusians
Copyright © 1944 by Leigh Brackett
Исчезновение венериан
© Б. Александров, Г. Грей, перевод, 1993

Кто-то осторожно пробрался к нему, обходя спящих, чьи тела устилали всю палубу. Харкер равнодушно кивнул подошедшему:

— Привет, Рури.

— Привет, — ответил Рури Маклерен и сел.

Он был молод, наверное, вдвое моложе Харкера. На его лице, очень усталом, все еще светилась надежда. Некоторое время он сидел, ничего не говоря и никуда не глядя, а затем спросил:

— Ради Бога, скажи, Мэтт, насколько нас еще хватит?

— Экая важность, парень! Что, терпение лопается?

— Не знаю. Возможно. Когда мы где-нибудь остановимся?

— Когда найдем место, где можно остановиться.

— А есть ли такое место? По-моему, судьба преследует нас с самого моего рождения. Вечно что-нибудь да не так. То набегу туземцев, то лихорадка, то скверная земля... Нет нам покоя. Но должно же это когда-нибудь кончиться? Можно ли выжить в таких условиях?

— Я предупреждал тебя: не заводи малыша! — заметил Харкер.

— При чем тут мой ребенок?

— Ты начал беспокоиться. Малыша еще нет, а ты уже тревожишься.

— Конечно, тревожусь.

Маклерен обхватил голову руками и выругался. Харкер понимал, что его собеседник с трудом удерживается от крика.

— Да, я не хочу, чтобы с моими женой и малышом случилось то же, что и с твоими. У нас на борту лихорадка.

На минуту глаза Харкера стали похожи на раскаленные угли. Затем он взглянул на парус и сказал:

— Может быть, смерть — лучший выход для них.

— Не говори так.

— Но это правда. Вот ты спрашиваешь меня, когда мы остановимся. Может быть, никогда. И не надо распускать нюни. Я подозревал это уже давно. Ты еще не родился, а я уже видел, как Облачный народ сжигал наше первое поселение и распинал моих родителей в их собственном винограднике. Я был там, когда началось переселение в страну обетованную, обратно на Землю, и я все еще жду обещанного.

Мышцы на лице Харкера натянулись, как провололочные узлы, но голос остался путающе-спокойным.

— Для твоих жены и малыша лучше было бы умереть сейчас, пока Вики еще молода и надеется на лучшее, а ребенок не успел открыть глаза.

На рассвете Сим, высоченный негр, несколько успокоил Харкера. Он тихонько запел что-то печальное, медленное, как

ветер, и бесконечно красивое. Харкер проклял его и снова свернулся клубком, пытаясь уснуть, но песня осталась с ним.

«О, я смотрел на Иордан, и то, что я увидел, пришло, чтобы унести меня домой...»

Наконец Харкер уснул. Во сне он стонал и вертелся, а потом начал кричать. Люди вокруг проснулись и с интересом наблюдали за ним: днем Харкер был одиноким волком; его вечная злоба и холодный взгляд жестоких глаз не располагали к общению, и, если время от времени он бредил во сне, никто не хотел и пальцем пошевелить, чтобы помочь ему.

Люди с любопытством заглядывали в душу Харкера, но вмешиваться в его дела не собирались.

Харкер же ни о чем не беспокоился. Он снова играл в снегу. Ему было семь лет.

Сугробы были белыми и высокими, а над ними висело небо, такое голубое и чистое, что иногда он даже задумывался, не моет ли Бог небеса каждую неделю, как мама — пол на кухне. Солнце сияло, оно походило на большую золотую монету, и снег блестел в его лучах, как мириады крошечных бриллиантов. Харкер протянул руку к солнцу, морозный воздух гладил его лицо чистыми ладонями, и мальчик смеялся.

А затем все исчезло.

— Гляньте-ка, — сказал кто-то, — он плачет.

— Ревет как маленький. Вы только послушайте.

— Эй, — сказал первый смущенно, — может, разбудим его?

— Ну его к черту, старого слюня. Эй, послушай-ка...

— Папа, — прошептал Харкер, — я хочу домой.

Пришла заря, похожая на молочный огонь, просеянный через слой жемчужно-серых облаков. Сквозь сон Харкер слышал неопределенные крики. Ночь не принесла ему отдыха, и веки его упорно смыкались. Крик постепенно прояснялся и наконец стал словом «Земля!», повторяемым снова и снова. Харкер заставил себя проснуться и встал.

В тумане морские волны блестели палевыми переливами. Стаи маленьких драконов с блестящей, как драгоценные камни, чешуей поднялись с дрейфующих повсюду травяных островов, выгнули шеи и захлопали крыльями.

Впереди маячил длинный низкий холмик грязной земли среди болот. За ним к облакам поднимался гранитный утес, широкий эскарп, стоящий, как стена. На него с надеждой воззрились десятки изгнанников.

Харкер обнаружил, что рядом с ним стоит Рури Маклерен в обнимку с Вики — своей женой. Вики была одной из немногих венерианок, вышедших замуж в земной колонии. Как всякую

уроженку Венеры, ее отличали чистая белая кожа, блестящие серебряные волосы и ярко-красные губы. Глаза ее были изменчивы, как море, и полны скрытой жизни. Сейчас у них появился особый взгляд, какой бывает у женщин, готовых к творению.

Харкер оглянулся.

— Земля, — сказал Маклерен.

— Грязь, — ответил Харкер, — болото, лихорадка. Это похоже на все остальное.

— Мы можем остановиться здесь хотя бы ненадолго? — спросила Вики.

Харкер пожал плечами:

— Это уж решит Джиббонс.

Он хотел спросить, какая, к чертям, разница, где родится ребенок, но придержал язык и отвернулся. На досках лежали три тела, завернутые в рваные одеяла. Харкер криво улыбнулся:

— Мы, вероятно, остановимся, чтобы похоронить их. Это не займет много времени.

Он взглянул в лицо Маклерена. В нем уже не осталось никакой надежды, оно было мертвое, как у всех переселенцев на Венере.

Джиббонс созвал старейшин своего корабля — вождей, воинов, охотников и моряков, толстокожих людей, которые служили броней мягкому телу колонии. Среди созданных были и Харкер с Маклереном. Маклерен еще не вошел в возраст, но обладал качествами природного руководителя.

Джиббонс был стар — печальный, сжигаемый внутренним пламенем вождь пяти тысяч колонистов, приехавших с Земли, чтобы начать новую жизнь на новом месте. Трагедии, отчаяние и измены, которых он повидал на своем веку немало, жестоко отразились на нем, но голову он держал все еще высоко.

Иногда Харкер восхищался им, а иногда проклинал его нелепый романтический энтузиазм.

Началась привычная дискуссия о том, попытаться ли основать поселок на этом грязном плоскогорье или продолжать путь по бесконечным, не обозначенным на картах морям.

— Черт побери, — нетерпеливо выкрикнул Харкер, — посмотрите на месте. Вспомните прошлый раз, вспомните позапрошлый и прекратите скулеж.

— Люди страшно устали, — спокойно ответил Сим, черный гигант. — Человеку нужно где-то укорениться. Если мы не обнаружим землю, очень скоро начнутся неприятности.

— Ну так иди! Посмотрим, что ты тут найдешь! — парировал Харкер.

Джиббонс тяжело вздохнул:

— Он прав. У нас истерия, лихорадка, дизентерия и скука, а скука — хуже всего.

— Я голосую за поселение, — сказал Маклерен.

Харкер засмеялся и, выглянув из каюты, посмотрел на утесы. Серый гранит, похоже, поднимался прямо из болота. Харкер попытался разглядеть его вершину, но облака плотно укрывали ее от любопытных взоров. Темные глаза его сузились.

Старейшины еще продолжали жаркий спор, но Харкер уже не слышал их. Неожиданная мысль пришла ему в голову. Внезапно обернувшись к собранию, он сказал:

— Сэр, я прошу разрешения посмотреть, что находится на вершине этих утесов.

Все замолкли.

— Такие плато встречались нам часто, — задумчиво произнес Джиббонс. — Мы потеряли слишком многих, выясняя, обитаемые ли они.

— Но ведь сейчас может и повезти. Наш первый поселок, как вы помните, стоял на высоком плато. Чистый воздух, хорошая земля, никакой лихорадки.

— Я помню, — кивнул Джиббонс и, помолчав, бросил проницательный взгляд на Харкера: — Я знаю тебя, Мэтт. Возможно, мы произведем разведку.

Харкер ухмыльнулся:

— В любом случае вы немного потеряете. Я больше не имею здесь никакого влияния. — Он шагнул к двери. — Дайте мне три недели. Надеюсь, вам не слишком надоело болтаться по морю в этом корыте? Потерпите еще немного — может быть, я принесу вам добрую весть.

— Я пойду с тобой, Мэтт, — сказал Маклерен.

Харкер поглядел ему в глаза:

— Тебе лучше остаться с Вики.

— Если наверху хорошая земля, а с тобой что-нибудь случится и ты не сможешь сообщить нам...

— Или, быть может, не сочту нужным вернуться?

— Этого я не говорил. Возможно, мы оба не вернемся. Но вдвоем лучше, чем одному.

Харкер улыбнулся загадочной и не слишком приятной улыбкой. Джиббонс повернулся к нему:

— Он прав, Мэтт.

Харкер пожал плечами. Тут встал Сим.

— Двое хорошо, — заявил он, — а трое — лучше. — И обратился к Джиббонсу: — Здесь нас почти пятьсот человек, сэр. Если наверху новая страна, мы обязаны разделить тяжесть ее розысков.

Джиббонс кивнул. Харкер усмехнулся:

— Ты спятил, Сим. Зачем тебе карабкаться туда, где, может, и нет ничего?

Негр улыбнулся. На блестящем от пота черном лице его зубы казались невероятно белыми.

— Что ж, моему народу не привыкать к таким вещам, Мэтт. Карабканья много, а места нет.

Они приготовились к походу и легли спать. Маклерен простился с Вики. Она поняла, почему он хочет идти, поцеловала его и сказала просто:

— Береги себя.

— Я вернусь до того, как он родится, — пообещал Маклерен.

На рассвете путешественники пустились в путь, взяв с собой сушеной рыбы и порошка из водорослей.

У них были длинные ножи и веревки для подъема. Боеприпасы для бластеров давно кончились, а чтобы изготовить новые, не хватало оборудования. Все трое были мастерами по части метания копий, и поэтому каждый нес за спиной короткое копье.

Лил дождь, когда разведчики, погрузившись в густой туман, пересекали грязную низину. Харкер вел их через пояс болот. Он прекрасно знал, как быстро умеют нападать растения, когда их мучит голод, такой же, как и у всякого живого существа. Венера представляла собой громадную оранжерею, и растения развивались здесь в столь же различных формах, как рептилии или млекопитающие. Детей в колонии с малых лет приучали не трогать яркие цветочные бутоны, потому что цветы тоже часто кусались.

Болото было узким, и люди благополучно перешли его. Неподалеку закричал большой болотный дракон, но это был ночной охотник, а сейчас он чувствовал себя слишком сонным, чтобы гнаться за путешественниками. Наконец Харкер встал на твердую землю и осмотрел утес.

Скала была обрызгана жирной грязью и иссечена эрозией. То тут, то там виднелись полосы сланца и плиты, которые, казалось, могли упасть при одном прикосновении. Но Харкер кивнул.

— Можно лезть, — сказал он. — Вопрос в том, какой он высоты.

Сим хмыкнул:

— Высок, как лестница, ведущая к Золотому городу. Все ли мы идем с чистой совестью? Бремя греха нельзя нести так далеко.

Рури Маклерен взглянул на Харкера.

— Ладно, — сказал тот, — исповедуюсь перед вами. Мне все равно, есть ли наверху земля или нет. Я хотел только одного: уйти

к чертям с этого проклятого судна, пока совсем не спятил. Вот и весь мой грех.

Маклерен кивнул. Он, похоже, не удивился:

— Что ж, пора в путь.

На следующее утро разведчики поднялись к небесам. Они ползли вверх сквозь молочный туман, полужидкий, горячий, невыносимый. Так они карабкались еще два дня.

Первые две ночи Сим пел во время своей вахты, когда они отдыхали на каком-нибудь выступе, но потом тоже устал.

Маклерен начал выдыхаться, хотя и не признавался в этом. Мэтт Харкер стал еще более молчаливым и хмурым, если это вообще было возможно. Ничто вокруг них не менялось. Облака продолжали скрывать вершину утеса.

Во время одной остановки Маклерен устало прохрипел:

— Будет ли когда-нибудь конец этим утесам? — Кожа его пожелтела, глаза горели лихорадочным блеском.

— Они, наверное, выходят за пределы атмосферы, — отозвался Харкер.

На него тоже напала лихорадка. Притаившись в его костях, она долго ждала удобного момента, чтобы выползти наружу, овладеть всем телом, а потом снова отступить. Но иногда она не отступала, и через десять дней в этом уже не было нужды.

— А тебе наплевать, куда мы в конце концов залезем? — спросил Маклерен.

— Я не уговаривал тебя идти.

— Заткнись!

Маклерен потянулся к горлу Харкера.

Тот очень осторожно и аккуратно оттолкнул его. Маклерен согнулся, обхватил руками голову и заплакал. Сим отошел, покачивая головой, а через некоторое время принялся напевать: «Ох, никто не знает моей беды...»

Харкер собирался с силами. В ушах у него звенело, тело дрожало, но выдержать вес Маклерена он еще мог. Они стали подниматься по ступеням выступа. Ступени были широкими, так что затруднений разведчики не испытывали. Но примерно через двести футов выступ пошел вниз. Над этим провалом нависала выпуклая стена утеса, взобраться на которую смогла бы только муха.

Мужчины остановились. Харкер неторопливо выругался. Его тоже жестоко трепала лихорадка. Сим закрыл глаза и улыбнулся:

— Наверху Золотой город. Туда я и войду.

Он спустился по снижавшемуся выступу к ребру и, обогнув его, исчез. Харкер безумно захотел. Маклерен высвободился из его рук и отправился за Симом.

Харкер пожал плечами и последовал за ними.

За ребром выступ начисто стерся. Разведчики остановились. Сзади их подпирали облака пара, а впереди возвышалась гранитная стена, увешанная толстыми мясистыми ползучими растениями. Это был тупик.

— Ну? — спросил Харкер.

Маклерен сел. Он не вскрикнул, ничего не сказал, просто сел. Сим стоял, опустив руки и склонив голову.

— Кто тут говорил о земле обетованной? — поинтересовался он. — Венера — это колесо шулерской рулетки, на нем нельзя выиграть.

И тут он заметил, что воздух уже не такой горячий, как раньше. Сначала он подумал, что его знобит от лихорадки, но нет — струя воздуха поднималась и ерошила его волосы.

Чистая, прохладная, она пробивалась из-под ползучей растительности.

Харкер принялся резать стебли ножом и обнаружил вход в пещеру — иззубренное отверстие, промытое в гладком дне того, что, вероятно, когда-то было рекой.

— Эта тяга идет с вершины плато, — сказал Харкер. — Видимо, там дует ветер.

У Маклерена и Сима медленно и робко стала появляться надежда. Все трое, не произнеся ни слова, вошли в туннель.

Глава 2

Чистый воздух действовал как тонизирующее средство, а надежда подгоняла путешественников.

Туннель начал резко подниматься.

Теперь Харкер слышал вдали низкое грохочущее бормотание воды. Похоже, там текла подземная река. Разведчиков окружала глубокая тьма, но камень под ногами был гладким и ровным, и поэтому шли они быстро.

— Впереди что-то светится, — заметил Сим.

— Угу, — ответил Харкер, — вроде фосфоресценции. Не нравится мне эта река. Она может остановить нас.

Разведчики молча зашагали дальше. Свет впереди усилился, воздух стал более влажным. На стенах появились пятна фосфоресцирующего лишайника, испускающие болезненное, лихорадочное сияние. Шум воды стал громче.

На реку они наткнулись неожиданно.

Она текла поперек туннеля по широкому каналу, вырубленному глубоко в камне.

Уровень воды находился ниже прежнего русла, поэтому туннель оставался сухим. Река была широкая, медлительная и

величественная. На потолке и стенах блестели лишайники. Тусклый свет их красок отражался в воде.

Над водой чернела вырубленная в скале широкая, уходящая ввысь труба, откуда с ураганной силой дул холодный воздух. Большая часть тяги рассеивалась в главном речном туннеле. Харкер решил, что на поверхности имеется какое-то скалистое образование, которое направляет ветер вниз. Труба была совершенно недоступна.

— Я думаю, — сказал Харкер, — что мы пойдем вверх по течению, по краю.

Камень был довольно сильно изъеден эрозией. На разных уровнях торчали широкие выступы.

— Что, если эта речка идет не с поверхности? — сказал Маклерен. — Что, если она начинается от подземного источника?

— Тогда мы сломаем шеи, — ответил Харкер. — Пошли.

Они двинулись. Через некоторое время в воде появились какие-то золотистые существа. Увидев людей, они замерли, а затем поплыли снова.

Они были не очень крупные — примерно с двенадцатилетнего ребенка. Тела их походили на человеческие, но плавали они с помощью чего-то похожего на спинной плавник. Кожа их мерцала тем же бледно-золотистым цветом, что и лишайники на стенах, черные глаза не имели век. Лица же... Харкер просто не знал, с чем их сравнить, смутно вспоминая золотые одуванчики, которые росли на летних земных лужайках. Головы и лица Пловцов походили на эти одуванчики и могли двигаться самостоятельно, словно были не только декоративными, но и сенсорными органами.

— О Господи! — воскликнул Харкер. — Кто они?

— Они похожи на цветы, — сказал Маклерен.

— А по-моему, на рыб, — отозвался Сим.

— Держу пари, что они и то и другое. Это скорее всего плэнни* из амфибий. Видал я в болотах разные диковинки, но им далеко до этих. Вы только посмотрите! У них человеческий взгляд!

— Они и по виду почти как люди. — Маклерен вздрогнул. — Я бы предпочел, чтобы они не смотрели на меня.

— Пусть себе смотрят, — махнул рукой Сим. — Меня это не тревожит.

Существа стали приближаться, без усилий двигаясь против течения. Некоторые начали карабкаться на низкий выступ, возвышающийся за спинами людей. Они были проворны и

* Колонисты сократили словосочетание «растение-животное» («plant-animal» (англ.)) в «плэнимэл», а потом и в «плэнни». (Примеч. авт.)

грациозны, но чувствовалось в них что-то неприятно детское. На сушу выбралось пятнадцать или двадцать Пловцов, напомним Харкеру ватагу озорных ребятишек, только озорство их было бездумно-злым.

Харкер приказал своим товарищам отступить, а сам приготовил нож и сжал в правой руке короткое копьё.

Шум реки изменился, канал расширился, и Харкер увидел, что впереди туннель заканчивается широкой темной пещерой, — там река превращалась в озеро и медленно переливалась через низкий и широкий каменный барьер. Сотни золотистых Пловцов, резвившихся в озере, тут же присоединились к своим товарищам, смыкая кольцо вокруг троих людей.

— Мне это дело не нравится, — проворчал Маклерен. — Чего доброго, они сейчас устроят шум.

Так и случилось. Под сводами пещеры раздалось пронзительное хихиканье. Сверкая глазами, существа стремительно плыли вдоль выступа, высывались из воды, хватали людей за лодыжки и смеялись. У Харкера свело внутренности.

Маклерен заорал и стал лягаться, когда острые как иглы когти впились в его лодыжку. Сим ударил копьём в мягкую, бескостную золотистую грудь. Легкое тело взлетело в воздух, разбрызгивая зловонную зеленоватую кровь. Действуя копьём точно бейсбольной битой, Харкер столкнул двух чудовищ обратно в воду, потом сшиб с выступа еще двух — они оказались на удивление легкими — и закричал:

— Давайте наверх, на высокий выступ! Надеюсь, туда они не залезут!

Он протолкнул Маклерена вперед, помог Симу отбиться от наступающих сзади, и все трое устремились по крошившейся под ногами тропе. Маклерен добрался до самого верха и стал швырять камни в атаковавших. По потолку пещеры бежала широкая трещина — след, оставшийся после какого-то древнего землетрясения. Здесь начинался небольшой уклон.

— О'кей! — проорал Харкер. — Здесь мы под самым потолком. Сюда им не добраться.

Плэнни прекрасно плавали, но по камням ползали плохо. Они отчаянно цеплялись за выступы, соскальзывали обратно и урюмо возвращались в воду. Наконец маленькие монстры ухватились за тело своего товарища, убитого копьём Сима, и стали пожирать его, злобно ссорясь из-за каждого куса.

Маклерена вырвало. Харкер тоже чувствовал себя не слишком благополучно. Сим помог Маклерену перевязать кровоточащую ногу.

Высокий выступ, на который они забрались, огибал берег большого озера. Здесь было холоднее и суше, но совершенно

темно, потому что лишайники исчезли. Харкер крикнул, и эхо вернулось нескоро: пещера оказалась куда более обширной, чем они думали.

Внизу, в черной воде, золотые тела кометами прочерчивали темноту, поспешно направляясь в неизвестное. Харкер осторожно нащупывал дорогу. От предчувствия опасности, от ощущения чего-то невидимого, незнакомого и злобного, по коже у него бегали мурашки.

— Я что-то слышу, — сказал Сим.

Они замерли. В воздухе разлился слабый запах чего-то пряного, сладкого, гниющего. Откуда-то спереди донесся мягкий шорох. Харкер решил, что там находится входное отверстие для воды. Но Сим имел в виду не это. Он обратил внимание на странный сухой хруст, шедший отовсюду. Черная поверхность озера была теперь усеяна фосфоресцирующими пятнами. Они быстро росли, сближались и вскоре превратились в сплошной ковер из цветов — голубых, золотых и пурпурных; на цветах сидели сверкающие Пловцы.

— Боже мой! — тихо произнес Харкер. — Какого же они роста?

— По крайней мере втрое больше меня, — ответил Сим. — Те, маленькие, были детьми, а это их папы. О Господи!

Пловцы были очень похожи на тех, что атаковали разведчиков, и отличались от них только размерами. Но громоздкими они не казались. Их гибкие, легкие тела были великолепны. Плавники развернулись в большие сияющие крылья, на острие которых горели огоньки. Золотые головы-одуванчики тоже изменились: они выпустили лепестки. Головы взрослых Пловцов увеличивала спираль из водорослей, имевших мерзкую, ядовитую красоту грибов. Лица же чудовищ были человеческими.

С детских лет Харкер ни разу не чувствовал такого смертельно ледяющего душу ужаса, который охватил его сейчас.

Поля пылающих цветов собрались у основания выступа. Внезапно золотые гиганты мелодично вскрикнули, а вода покрылась пеной: тысячи похожих на цветы тел всплыли и ползли на выступ, переваливаясь на отвратительных паучьих ногах. Вряд ли они представляли серьезную опасность, но Харкер сказал:

— Давайте, к чертям, отсюда! — И побежал по выступу.

Его спутники последовали за ним.

Теперь от наступающей армии шел слабый свет. Цветы-собаки быстро поднимались вверх, а их хозяева плавали внизу, следя за ними.

Выступ пошел вниз. Харкер пронесся по нему как стрела. Уклон вел в туннель, к истоку реки. Короткий туннель, а в конце его...

— Дневной свет! — заорал Харкер.

Больная нога Маклерена подвернулась, и он упал.

Харкер подхватил его. Они находились на нижней части ската. Снизу к ним карабкались цветы-звери. Нога Маклерена распухла и побелела: видимо, когти пленни были ядовиты. Маклерен вырвался из рук Харкера.

— Беги! — крикнул он.

Харкер сильно ударил его по голове и потащил дальше, но вскоре понял, что ничего не выйдет: Маклерен весил больше его. Харкер толкнул бесчувственное тело в мощные руки Сима. Негр кивнул, схватил взрослого крупного мужчину, словно ребенка, и побежал вперед. Харкер увидел, что первые цветы поднялись на выступ и преградили ему путь.

Сим перепрыгнул через них. Их оказалось всего три, и они были невелики. Цветы бросились вслед за Симом. Харкер принялся бить их копьём, острой костяной ручкой ножа, но на смену убитым спешил целый поток новых цветов.

Харкер бросился бежать, но они бежали быстрее. Он то и дело пускал в ход копьё и нож, потом снова бежал, опять поворачивался и сражался, и к тому времени когда они достигли конца туннеля, Харкер уже шатался от усталости.

Сим остановился.

— Здесь нет пути, — выдохнул он.

Перед ними шумел огромный мощный водопад. Скала, с которой он срывался, была слишком высокой, а сила потока слишком большой, чтобы даже гиганты пленни могли преодолеть такую преграду. Сверху лился дневной свет, теплый и приветливый, но совершенно недоступный.

Тупик.

И тут Харкер увидел изъеденную трубу, чуть больше канализационной, давно высохшую, ведущую наверх, к выходу. Она была очень узкой, но человек среднего телосложения мог, постаравшись, пролезть в нее. Надежда казалась чертовски малой, но...

Продолжая отбиваться от обступивших его цветов, Харкер указал на трубу.

— Лезь первым! — крикнул отбивавшийся от тварей Сим.

Харкер повиновался, помогая тяжело дышавшему Маклерену залезть следом. Сим размахивал своим копьём, точно горячей головней, охраняя тыл и дюйм за дюймом вползая в трубу.

Он почти добрался до безопасного места и вдруг остановился. Его громадная грудь тяжело вздымалась, словно кузнечные мехи, руки поднимались и опускались, как брусья полированного

эбенового дерева. Харкер окликнул его и поторопил: он и Маклерен уже почти достигли вершины.

Сим засмеялся:

— Как я пролезу в эту норку?

— Ползи скорее, дурак! Да поспеши, я почти кончился. Сим, черт бы тебя побрал!

— Ползи сам, Харкер, и тащи за собой этого дохляка, а настоящий мужчина вроде меня в такую дыру не пролезет. Я, пожалуй, останусь здесь. — Он немного помолчал и с яростью добавил: — Торопись же, пока они не уволокли тебя обратно.

Сим был прав, и Харкеру пришлось покориться. И он вновь потащил Маклерена по узкой трубе.

Маклерен очень ослаб и почти не помогал ему, но он был худым и узкокостным, и Харкер вытолкнул его наружу. Тот покатился по склону, покрытому зеленой травой, какой никогда еще не видел на Венере. Вытолкнув Маклерена, Харкер стал протискиваться сам, стараясь не оглядываться на Сима.

Негр запел о славе Господнего прихода.

Харкер снова сунул голову в темноту:

— Сим!

— Ага, — чуть слышно ответили ему.

— Здесь хорошая земля, Сим.

— Угу.

— Сим, мы найдем способ...

Из трубы донеслось пение. Звук становился все слабее: видимо, Сим пошел в глубь пещеры. Вскоре слова перестали различаться, но смысл песни сохранился в интонации. Мэтт Харкер спрятал лицо в зеленую траву, но и тут голос Сима преследовал его.

Яркие солнечные лучи позолотили облака. Звенящую тишину нарушали только редкие птичьи трели. Птицы. Харкер перевернулся лицом вверх и медленно сел. Он чувствовал себя усталым и разбитым. Сердце его грызли боль и стыд, а старая темная злоба смертельным кольцом стянула душу.

Перед ним раскинулся длинный, покрытый травой склон, нисходивший к реке, которая живописным изгибом уходила за гранитный отрог. У подножия холма расстилалась широкая равнина, а дальше темнел уходящий под небеса лес. Казалось, что гигантские деревья медленно плыли в тягучем тумане. Их темные ветви были развернуты, как крылья, и усыпаны цветами. Холодный сухой воздух ничем не напоминал гнилостные испарения болот. Пышная трава буйно росла на твердой, не расплзавшейся под ногами земле.

Рури Маклерен застонал, и Харкер обернулся. Нога Маклерена выглядела скверно, а сам он пребывал в полубессознательном состоянии. Кожа покраснела и начала шелушиться.

Не зная, чем помочь раненому, Харкер тихонько выругался.

Он опять взглянул на равнину и вдруг увидел девушку. Он не заметил, откуда она взялась — может, из-за кустов, в изобилии росших на склоне. Видимо, она сидела там довольно долго и следила за незнакомцами. Она и сейчас внимательно изучала их, совершенно неподвижно стоя футах в сорока от них. Громадная алая бабочка сидела у нее на плече, помахивая крыльями.

Девушка казалась скорее девочкой. Ее нагое тело было маленьким, стройным и совершенным, а белая кожа несколько отливала зеленым. Внимание Харкера привлекли короткие кудрявые волосы густого синего цвета и глаза — тоже синие и очень странные.

Харкер смотрел на нее, она на него, и оба не двигались с места. Блестящая птица спорхнула вниз и на мгновение задержалась возле губ девушки, целуя ее своим клювом. Девушка коснулась птицы, улыбнулась, но взгляда от Харкера не отвела.

Харкер медленно встал и сказал:

— Привет.

Девушка не шевельнулась, не произнесла ни звука, но неожиданно пара громадных птиц, черных как смертный грех, с орлиными клювами и когтями, ринулись к голове Харкера и закружились вокруг него.

Харкер снова уселся на землю.

Странные глаза девушки перестали обозревать его и устремились к трещине в холме, откуда он выбрался.

Губы ее не двигались, но голос — или что-то вроде этого — ясно прозвучал в голове Харкера:

— Ты пришел из... Оттуда. — В слове «оттуда» чувствовалась дрожь.

— Да, — ответил Харкер. — Это что, телепатия?

— Но ты не...

В сознании Харкера возник образ золотых Пловцов. Изображение можно было узнать, но страх и ненависть смели с него всю красоту, оставив только ужас.

— Нет, — сказал Харкер.

Он объяснил ей все насчет себя и Маклерена. Сказал и о Симе. Он знал, что она внимательно прослушивает его мозг, проверяя правдивость его слов, но это его не тревожило.

— Мой друг ранен, — сказал он. — Нам нужны пища и кров.

Ответа не последовало. Девушка снова принялась разглядывать Харкера, его лицо, тело, волосы и, наконец, глаза.

Его еще никогда не рассматривали таким образом. Он вызывающе ухмыльнулся, изо всех сил пытаясь показать, что ему глубоко наплевать на этот бесцеремонный осмотр.

— Милочка, — заявил он, — ты потрясающая. Кто ты — животное, минерал или растение?

Девушка удивленно качнула маленькой круглой головкой и вернула ему его же вопрос. Харкер рассмеялся. Она улыбнулась, и в ее глазах засверкали искорки. Харкер встал и шагнул к ней. Птицы тут же заставили его вернуться обратно. Девушка насмешливо улыбнулась.

— Иди, — сказала она и отвернулась.

Харкер нахмурился и участливо склонился над Маклереном.

Ему удалось поставить парня на ноги, а затем взвалить на плечи. Он зашатался под нелегким грузом.

— Я вернусь до того, как он родится, — отчетливо произнес Маклерен.

Харкер выждал момент и, когда девушка сделала первый шаг, пошел следом, сохраняя дистанцию. Две черные птицы неотступно следовали за ними.

Они шагали по густой траве равнины по направлению к лесу. Теперь небо окрасилось в кровавый цвет. Легкий ветерок играл волосами девушки. Мэтт Харкер видел, что ее короткие кудрявые пряди были широкими, как синие лепестки.

Глава 3

Путь по лесу оказался долгим. Вершина плато имела форму чаши, защищенной окружавшими ее утесами. Вспомнив об их первом поселке, Харкер решил, что это место неизмеримо лучше. Оно предстало перед ним как видение из чудесного сна — земля обетованная.

Прохлада и чистота, царящие вокруг, вливали силу в легкие Харкера, его сердце и уставшее тело.

Однако омолаживающий воздух не уменьшил веса Маклерена.

— Отдохнем? — предложил Харкер.

Он сел, осторожно свалив Маклерена в траву. Девушка остановилась и сделала несколько шагов назад, внимательно глядя на Харкера, который дышал, как загнанная лошадь. Он ухмыльнулся.

— Я выдохся, — сообщил он. — Слишком тяжелая работа для человека моих лет. Не могла бы позвать кого-нибудь мне на помощь?

Девушка снова уставилась на него в очаровательном недоумении. Спускалась ночь, светло-индиговая, куда более светлая, чем на уровне моря. Глаза девушки странно сверкали в темноте.

— Зачем ты это делал? — спросила она.

— Что делал?

— Нес это. — Под «этим» она, по всей видимости, подразумевала Маклерена.

Харкер неожиданно понял, что между ним и девушкой — пропасть и все объяснения будут напрасны.

— Он мой друг. Он... Я должен...

Она изучила его мысли и покачала головой:

— Я не понимаю. Это испорченное... — Ее мысль-образ была комбинацией из понятий: «сломано», «кончено», «бесполезно». — Зачем это нести?

— Маклерен не «это». Он человек, как и я. Он мой друг. Он болен, и я должен ему помочь.

— Не понимаю.

И она дала Харкеру понять, что он волен заниматься любыми глупостями, но ее это не касается.

Потом она снова тронулась в путь, не обращая внимания на просьбу Харкера подождать.

Харкер через силу поднял Маклерена и снова запагал. Эх, кабы Сим был здесь!

Он тут же пожалел, что подумал о Симе, и от души пожелал, чтобы тот умер быстро, до того... До чего? «Боже, уже темно, мне страшно, я скоро надорвусь от такой тяжести, а эта ведьма идет себе передо мной в синем тумане...»

«Ведьма», однако, была великолепно сложена и очаровательна, как луч лунного света, как чашечка цветка, полного душистого нектара тайны и неизвестности. Сердце Харкера помимо его воли забилося сильнее.

Они двигались в ароматной тени деревьев.

Лес был просторным, с широкими мшистыми холмами и большими полянами. Под ногами повсюду росли цветы, но не было ни кустарников, ни папоротников. Вдруг девушка остановилась и подняла руку. Цветущая ветка, до которой она не могла дотянуться, сама наклонилась к ее лицу. Девушка сорвала большой цветок и воткнула его в волосы. Затем повернулась и улыбнулась Харкеру. Он вздрогнул:

— Как ты это делаешь?

Она растерялась:

— Ты имеешь в виду ветку? Ах, это? — Она засмеялась. Это был первый звук, который она издала, и он окатил Харкера будто теплым серебром. — Я просто подумала, что хочу сорвать цветок, и ветка наклонилась.

Телепортация, телекинетическая энергия — кажется, так это называется в книгах. На Земле кое-что знали об этом явлении, но в колонии было не до чтения книг, даже из собственной скудной библиотеки. Существовала какая-то религиозная секта, которая заставляла розы склоняться прямо в руки. Древняя мудрость гласила, что библейские чудеса совершались с помощью могучей душевной энергии. Очень просто. Ну да.

Харкер невольно подумал, не может ли девушка сделать такое и с ним. Но ведь его мозг принадлежит только ему. Или нет?

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она издала прозрачную трель. Харкер попытался просветить нечто подобное, но у него ничего не вышло. «Что-то вроде музыкального языка», — сообразил он. Это выглядело так, словно она — и ее народ — подражала птицам.

— Я буду звать тебя Бутон, — сказал он. — Самостоятельный Бутон. Только ты этого не понимаешь.

Девушка приняла образ, рожденный в его мозгу, и вернула обратно: яркий огонь в густой бахrome лучей, цветы в китайской вазе его матери. Она снова засмеялась, отослала своих черных птиц и пошла по лесу, напевая, как иволга. Ей ответили другие голоса, и вдруг между деревьями появился ее народ.

Все они были похожи на нее: мужчины, стройные и хрупкие, как дети, и женщины, нежные, словно цветы. Харкер насчитал более сотни обнаженных, смеющихся, любопытных созданий. То, что Харкер назвал лепестками, растущими на их головах, было всех цветов — от кроваво-красного до снежно-белого.

Существа непрерывно выводили долгие трели. Видимо, Бутон рассказала им, как нашла Харкера и Маклерена. Вся толпа медленно шла по лесу и наконец остановилась на громадной поляне, где росли только отдельные деревья.

Здесь же журчал источник, образовавший маленькое озеро, а затем поток исчезал за папоротником.

Маленький народ все подходил, и теперь Харкер видел, что все они молоды и младшие — совсем крошечные — отличаются от старших только размерами.

Стариков среди них не было. Не увидел он и больных, пораженных тяжелыми недугами. Харкера, изнемогавшего от усталости и чувствовавшего близкий приступ лихорадки, это не ободрило.

Он посадил Маклерена у источника. Захлебываясь, как животное, раненый принялся пить и вымочил себе голову и плечи. Лесные люди стояли кругом и молча наблюдали. Харкер почувствовал себя неловко, словно рыгнул в церкви. Он умыл Маклерена, помог ему напиться и осмотрел его ногу.

Нужен был свет и тепло.

Вокруг источника валялось много сушняка, а в камнях — сухой мох. Харкер собрал кучу сухих веток. Лесной народец наблюдал за ним. Их пристальные, сияющие взгляды действовали Харкеру на нервы. Руки его тряслись так, что он высек искру только с четвертой попытки.

Крошечный огонек заставил молчаливые ряды зашевелиться. Харкер стал раздувать огонь. Язычок пламени, сначала маленький, трепещущий и бледный, набрал силу и вырос. Харкер увидел полные ужаса глаза лесных людей. Раздался испуганный визг, и все исчезли, как сухие листья, унесенные ветром.

Харкер достал нож. Лес был теперь тих, но не спокоен. По спине и затылку Харкера ползали мурашки, стягивало скулы. Не обращая на это внимания, он принялся водить лезвием над пламенем.

Маклерен молча смотрел на него. Харкер улыбнулся:

— Все будет в порядке, Рури.

Он осторожно нажал на определенную точку на челости раненого. Тело Маклерена вздрогнуло и обмякло. Харкер распрямил вздувшуюся ногу Маклерена и принялся за работу.

Снова наступило утро. Харкер лежал у источника на прохладной траве. Угли костра серели и гасли. Он чувствовал себя отдохнувшим, лихорадка, похоже, отступила. Воздух был словно вино.

Харкер перекатился на спину. Дул ветер, живой и сильный, щекоча ноздри каким-то необычным запахом. Деревья шумно веселились и чуть не кричали от радости. Харкер глубоко вздохнул и вдруг осознал, что облака высоко, выше, чем это бывает на Венере. Ветер разгонял их, и дневной свет был таким же ярким, как...

Харкер вскочил. Кровь бурлила в нем, слепила глаза. Он бросился к высокому дереву и полез по ветвям, пока не добрался до самой верхушки.

Под ним расстилалась чаша долины, зеленая, богатая, привлекательная. Вокруг нее поднимались серые гранитные утесы.

Они вздымались там, где гулял ветер, а за ними, далеко-далеко, виднелись горы, уходившие в небо.

На горах сквозь туман облаков белел снег, и, пока Харкер смотрел на него, там мелькнул какой-то отблеск и исчез так быстро, что Харкер увидел его скорее сердцем, чем глазами.

Солнечный свет. Снежные поля и над ними солнце.

Он не сразу спустился вниз, в тишину поляны, а стоял на ветке, не двигаясь, и увидел то, чего не видел раньше. Тогда он спустился.

Рури Маклерен исчез. Оба рюкзака, один с едой, другой с веревками, перевязочным материалом, кремнем и кресалом, тоже испарились, а с ними и копье. Ощупав бедро, Харкер не нашел ничего, кроме голого тела. И нож, и даже штаны были с него сняты.

Стройная восхитительная фигура выступила из тени деревьев. Громадный белый цветок светился в синих кудрях. Сияющие глаза насмешливо смотрели на Харкера. Бутон улыбалась.

Мэтт Харкер не спеша подошел к ней. Его суровое лицо ничего не выражало. Он старался, чтобы и мозг тоже ничего не выражал.

— Где мой друг?

— В Финальном месте.

Бутон неопределенно кивнула в направлении утесов, откуда пришли сюда земляне. Ее мысль-образ продемонстрировала Харкеру нечто среднее между кучей мусора и кладбищем. И совершенно отчетливо чувствовалось, что ей очень досадно тратить время на такие пустяки.

— Вы его... Он еще жив?

— Оно было живое, когда мы положили его там. Все в порядке. Оно будет ждать, пока не остановится, как все мы.

— Зачем вы его...

— Оно уродливое. — Бутон пожала плечами. — Оно сломанное.

Она подняла руки и закинула назад голову. Трепет наслаждения прошел по ее телу. Она снова улыбнулась Харкеру.

Тот попытался скрыть свою злость и, не торопясь, направился к утесам. Когда он проходил мимо куста с желтыми цветами и колючими ветками, одна ветка внезапно согнулась и хлестнула его по животу. Он резко остановился и услышал смех девушки.

Когда он распрямился, девушка уже стояла перед ним.

— Красное, — сказала она удивленно.

Бутон дотронулась заостренными пальцами до царапины, оставленной колючками. Ее, казалось, возбуждали и разочаровывали цвет и ощущение его крови. Ее пальцы двигались, ощупывая его мышцы, кожу и темные волосы на груди. Пальцы прошли и по шее, по краю подбородка, коснулись лица, век, темных бровей. В Харкера проник шепот из ее мозга:

— Что ты такое?

Харкер медленно обнял ее. Тело девушки холодно и странно скользило под его ладонями и посылало ему неопиcуемый трепет полуудовлетворения-полуотвращения.

Он склонил голову. Глаза ее стали глубокими, как озера синего огня. Он нашел ее губы. Они тоже были холодными и

странными, как все ее тело, податливое, с пряным запахом, и тем же самым ароматом вдруг пахнуло от ее курчавых лепестков.

Харкер заметил движение в лесу, радужные пятна украшенных лепестками голов. Бутон отошла от него, взяла его за руку и повела к далекой реке, к мирным зарослям папоротника, растущего на берегах.

Взглянув вверх, Харкер увидел, что две черные птицы по-прежнему сопровождают их.

— Кто же ты? Растение, цветок вроде этого? — Он указал на белый бутон на ее голове.

— А ты кто? Зверь, одетый в мех? Клыкастый хищник, вылезший из норы?

Они засмеялись. Небо над их головами было цвета чистой овечьей шерсти. Теплая земля и смятый папоротник широко расстилались перед ними.

— Куда ведет эта дорога? — спросил Харкер.

— На границу. — Бутон указала на край долины. — Я думаю, она ведет вниз, к морю. Когда-то мы туда спускались, но это было очень давно. Теперь мы не хотим туда ходить, да и звери делают путь опасным.

— Да, конечно, — согласился Харкер и поцеловал ее во впадину под подбородком. — А что случается, когда приходят звери?

Бутон засмеялась. И не успел Харкер шевельнуться, как оказался туго спеленутым вьющимися растениями и папоротником, а черные птицы кричали и щелкали острыми клювами над его лицом.

— Вот что случается, — сказала Бутон и дернула папоротник. — Наши кузены понимают нас даже лучше, чем птицы.

Харкер вспотел, хотя был уже освобожден.

— А те создания в подземном озере тоже ваши кузены?

Бутон с негодованием оттолкнула его мысль: так отталкивают ладонями упругий мяч.

— Нет. Существует старая легенда, что эта долина когда-то была озером и в нем жили Пловцы. Они полностью отличались от нас. Мы пришли из высоких ущелий, там теперь только голые скалы. Это было очень давно. Когда озеро начало уменьшаться, нас стало больше, и мы решили спуститься вниз. Потом было орошение, и мы прогнали Пловцов в черное озеро. Они пытались, и сейчас пытаются, выйти оттуда, вернуться к свету, но не могут. Иногда они посылают нам свои мысли. Они... Нет, я не хочу больше рассказывать о них.

— Как вы станете сражаться с ними, если они выйдут? — небрежно спросил Харкер. — Тоже птицы и растения?

Бутон помедлила с ответом, потом сказала:

— Я покажу тебе один способ.

Она закрыла ему глаза рукой. Сначала было только темно, затем стали формироваться образы — люди, его собственный народ, видимый как отражение в тусклом кривом зеркале, но узнать его было можно. Люди хлынули в долины через трещины в утесах, и тут же каждое дерево, каждый кустик и стебелек травы наклонились к ним. Люди боролись, размахивали ножами, делали успехи, но продвигались вперед медленно. Затем через равнину потянулся туман, тонкий, плывущий в воздухе белый занавес. Он подходил все ближе, гонимый собственной силой, а не ветром. Харкер увидел, что это пушистые семена чертополоха. Пух садился на людей.

Он сыпался бесконечно и неторопливо, постепенно обволакивая человеческие фигуры. Люди корчились, кричали от боли и страха, отбивались, но тщетно.

Потом белый пух опал на землю. Тела людей были покрыты крошечными зелеными ростками, которые высасывали человеческую плоть и быстро росли.

Через образы пробилась беззвучная речь Бутон:

— Я видела некоторые твои мысли, когда выходила из пещеры. Я не могла их понять, но видела, как на наших равнинах режется бороздами земля, вырубаются наши деревья и все делается отвратительным. Если твой народ придет сюда, нам придется уйти, а долина принадлежит нам.

Мэтт Харкер старательно вникал в мысли девушки, однако собственными соображениями делиться с нею не спешил.

— Но раньше эта земля принадлежала Пловцам.

— Они не могли удержать ее, а мы можем.

— Зачем ты спасаешь меня, Бутон? Чего ты от меня хочешь?

— Ты безопасен. Ты чужой. Я хотела играть с тобой.

— Любовь, Бутон? — Его пальцы ошупали широкий гладкий камень в корнях папоротника.

— Любовь? Что это?

— Это завтра и послезавтра. Это надежда, счастье и боль, полнота чувств, самоотверженность. Это цепь, которая привязывает тебя к жизни и придает ей ценность. Понимаешь?

— Нет. Я расту, беру нужное от земли и солнца, играю с друзьями, с птицами, с ветром, с цветами. Затем приходит время, когда во мне созревают семена, а затем я ухожу в Финальное место и жду. Вот и все. Только это я понимаю.

Харкер посмотрел ей в глаза. По его телу прошла дрожь.

— У тебя нет души, Бутон. В этом главное различие между нами. Ты живая, но души у тебя нет.

Теперь ему было нетрудно осуществить свой план. Но сделать это нужно было очень быстро. Сделать то, что могло хоть

как-то оправдать смерть Сима, то, что Бутон могла прочесть в его мыслях, но не могла предупредить, потому что ей никогда не понять мысль об убийстве.

Глава 4

Черные птицы спикировали на Харкера, но руководящий их волей мозг перестал подавать сигналы, и птицы в растерянности прекратили атаку.

Папоротники и вьюнки качнулись было, однако тут же замерли опять. Птицы, тяжело взмахивая крыльями, улетели прочь.

Мэтт Харкер встал, не глядя на то, что лежало у его ног.

Он знал, что у него еще есть немного времени. Возможно, цветочный народ не сразу заметит отсутствие девушки. Возможно, они не станут следить за его мыслями: всем известно, что он — всего лишь новая игрушка Бутон. Возможно...

Мэтт побежал к утесам, туда, где находилось Финальное место. Он старался держаться открытых пространств и по возможности избегать зарослей.

Он уже подбегал к месту назначения, когда понял, что его заметили. Птицы вернулись, и их огромные черные крылья оглушительно захлопали над самой его головой. Харкер поднял сухую ветвь, чтобы отбиваться от них, но она рассыпалась в руке. Телекинез, сила мысли — вот их преимущество. Когда-то Харкер читал, что, имея известный навык, можно никогда не проигрывать в кости: кубики будут падать так, как ты захочешь. Хотел бы он сейчас вообразить себя бластером.

Изогнутые клювы рвали его руки. Он схватил одну птицу за шею и придушил.

Вторая закричала, и на этот раз Харкеру не так повезло: пока он убивал птицу, ее когти разорвали ему щеку. Он снова побежал.

Кусты хищно тянулись к нему, вьющиеся стебли, как змеи, переплетались на его пути. Каждая зеленая травинка резала его обнаженные ноги, словно остро отточенный нож. Но он уже добежал до утесов, и теперь перед ним расстилалась голая каменная площадка.

Принюхавшись, Харкер понял, что близок к Финальному месту. Легкий аромат увядающих цветов, переживших свой расцвет, а под ним — мертвый, кислый запах гниения. Он громко окликнул Маклерена, с ужасом думая, что может не получить ответа, и едва поверил своим ушам, когда услышал слабый голос товарища.

Он быстро зашагал на звук. Маленький вьюнок оплел его ноги и потянул вниз. Харкер вырвал растение с корнем. Оглянувшись через плечо, он увидел тонкую белую вуаль, маленькое пятнышко вдалеке. Оно приближалось.

Харкер дошел до Финального места. Это был каньон, довольно глубокий, с высокими отвесными стенами, напоминающий широкий колодец. На дне его виднелись тела, сваленные в сухую рыхлую кучу, бесцветные тела-цветы, увядшие, серые.

Рури Маклерен лежал на этой куче как будто невредимый. Рядом валялись два рюкзака и оружие. В разных местах сидели, лежали и слабо ползали те, кто, по выражению Бутон, ждал остановки.

Здесь копошились старые, увядшие, поврежденные или некрасивые. Здесь их уродство не могло оскорблять. Похоже, что умышленно они уже умерли. Они не обращали внимания ни на людей, ни на своих собратьев, но слепые жизненные силы еще сохранялись в них. Так цветет обреченная на смерть герань, чей срезанный стебель уже засох.

— Мэтт! — выдавил Маклерен. — О Господи, Мэтт, как я рад тебя видеть!

— С тобой все в порядке?

— Да. Даже нога почти прошла. Ты можешь вытащить меня отсюда?

— Бросай рюкзаки.

Маклерен повиновался. Он заметил возбужденное состояние Харкера и по его окровавленному лицу понял, что затевается что-то скверное. Поднимая Маклерена вверх, Харкер вкратце объяснил ему положение дел. Белый туман был уже очень близко.

— Ты можешь идти? — спросил Харкер.

Маклерен взглянул на наплывавшее облако:

— И даже бегать. Побегу так, что черти не остановят.

Харкер подал ему веревку:

— Беги на ту сторону каньона. — Он помог приятелю надеть рюкзак. — Остановишься точно напротив меня. Понятно? Стой там с веревкой и держись голых камней.

Маклерен побежал. Он сильно хромал, лицо его исказилось от боли. Харкер выругался. Облако подошло уже так близко, что Харкер видел миллионы крошечных семян, которые плыли в своих шелковых волокнах, повинаясь приказу цветочного народа. Он пожал плечами и начал наматывать бинты и пучки сухой травы на костяной наконечник вновь обретенного копья. Край облака уже навис над ним, когда он высек искру, зажег свой импровизированный факел и прыгнул вниз, на кучу мертвых цветочных созданий.

Предательская рыхлая куча мешала ему двигаться вперед. Харкер ткнул факел в мертвые тела, и сухая увядшая субстанция вспыхнула. Он погнал пламя к дальней стене и быстро обернулся. Даже когда огонь охватил их, умиравшие создания не шевельнулись. Края облака вспыхнули, начали сжиматься, и вскоре оно исчезло в клубах дыма.

— Рури! — заорал Харкер.

Долгую минуту он стоял, задыхаясь и кашляя в густом дыму, чувствуя, как подступающий жар опалает кожу. Наконец, когда Харкер почти отчаялся, над ним показалось залитое потом лицо Маклерена и вниз зазмеилась веревка. Языки пламени злобно лизали спину Харкера, пока он по-обезьяньи карабкался на стену.

Они отошли повыше и двинулись по скалистому грунту, время от времени срезая преграждающие путь кустарники и вьюнки.

Маклерен, не привыкший к виду оживших растений, вздрогнул.

— Это просто немыслимо, — сказал он. — Как они это делают?

— Насколько я понял, они кровные родственники растениям. Давай отдохнем здесь минутку.

Маклерен благодарно взглянул на приятеля и улегся на камни. Сквозь тугую повязку сочилась кровь. Харкер повернулся к долине.

Цветочный народ растянулся длинным полумесяцем. Их яркие многоцветные головы четко виднелись на фоне зеленой равнины.

Харкер догадался, что они сторожат проход, и понял: сейчас они знают все, что происходит в его мозгу, так же, как знала это Бутон. Новая форма коллективизма — один мозг для всех и все для одного. Даже если Маклерен был здоров, никаких шансов на спасение у людей не оставалось. Там не проскочит и мышь.

«Интересно, — подумал Харкер, — скоро ли придет следующее облако?»

— Что будем делать, Мэтт? Есть ли какой-нибудь способ уйти отсюда?

Маклерен думал не о себе. Он смотрел на долину, как Люцифер, жаждущий рая, и думал о Вики. Даже не о самой Вики, а о Вики как о символе тридцати восьми сотен венерианских скитальцев.

— Не знаю, — пожал плечами Харкер. — Проход недоступен, пещеры тоже. Эй! Помнишь, как мы отгоняли тех чудищ на реке и как ты чуть не упал, швыряя камни? Там был разлом,

прямо над кромкой озера, трещина от землетрясения. Если мы доберемся до нее сверху и как следует встряхнем...

Прошла минута, прежде чем до Маклерена дошло. Он широко раскрыл глаза:

— Оползень запрудит озеро...

— Вода поднимется достаточно высоко. Пловцы выскочат...

Горящими глазами Харкер смотрел на головы-цветы, пестрящие внизу.

— Но если долину затопит, Мэтт, и Пловцы вылезут наружу, что останется здесь для нашего народа?

— Думаю, оползень окажется не так уж велик. С обеих сторон разлома — крепкий камень. — Харкер внимательно осмотрел дно долины. — Видишь эти склоны? Даже если оползень и не уйдет сам собой, небольшой подкоп высушит дно ниже прохода. Нам останется только сделать новый берег.

— Может, и так. — Маклерен кивнул. — Но ведь Пловцы останутся. Я не думаю, что они намного добрее тех крошек. — По его тону можно было понять, что он более склонен сражаться с народом Бутон.

Рот Харкера медленно скривился в усмешке.

— Пловцы — водяные создания, Рури. Они амфибии, живут под землей, в полной темноте, и один Бог знает, как давно они там поселились. Ты знаешь, что случается с червями, когда их вытаскивают на свет? Ты знаешь, что бывает с грибами, растущими в темноте? — Он почти благоговейно провел пальцем по своей коже. — Ты ничего не заметил на себе, Рури? Впрочем, ты был слишком занят.

Маклерен изумился. Он потерял свою кожу, поморщился и снова потерял, ощущая белые полосы, которые тут же исчезали.

— Загар, — сказал он удивленно. — О Боже! Солнечный загар, даже ожог.

Харкер встал:

— Давай пойдем и посмотрим.

Головы-цветы внизу задвигались.

— Им не нравится эта мысль, Рури. Видимо, наша идея вполне осуществима, и они это знают.

Маклерен встал, опираясь на копье как на трость.

— Мэтт, они не дадут нам уйти.

Харкер нахмурился:

— Бутон говорила, что есть и другие способы уничтожения... Но не оставаться же нам здесь!

Они снова полезли наверх, очень медленно, щадя рану Маклерена. Харкер пытался угадать, далеко ли подземная пещера. Река была хорошим проводником, а скалы почти не имели растительности.

Харкер внимательно следил за цветочным народом, но ничего угрожающего из долины не появлялось.

Скалы резко изменились. Древние землетрясения оставили на них свои следы: извилистые трещины, огромные гранитные плиты, грозно нависшие над пропастью и готовые упасть в темноту.

Харкер остановился:

— Вот оно. Послушай, Рури. Я хочу отослать тебя отсюда: здесь слишком опасно.

— Мэтт, я...

— Заткнись. Один из нас должен остаться в живых и вернуться на корабль. Большой спешки нет, дня через три-четыре ты будешь способен путешествовать. Ты...

— А почему я? Ты лучше всех ходишь по горам...

— Ты женат, — коротко ответил Харкер. — Чтобы скинуть вниз эту пару больших плит, хватит и одного человека. Они практически уже готовы упасть под собственным весом. Может быть, я выберусь благополучно. Но ведь глупо рисковать обоим, не так ли?

— Угу. Но, Мэтт...

— Послушай, мальчик, я знаю, что делаю. — Голос Харкера стал необычно мягким. — Передашь мой привет Вики и... — Он вдруг вскрикнул от резкой боли.

Нерешительно опустив глаза, Харкер увидел, что его тело покрыто маленькими огоньками, слабыми, мерцающими, исчезающими, но оставляющими глубокие ожоги. Огоньки плясали и на Маклерене. Друзья уставились друг на друга.

Ужас беспомощности охватил Харкера.

Опять телекинез. Люди-цветы повернули против пришельцев их же собственное оружие.

Они видели огонь и его действие, воссоздали этот процесс в мозгу, сосредоточились сообща и выпустили мысленную силу всей колонии на двоих людей. Харкер давно понял, почему они ухватили мысль о солнечном ожоге и применили ее буквально.

Огонь, самовозгорание. Это очень просто, надо только знать, как... Тут было что-то от Неопалимой Купины.

Атака возобновилась с новой силой. О Боже, как больно! Маклерен закричал. Его набедренная повязка и бинты начали тлеть.

«Господи, что же делать, скажи мне скорее, что делать, — лихорадочно думал Харкер. — Цветочный народ фокусируется на нас через наш мозг, через наш сознательный разум. Возможно, до подсознания они доберутся не так легко. Значит... значит, надо, чтобы Рури лишился сознания, упал в обморок...»

Опять пламя, ожог, страшная боль.

«Сейчас они прочтут мою мысль и задержат меня...»

Без предупреждения Харкер сильно ударил Маклерена в челюсть и оттащил его к камням. Все это он сделал с поразительной силой и скоростью. Самому ему спастись некогда, да скоро и вообще не понадобится.

Не сводя с Маклерена глаз, он отошел футов на сто. Третья атака была очень болезненной, настолько болезненной, что Харкер чуть не упал. Но Рури Маклерен не был задет ею.

Харкер улыбнулся, последний раз взглянул на бесчувственное тело товарища и бросился к искореженным гранитным плитам на утесах. Движение его было рассчитано так точно, что тело неслось вперед автоматически, не останавливаясь даже тогда, когда огоньки стали разгораться, оставляя на коже огромные бурые пятна ожогов. Он столкнул вниз зазубренный гигантский камень, и удар этого валуна высвободил следующий. Харкер наткнулся на третий, лежавший на скользком глинистом ложе, и с нечеловеческой силой сбросил его в пропасть.

Харкер упал. Мир растворился в дрожащем ревом хаосе, подернулся яркой вуалью пламени и клубами удушливого дыма. Последнее, что мелькнуло перед угасающим взором Мэтта Харкера, было высокой, укутанной снегом горой, уходящей в ясное небо...

Настала ночь. Рури Маклерен лежал на выступавшем над долиной карнизе. Долина под ним терялась в индиговых тенях, но шум воды — стремительной, бурной, злой — давал представление о том, что там происходит.

В долину хлынула новая жизнь. Она поднималась на гребнях бурлившей воды, горела золотом в синеве ночи: сверкающие гиганты возвращались на родину, чтобы отомстить. Воду покрывали огромные пятна радужного сияния — цветы-собаки вышли на охоту. Между ними, крутясь и подпрыгивая в смертельной игре, неслись малыши Пловцов.

Маклерен следил за их последней охотой. Он всю ночь наблюдал, как золотые титаны требуют расплаты за века темноты. С восходом солнца цветочного народа уже не существовало. А днем Маклерен увидел, как умирали Пловцы.

Река, повернув обратно, отрезала их от пещер. На землю лился яркий солнечный свет.

Сначала Пловцы с патетической радостью приветствовали его, но вскоре они все поняли.

Маклерен отвернулся. Он отдыхал и ждал, когда исполнится предсказание Харкера, плотина размоется и вода вернется в свое прежнее русло.

Когда он нашел проход, долина уже просохла.

Он оглянулся на горы, вдохнул сладкий ветер и почувствовал великий стыд за то, что жив и может дышать.

Он оглянулся назад — на пещеры, где умер Сим, и на утесы, где он похоронил то, что осталось от Мэтта Харкера.

Ему казалось, что он должен что-то сказать, но слова не приходили, только грудь была переполнена и тяжело вздымалась.

Он молча повернулся к каменному проходу, к морю Утренних Опалов, к тридцати восьми сотням странников, которые нашли дом.

ИСЧЕЗНУВШАЯ ЛУНА

Глава 1

ПО ТЕМНЕЮЩЕМУ МОРЮ

Незнакомец говорил именно о нем: странный незнакомец, чужой в этих краях, рослый дикарь, одетый в простую кожаную одежду и не похожий на уроженцев этой деревни, приютившейся на краю болот. Он что-то выспрашивал, вступал в разговоры, подсматривал исподтишка.

Дэвид Хит видел это, но смутно, словно сквозь туман, и так же смутно отдавал себе отчет в том, что находится в грязном Дворце Всевозможных Наслаждений, принадлежащем Карлуне, что порядком напился, но все-таки не мешает выпить еще, и что вскоре, когда он потеряет сознание, его, вероятно, вышвырнут через перила в грязь, где он сможет либо тонуть, либо отсыпаться — по его собственному выбору. Но Хит плевал на то, что его ждет. Мертвому и безумному плевать на все. Словно бревно, он лежал на обтянутой шкурами раме, в кожаной маске, скрывавшей нижнюю часть лица, и вдыхал теплый золотой пар варева, булькавшего в тяжелой металлической чаше.

Он вдыхал этот пар и пытался уснуть, но сон все не шел. Он даже глаз не мог сомкнуть. Видимо, сна в эту ночь так и не будет, будет лишь тяжелое, полуобморочное забытие.

Момент, которого ему не избежать, настанет как раз перед тем, когда его одурманенное сознание скользнет в забвение, когда он, по всей вероятности, не будет видеть ничего, кроме населенной призраками темноты, и этот момент покажется вечностью. Но зато потом, через несколько часов, он обретет покой.

The Moon That Vanished
Copyright © 1948 by Leigh Brackett
Исчезнувшая луна
© Б. Александров, Г. Грей, перевод, 1993

А до тех пор он будет наблюдать из своего темного угла за жизнью во Дворце Всевозможных Наслаждений.

Хит чуть-чуть повернул голову. У его плеча, вцепившись кривыми когтями в край койки, скорчился маленький дракон, покрытый блестящей, золотистой чешуей. Крошечное чудовище заглянуло ему в лицо своими рубиновыми глазками, и в этом взгляде человек прочитал симпатию и сострадание. Хит улыбнулся и вновь уронил голову на шкуры. По телу его пробежала судорога, но наркотик настолько притупил все ощущения, что он почти не почувствовал этого.

К Хиту никто не подходил, лишь изумруднокожая девушка, обитательница Голубых болот, время от времени приближалась, чтобы наполнить его опустевшую чашу.

Она не была человеком и поэтому не обращала внимания на то, что он — Дэвид Хит.

Незримая стена окружала его, и ни один человек не решался полюбопытствовать, что же скрывается за этой стеной.

Исключением из правил был только незнакомец.

Взгляд Хита блуждал по залу: мимо длинного низкого бара, где простые матросы лежали на потертых подушках и пили огненный фол, мимо столов, за которыми сидели капитаны и помощники, игравшие в бесконечную и сложную игру в кости, мимо обнаженной девушки из Нехали, которая танцевала при свете факелов. Тело девушки блестело от крошечных чешуек и было гибко и бесшумно в движении, как тело змеи.

Единственная громадная комната с трех сторон была открыта в насыщенную испарениями ночь. Это было последнее, на чем остановился взгляд Хита: тьма и море. Они были его жизнью, он любил их.

Тьма на Венере совсем не та, что на Земле или на Марсе. Планета жадна на свет и не хочет расставаться с ним. Лицо Венеры никогда не видит солнца, но даже ночью здесь сохраняется память о нем, скрытом вечными облаками.

Воздух цвета индиго светится сам по себе — тускло и немошно. Хит лежал и наблюдал, как горячий ветер медленно наносит свет вокруг деревьев лайя, жарким сиянием касается грязной гавани и постепенно рассыпается бесконечными огоньками моря Утренних Опалов. В полумиле к югу река Омаз неторопливо стекает в низину, вся пропитанная вонью Голубых болот.

Море и небо — страсть и погибель Дэвида Хита.

Тяжелый пар клубился в его мозгу.

Дыхание стало медленнее и глубже, веки начали тяжелеть. Хит закрыл глаза.

Но в этот миг сердце его кольнула игла острой тоски, и смутная печаль овладела им. Судорожно скорчившись, он тихонько захныкал. Кожаная маска приглушала звук.

Маленький дракон поднял голову и застыл подобно деревянной фигурке.

Полуголое тело Хита, прикрытое лишь короткой туземной юбочкой, начали сотрясать конвульсии. Печаль в душе его росла, превратилась в безысходное горе и наконец обернулась смертным ужасом.

Жилы на шее вздулись и натянулись, как проволока. Он попытался крикнуть, но не смог. Пот крупными каплями стекал по его коже.

Маленький дракон вдруг поднял крылья и издал долгий шипящий звук, постепенно перешедший в визг.

Хита обступили неясные призраки, в ушах стоял скрежет, гул и грохот. Хит обезумел от страха, он умирал. Широко шагающие монстры толпой выходили к нему из сияющего тумана. Его тело тряслось, трещало, хрупкие кости разлетались пылью, сердце выскакивало из груди, мозг стал частью залившего всю планету тусклого марева.

Он сорвал с лица маску и крикнул:

— Этна! — Потом сел, широко раскрыв невидящие глаза.

Откуда-то издали послышался гром. Постепенно этот гром превратился в человеческую речь. Летящие из-под самых небес раскаты повторяли его имя.

Сквозь фантомы пьяного бреда проступило живое человеческое лицо и на миг заслонило ужасные видения.

Лицо незнакомца с Высокого плато. Хит видел каждую черточку этого лица, огнем нарисованную в воспаленном мозгу.

Квадратная челюсть, твердый изгиб рта, нос с горбинкой, точно ястребиный клюв; белый шрам на белой коже; глаза как лунные камни, только жгучие, блестящие; длинные серебряные волосы, связанные узлом и скрепленные золотыми цепочками воина.

Руки трясли Хита, ладони били по щекам.

Дракон вопил и хлопал крыльями, но не мог вырвать глаз у незнакомца, поскольку был накрепко привязан к изголовью кровати.

Хит отдышался, содрогнулся в последний раз, вскрипнул и пришел в себя.

Он готов был убить этого человека, укравшего у него драгоценные минуты покоя. Он уже изготовился для удара, ибо все посетители Дворца делали вид, что их это не касается, и лишь искоса, со страхом и ненавистью, поглядывали в его сторону. Но заводить драку не стоило: горец был крупным, сильным

мужчиной, куда более сильным, чем Хит в свои лучшие дни. Следовательно, оставалось только упасть на койку и покорно наблюдать, как уходят последние силы.

— Говорят, ты нашел Лунный Огонь, — сказал незнакомец.

Хит удивленно смотрел на него одурманенными глазами и молчал.

— Говорят, что ты — Дэвид Хит, землянин, капитан «Этны».

Хит опять не ответил, внимательно рассматривая причудливую игру света и тени на стене возле горящего факела.

Хит всегда был тощим и жилистым, но теперь и вовсе исхудал. Кости его лица страшно выдавались под натянувшейся кожей. В черных волосах и неухоженной бороде пробивалась седина.

Горец внимательно и задумчиво посмотрел на Хита и наконец произнес:

— Я думаю, врут. Никакой ты не Хит.

Хит невесело улыбнулся.

— Очень немногие добрались до Лунного Огня, — продолжал венерианин. — То были люди сильные, бесстрашные.

После долгого молчания Хит прошептал:

— Они были глупцами.

Он обращался не к горцу. Он забыл о нем.

Его темный безумный взгляд был устремлен на что-то, видимое ему одному.

— Их корабли гниют в зарослях плавучей травы Верхних морей. Маленькие драконы склевали их тела. — Хит говорил хрипло, монотонно, рассеянно. — За морем Утренних Опалов, за травами и Стражами, за Драконьим Горлом и еще дальше — я видел ЭТО, поднимавшееся из Океана-из-не-воды.

По его телу прошла судорога, исказила изможденное лицо. Он поднял голову, как человек, силящийся вздохнуть; свет факелов заплесал на его лице. Во всей громадной комнате не было слышно ни звука, ни шороха, только тяжелое сопение притихших людей раздавалось тут.

— Одни боги знают, где они теперь, эти сильные, храбрые люди, прошедшие через Лунный Огонь. Только боги знают, кто они теперь. Они теперь не люди, если вообще живы. — Хит замолчал. Глубокая дрожь пробежала по его телу. Он опустил голову. — Я смог дойти только до окраины.

В полной тишине горец засмеялся:

— Я думаю, ты врешь.

Хит не шевельнулся и не поднял головы.

Венерианин наклонился над ним и сказал громко, чтобы землянин услышал его через расстояние, созданное наркотиками и безумием:

— Ты похож на других, на тех немногих, которые вернулись. Только они не прожили и месяца: они умерли или покончили с собой. А ты, я вижу, зажился!.. — Он схватил землянина за плечи и, резко встряхнув, закричал: — Сколько времени ты живешь?

Маленький дракон завизжал, дергаясь на привязи.

Хит застонал.

— В аду, — прошептал он, — вечно.

— Три сезона, — сказал венерианин, — и часть четвертого. — Он выпустил Хита и отступил назад. — Ты никогда не видел Лунного Огня. Ты просто знал, что нарушившие табу живут на всем готовом до тех пор, пока их не настигнет кара богов!

Он бросил чашу. Та разбилась, и по полу разлилась лужа пузырящейся золотистой жидкости с тяжелым запахом.

— Ты этого хотел! Ты знал, как скрасить остаток своей тупой жизни!

Во Дворце Всевозможных Наслаждений послышалось тихое злобное ворчание.

Затуманенные глаза Хита различили квадратную жирную тушу приближавшегося Карлуны. Больше трех сезонов Карлуна повиновался традиционному закону — кормил и поил парию, который был посвящен гневу богов, ревностно хранящих тайну Лунного Огня. Теперь Карлуна был полон сомнений и очень зол.

Хит громко захохотал. Он слишком мало выпил сегодня, и это сделало его безрассудным и истеричным. Сидя на койке, он смеялся всем в лицо.

— Я был только на краю, — сказал он. — Я еще не бог. Но уже и не человек. А если вам угодно получить доказательства — пожалуйста!

Он встал, привычным, как дыхание, движением отвязал маленького дракона и посадил к себе на голое плечо.

Минуту он стоял покачиваясь, а затем двинулся через комнату — медленно, неуверенно, но с упрямо поднятой головой. Толпа расступилась, освобождая ему дорогу, и он шел в полной тишине, кутаясь в те немногие обрывки достоинства, что еще имел, пока не приблизился к перилам, где и остановился.

— Погасите факелы, — приказал он. — Все, кроме одного.

— Не надо, — нерешительно возразил Карлуна. — Я верю тебе.

Теперь всех присутствующих охватил страх и невесть откуда взявшееся, почти болезненное любопытство. Люди поглядывали по сторонам, размышляя, куда бы убежать, но никто не покинул зал.

— Погасите факелы, — повторил Хит.

Незнакомец протянул руку к ближайшему факелу и окунул его в ведро. Вскоре все огромное помещение погрузилось в темноту, лишь в дальнем углу чадил один-единственный факел.

Хит облокотился на перила и уставился в жаркую индиговую ночь.

Из моря Утренних Опалов поднимался густой туман. Он полз над грязью и перемешивался с болотными испарениями. Хит жадно всматривался в туман. Голова его запрокинулась вверх, тело напряглось. В страстном порыве к чему-то невидимому он воздел руки.

— Этна, — прошептал он. — Этна!

С ним произошла почти неуловимая перемена. Куда девалась эта пьяная, изможденная развалина? Он стоял прямо и твердо, мускулы на тощем костяке красиво напряглись.

Лицо его тоже изменилось. Теперь оно дышало мощью. Темные глаза горели таким глубоким огнем, пылали таким нечеловеческим светом, что присутствующие могли поклясться, будто видят нимб над его головой.

На один миг лицо Дэвида Хита стало лицом бога.

— Этна, — сказал он.

И она пришла.

Из синей тьмы, из тумана она, изгибаясь, плыла к землянину. Тело ее состояло из сверкающего воздуха, нежных капель росы, созданное и переполненное той же силой, которая была и в Хите. Она казалась совсем юной, лет девятнадцати, не больше, с розовым румянцем земного солнца на щеках; глаза ее были большими и блестящими, как у ребенка, тело гладкое, с нежной девичьей угловатостью.

«Я познакомился с ней, когда она спускалась по трапу, чтобы в первый раз увидеть Венеру, и ветер трепетал в ее волосах и играл с ними, и шла она легко и весело, как жеребенок весенним утром. Всегда легко, всегда весело, даже в тот миг, когда впереди ее ждала смерть».

Туманная фигура улыбалась и протягивала к нему руки. Лицо ее было лицом женщины, нашедшей любовь, а с ней и весь мир.

Все ближе подплывала она к Хиту, и землянин протянул руки, чтобы коснуться ее.

Мгновение — и девушка исчезла.

Хит упал на перила, и тело его обмякло. Теперь в нем не было ни бога, ни силы. Точно пламя, которое внезапно вспыхнуло и тут же погасло, оставив после себя лишь горку пепла.

Веки его устало сомкнулись, по щекам бежали слезы.

В сырой темноте комнаты никто не шевелился.

— Я не мог идти дальше, в Лунный Огонь, — сказал Хит.

Через некоторое время он заставил себя выпрямиться и пошел к крыльцу, опираясь о перила и ощупывая путь, как слепой. Его непослушные ноги с трудом одолели четыре ступеньки и по самые лодыжки погрузились в теплую, жидкую грязь. Он прошел между рядами плетеных, обмазанных грязью хижин — сломанное чучело человека, бредущее в ночи чуждого мира.

Хит свернул на тропу, ведущую в гавань.

Его ноги разъехались в глубокой жиже, он упал лицом вниз, безуспешно попытался встать и замер, с каждой секундой все глубже погружаясь в черную липкую грязь. Маленький дракон впился когтями в плечо своего хозяина, клевал его, пронзительно вопил, однако Хит уже ничего не слышал.

Он не почувствовал, как через несколько секунд чужак с Высокого плато вытащил из грязи его и дракона и понес вниз, к темневшему в ночи морю.

Глава 2

ИЗУМРУДНЫЙ АДРЕС

— Дай мне чашку, — произнес женский голос.

Хит почувствовал, что его голову подняли, а затем в глотку ему полилась огненная жидкость с резким привкусом венерианского кофе. Как всегда борясь со страхом и реальностью, он проснулся, судорожно вздохнул и открыл глаза.

Он лежал на собственной койке в своей каюте на борту «Этны». Напротив на резном сундучке сидел высокий венерианин, упираясь затылком в тяжелую палубную балку. Рядом с Хитом стояла женщина и внимательно разглядывала его.

Ночь еще не кончилась. Грязь, облепившая тело Хита, не успела высохнуть. «Как видно, они работали быстро, — подумал он. — В один миг дотащили до корабля».

Маленький дракон улегся на своем насесте — на плече Хита — и, вытянув чешуйчатую шею, следил за посетителями.

— Теперь ты можешь разговаривать? — спросил незнакомец.

Хит пожал плечами. Он внимательно рассматривал женщину. Она была высока, но не слишком, молода, но не очень. Фигура ее мало отличалась от фигур уроженок Венеры: широкие плечи, длинные ноги, естественная грация. Одета она была в короткую тунiku из шелка бессмертного паука, очень шедшую к ее мягким кудрявым волосам, ниспадавшим на спину, — блестящее чистое серебро с неким трудноуловимым оттенком.

Что же касается ее лица... Такое лицо мужчина забудет не скоро. Его лепили из теплого податливого материала — таинственной смеси страха, веселья и нежности. Но сейчас в этот раствор, как капля дегтя, попало немного горечи и уныния, а

может быть — затаенной обиды и непреклонной решимости. Ко всему прочему, лицо это украшали сжатые в патетическом нетерпении губы и огромные перепуганные глаза.

Хит был бы не прочь поломать голову над загадкой этого противоречивого лица, но не сейчас, а прежде, в тот далекий день, когда он еще не знал, кто такая Этна.

— Кто вы и что вам от меня нужно? — спросил он, обращаясь к обоим. Взгляд его, обращенный на мужчину, исполнился черной ненависти. — Мало ты издевался надо мной у Карлуны?

— Я хотел проверить тебя, — ответил незнакомец. — Убедиться, что ты не солгал, говоря о Лунном Огне.

Он наклонился, прищурился и еще раз с ног до головы осмотрел Хита. Его напряженное тело изогнулось, как лук, а на красивом, покрытом шрамами лице заплясали тени от фонаря.

«Ужик спешит, — подумал Хит. — Что-то покалывает ему бока».

— А что тебе до этого? — спросил он.

Это был глупый вопрос. Хит давно понял, чего от него хотят. Все его существо звало к отступлению.

Незнакомец не ответил прямо.

— Ты слышал о культе, который называется Стражей лунных тайн? — спросил он.

— Это древнейший культ Венеры и один из самых влиятельных и, несомненно, самый удивительный на этой безлунной планете, — произнес Хит, ни к кому не обращаясь. — Лунный Огонь — символ их божества.

Женщина невесело засмеялась:

— Хотя они никогда не видели его!

— Вся Венера знает о тебе, Дэвид Хит, — продолжал незнакомец. — Слово бежит далеко. Жрецы тоже знают. Дети Луны. У них особый интерес к тебе.

Хит молча ждал.

— Ты подлежишь мести богов. Но месть не настигла тебя до сих пор. Возможно, потому, что ты землянин и боги Венеры — не твои боги. Как бы то ни было, Дети Луны устали ждать. Чем дольше ты живешь, тем больше у людей искушения совершить святотатство, тем меньше веры в неотвратимость божьей кары. — Тон его граничил с сарказмом. — Итак, — закончил он, — Дети Луны проследят, чтобы ты умер.

Хит улыбнулся:

— Я вижу, жрецы делятся с тобой своими секретами?

Человек повернул голову и коротко бросил:

— Алор!

Женщина встала перед Хитом и спустила с плеч тунику.

— Вот, — сказала она с яростью, — смотри!

Злилась она не на Хита, а на то, что скрывалось между ее белыми грудями: клеймо-татуировку — перечеркнутый круг, символ Луны.

Хит глубоко вздохнул.

— Храмовая прислужница, — усмехнулся он и снова взглянул ей в лицо.

Женские глаза смотрели на него, серебряно-холодные, спокойные.

— Мы проданы с колыбели, — сказала она. — У нас нет выбора. А наши родители страшно гордятся тем, что их дочери выбраны для храма. — Горечь, и гордость, и тлеющая ярость рабыни звучали в ее словах. — Брока сказал правду.

Хит насторожился. Он оглядел их поочередно, ничего не говоря, и сердце его забилося, гулко и быстро ударяясь о ребра.

— Они убьют тебя, — продолжала Алор. — И смерть твоя будет нелегкой. Я знаю. Я слышала, как люди кричали по многу ночей, а их грех был меньше твоего.

С трудом шевеля непослушными губами, Хит произнес:

— Беглянка из храмовых садов и метатель копий. Их грех тоже велик. Вряд ли они прошли половину Венеры только для того, чтобы предупредить меня об опасности. Я думаю, они лгут. Я думаю, жрецы идут и за ними.

— Мы все трое вне закона, — подтвердил Брока. — Но Алор и я можем удрать. А вот тебя они выследят, где бы ты ни был. Есть, правда, одно надежное укромное местечко.

— Где же оно? — спросил Хит.

— В Лунном Огне.

После долгого молчания Хит издал хриплый, скрежещущий звук, который должен был изображать смех.

— Уходите, — велел он. — Убирайтесь. — Он поднялся, дрожа от слабости и злости. — Оба вы врете. Я единственный оставшийся в живых из тех, кто видел Лунный Огонь, и вы хотите заставить меня отвести вас туда. Вы верите в легенды. Вы думаете, что Лунный Огонь превратит вас в богов. Все вы, как последние идиоты, сходите с ума по власти и славе. Все вы воображаете, будто Лунный Огонь осуществит ваши мечты. Ну так послушайте меня: не даст он вам ничего, кроме страданий и смерти. — Он заговорил громче: — Уходите, лгите кому-нибудь другому. Напугайте Стражей Верхних морей. Подкупите самих богов, чтобы они доставили вас туда. Но убирайтесь отсюда!

Венерианин медленно встал. Каюта была мала для него, балки палубы уперлись ему в плечи. Он отшвырнул в сторону маленького дракона, схватил Хита обеими руками и сказал:

— Я доберусь до Лунного Огня, и ты отведешь меня туда.

Хит ударил его в лицо. Брока на мгновение опешил, а Хит прошипел:

— Ты пока еще не бог.

Венерианин оскалился. Кулаки его крепко сжались.

— Брока! — крикнула женщина и, шагнув ближе, вцепилась ему в запястье. — Не убивай его, дурак!

Брока тяжело выдохнул сквозь сжатые зубы. Пальцы его медленно разжались.

Лицо Хита налилось темной кровью. Он упал бы, если бы женщина не подхватила его. Она снова обернулась к Броке:

— Ударь его, но не сильно.

Брока замахнулся и осторожно стукнул Хита в определенную точку на челюсти.

Прошло не менее двух долгих венерианских часов, прежде чем Хит пришел в себя. Процесс этот, как всегда, происходил медленно — постепенный переход от неопределенного существования к резкому осознанию всего, что случилось. Ему показалось, что голову его надвое разрубили топором.

С какой стати он вообще проснулся? Наркотика хватило бы для нескольких часов тяжелого сна. Небо за дверью каюты посерело: ночь кончалась. Хит полежал, размышляя, не болен ли он, и вдруг понял, что именно разбудило его.

«Этна» была на ходу.

Злость нахлынула на него с такой силой, что он даже не смог выругаться. Кое-как Хит поднялся на ноги и пересек каюту. Он сразу почувствовал, что «Этна» идет не так, как надо, что утренний ветер силен, а судно рыскает по сторонам. Он пинком распахнул дверь и вышел на палубу.

Большой треугольный парус из шелка золотого паука, чуть видимый в синем воздухе, бился о реи, сброшенный ветром.

Хит бросился к нему, обретая силу в страхе за судно.

Брока пытался удержать равновесие на пляшущей палубе.

Пенная борозда в кильватере, белая на черной воде, извивалась, как змея.

Женщина Алор стояла у поручней, глядя на низкий берег, оставшийся далеко позади.

Брока не протестовал, когда Хит отшвырнул его и взял кормовое весло. Алор внимательно следила за ними, но ничего не говорила.

«Этна» была маленьким, с простой оснасткой судном, им легко мог управлять один человек. Хит установил парус, и через

несколько минут судно пошло легко и изящно, как его крестная мать, а кильватерная линия вытянулась словно по струнке.

Сделав это, Хит повернулся к Брока и Алор и набросился на них с такой яростью, что тигрица, защищающая детеныша, показалась бы в сравнении с ним домашней кошкой.

Брока даже бровью не повел, а стоял и смотрел на берег и светлеющее небо.

Когда Хит выдохся, женщина сказала:

— Мы должны были отплыть. Может быть, мы уже опоздали. А ты не хотел нам помочь.

Хит махнул рукой и замолчал. Запас его ругательств кончился. Он повернул штурвал.

Брока одним прыжком оказался возле и поднял руку. Внезапно Алор закричала:

— Погоди!

Что-то в ее голосе заставило мужчин оглянуться. Она стояла у поручней лицом к ветру, трепавшему ее волосы; короткая туника облепила бедра. Рука ее была вытянута в указующем жесте.

Наступал рассвет. На секунду Хит потерял всякое чувство времени. Палуба, чуть покачивавшаяся под его ногами, низкий туман, заря над морем Утренних Опалов, заря, давшая морю это название. Казалось, никогда не было Лунного Огня, не было ни прошлого, ни будущего, только Дэвид Хит и его корабль, и свет над поверхностью воды.

Свет струился медленно, просеиваясь, как дождь драгоценных камней, сквозь многомильное жемчужно-серое облако. Холодный и медлительный поначалу, он становился теплее, набирал силу, превращая туманный воздух в капли розового огня, сиявшего так низко над водой, что казалось, будто маленькое суденышко плывет через опаловое пламя, обширное, как Вселенная.

Море меняло оттенки от черного до синего, перечерченного молочно-белыми полосами. Маленькие драконы взлетали со своих грязных постелей, разбросанных на поверхности воды, сверкали пурпуром, охрой и киноварью, и водоросли шевелились в смутной радости бытия, протягивая к свету свои усики.

В это короткое мгновение Дэвид Хит был совершенно счастлив.

Затем он увидел, как Брока выхватил из-под гакаборта лук, и понял, что незваные гости перенесли все свои пожитки на борт еще тогда, когда он сидел у Карлуны.

Это был большой лук горных варваров. Брока согнул его массивную дугу так, словно это был тонкий прут, и наложил на тетиву стрелу с костяным наконечником.

Между тем к «Этне» приближалось изящное, как жемчужина, плывущая сквозь мягко горящую завесу тумана, легкое судно. Оно было еще довольно далеко, но ветер подгонял его весьма быстро, и оно несло, словно пикирующий дракон.

— Это «Лахаль», — сказал Хит. — Зачем это Джахор забрался в наши воды?

И тут он с ужасом, не веря своим глазам, увидел, что на носу приближавшегося корабля торчит громадный таран с шипами.

Пока мозг Хита силился понять, почему Джахор, обычный шкипер обычного торгового корабля, хочет потопить его, Алор произнесла только два слова:

— Дети Луны.

Теперь Хит различил на палубе четыре фигуры в черном.

Длинный блестящий таран склонился и засиял в свете зари.

Хит бросился к кормовому веслу. Золотой парус «Этны» трещал от напряжения.

Хит угрюмо оценил расстояние и сбавил ход. Брока яростно обернулся к нему:

— Ты спятил? Они налетят на нас! Отверни в сторону!

— Здесь нет другой стороны. Меня прижмет к подветренному берегу.

Хита внезапно наполнила слепая злоба к Джахору и к четырем одетым в черное жрецам.

Теперь оставалось только ждать и надеяться. Дэвид Хит еще жив и пока не собирается умирать.

«А если не повезет, — подумал он, — я утащу “Лахаль” с собой на дно».

Брока и Алор стояли рядом у поручней, следя за быстро приближавшимся зеленым парусом, и молчали. О чем сейчас говорить? Хит видел, что женщина время от времени оглядывается на него.

Теперь Хит ясно различал Джахора, капитана судна. Он видел команду, скучившуюся на шкафуте, — испуганных матросов, согнанных туда по приказу жрецов. Они были вооружены и держали в руках крюки.

На передней палубе стояли Дети Луны.

Это были высокие мужчины. На их черных одеяниях сверкал выложенный драгоценными камнями символ Луны. Они ходили по качающейся палубе, их серебряные волосы раздувал ветер, и тела их были похожи на тела волков, догоняющих жертву и пожирающих ее.

Хит боролся с кормовым веслом, стараясь выровнять курс, боролся с ветром и морем. Женщина Алор не сводила с него ожесточенных, дерзких глаз, и Хит ненавидел ее не меньше,

чем жрецов, ненавидел остро и мучительно, поскольку понимал, как он выглядит со стороны: тощий, изможденный, дрожащий, из последних сил воюющий с непослушным веслом.

Изумрудный парус подходил все ближе, округлившийся и блестящий, как грудь павлина. Жемчуг и изумруд, пурпур и золото на темно-синем фоне моря, украшенный драгоценностями таран — два пестрых дракона мчались навстречу друг другу, навстречу смерти.

Ближе, еще ближе. Священные символы горели огнем на груди Детей Луны. Женщина Алор высоко подняла голову и издала долгий, звенящий крик. Хит разобрал только последнее слово, которое она произнесла как ругательство:

— Вакор!

На голове одного из жрецов красовалась украшенная камнями повязка — знак власти. Он поднял руки, и слова его проклятия, горячие и едкие, понеслись по ветру.

Тетива лука Броки зазвенела как гигантская арфа. Но стрела не долетела, и Вакор засмеялся.

Жрецы перешли на корму, чтобы уберечься от сгивавшегося шпангоута и не видеть полные страха матросов.

Хит предостерегающе крикнул, и Брока с Алор распластались на палубе. Он видел их лица — лица мужчины и женщины, встречающих смерть без радости, но и без страха.

Брока прикрыл женщину собой.

Хит развернул «Этну» против ветра и остановил ее.

«Лахаль» проскочила мимо не более чем в трех ярдах, бесильная что-либо сделать.

Дернувшееся весло сбило Хита в шпигаты и чуть не ослепило его. Он услышал громоподобное хлопанье паруса, почувствовал дрожь, сотрясавшую «Этну», и молился, чтобы уцелела мачта. Поднявшись, он увидел, как жрец Вакор прыгает на высокой корме «Лахали». На таком расстоянии Хит отчетливо различал его лицо.

Глаза Вакора были блестящими дикими глазами фанатика. Жрец не был стар. Тело его еще не потеряло величавой осанки, а полные чувственные губы придавали лицу горделивое выражение.

Жрец дрожал от ярости, и крик его летел против ветра, как звериный рык:

— Мы последуем за тобой! И боги убьют тебя!

«Лахаль» летела как птица, и вскоре Хит не смог разобрать ничего, кроме последнего, слабого отголоска его проклятий:

— Алор!

Собрав последние силы, Хит успокоил свой поруганный корабль и дал полный назад с правого борта. Брока и Алор медленно поднялись на ноги.

— Я думал, ты погубишь судно, — сказал воин.

Алор прошла на корму и стала наблюдать, как «Лахаль» судорожно борется с волнами, пытаясь остановить свой смертельный бег.

— Вакор! — прошептала она и плюнула в море.

— Они пойдут за нами, — произнес Брок. — Алор мне сказала, что у них есть карта, единственная, которая показывает путь к Лунному Огню.

Хит, слишком усталый, чтобы бояться, пожал плечами и указал вправо:

— Там сильное морское течение — настоящая река в море. Большая часть шкиперов боится его, но их корабли не чета «Этне». Мы пойдем там. А потом нам останется только верить в удачу.

Алор резко обернулась:

— Значит, ты пойдешь к Лунному Огню?

— Я не сказал этого. Брок, принеси мне бутылку из шкафчика в каюте.

Но пошел не Брок, а женщина. Она принесла Хиту бутылку и, пока он пил, внимательно разглядывала его, а потом спросила:

— С тобой все в порядке?

— Я умираю, а она спрашивает, — усмехнулся Хит.

Она посмотрела ему в глаза и произнесла — без насмешки, а напротив, с уважением:

— Ты не умрешь. — И отошла в сторону.

Через несколько минут течение подхватило «Этну» и понесло ее назад, на север.

«Лахаль» исчезла в тумане. Она была капризна, не любила придерживаться точного курса, но Хит знал, что Джахор не рискнет кружиться в течении.

Почти три часа Хит стоял на вахте и вел корабль. Когда течение свернуло на восток, он вышел из него в спокойную воду. Затем упал на палубу и уснул.

Высокий варвар поднял его и отнес на койку.

Весь остаток дня и всю долгую венерианскую ночь Брок вел судно, а Хит спал тяжелым сном. Алор сидела возле него, следила за тенями кошмаров, пробегавшими по его лицу, слушала, как он стонет и бормочет, и умирала дрожь, пробегающую по его телу.

Он все время повторял имя Этны, и странное тоскливое недоумение появилось в глазах Алор.

Когда на заре Хит проснулся и вышел на палубу, Брока с варварской грубостью спросил:

— Ты решился?

Хит не ответил, и Алор сказала:

— Вакор будет охотиться за тобой. Слух о тебе прошел по всей Венере, ты не спрячешься нигде, кроме...

Хит невесело улыбнулся, вернее, оскалился:

— Кроме Лунного Огня. По-твоему, это так просто?

Однако он понимал, что женщина права. Дети Луны никогда не бросят его след. Хит был крысой в ловушке, и все выходы из нее вели к смерти.

Но смерть бывает разная. Если он умрет, то не так, как хотелось бы Вакору, а с Этной. Этна, реальная, а не призрак, снова окажется в его объятиях.

Сейчас он понял то, что всегда знал в глубине души: он нисколько не дорожил своей жизнью, а все три сезона лихорадочно цеплялся за нее лишь потому, что был уверен — когда-нибудь он вернется сюда.

— Мы пойдем к Лунному Огню, — заявил Хит. — И, может быть, станем богами.

— Ты слаб, землянин, у тебя нет мужества, — пожал плечами Брока.

Хит же произнес только одно слово:

— Посмотрим.

Глава 3

ЧЕРЕЗ БАРЬЕР

Шли дни и ночи. По морю Утренних Опалов «Этна» шла на север к экватору. Курс ее лежал далеко от торговых путей.

Все виденные путешественниками берега были дикими и необитаемыми, даже рыбацьи хижины не ютились на них.

Большие крутые утесы вздымались из воды, и на них нельзя было найти опору для ноги. По другую сторону Драконьего Горла притаились только смертельные ловушки Верхних морей.

«Этна» бежала легко, словно спешила как можно дальше уйти от грязной гавани и цепей. Перемена коснулась и Хита. Он снова стал человеком. Он стоял на своей палубе прямо, чисто выбритый, довольный тем, что не надо больше принимать решений, мучиться сомнениями. Дни страха, дни беспмятства миновали, и теперь он был счастлив на своем горьком пути.

«Лахали» они больше не видели, но Хит отлично знал, что она продолжает следовать за ними. Она не так легка и быстро-

ходна, как «Этна», но зато крепка, а Джахор хороший моряк. Кроме того, там был жрец Вакор, а он потащит «Лахаль» и по горам Белого Облака, лишь бы поймать беглецов.

Однажды Хит сказал Алор:

— Похоже, Вакор ненавидит тебя не только за побег.

Лицо женщины скривилось от отвращения и стыда.

— Он зверь, — прошипела она. — Змея, ящерица, возомнившая себя королем. — И добавила: — Он очень рад, что мы все трое здесь.

Управляя рулем, Хит смотрел на Алор с некоторым любопытством. Длинноногая, с детским ртом, она стояла и рассматривала белую пену, крутившуюся за кормой.

— Ты, видно, очень любила Броку, — сказал он, — если нарушила обет ради него. Это примут во внимание, если поймают тебя.

Алор взглянула на него и невесело усмехнулась:

— Я ушла бы с любым мужчиной, достаточно сильным, чтобы вытащить меня из храма. А Брока силен и преклоняется предо мной.

Хит был искренне поражен.

— Ты не любила его?

Она пожала плечами:

— Он приятен на вид. Он вождь воинов, он мужчина, а не жрец. Но любовь... — И вдруг Алор спросила: — Какая она, эта любовь? Как ты любил свою Этну?

Хит вздрогнул:

— Что ты знаешь об Этне?

— Ты говорил о ней во сне. И Брока рассказывал, как ты вызывал ее тень у Карлуны. Ты рискнул пойти к Лунному Огню, чтобы вернуть ее назад.

Она бросила взгляд на костяную фигуру на костяном носу корабля — изображение молодой, стройной, улыбающейся женщины.

— Я думаю, ты дурак, — неожиданно закончила она. — Только дурак может любить призрака.

Она ушла в каюту раньше, чем Хит успел подобрать нужные слова, раньше, чем он собрался схватить ее за белую шею и сломать...

Этна!

Он проклял женщину из храмовых садов.

Он все еще злился, когда Брока вышел из каюты, чтобы сменить его.

— Я останусь тут на некоторое время, — коротко сказал Хит. — Думаю, погода переменится.

На юге кипели облака, наступала ночь. По морю, как всегда, бежала легкая зыбь, но что-то изменилось: странная дрожь сотрясала киль корабля, и доски палубы жалобно скрипели.

Распрямив широченные плечи, Брока посмотрел на юг, а затем перевел взгляд на Хита.

— Я думаю, ты слишком много болтаешь с моей женщиной, — сказал он.

И, не дождавшись ответа, положил руку на плечо Хита и слегка сжал его. В этой руке хватило бы силы, чтобы переломать все кости взрослому мужчине.

— Не разговаривай так много с Алор.

— Я не ищу с ней встреч! — разъяренно рявкнул Хит. — Она твоя женщина, ты и заботься о ней.

— Я забочусь не о ней, — спокойно возразил Брока, — а о вас обоих.

Он смотрел на Хита сверху вниз, и тот знал, какой контраст они представляли: его тощее тело против великолепной мощи крупного варвара.

— Однако она вечно торчит с тобой на палубе и слушает твои рассказы о море, — продолжал Брока. — Не разговаривай с ней так много. — На сей раз он повторил это резким тоном.

— О Господи! — насмешливо сказал Хит. — Неужели я такой придурок, как ты? Тот, кто ищет Лунный Огонь и верит храмовой девке, — безнадежный тупица. А ты еще ревнуешь! — В этот момент он яростно ненавидел обоих, и ненависть заставила его продолжить: — Подожди, пока тебя коснется Лунный Огонь. Он сломает всю твою силу и гордость. После этого тебя не будет тревожить, кто и где болтает с твоей женщиной.

Брока бросил на него холодный, задумчивый взгляд и отвернулся, разглядывая темневшее море.

Через некоторое время до Хита дошла смешная сторона происшедшего, и он захохотал.

Они шли к смерти втроем. Откуда-то с юга, как черный пастух, надвигался Вакор и подгонял их к смерти. Мечты о власти, славе, путешествии, влекущее за собой мечь богов, — и в такое время варварский вождь вздумал ревновать!

Неожиданно Хит с удивлением осознал, как много времени проводила с ним Алор. По привычке и по старому, как море, обычаю он помогал ей коротать долгие тревожные часы ожидания, рассказывая матросские байки. Оглядываясь назад, он видел лицо Алор, внимающей ему, удивительно молодое и радостное, вспоминал, как она задавала вопросы, желая научиться управлять судном.

Хит вспомнил теперь, как красива она была, когда ветер путался в ее волосах, вспоминал ее крепкое, сильное тело, когда она удерживала «Этну» в равновесии при повороте.

Гроза собиралась давно и наконец разразилась.

Хит знал, что море Утренних Опалов не пропустит их без борьбы и будет донимать суденышко мелями, острыми рифами, мертвым штилем, грохочущими приливами, всеми хитростями течения, туманом и дрейфующей травой. Он должен со всем этим бороться. Теперь они подошли совсем близко к Драконьему Горлу, воротам Верхних морей, и если сейчас налетит южный ветер, он принесет с собой смерть.

Ночь стала черной. В море переливались белые сполохи — кипящий котел ведьмина огня. Устрашающе заревел ветер. «Этна» со спущенными парусами ныряла в высокие волны, тряслась, и Хит еще раз порадовался силе Броки, когда они вместе боролись с непослушным кормовым веслом.

Он почувствовал, что рядом с ним кто-то есть, и понял, что это Алор.

— Иди вниз! — крикнул он.

И услышал только эхо ее ответа. Она не ушла, а всем телом навалилась на весло.

Стрелы молний, широкие, как хвост кометы, проносились так стремительно и яростно, словно стартовали с другой звезды и набирали скорость, проходя через половину Галактики. Они покрывали море Утренних Опалов пурпурным огнем, пока ветер не нагнал мрак и не смел их.

Затем хлынули потоки дождя.

Сердце Хита обливалось кровью. Ветер и бурное море зажали маленький корабль в клещи и насильно тащили его вперед. С такой скоростью «Этна» должна подойти к Драконьему Горлу на заре и на полном ходу влететь в него, беспомощная, как дрейфующая щепка.

Вспышка молнии высветила громадное напряженное тело варвара, мокрое и блестящее, разметавшиеся длинные волосы, освободившиеся от узлов и цепочек, растрепанные водой и ветром. Их руки и плечи соприкасались в совместном усилии.

Казалось, борьба эта продолжалась целые столетия, но вдруг дождь прекратился, ветер стих, и над морем повисла глубокая тишина. В этой тишине в уши Хита ударил громкий голос Алор:

— Кончилось?

— Нет, — так же громко отозвался он. — Слушай!

Они слышали доносящийся с севера ровный гул — шторм начинался снова.

Пришла заря — немногим светлее ночи.

Сквозь несущиеся по воздуху водоросли Хит увидел две горные гряды, которые почти вплотную соприкасались друг с

другом, втягивая море Утренних Опалов в пролив под названием «Драконье Горло».

Вода высоко вздымалась между маячившими впереди утесами, осыпая черные камни белым жемчугом пены.

«Этна» несло туда, как листок к мельничной запруде.

Утесы сходились все теснее, и наконец пространство между ними стало не шире мили.

Черные каменные титаны, а между ними — узкая полоса яростно бурлящей белой воды, изорванной и раздробленной похожими на клыки скалами.

Это и называлось Драконьим Горлом.

Когда Хит проплывал здесь раньше, стояла хорошая погода, а корабль шел не под парусом, а на веслах. Но и тогда это было нелегко. Сейчас Хит пытался вспомнить фарватер, старался повернуть судно к тому месту, которое служило водной тропой между камнями.

«Этна» набрала скорость и ринулась в Драконье Горло.

Ее несли безумный поток и бешеный ветер. Время от времени Хит видел перед собой вздымающуюся скалу и, поворачивая корабль в сторону, старался уберечься от смерти, которая пряталась прямо под бурлящей поверхностью воды. Дважды или трижды «Этна» вздрагивала, издавая скрежещущий звук, и Хит думал, что все кончено.

Один раз, когда казалось, что всякая надежда потеряна, Хит почувствовал, как пальцы Алор стиснули его руку.

Высокая вода спасла их, захватила в собственное стремительное течение, пронесла над рифами и протащила сквозь барьер, подстерегающий в конце узкого пролива.

Покачиваясь, «Этна» вышла в относительно спокойные воды Верхних морей, где утомленные волны показались путешественникам воплощением самой нежности. Долгое время все трое стояли над кормовым веслом, не в силах осознать, что все уже позади, а они еще живы.

Шторм выдохся. Ветер стал ровным. Хит поставил парус, сел, опустил голову на колени и задумался о том, почему Алор схватила его за руку.

Глава 4

«Я БУДУ ЖДАТЬ!»

Несмотря на ранний час, солнце припекало всюду. Верхние моря тянулись вдоль экватора. Мелкая, оцепленная скалами вода задыхалась от водорослей и была наполнена плавучими рифами грязи.

Каменные мысы резали ее на лабиринты озер и слепые протоки.

Ветер был так слаб, что почти не отличался от штиля. Открытая вода осталась позади, там, где ее разметали течения моря Утренних Опалов. Плывущие травы собирались вокруг «Этны», их пятнистая желтая равнина шевелилась, точно огромное, бессмысленное животное. В воздухе пахло гнилью.

Под руководством Хита Брока и Алор орудовали ножами-траворезами — большими лезвиями на скобах, укрепленных над носом судна. Затем, используя тяжелое кормовое весло как гребное, толкали «Этну» вперед силой своих вспотевших спин.

Стаи маленьких драконов с яркой чешуей, потревоженных кораблем, с визгом летали вокруг. Эти места были их родиной. Здесь они сражались, здесь гнездились среди водорослей, и душный влажный воздух был полон шума их крыльев. Они садились на поручни и на снасти, поглядывая на пришельцев своими красными глазами. Дракон, который сидел на плече Хита, испускал резкие возбужденные крики. Хит подкинул его в воздух, и тот взлетел к своим братьям.

Под водорослями кишела живность, плодившаяся в горячей застойной воде, принимавшая самые различные формы и даже вовсе бесформенная, скученная, вечно голодная. Маленькие рептилии скользили в траве, пожирая драконьи яйца. То тут, то там из воды высывалась крошечная черная головка, хватала яйцо, хрустела скорлупой, бесстрастно поглядывала на «Этну», жевала и глотала.

Хит не терял бдительности.

Солнце высоко поднялось над вечными облаками. Над морем растекалась удушливая жара.

Весло ходило взад и вперед, нож резал, трава подтягивалась к корпусу судна, а за кормой разрез медленно стягивался, и водоросли вновь свивались друг с другом.

Хит старался не поворачиваться к Алор.

Он не хотел смотреть на нее, не хотел вспоминать прикосновение ее руки. Он хотел думать только об Этне, помнить агонию Лунного Огня и мечтать о награде, которая лежит за ним. Что значит какая-то храмовая девка в сравнении с тем, что его ждет?

И все-таки он украдкой поглядывал на нее. Ее руки блестели от пота, вокруг алых губ обозначились усталые морщинки. Но даже сейчас она обладала огромной, странной и дикой красотой. Время от времени она бросала на него голодный взгляд из-под пушистых ресниц, и глаза ее не были похожи на глаза храмовой девки. Хит мысленно проклинал Брокку за то, что тот

заставил его думать об Алор, и себя за то, что не мог не думать о ней.

Они работали до тех пор, пока усталость не свалила их, и легли на палубу отдохнуть.

Брока привлек Алор к себе.

— Скоро это кончится, — сказал он. — Скоро мы достигнем Лунного Огня. Тебе понравится это, Алор. Ты станешь подружкой бога!

Отвернув голову, Алор безразлично застыла в кольце его рук и ничего не ответила.

Брока засмеялся:

— Бог и богиня, похожие на нас с тобой. Мы построим себе такие высокие троны, что их увидит солнце. — Он положил голову женщины к себе на плечо и внимательно взглянул в ее лицо. — Власть, Алор, сила! У нас будет и то и другое!

Он закрыл ей рот своими губами; его рука ласкала ее развязным, хозяйским движением.

Алор оттолкнула его:

— Оставь. Слишком жарко, я устала.

Она встала и отошла в сторону, повернувшись к Броке спиной.

Тот посмотрел на нее, затем повернулся и взглянул на Хита. Темная волна нахлынувшей крови окрасила его лицо.

— Слишком жарко, — медленно произнес он, — и ты устала, да к тому же рядом лежит землянин.

Он вскочил, схватил Алор за волосы и пригнул ее голову к палубе. Хит тоже вскочил и резко бросил:

— Оставь ее в покое!

— Она моя подруга! Почему бы мне и не побить ее?! — Брока свирепо взглянул в горящие глаза Алор. — Моя она подруга или нет? — Он отшвырнул женщину и в бешенстве начал мотать головой, ничего не видя перед собой. — Ты думаешь, я слепой? Вы целыми днями глазеее друг на друга.

— Ты спятил, — спокойно ответил Хит.

— Да, — согласился варвар, — спятил. — Он сделал два шага к Хиту. — Я настолько спятил, что сейчас убью тебя.

— Если ты это сделаешь, то никогда не доберешься до Лунного Огня, — сказала Алор.

Брока остановился. Ревность и мечта раздирали его душу на части. Он стоял лицом к корме. Вдруг что-то заставило его отвернуться от Хита. Постепенно выражение его лица изменилось. Хит быстро обернулся, а Алор приглушенно вскрикнула.

Далеко позади, слабо различимый в насыщенном испарениями воздухе, виднелся изумрудный парус.

Видимо, «Лахаль» прошла через Драконье Горло сразу же, как только кончился шторм.

На «Лахали» были гребцы, и во время штиля это давало ей большие преимущества. Теперь она тоже застряла в водорослях, весла оказались бесполезны, но зато имелись люди, чтобы резать траву, и корабль жрецов шел быстрее «Этны» и без остановок. А Хиту, Брока и Алор отдыхать почти не приходилось.

Они надрывались над кормовым веслом весь оставшийся день и всю душную ночь, впав в иступление, наполовину загипнотизированные ритмом своих движений, как те животные, которые вечно ходят вокруг водяного колеса. Они работали по двое, в то время как третий отдыхал. Брока не сводил с Алор глаз.

Благодаря своей чудовищной силе он не спал и в те минуты, когда Хит и Алор работали на весле, не позволял им обменяться ни словом, ни взглядом.

На заре они увидели, что «Лахаль» подошла ближе.

Брока сидел на палубе и смотрел на зеленый парус. Хит видел, как сверкали его глаза и, несмотря на жару, дрожало тело.

Сердце Хита упало. Верхние моря были рассадником лихорадки, и, похоже, варвар-гигант имел несчастье подхватить ее.

Сам Хит был невосприимчив к болезни, но Брока привык к чистому воздуху Высокого плато, и яд быстро проник в его кровь.

Брока прикинул скорость обоих судов и сказал:

— Ничего не выйдет. Нам придется остановиться и сражаться.

— Я думал, что ты хочешь найти Лунный Огонь, — раздраженно ответил Хит. — Я думал, что ты сильный мужчина и можешь победить там, где всякий другой потерпит неудачу. Я думал, что ты собираешься стать богом.

Брока встал:

— Пусть у меня лихорадка, но я все равно лучший мужчина на этом корабле.

— Тогда работай. Если нам удастся удержаться впереди до тех пор, пока мы не расчистим траву...

— Лунный Огонь?

— Да.

— Удержимся впереди, — твердо сказал Брока.

Он согнулся над веслом, и «Этна» поползла вперед через водоросли. Ее золотой парус безжизненно повис в страшном безветрии. Жара давила на Верхние моря, словно само солнце падало сюда сквозь марево водяных паров.

«Лахаль» медленно, но верно догоняла их.

Лихорадка Броки усиливалась. Время от времени он поворачивал голову в сторону изумрудного паруса и осыпал Вакора проклятиями.

— Не поймать тебе нас, жрец! — вопил он. — Я, Брока из племени Сари, уйду от тебя и достигну Лунного Огня. Ты будешь лежать на брюхе, жрец, и лизать мои сандалии, прежде чем сдохнешь! — Сверкая глазами, он повернулся к Алор: — Ты знаешь легенды, женщина! Человек, искупавшийся в сердце Лунного Огня, приобретает силу бога. Он может построить собственный мир, он может стать королем, лордом, мистером. Он может подарить свой божественной супруге дворец из бриллиантов с золотой крышей. Это правда, Алор? Ты слышала, как об этом говорили жрецы в храме?

— Да, правда, — ответила Алор.

— Новый мир, Алор, мир, принадлежащий только нам!

Брока с неистовой силой заработал веслом, и тайна Лунного Огня снова захватила Хита. Раз уж жрецы знали туда дорогу, то почему сами не стали богами? Почему никто из людей не возвращается оттуда, чтобы каждый убедился в их божественности? Вернулись только те, которые подобно Хиту прошли не весь путь.

А божественность была. Хит знал это, потому что сам носил в душе ее тень.

День тянулся бесконечно. Изумрудный парус подошел ближе.

К вечеру послышался треск перепончатых драконьих крыльев, и вся жизнь в водорослях замерла. Рептилии неподвижно застыли с неразгрызенными яйцами драконов в пастьях.

Ни одна голова не высунулась на поверхность в поисках пищи. Шумная стая драконов спешила к своим гнездам. Внизу царила тишина.

Хит схватился за весло и остановил его.

— Тихо, — сказал он. — Смотрите туда.

Они повернулись. Далеко впереди по траве прошла рябь, такая рябь, словно все дно Верхних морей пришло в движение.

— Что это? — прошептала Алор и, увидев лицо Хита, замолчала.

Рябь приближалась к «Этне» — лениво, нехотя, но очень быстро. Хит достал из кормового ящика гарпун. Движение водорослей постепенно замедлялось и вскоре исчезло вовсе, как бы в замешательстве. Хит изо всех сил швырнул гарпун.

Вода заволновалась снова. Полоса ряби обогнула корабль и заторопилась туда, где упал гарпун, за корму «Этны».

— Они атакуют только то, что движется, — сказал Хит. — Они оставили нас, потому что мы стоим.

Травяной покров горбом выгнулся на водой и лопнул; лохмотья водорослей повисли на огромной чешуйчатой спине. Создание, по-видимому, не имело формы, голову его нельзя было различить. Это была просто громадная голодная чернота, распространявшаяся вверх и в стороны. Живность, не успевшая скрываться, была тут же проглочена.

— Что это? — снова зашептала Алор.

— Один из Стражей, — ответил Хит, — Стражей Верхних морей. Идущий корабль они раздавят в щепки, а команду сожрут.

Он оглянулся на «Лахаль». Она не двигалась. Хитрый Вакор тоже почувал опасность.

— Мы должны ждать, пока Страж не уйдет.

Брока глядел на Хита. Лихорадка полностью овладела им, и теперь глаза варвара светились безумием. Он бормотал что-то бессвязное; можно было разобрать только «Алор» и «Лунный Огонь».

Внезапно он отчетливо сказал:

— Без Алор Лунный Огонь — ничто. — Он повторил слово «ничто» несколько раз, стуча кулаками по коленям, затем стал озираться по сторонам, словно искал кого-то. — Она ушла. Алор ушла. Она ушла к землянину.

Алор заговорила с ним, коснулась его тела, но он отталкивал ее. В его обезумевшей от лихорадки голове жила только одна мысль.

Он встал и направился к Дэвиду Хиту.

Тот поднялся.

— Брока, — сказал он, — Алор рядом с тобой. Она не ушла.

Брока не услышал и не остановился.

— Брока! — закричала Алор.

— Нет, — сказал он. — Ты любишь его. Ты больше не моя. Ты смотришь на меня как на пустое место. В твоих губах нет тепла.

Он тянулся к Дэвиду Хиту, будто хотел лишь одного: рвать, топтать и уничтожать.

На тесной палубе места для маневра не оставалось, но драться Хит не хотел. Он попытался увернуться от большого, но тот прижал его к поручням. Волей-неволей Хиту пришлось защищаться, но от этого было мало проку. В бреду Брока не чувствовал боли.

Всем своим телом он притиснул Хита к поручням, так, что чуть не переломил ему спину, и руки варвара потянулись к горлу Хита. Хит бил и отпихивал Брокку, с отчаянием понимая, как глупо умереть в бессмысленной ссоре из-за женщины.

Вдруг он почувствовал, что Брока выпустил его и сползает на палубу. Затуманенные глаза Дэвида увидели Алор, стоявшую

рядом с поднятым шкворнем. Он вздрогнул — то ли от неожиданности, то ли от злости, злости на себя самого, которому даже в драке потребовалась помощь женщины. Брока неподвижно лежал на палубе и тяжело дышал.

— Спасибо, — коротко сказал Хит. — Плохо, что ты его ударила. Он не соображал, что делал.

— Разве? — невозмутимо спросила Алор.

Хит не ответил. Он хотел отойти, но она схватила его за плечо.

— Вполне возможно, что я умру в Лунном Огне, — сказала она. — У меня нет такой веры в свои силы, как у Броки. Поэтому я скажу тебе сейчас: я люблю тебя, Дэвид Хит. Мне все равно, что ты подумаешь и нужно ли тебе это, но я люблю тебя.

Она пристально вглядывалась в его лицо, будто хотела запомнить каждую черточку.

Затем она поцеловала его. Губы ее были нежными и очень сладкими.

Она отступила и спокойно сказала:

— Мне кажется, что Страж исчез. «Лахаль» снова на ходу.

Хит молча последовал за ней на корму. Ее поцелуй горел в нем, как сладкий огонь.

Хит дрожал и был совершенно растерян.

Пока Брока спал, они напряженно трудились и не решались даже сделать передышку.

Хит уже мог различить людей на борту «Лахали» — маленькие, сгорбленные фигурки гребцов, которые непрерывно менялись, давая уставшим набраться сил. Он видел черную одежду Детей Луны, стоявших на передней палубе.

«Этна» плыла все медленнее, и расстояние между кораблями все время уменьшалось. Настала ночь, и из крошечного мрака до беглецов доносились только пронзительные проклятия Вакора.

Брока проснулся около полуночи. Лихорадка оставила его, но он был угрюм и молчалив. Грубо оттолкнув Алор, варвар взялся за весло. «Этна» прибавила скорость.

— Далеко еще? — спросил он.

— Теперь уже близко, — задыхаясь от усталости, ответил Хит.

Пришел рассвет, а они все еще не избавились от водорослей. «Лахаль» была так близко, что Хит уже видел драгоценную повязку на лбу Вакора. Тот стоял один на верхнем креплении ножа-травореза, смотрел на беглецов и смеялся.

— Работайте! — кричал он. — Трудитесь и потейте! Эй, Алор, женщина садов! Здесь лучше, чем в храме? Брока, вор и нарушитель закона, заставляет тебя трудиться. А ты, землянин,

вторично бросаешь вызов богам! — Он наклонился над водой, будто хотел дотянуться до «Этны» и схватить ее голыми руками. — Потейте, собаки, надрывайте животы! Все равно не уйдете!

Они надрывались и потели, а на весла «Лахали» села свежая смена, и судно побежало все быстрее и быстрее. Торча на своем насесте, Вакор хохотал над тщетными стараниями «Этны».

Но Хит смотрел вдаль угрюмыми горящими глазами. Он видел, как на севере собирается в тучи туман, как меняется цвет травы, и подгонял своих спутников. Теперь в душе его загорелась ярость.

Она пылала все ярче и сильнее, чем ярость Броки. Это была та железная ярость, которой даже сами боги не могли преградить дорогу к Лунному Огню.

Теперь их отделяло от «Лахали» расстояние, равное полету стрелы. Но вот водоросли поредели, и мало-помалу «Этна» начала увеличивать скорость. И вдруг беглецы обнаружили, что вышли в чистую воду.

Они что есть силы заработали веслом, и Хит вел «Этну» туда, где, как он помнил, проходило северное течение, тянувшееся в Океан-из-не-воды. После страшной, напряженной борьбы с водорослями им казалось, что судно летит. Но когда их стал обволакивать туман, «Лахаль» тоже освободилась из травяного плена и, подгоняемая усилиями теперь уже всех гребцов, помчалась как стрела.

Туман сгустился. В черной воде сверкнули редкие золотые искры.

Здесь начиналась полоса маленьких, плоских, заросших необычной растительностью островов. Тут не было ни летающих драконов, ни Стражей, ни маленьких извивающихся рептилий. Было очень жарко и очень тихо.

Тишину нарушал лишь истошный визг Вакора, ругавшего нерадивых гребцов.

Течение понесло корабли быстрее, и золотые блески на воде закружились в хороводе. На лице Хита застыло странное, нечеловеческое выражение. Весла «Лахали» бешено вспенивали воду, и лучники уже высыпали на переднюю палубу, готовые стрелять, как только позволит расстояние.

Но случилось невероятное. Вакор издал долгий пронзительный вопль, взмахнул рукой, и весла замерли. Жрец поднял над головой сжатые кулаки, бессильно потряс ими и прокричал одно, но самое страшное проклятие.

— Я буду ждать, богохульники! — продолжал орать он. — Пока вы живы, я буду здесь ждать!

Изумрудный парус уменьшился, потускнел и пропал в тумане.

— Они же почти взяли нас. Почему они остановились? — спросил Брока.

Хит указал на север. Туман окрасился сверху дыханием пылающего золота.

— Лунный Огонь!

Глава 5

В ЛУННОМ ОГНЕ

Хита вели безумные мечты, навязчивые воспоминания, сны, видения.

Они упорно вели его сюда, хотя все существо землянина противилось этому, предвидя неминуемую гибель. И вот он снова здесь, и с этим уже ничего не поделаешь.

Он внимательно следил, как меняется океан, пока вокруг «Этны» не заплескалась уже не вода, а мягкие, огненные волны золотистой жидкости. Хита опять окутал туман, яркий, сверкающий.

Первая слабая покалывающая дрожь пробежала по его нервам, и он знал, что будет дальше, — обманчивое чувство удовольствия, которое вырастет до экстаза, а потом превратится в нестерпимую боль. Он видел смутные силуэты островов, лабиринт невысоких скал, в котором корабль может блуждать вечно, так и не найдя источник удивительного живого света. Он видел остовы кораблей, погибших в этих бесплодных поисках. Они лежали на отмелях, и туман укрывал их блестящим саваном. Некоторые из них были такими древними, что даже раса, построившая их, исчезла из памяти Венеры.

Тихая сверхъестественная красота щемящей тоской ударила в сердце Хита. Тело его боялось смерти, но душа жаждала чуда.

Брока глубоко втянул в себя воздух, будто хотел вдохнуть силу Лунного Огня.

— Ты найдешь его? — спросил он. — Самое сердце.

— Найду.

Алор молчала и не двигалась. Тайнственные лучи, разлитые здесь повсюду, посеребрили ее кожу и осыпали волосы серебряной пылью.

— Ты боишься нарушить табу? — спросил Хит.

— Привычки ломать трудно. — Она повернулась к нему. — Что такое Лунный Огонь?

— Разве жрецы не объяснили тебе этого?

— Они говорили, что у Венеры когда-то была луна. Она ходила в облаках огненным диском, и бог, живший на ней, был самым главным из богов. Он следил за поверхностью планеты и за всем, что на ней делается. Но меньшие боги завидовали,

и однажды им удалось разрушить дворец Лунного бога. Все небо Венеры вспыхнуло, когда дворец был разрушен. Горы падали, моря выходили из берегов, вымидали целые народы. Лунный бог был убит, и его сверкающее тело пронеслось сквозь облака, как метеорит. Но бог не может умереть по-настоящему, он только спит и ждет. Золотой туман — это пар от его дыхания, а сияние его тела — Лунный Огонь. Человек может получить божественность из сердца спящего бога, но все боги Венеры проклянут его, потому что человек не имеет права посягать на их власть.

— И ты не поверила этой истории, — сказал Хит.

Алор пожала плечами:

— Ты видел Лунный Огонь, а жрецы не видели.

— Я не был в его сердце, — сказал Хит. — Я видел только край кратера и свет, исходящий из него, адский свет.

Он вздрогнул и замолчал, не в первый раз задумавшись о том, что в действительности лежит за тайной Лунного Огня.

— Луна когда-то существовала, это ясно, иначе не было бы такого понятия в фольклоре. Я уверен, что здесь имеет место не известное науке излучение, какой-то радиоактивный элемент. Его еще не открыли, а может быть, на Земле и на Марсе такого и вовсе нет.

— Я ничего не поняла, — сказала Алор. — «Излучение», «радиоактивный элемент»... О чем ты?

В венерианском языке не существовало таких слов, и она с трудом повторяла за Хитом незнакомые земные выражения.

— Радиоактивность — это особый вид огня, который горит в некоторых элементах. Он съедает их, питаясь их атомами, и излучение от этого огня очень мощное. — Хит прикрыл глаза. — Вы чувствуете его — маленький огонек в вашей крови?

— Да, — прошептала Алор, — я чувствую.

— Это как вино, — откликнулся Брока.

Хит продолжал, облекая в слова очень старые мысли:

— Луна была разрушена, но не завистливыми богами, а столкновением с другим телом, может быть, с астероидом. А возможно, взорвалась от собственной энергии. Я думаю, один из осколков Луны уцелел, упал сюда, и его излучение распространилось по поверхности, изменив море и окружающий воздух. Тем же способом оно изменяет людей. Похоже, оно меняет электрическую структуру мозга, расширяя его возможности далеко за пределы обычного человеческого разума. Оно дает мозгу силу, достаточную для того, чтобы управлять свободными электронами — творить... — Он сделал паузу и быстро закончил: — В моем случае — творить только призраки. А когда произойдет мутация,

человеку плевать на проклятия богов Венеры. Я получил очень немного, но и этого достаточно.

— Чтобы стать богом, стоит потерпеть боль, — сказал Брока. — У тебя не было силы.

Хит криво усмехнулся:

— Много ли богов вернулось из Лунного Огня?

— Скоро ты увидишь одного из них, — ответил Брока.

Он схватил Алор за плечи и привлек к себе, заглядывая ей в лицо.

— Нет, — сказала она, — не один, а двое.

— Возможно, и трое, — добавил Хит.

Брока повернулся и бросил на него спокойный холодный взгляд.

— Не думаю, — сказал он, — что у тебя прибавилось силы.

После этого они долгое время не разговаривали. «Этна» шла, утомленно скользя по течению между островами. Иногда путешественники гребли кормовым веслом, и его большая лопасть скрывалась в огненной пене.

Золотой блеск усиливался, и с ним усиливался звенящий огонь в крови людей.

Хит стоял у штурвала, стройный, сильный, прежний Хит, который смеясь проходил пролив Лхила в зубах летнего шторма.

Усталость, слабость, боль — все ушло.

То же самое происходило и с его спутниками: Алор гордо выпрямилась, а Брока вскочил на носовое украшение и громко выкрикивал вызов всем богам, которые захотят остановить его.

Хит смотрел Алор в глаза. Она улыбалась нежно и приветливо.

— Я думаю, никто из нас не останется в живых, — прошептала она. — Но, может быть, ты найдешь свою тень, Дэвид, прежде чем умереть.

Брока снова повернулся к ним, и момент для ответа был упущен.

Под вуалью Лунного Огня не было ни дня ни ночи, не существовало времени.

Хит представления не имел, долго ли пурпурный нос «Этны» бороздил золотой поток. Звенящая сила наполнила его. Она пульсировала в нем и пьянила его. Острова бесшумно проплывали мимо, и ничто не двигалось в этом торжественном море, кроме легко скользящей по огненным волнам «Этны».

Наконец в глаза им ударили лучи невообразимого света, льющегося из сердца Лунного Огня, живого ядра сияющего тумана. Хит увидел землю, темную и неопределенную, тонувшую в пылающей дымке, и пошел туда знакомой дорогой. Теперь в нем не было страха. Он перешагнул через него.

— Корабль! — вдруг крикнул Брока.

Хит кивнул:

— Он и раньше был здесь и будет здесь, когда следующий человек найдет путь сюда.

С острова протянулись два длинных мыса, образовав удобную бухту с изрезанными берегами. «Этна» вошла в нее, миновав брошенное судно, терпеливо дрейфовавшее, недостижимое ни для ветра, ни для течения, ни для океанского гниения. Его голубой парус был свернут, снасти чистые, готовые. Судно ожидало возвращения домой. Оно ждало очень долго.

Подойдя к берегу, путешественники увидели другие корабли, которые не сдвинулись с места, не изменились с тех пор, как Хит впервые увидел их три года назад.

Их было очень немного — тех, кто нашел Драконье Горло, прошел через него, остался в живых в Верхних морях, в лабиринте островов Лунного Огня и добрался до цели.

Некоторые корабли все еще плавали, хотя команда давно покинула их; грязные паруса этих вечных скитальцев безвольно повисли на реях. Здесь были странные плоскодонные суда, каких не существовало на Венере уже тысячу лет. Золотой туман сохранил их, и они, как свора псов, ждали возвращения своих хозяев.

Хит подвел «Этну» к берегу в том самом месте, где сажал ее на мель в прошлый раз.

«Этна» мягко дрогнула. Путешественники перелезли через борт. Землянин помнил странный хруст угольно-черной почвы под ногами. Волна силы, прокатившаяся по жилам, заставила его вздрогнуть. Как и в прошлый раз, она билась на границе боли.

Они молча зашагали в глубь острова. Туман сгустился вокруг них, наполнился танцующими искорками света. Бухта скрылась за его призрачным занавесом. Они шли вперед, и дорога постепенно пошла в гору. Они двигались как во сне; свет и тишина порождали в их душах благоговейный страх.

Они набрали на мертвеца. Он лежал лицом вниз, вытянув руки вперед, к тайне, до которой оставалось несколько шагов. Руки все еще тянулись к славе, которой этот человек так и не достиг. Люди прошли мимо.

Давящий туман, яркий свет, золотые точки, блики, кружащиеся и мерцающие в безумном танце. Хит прислушивался к голосу боли, говорившему в нем. Этот голос усиливался с каждым его шагом, доходя до беззвучного вопля.

«Я помню! Кости, плоть, мозг, каждый атом их — полны пламени, взрывающегося, рвущегося к свободе. Я не могу идти

дальше, я не могу вынести этого! Я скоро проснусь, целый и невредимый, в грязи, на задворках заведения Карлуны».

Но Хит не проснулся, а уклон равномерно поднимался под его ногами, и в душе его бушевали безумие, страсть и страдание, какие человек не в силах вынести.

Однако он вынес.

Кружащиеся точки начали собираться в неопределенные фигуры, в бесформенных гигантов, которые шагали рядом с людьми.

Хит услышал, как Алор застонала от ужаса, и заставил себя сказать:

— Они ничто. Призраки из нашего сознания. Начало власти.

Путники шли все дальше и дальше. Наконец Хит остановился и, взглянув на Броку, показал рукой:

— Твоя божественность лежит там. Иди и возьми ее.

Взгляд варвара, ошеломленный, дикий, устремился к темным туманным очертаниям кратера вдаль, к немыслимому свету, сиявшему на горизонте.

— Оно бьется, — прошептал Брока, — как сердце.

Не сводя глаз с огня, Алор отступила назад:

— Я боюсь. Я не пойду.

Хит видел, что лицо ее исказилось, а тело сотрясала та же дрожь, что мучила его самого. Ее голос поднялся до рыдания.

— Я не могу идти! Я не могу остаться здесь! Я умираю! — Она схватила Хита за руки. — Дэвид, заberi меня отсюда, уведи меня обратно!

Раньше чем он успел подумать и сказать что-нибудь, Брока оторвал от него Алор и нанес ему сокрушительный удар. Хит упал, и последнее, что он слышал, — это пронзительный голос женщины, выкрикивавшей его имя.

Глава 6

КОНЕЦ МЕЧТЫ

Видимо, Хит недолго лежал без сознания, потому что, придя в себя, еще увидел удаляющиеся силуэты мужчины и женщины. Брока бежал как безумный по склону кратера, неся на руках Алор. Вот он встал на край, а затем прыгнул вниз и исчез.

Хит остался один.

Он все еще лежал и старался сохранить ясность ума, борясь с муками плоти.

— Этна, — шептал он, — это конец мечты.

Медленно, дюйм за дюймом, он пополз к сердцу Лунного Огня.

Теперь он стал ближе к нему, чем в прошлый раз. Странная грубая земля царапала его кожу. Из ран текла кровь, но эта

боль казалась булавочным уколом по сравнению с космической агонией Лунного Огня. Брока, наверное, тоже страдал, но все-таки бежал к своей судьбе. Возможно, его нервная система была более грубой, нечувствительной к шоку. А может быть, жажда власти овладела всем его существом.

Хит не нуждался в ней. Он не хотел становиться богом. Он хотел только умереть и знал, что это случится очень скоро. Но, прежде чем умереть, он хотел сделать то, чего не сумел в прошлый раз: вернуть Этну. Он хотел снова услышать ее голос, посмотреть в ее глаза и вместе с ней ожидать прихода могильной тьмы.

Смерть разрушит его мозг, а с ним и призрак, созданный памятью. Но он не увидит, как жизнь уходит из нее. Она будет рядом до конца, нежная, любящая и веселая, такая, какой была всегда.

Он полз к кратеру и повторял ее имя. Он пытался не думать ни о чем другом, чтобы забыть о страшных, нечеловеческих видениях, рожденных его мозгом.

— Этна! Этна! — шептал он.

Его руки хватали землю, колени были разбиты в кровь, блеск Лунного Огня окутывал его золотыми знаменами. Но он не останавливался, хотя душа готова была покинуть его.

Он добрался до края кратера и заглянул вниз, в сердце Лунного Огня.

Он увидел море сверкающего пара, такого плотного, что по нему пробегали мелкие волны, покрытые искрящейся пеной. Посреди этого моря возвышался остров, напоминавший по форме упавшую гору. Он пылал так яростно, что смотреть на него могли только глаза бога.

«Она плыла в облаках, как огненный диск».

Хит знал, что его гипотеза оказалась правильной. Но теперь это не имело значения. Тело спящего бога, или обломок упавшей Луны — оно могло вернуть ему Этну, а Хит хотел только этого.

Он подтянулся, перевалился через край и покатился вниз по склону. Когда пар сомкнулся над ним, Хит вскрикнул.

После этого наступили настоящие чудеса.

Казалось, некая сила разделила атомы организма, называемого Дэвидом Хитом, и собрала их в новые, неведомые комбинации. Потом вспыхнула боль, равной которой он никогда не испытывал. Он скорчился в мучительной судороге и вдруг почувствовал, что его тело стало здоровым и сильным, сознание — ясным, трепещущим, чистым, готовым к новому знанию.

Он оглядел себя, поднес руки к лицу.

Он не изменился, но знал, что стал другим.

На этот раз Хит получил полную дозу радиации, и она, по-видимому, завершила перемену, начавшуюся три года назад. Возможно, он уже не был прежним Дэвидом Хитом, но не был он и тем промежуточным, средним звеном между человеком и богом, в обличье которого жил последние месяцы.

Он больше не чувствовал, что идет к смерти, и уже не желал этого. Он был полон огромной животворной силы и великой радости. Он вернет из небытия свою Этну, и они станут жить здесь, в золотом саду Лунного Огня.

Надо жить здесь — Хит был уверен в этом.

В прошлый раз он достиг только окраин Лунного Огня, но не это было причиной несовершенства его творений. Вне Лунного Огня нет достаточной концентрации лучевой энергии, при которой может работать телекинетическая сила мозга. Вероятно, даже в окрестных туманах Лунного Огня нет нужного количества свободных электронов. Но здесь, возле источника, воздух дробился на них, он был пропитан ими. Сырая материя, из которой можно создавать.

Дэвид Хит встал, поднял голову и со страстным желанием протянул руки. Прямой, сияющий, сильный, стоял он в живом свете, и его смуглое лицо было лицом счастливого бога.

— Этна, — шептал он, — это не конец мечты, а начало!

И она пришла.

Чудесная власть, торжествующая сила, которая была заложена в нем, вызвала ее из Лунного Огня.

Этна, скользящая и улыбающаяся, неопределенная, как тень в тумане, но постепенно обретающая четкие контуры, подошла к нему. Он видел ее белые руки, бледное пламя волос, алые губы, задумчивые глаза.

И вдруг Хит с криком отступил. Это была не Этна, а Алор.

Некоторое время он не мог пошевелиться, а только смотрел на свое создание.

Видение улыбалось ему, и лицо ее было лицом женщины, нашедшей любовь и с нею весь мир.

— Нет, — сказал он, — я хочу не тебя, а Этну!

Он выкинул из своего мозга мысль об Алор. Изображение увяло, и он снова звал Этну.

И на этот раз к нему явилась Алор.

Он разрушил видение. Злоба и разочарование были так сильны, что он готов был броситься вперед и заблудиться в тумане. Алор! Зачем эта храмовая шлюха навязывается ему?

Он ненавидел ее, но имя этой женщины пело в его сердце и не хотело умолкать. Он не мог забыть, как она поцеловала

его, как смотрела на него, и ее последний крик был обращен к нему.

Душу его переполнял образ Алор, а имя Этны хранил только разум.

Он сел, склонил голову на колени и заплакал, зная теперь, что это конец мечты. Он навеки потерял старую любовь. Эта мысль была жестокой, но в ней заключалась правда, и он не мог примириться с ней.

«А Алор, может быть, уже умерла».

Эта мысль оборвала его отчаяние. Он вскочил, полный смертельного страха, и оглянулся. Пар, точно золотая вода, скрывал все вокруг. Хит побежал, выкрикивая имя Алор.

Он бежал, может быть, целые столетия в этом безвременном мире и искал ее. Никто не отвечал на его призывы. Иногда в тумане он замечал чью-то фигуру и думал, что нашел Алор, но всякий раз это оказывалось тело мужчины, умершего Бог знает как давно. Все они были одинаковые: истощенные и улыбающиеся. Казалось, их открытые глаза все еще видят созданные ими призраки.

Это были боги Лунного Огня — горсточка людей всех веков, которые нашли свой путь к последней границе жизни.

Жестокая шутка. Человек мог обрести божественность в золотом озере. Он мог сотворить в нем собственный мир, но не мог уйти, потому что в этом случае пришлось бы оставить тот мир, где он был королем. Они, эти люди, наверное, узнали это, когда пошли обратно к гавани, прочь от источника, а может быть, они никогда и не пытались уйти.

Хит шел сквозь прекрасный, неподвижный туман и звал Алор, но ответа не было.

Он сознавал, что в этих поисках ему становится все тяжелее сохранять разум. Вокруг мерцали полусформировавшиеся образы. Возбуждение его росло, и с ним росла настоящая потребность остановиться, чтобы строить и творить.

Хит боролся с искушением, но настало время, когда пришлось остановиться, потому что не осталось сил идти дальше. Он сел, и безнадежность его поисков навалилась на него. Алор пропала, и он никогда не найдет ее. Он закрыл лицо руками, вспомнил о ней и вдруг услышал голос, звавший его по имени. Он вскочил: она стояла рядом и протягивала к нему руки.

Хит привлек ее к себе и стал целовать, чуть не рыдая от радости, но вдруг в голову ему пришла страшная мысль. Он отступил на шаг и спросил:

— Ты настоящая Алор или призрак, созданный мной?

Она не ответила, но потянулась, чтобы поцеловать его. Хит отвернулся, слишком усталый и разочарованный, чтобы

уничтожить видение, и подумал: «Зачем разрушать ее? Если женщина для меня потеряна, почему не сохранить сон?» Он вновь взглянул на нее, и это была Алор с ее теплым телом и ласковыми глазами.

Искушение вновь взметнулось над ним, и на сей раз он не боролся. Он был богом, хотелось ему этого или нет. Он мог творить.

Он бросил всю силу своего мозга в золотой туман, и отравление властью опьянило его, наполнило безумной радостью.

Сверкающее облако спустилось к его ногам. Перед Хитом рос остров теплой ласковой земли, богатой травами и цветами, рай, потерянный в сияющем море. Мелкие волны шептались на широких отмелях. Склонившиеся ветки деревьев лайя лениво шевелились на ветру, с пением проносились яркие птицы. В аккуратной маленькой бухточке покачивалось судно, подобное которому могли построить только ангелы.

Идеал, недостижимое желание души, и Алор была с ним, чтобы разделить это.

Теперь он понял, почему никто не уходил от Лунного Огня.

Он взял за руку двойника Алор. Они бродили по берегу, и Хит заметил, что чего-то не хватает. Он улыбнулся, и на его плечо снова уселся маленький дракон, и теперь в этом раю не было никакого изъяна. Дэвид Хит обрел божественность...

Но какой-то упрямый уголок в сердце Хита предал его.

«Все это ложь, — говорил он, — и Алор ждет тебя. Если ты замешкаешься, она умрет, как умирает здесь каждый, улыбаясь Лунному Огню».

Он не желал слушать. Он был счастлив, но что-то не давало ему покоя. Он понимал: пока реальная Алор жива, он не может по-настоящему радоваться мечте. Он знал, что должен разрушить этот рай, пока рай не разрушил его. Он знал, что Лунный Огонь смертоносен, люди не могут получить власть богов и остаться в здравом уме.

Но не мог же он уничтожить созданный им остров!

Ужас переполнил Хита. Он так сильно поддался искушению, что потерял контроль над собственной волей. И он разрушил остров, и море, и любимый корабль, и это было куда больнее, чем срывать с костей собственную плоть.

Двойника Алор он разрушил тоже.

Он понимал, что если хочет спастись от безумия и смерти Лунного Огня, то не должен творить ни единой травинки, потому что иначе у него не останется сил противиться нечестивой радости творения.

Глава 7

БОЖЕСТВЕННАЯ ПОСТУПЬ

Он снова бежал через золотой туман, бежал и кричал. Спустя много лет, а может, через минуту он услышал слабый далекий голос Алор, называвший его имя. Он откликнулся, но больше не слышал его. Затем он увидел величественный замок, маячивший сквозь туман. Такие постройки часто встречались на Высоком плато, но эта была куда больше любого замка варварских королей и была возведена из громадного малинового драгоценного камня, похожего на тот, что называется Драконьей Кровью. Хит сообразил, что видит часть мечты Броки.

Ступени золотой лестницы вели к огромной, массивной двери. Двое рослых воинов в усыпанных самоцветами доспехах охраняли ее.

Хит хотел пройти между ними, но они схватили его, и вырваться из их рук не смог бы никто. Ненависть Броки к землянину была вложена в тех, кого сотворил его мозг.

Хит попытался освободиться, но их сила превосходила человеческую. Они повели его по фантастическим коридорам, по полам, инкрустированным жемчугом, хрусталем и драгоценными металлами.

Вдоль стен стояли открытые сундуки, наполненные всеми сокровищами, какие только мог вообразить варварский мозг.

Бесшумно скользили рабы, выполняя приказы, воздух был тяжелым от благоухания пряностей.

«Как странно идти в коридорах чужого сна», — подумал Хит.

Его привели в огромную комнату, где пировали множество людей. Там были арфисты, певцы, и танцовщицы, и толпа рабов, и танцоры на мечях.

Мужчины и женщины за длинными столами походили на вождей и их жен, только одеты были в простые кожаные костюмы без всяких украшений. Стражники Броки и даже рабы были более нарядны, чем гости.

Над криками и шумным весельем восседал Брока. Его высокий трон был сделан в виде серебряного дракона с распростертыми крыльями и украшен драгоценными камнями. На Броке были великолепные доспехи, на лбу между бровями висел огромный бриллиант, какой мог носить только верховный властитель.

Он пил вино из золотой чаши и следил за пировавшими. В его глазах не светилось ни одной человеческой искры. Бог или демон — но человеком Брока уже не был.

Одетая как королева, Алор неподвижно сидела рядом с ним, закрыв лицо ладонями.

Сквозь шум пира пролетел крик Хита.

Брока вскочил на ноги, и все затихло.

Стражники, вожди, рабы — все повернулись и принялись наблюдать, как Хит идет к трону, и все ненавидели Хита, как ненавидел его Брока.

Алор подняла голову, взглянула Хиту в глаза и спросила его же словами:

— Ты настоящий Дэвид Хит или только призрак, рожденный моим воображением?

— Я Дэвид, — ответил он и порадовался тому, что разрушил свой рай.

Безумный взгляд Броки остановился на Хите.

— Не думал я, что у тебя хватит силы, — сказал он, смеясь. — Но ты не бог. Ты стоишь здесь как пленник и не имеешь власти.

Хит знал, что может победить даже в его владениях, но не решался.

Один раз он уже осмелился попробовать и в результате чуть не погиб. Если он попробует еще раз, они будут бросать друг в друга свои призрачные армии, пока не умрут, и он станет таким же безумным, как Брока.

Хит оглядел толпу грозных призраков, достаточно крепких и реальных, чтобы убить его по первому слову Броки, и спросил Алор:

— Ты хочешь остаться здесь?

— Я хочу уйти отсюда и, если можно, с тобой, Дэвид. Если нет — я хочу умереть.

Яд еще не коснулся ее. Она пришла сюда не по своему желанию. Даже омывшись в Лунном Огне, она все еще оставалась человеком.

Хит повернулся к Броке:

— Ты видишь, она не дорожит тобой.

Лицо Броки потемнело от ярости. Он схватил Алор своими громадными лапами и сказал:

— Ты останешься со мной. Ты — часть меня. Послушай, Алор, нет ничего, чего я не смог бы дать тебе. Я построю другие замки, создам другие племена, покорю их и положу к твоим ногам. Бог и богиня будут вместе, Алор! Мы станем править миром!

— Я не богиня, — ответила Алор. — Отпусти меня.

— Сначала я убью тебя. — Брока кинул бешеный взгляд на Хита. — Я убью вас обоих.

— Разве высшие боги унижаются до того, чтобы раздавить муравья или червя? — спросил Хит. — Мы недостойны такой чести, ни она, ни я. Мы слабы, и даже Лунный Огонь не может

дать нам силу. — Он заметил искру мысли в глазах Броки и продолжил: — Ты всемогущ, для тебя нет ничего невозможного. А она слишком слаба и будет обузой тебе. Сотвори другую Алор, Брока! Сотвори богиню, достойную тебя!

— Сотвори женщину, которая будет любить тебя, Брока, — добавила Алор, — а нас отпусти.

Тишина сгустилась. Глаза гостей-фантомов засверкали еще ярче. Затем Брока кивнул:

— Ладно. Встань, Алор.

Она встала. Варвар вдруг понял, что может осуществить свою мечту и без этой своенравной, упрямой женщины. Радость творчества охватила его. Из золотого воздуха он вылепил новую Алор. Это была не просто женщина, а смесь снега, пламени и чуда — рядом с ней настоящая Алор выглядела бесцветной и некрасивой. Новая Алор поднялась на трон, села рядом со своим создателем, взяла его за руку и улыбнулась.

Брока велел стражникам отпустить Хита.

Дэвид подошел к Алор, и Брока презрительно сказал:

— Убирайтесь с глаз моих!

Сквозь толпу они прошли к двери, но та вдруг исчезла. Осталась сплошная стена. Брока засмеялся, и вся его компания разразилась диким хохотом.

Хит обнял Алор крепче и пошел к другой двери, но и та исчезла, а издевательский смех снова зазвучал, отражаясь от свода.

— Думаете, я выпущу вас отсюда? — гремел Брока. — Вы оба предали меня, когда я был человеком! Даже бог может помнить!

Хит увидел, что стражники и другие создания приближаются, увидел их горящие глаза. Черный страх наполнил его существо, и он загорел собой Алор.

— Слабак! — кричал Брока. — Даже для спасения своей жизни ты не можешь творить!

Это была правда. Хит не решался. Люди-призраки не сводили с него оловянных, бездушных глаз и хищно скалили в предвкушении убийства.

Решение пришло само собой.

«Я не буду творить, я буду разрушать!»

Руки людей-призраков оттащили его от Алор. Он слышал их вопли и знал, что если промахнется, то их обоих разорвут на куски. Он призвал на помощь всю обретенную здесь силу, всю свою волю и любовь.

Лица призраков начали медленно таять, точно восковые фигурки над огнем, руки их ослабели, и вскоре толпа

гостей превратилась в бесформенное облако, колышущееся во тьме.

Богиня Броки тоже растаяла вместе с драконовым тронem, королевские доспехи варвара стали прозрачными, точно тонкая корка льда, едва заметная на его коже.

Брока вскочил и дико, словно в приступе удушья, захрипел.

Хит почувствовал, что столкнулись и переплелись в смертельной схватке их враждебные волевые импульсы. Брока старался удержать свои видения, объединяя частицы энергии в подобие материи, но Хит, в свою очередь, стремился разорвать, рассеять их. В результате призраки находились в промежуточном состоянии между бытием и небытием.

Стены замка зашатались, потекли, как красная вода, и исчезли. Богиня Алор, танцовщицы, рабы и вожди исчезли, остались лишь золотой туман, рослый варвар, лишенный своих грез, мужчина Хит и женщина Алор.

Хит посмотрел на Броку и сказал:

— Я сильнее тебя, потому что отказался от своей божественности.

— Я снова построю! — выкрикнул Брока, задыхаясь.

— Строй.

Брока начал строить. Глаза его горели, массивное тело дрожало от напряжения.

Все вернулось на свои места: замок, драгоценности, толпа прирученных.

— Убить! — крикнул Брока своим подданным.

Но не успели фантомы ступить и шага, как снова начали слабеть и таять.

— Если хочешь сохранить свое королевство, Брока, отпусти нас! — крикнул Хит.

Теперь замок был не более чем призрачным контуром. Лицо Броки взмокло от пота, руки хватали воздух, ноги дрожали и подгибались. Темные глаза Хита были холодны и суровы. Если сейчас он и напоминал бога, то бога безжалостного и непоколебимого, как судьба.

Видения рассыпались и исчезли.

Брока опустил голову. Он не хотел смотреть на Хита, стыдясь своего бессилия.

— Уходите, — прошептал он. — И пусть Вакор встретит вас.

— Та смерть чище, чем то, что ждет тебя здесь, — сказал Хит.

Алор взяла его за руку, и они пошли прочь, пробираясь сквозь золотой туман.

— Он будет счастлив, пока не умрет, — произнес Хит. Алор пожала плечами.

Они уходили все дальше от пульсировавшего сердца Лунного Огня, сначала по склону кратера, затем по длинному спуску к гавани.

Наконец они снова оказались на борту «Этны».

Пока корабль плавно скользил в лабиринте между островами, Хит держал Алор в объятиях. Губы их часто встречались в мучительно коротком поцелуе. Золотой туман редел, и огонь в их крови слабел, но они не замечали этого, и им было все равно.

Вскоре корабль вышел из вуали Лунного Огня, и впереди показался зеленый парус «Лахали». Вакор все еще ждал.

— Прощай, любовь моя, прощай, Дэвид! — прошептала Алор.

Два корабля спокойно покачивались на тихих волнах. Вакор дождался, пока Хит и Алор подойдут к борту, и махнул рукой матросам:

— Взять их!

Но те в страхе остановились. Хит увидел их испуганные лица и удивился, но, взглянув на Алор, понял, что она уже не та, какой была раньше. В ней было что-то чистое и сияющее, новая глубина и новая спокойная сила, а глаза светились нездешней, таинственной красотой.

Он понял, что и сам изменился. Богами они больше не были, но те, кто омылся в Лунном Огне, никогда уже не станут прежними.

Он без страха встретил взгляд Вакора.

Жестокое, волчье лицо жреца утратило уверенность и властность, глубокое недоумение отразилось на нем.

— Где Брок? — спросил Вакор.

— Мы оставили его там. Он строит свою призрачную империю.

— В сердце Лунного Огня?

— Да.

— Ты лжешь! — закричал жрец. — Вы не могли вернуться из сердца спящего бога. Оттуда никто не возвращался.

Хит пожал плечами:

— Поверишь ты или нет — что нам до того?..

Наступило долгое, томительное молчание.

Четверо высоких жрецов в черном обратились к Вакору:

— Мы должны поверить. Посмотри в их глаза.

Сделав торжественный ритуальный жест, они отошли, оставив Вакора одного.

— Это не может быть правдой, — прошептал Вакор. — Закон, табу построены на этом камне. Люди возвращались от окраины, как вернулся ты, Хит, но возвращались разрушенными и проклятыми за свое святотатство. Однако никто и никогда

не возвращался из самого Лунного Огня. Вот поэтому и был создан закон, иначе вся Венера умерла бы в грезах.

— Все другие жаждали власти, — спокойно сказала Алор, — а мы искали только любовь. Нам больше ничего не надо.

Снова воцарилось молчание. Вакор смотрел на них и боролся с собой. Наконец он медленно выговорил:

— Вы вне моей власти. Спящий бог принял вас и позволил вам уйти невредимыми. Я только Дитя Луны. Я не могу судить.

Он закрыл лицо руками и отвернулся.

— Дай им людей на весла, — сказал один из младших жрецов Джохору.

Хит и Алор поняли, что они свободны.

Через несколько недель Хит и Алор встречали рассвет на берегу моря Утренних Опалов. Ветер дул с берега. Он наполнил золотой парус «Этны», и корабль натянул причальные канаты, словно хотел один, без экипажа, отправиться в плавание. Хит наклонился и развязал узлы.

Они стояли и смотрели, как маленький кораблик, набирая скорость, легко и изящно устремился навстречу солнцу. Костяное изображение на носу протягивало руки к заре и улыбалось, и Хит ждал, когда исчезнет последний яркий отблеск паруса, а с ним все, что оставалось от его прошлой жизни, воспоминаний и грез.

Алор ласково коснулась его. Он повернулся и обнял ее, и они пошли в тень деревьев лайя, а в небе разгорался молодой день.

Они думали о том, насколько свет солнца, которого им никогда не доводилось видеть, прекраснее и заманчивее, чем все холодные чудеса Лунного Огня, которые они когда-то держали в руках.

ВЕНЕРИААНСКАЯ КОЛДУНЬЯ

Глава 1

Корабль плыл по Красному морю, медленно продираясь сквозь пелену тумана. Ленивые вдохи ветра едва наполняли паруса. Корпус из тонкого легкого металла беззвучно резал тихие струи огня, пляшущие на поверхности странного моря.

Над судном сгущалась ночь, наплывающая с запада медленным потоком густого индиго.

Человек, известный под именем Старк, в одиночестве стоял у задних поручней и следил за наступлением ночи. Нетерпение и тревога переполняли его душу. Он ощущал тревогу даже в горячем дуновении морского ветра.

Рулевой сонно склонился над веслом.

Это был рослый человек с молочно-белыми волосами и бледной кожей. Он молчал, но Старк чувствовал, что глаза рулевого время от времени смотрят на него, белесые, расчетливые, с тайной жадностью глядящие из-под полупущенных век.

Капитан и двое матросов маленького каботажного суденышка сидели впереди, расправляясь с ужином. Раза два Старк слышал взрывы приглушенного смеха.

Казалось, будто все четверо участвуют в какой-то веселой игре, но принять в нее Старка решительно отказываются.

Жара угнетала. На смуглом лице Старка выступил пот. Рубашка прилипла к спине.

Тяжелый воздух был наполнен влагой и душным, дурманящим запахом жирного чернозема, доносившимся с недалекого, укрытого туманом берега.

В самом море чудилось что-то зловещее. Даже среди самих венериан Красное море пользовалось дурной славой. Оно

Enchantress of Venus

Copyright © 1949 by Leigh Brackett

Венерианская колдунья

© Б. Александров, Г. Грей, перевод, 1993

лежало за горами Белого Облака — гигантским барьером, покрывающим половину планеты.

Очень немногие осмеливались перейти этот барьер, навстречу тайнам внутренней Венеры, вернулось же еще меньше.

Старк был одним из этих немногих. Он три раза пересекал горы и однажды жил там почти год, но так и не привык к Красному морю.

Оно состояло не из воды, а из газа, достаточно плотного, чтобы по нему могли плавать металлические корпуса кораблей, и вечно горевшего глубоким внутренним огнем. Туман, окутывавший его, был окрашен кровавым румянцем. В глубине же, там, где проходили ленивые течения, Старк видел наносы пламени и маленькие вспышки, летящие вверх, разбегающиеся в стороны и сливающиеся с другими вспышками. Поверхность моря напоминала ночное небо, усеянное малиновыми звездами.

В густом, сочном мраке эта картина была очень красивой, красивой и странной.

Послышались шаги босых ног. Капитан Мальфор подошел к Старку. В сияющем тумане его силуэт казался призрачным.

— Подходим к Шараану.

Старк кивнул:

— Хорошо.

Путешествие длилось бесконечно, и тесное пространство узкой палубы уже действовало Старку на нервы.

— Тебе понравится Шараан, — радостно улыбнулся капитан. — У нас есть все, что нужно: вино, пища, женщины — жаловаться грех. И чужаков мало. Мы держимся особняком, ты увидишь. Но те, кто приходит... — Он засмеялся и хлопнул Старка по плечу. — Да, ты будешь счастлив в Шараане.

Старку послышалось, что матросы тоже смеются. Похоже, они оценили шутку Мальфора, но соль этой шутки должна быть скрытой от посторонних.

— Прекрасно, — сказал он.

— Вероятно, — заметил Мальфор, — тебе понравится жить у меня. Я с тебя возьму по-божески, по-доброму.

За проезд он тоже взял со Старка вполне по-божески, как-то чересчур по-доброму.

— Нет, — произнес Старк.

— Да ты не бойся, — доверительно подмигнул венерианин. — У всех чужаков, приезжающих в Шараан, одна забота на уме. Я-то знаю. Но мы тебя спрячем, не беспокойся. До нас никто не доберется.

Он сделал паузу, но Старк не поддался на приманку. Мальфор хихикнул и продолжил:

— В сущности, это настолько безопасное место, что большинство иноземцев решили остаться там навсегда. В моем доме я дам тебе...

— Нет, — равнодушно повторил Старк.

Капитан пожал плечами:

— Ладно. Но ты все-таки подумай об этом. — Он взглянул вперед, в красные завитки тумана. — Ага, видишь? — Вдали показались очертания утесов. — Мы входим в пролив.

Мальфор повернулся и сам взялся за рулевое весло, а помощник пошел к остальным.

Судно начало набирать скорость. Старк увидел, что оно подхвачено течением, несущимся к утесам, а река огня еще быстрее устремилась в глубины моря.

Из тумана перед ними вынырнула темная стена. Сначала Старк не увидел в ней никакого прохода, но тут стену прорезала узкая малиновая полоса. Она расширилась и вскоре превратилась в поток бурлящего пламени, мчащийся вокруг разбитых скал. Красный туман.

Корабль дрожал словно безумный и неумолимо летел в самое сердце ада.

Руки Старка непроизвольно стиснули поручень. Ключья тумана проносились мимо. Казалось, что море, воздух и сам корабль пропитались кровью. Мощный стремительный поток беззвучно катил свои огненные волны меж скалистых берегов пролива, на которых то тут, то там вспыхивали зловещие огоньки.

Эти частые вспышки, отблески, блики подсказали Старку, что проливы Шараана охраняются. Среди утесов притаились приземистые укрепления, стояли наготове баллисты и большие лебедки, установленные здесь, чтобы тянуть сети через узкую горловину. Вероятно, люди Шараана издали закон, который запрещал иностранным купцам появляться в проливе. Что ж, у них были основания бояться чужаков. По официальной версии, Шараан жил торговлей вином и кружевами — изумительной красоты изделиями, сплетенными из паутины шелкового паука. На самом деле город существовал за счет пиратства, разбоя и контрабандной торговли перегнанным соком мака.

Глядя на скалы и укрепления, Старк понял, как Шараану много столетий подряд удавалось безнаказанно грабить торговые флотилии в Красном море, даруя убежище вора, убийцам и нарушителям табу.

С ошеломляющей быстротой они прошли через узкий пролив и поплыли по спокойной поверхности того, что, по существу, было заливом Красного моря.

Густой туман все еще скрывал от Старка землю, но запах ее стал теперь сильнее — запах прелой почвы, гнилостный дух

заболоченных джунглей. Один раз ему показалось, что сквозь пар он видит темную глыбу какого-то острова, но через секунду видение исчезло.

После дух захватывающей стремительности пролива Старку казалось, что корабль едва ползет. Нетерпение и тревога усилились. Старк принялся нервно мерить шагами палубу, ступая бесшумно и быстро, словно дикий кот.

Совсем недавно Старк находился на Марсе, и после чистого сухого воздуха этой планеты густой венерианский туман был настоящей душегубкой.

Внезапно он остановился и, наклонив голову, прислушался.

Ленивое дыхание ветра принесло слабый звук. Он шел отовсюду и ниоткуда, нечто смутное, без источника и направления.

То говорила сама ночь, жаркая синяя ночь Венеры в безутешном горе кричала сквозь туман.

Звук стих и умер, едва услышанный, оставив в душе чувство некоей вселенской скорби.

Старк вздрогнул. На минуту воцарилась тишина, а затем тихий таинственный стон, переливающийся в тяжелом воздухе, вновь пронесся над морем и тихим пением взлетел к небесам. Не было слов в этой песне, да и невозможно выразить словами столь глубокую печаль. Вскоре невидимые певцы умолкли.

Старк повернулся к Мальфору:

— Что это?

Капитан с удивлением взглянул на своего пассажира. Видимо, он ничего не слышал.

— Плачущий звук, — нетерпеливо пояснил Старк.

— Ах, это. — Венерианин пожал плечами. — Фокусы ветра. Он свистит в скалах вокруг пролива.

Капитан зевнул, уступил свое место у рулевого весла помощнику и подошел к Старку. Землянин не обратил на него внимания. Загадочный, едва различимый в тумане звук резко усилил его тревогу.

Цивилизация лишь слегка коснулась Старка. С детства воспитанный полулюдьми, он сохранил в душе нечто дикарское. Слух у него был превосходный.

Мальфор врал. В свисте ветра никогда не услышишь такое живое, безнадежное страдание.

— Знал я кое-кого из землян, — заметил Мальфор. — Они не похожи на тебя. — Он сменил тему разговора, хотя и не слишком ловко.

— А я не с Земли, — ответил Старк, — я с Меркурия.

Мальфор вытаращил глаза. Венера — мир, укрытый облаками, где люди никогда не видели Солнца и мало что знают о

планетах. Капитан что-то слышал о них. Он знал о существовании Земли и Марса, но о Меркурии понятия не имел.

— Это ближайшая к Солнцу планета, — объяснил Старк. — Там очень жарко. Солнце пылает, как гигантский костер, и нет облаков, которые могли бы прикрыть его.

— А! Вот почему у тебя такая темная кожа.

Мальфор сравнил свою бледную руку с рукой Старка и покачал головой.

— Я никогда не видел такой кожи и таких мускулов, — сказал он и восхищенно улыбнулся. — Я хочу, чтобы ты остановился у меня. Лучшего жилища не найти во всем Шараане. И заметь: люди в городе рады пожить за счет иноземцев, грабят их и даже убивают. А меня все знают как честного человека. — Он помолчал и с улыбкой добавил: — Кроме того, у меня есть дочь. Она отличная кухарка и к тому же красавица.

Горестное пение раздалось снова; далекое, приглушенное ветром, оно, казалось, пыталось предупредить людей, рассказать о подстерегающем их неведомом злом роке.

— Нет, — в третий раз сказал Старк.

Не требовалось особой интуиции, чтобы держаться от капитана подальше: он был явным и не слишком хитрым мошенником.

На миг в глазах Мальфора блеснула злость.

— Ты упрям, но Шараан не место для упрямых людей.

Он повернулся и отошел. Старк остался на месте. Корабль шел через медленно текущую вечность по спокойному заливу Красного моря, сквозь жару и туман. Призрачная песня преследовала Старка, скорбная, как вопль погибших душ в забытом аду.

Наконец курс корабля изменился. Мальфор снова вышел на заднюю палубу и спокойным голосом отдал несколько распоряжений.

Впереди Старк увидел землю — темное пятно в ночи, а затем различил и контуры города.

На набережных и улицах горели факелы, а низкие здания освещали красноватые блики морских волн. Приземистый и безобразный Шараан скорчился на скалистом берегу, как ведьма, полошущая в крови рваные юбки.

Корабль двигался к набережной. Старк услышал за спиной легкое движение, приглушенные шаги босых ног. Быстро, точно почуявший угрозу зверь, он развернулся и положил руку на пистолет.

Нагель, брошенный помощником, с силой ударил Старка по голове.

Шатающийся, полуослепленный, он смутно увидел приближавшихся людей. Низко и резко в воздухе просвистел второй нагель и попал Старку в плечо.

Чьи-то руки схватили его. Тяжелые крепкие тела старались повалить раненого чужака. Мальфор захохотал.

Старк оскалился, сверкнул белыми зубами, впился ими в чью-то оказавшуюся рядом щеку и издал такое рычание, какое, наверное, никогда не исходило из человеческой глотки.

Венериане в испуге отшатнулись: они вообразили, что их пленник колдовским образом превратился в какого-то хищного зверя.

Человек с разодранной щекой взвыл.

Шарканье ног, устрашающая суетливость движений — и громадное смутное тело выпуталось из скучившегося клубка, поднялось и исчезло за поручнями, оставив в руках Мальфора лишь обрывки шелковой сорочки.

Поверхность Красного моря без всплеска сомкнулась над головой Старка. Только вспышка малиновых искр, мимолетный след огня, летящий в глубину, как затонувшая комета, — вот и все.

Глава 2

Старк медленно погружался в багровую бездну. С дыханием не было никаких затруднений, не то что в настоящем море.

Газы Красного моря прекрасно поддерживали жизнь, и создания, жившие в нем, имели нормальные легкие.

Впрочем, Старк, еще не пришедший в себя от боли и злобы, не обратил на это никакого внимания: его сил хватало лишь на то, чтобы удерживаться в глубине этого густого красного тумана.

Дикарь в нем, которого звали не Старк, а Н'Чака, который сражался, голодал и охотился в кипящих долинах Сумеречного пояса Меркурия, научился многому и не забыл ничего. Ему хотелось вернуться и убить Мальфора вместе с его бандой. Он сожалел, что не смог перегрызть им глотки: ведь теперь они никогда не оставят его, они будут идти за ним по следу.

Но Старк-человек, который получил куда более горькие уроки от так называемой цивилизации, сознавал неблагоразумие таких желаний. Он рычал, он боролся со жгучей головной болью, проклинал венериан на грубом примитивном наречии своей матери, но не спешил вернуться обратно. Он еще успеет почитать с Мальфором.

Тут он заметил, что залив очень глубок. Утихомирив свою ярость, он поплыл к берегу. Признаков преследования не было,

и он рассудил, что Мальфор оставил его в покое. Старк не понимал причин нападения. Вряд ли это был грабеж: на что они могли позариться? На одежду? На те медяки, что бренчали у него в кармане?

Нет, причина таилась глубже. Она была связана с настойчивым желанием Мальфора поселить Старка у себя. Старк криво улыбнулся. Он подумал о Шараане, вспомнил слухи об этом городе, ходившие по всему побережью Красного моря.

Затем лицо его омрачилось. Туман огненных сполохов, по которому он плыл, напомнил ему о том дне, когда он отправился в плавание по Красному морю.

Он уходил не один, с ним был Хельви, высокий парень, сын варварского царька верхнего побережья Ярелла. Они охотились на удивительных животных в хрустальных лесах морского дна и купались в оздоравливающем пламени, которое выбивалось из ядра Венеры и питало океан.

Они были как братья.

Теперь Хельви исчез в Шараане и не вернулся.

Старк медленно плыл в газообразной «влаге» моря. Вдруг в красном сиянии под собой он увидел нечто такое, что заставило его опуститься пониже. Он с удивлением нахмурился...

Под ним росли деревья, громадные лесные гиганты, поднимающиеся к настоящему небу. Их ветви слабо шевелились в медленных струях огня.

Старк был поражен. Леса, где охотились он и Хельви, были кристаллическими, без малейшего признака жизни. «Деревья» там — то же самое, что ветвящиеся кораллы в южных океанах Земли.

Но здесь-то они живые или, по крайней мере, кажутся живыми. У них были зеленые листья, а местами стволы обвивали лианы с большими поникшими цветами, золотыми, пурпурными и восково-белыми. Но, подплыв поближе и прикоснувшись к ним, Старк понял, что все здесь мертво — и деревья, и листья, и цветы.

Они не мумифицировались, не обратились в камень, они остались гибкими, и краски сияли свежестью. Они просто перестали жить, и газы моря чарами какой-то химической магии сохранили их, да так, что ни один лист не опал.

Старк не рискнул плыть в темную гущу верхних ветвей: странный ужас овладел им при виде этого гигантского леса, спящего в глубинах залива, затонувшего и забытого. Казалось, деревья недоумевают: куда девались птицы, теплые дожди, дневной свет? Старк поднялся вверх и поплыл над ветвями, словно большая темная птица. Переполненный стремлением уйти из этого неземного места, он плыл вперед. Его дикое, первобытное

чутье обострилось, а тело вздрагивало, почти физически ощущая присутствие зла, такого большого, что Старк, призвав всю свою способность мыслить здраво, едва смог убедить себя, что его не преследуют демоны.

Наконец, выплыв на поверхность, он обнаружил, что сбился с пути и сделал большой круг, оказавшись теперь много ниже Шараана. Он не спеша поплыл обратно и в конце концов выбрался на черные скалы.

Там он обнаружил грязную тропу, ведущую к городу, и пошел по ней, не быстро и не медленно, но очень осторожно.

Из тумана показались редкие хижинки-мазанки. Вскоре они стали попадаться все чаще и постепенно образовали целую улицу.

Кое-где сквозь узкие окна пробивался свет.

На пороге ближайшей хижины стояли мужчина и женщина. Увидев незнакомца, они бросились в разные стороны, женщина вскрикнула.

Старк прошел мимо. Он не оглядывался, но знал, что они недалеко и идут за ним.

Тропа извивалась, как змея, и ползла между тесно стоявшими домами. Стало больше света, прибавилось народу — высоких, белокожих людей, жителей болотных окраин, с бледными глазами, кудельными волосами и волчьими лицами.

Старк шел мимо них, чужой, странный, черноволосый и загорелый.

Люди ничего не говорили и не пытались остановить его. Прячась за красной пеленой тумана, они с любопытством и страхом следили за незнакомцем. Кое-кто даже осмелился — сохраняя, разумеется, почтительную дистанцию — последовать за ним. Откуда-то появилась стайка ребятишек, совсем голых: они с криками побежали рядом, но близко не подходили, пока один мальчишка не закричал что-то непонятное.

Старк уловил только одно слово: «лхари». Все ребята в ужасе остановились, а затем бросились наутек.

Старк зашагал через квартал плетельщиков кружев. Инстинкт вел его к пристани.

Сияние, шедшее с Красного моря, пронизывало воздух, и казалось, что на город опустилась туча, состоящая из мельчайших капелек крови. Запах, несшийся отовсюду, не нравился Старку: пахло грязью, потными телами, винным перегаром и зернами мака. Шараан был нечистым городом, и воняло от него злом.

Было что-то еще, нечто неуловимое, холодными пальцами пробегающее по нервам Старка: страх. Он видел тень этого страха в людских глазах, слышал его отзвуки в голосах. Волки

Шараана даже в собственном логове не чувствовали себя в безопасности.

По мере того как это ощущение росло, Старк бессознательно становился все более настороженным, глаза его наливались холодом, взгляд тяжелел.

Он вышел на широкую гаванскую площадь и увидел призрачные корабли, пришвартованные к набережным, груды винных бочонков, путаницу мачт и снастей на фоне пылающего залива.

Чадило множество горящих факелов. Вокруг площади стояли широкие приземистые строения. Оттуда, с темных веранд, доносились смех и голоса, где-то под заунывные звуки камышовой дудки пела женщина.

Яркая вспышка света вдаль ударила Старку в глаза. Здесь улицы поднимались вверх, и, глядя сквозь туман, Старк различил смутные контуры замка, построенного на невысоких утесах, яркими глазами смотревшего в ночь, на улицы Шараана. Старк поколебался, а затем пошел через площадь к большой таверне.

На площади толпилось много народу, в основном матросы и их женщины. Все были развязны и глупы от вина, но тем не менее они останавливались и смотрели на смуглого чужака, а затем обходили его, продолжая разглядывать.

Те, кто следовал за Старком, тоже вышли на площадь, остановились, а потом, перешептываясь, разошлись по другим группам.

Полная женщина замолкла на середине фразы. На площади стало удивительно тихо, но нервное шушуканье еще кружилось в этой тишине, и отовсюду — с веранд, из винных погребков — медленно выходили люди. Внезапно растрепанная женщина указала на Старка и визгливо засмеялась.

Трое молодых людей с жестокими глазами и хищными ртами загородили Старку дорогу, скалясь, как скалятся собаки перед тем как разорвать плотку.

— Иноземец, — прохрипел один, — землянин?

— Вне закона, — ответил Старк, солгав лишь наполовину.

Один из парней шагнул вперед:

— Ты перелетел, как дракон, через горы Белого Облака или упал с неба?

— Я прибыл на корабле Мальфора.

По площади прокатился вздох, и общий шепот эхом повторил имя капитана. Жадные лица юнцов выразили разочарование. Их вожак ухмыльнулся и заметил:

— Я был на набережной, когда Мальфор швартовался, но тебя на борту не видел.

Настал черед Старка улыбнуться. При свете факелов его глаза казались холодными и искрящимися, как лед на солнце.

— Вот пусть Мальфор тебе это и объяснит, — сказал он и добавил: — А может, ты хочешь узнать на себе?

Парень хмуро со странной нерешительностью взглянул на него. Старк весь подобрался, напрягая мускулы. Женщина, которая смеялась, подошла ближе, разглядывая Старка сквозь спутанные, свисающие на лицо волосы, и, обдавая его запахом макового вина, сказала:

— Он пришел из моря, вот откуда. Он...

Один из молодых парней ударил ее по губам, и она упала в грязь. Плотный моряк подбежал к ней и, схватив за волосы, рывком поставил на ноги. Лицо его исказилось от страха и злобы. Он потащил женщину прочь, колотя и ругая ее заглупость.

Она сплевывала кровь, но ответить не решалась.

— Ну, — обратился Старк к парням, — усвоили?

— Усвоили? — переспросил кто-то из толпы.

Это был грубый, скрипящий, неумело подражающий певучему венецианскому произношению голос.

— Они ничего не могут усвоить, эти щенки. Кабы не так, они занимались бы делом, а не торчали бы тут и не приставали к иноземцам.

Молодые люди обернулись, и в просвете между ними Старк увидел говорившего. Это был землянин, и в первую минуту Старк принял его за старика, потому что волосы его давно поседели, а лицо прочерчивали глубокие морщины. Тело его было истощено лихорадкой, мускулы превратились в веревочные узлы на костях. Он тяжело опирался на палку: одна нога была скрючена и покрыта шрамами. Старик улыбнулся и сказал на разговорном английском:

— Гляди, как я их сейчас отделаю!

И он принялся на все лады честить парней, называя их ослиами, ублюдками, сыновьями болотных жаб, неотесанной деревенщиной, бесполоыми вырожденками.

— Если вы не верите чужаку, олухи, — хрипел он, — так почему бы вам в самом деле не обратиться к Мальфору? Уж он-то вам все объяснит. — В конце концов, истощив запас ругательств, он взмахнул тяжелой палкой и завопил: — А теперь пошли прочь! Убирайтесь! Я хочу поговорить с земляком.

Парни нерешительно покосились на Старка, переглянулись, пожали плечами и пошли через площадь, несколько смущенные, словно пойманные на каком-то проступке детишки.

Седовласый землянин поманил Старка и, когда тот подошел, упрямо шепнул ему:

— Ты в западне.

Старк оглянулся. На краю площади три парня встретили человека, лицо которого было обвязано тряпкой. Увидев, что их заметили, они тотчас скрылись за углом, но Старк успел узнать в четвертом Мальфора.

Что ж, значит, ему все же удалось разукрасить физиономию капитана.

А хромой крикнул — очень громко и очень радостно:

— Пойдем со мной, брат! Выпьем и поговорим о Земле.

Глава 3

Это была обычная венерианская таверна низшего класса — большая открытая терраса под соломенной крышей, где вместо стен — тростниковые шторы, которые можно свернуть и укрепить под потолком, а вместо пола — ветхий бревенчатый настил, который подпирали шаткие сваи. Вдоль низкой стойки размещались маленькие столики, а на полу вокруг них громоздились грязные шкуры и груды подозрительных подушек. В дальнем углу комнаты бурлило веселье: два старика с барабаном и камышовой дудкой и две хмурые, истасканные девицы.

Хромой подвел Старка к угловому столику, велел подать вина и уселся на грудку шкур. Его глаза, темные, затаившие давнюю боль, горели от возбуждения, руки тряслись. Старк еще не успел присесть, а старик уже приступил к расспросам, торопясь и запинаясь, от нетерпения проглатывая целые слова.

— Как там теперь? Изменилось что-нибудь? Расскажи мне о Земле, о городах, о солнце. Господи, я отдал бы все, чтобы снова увидеть солнце, темноволосых женщин и их наряды!

Он наклонился, жадно вглядываясь в лицо Старка, словно надеялся увидеть в нем отражение того, о чем он так мечтал все эти годы.

— Ради Бога, говори по-английски и Расскажи мне о Земле!

— Ты давно здесь? — спросил Старк.

— Не знаю. Как считать время без солнца, без единой проклятой звездочки? Десять лет, сто лет — откуда я знаю? Вечность. Рассказывай о Земле.

Старк криво улыбнулся:

— Я там был очень давно, и, если попаду туда снова, полиция устроит мне роскошную встречу. Но когда я в последний раз видел Землю, она была такая же, как всегда.

Хромой вздрогнул. Он смотрел не на Старка, а куда-то мимо него, вдаль.

— Осенние деревья, красные и золотые на коричневых холмах. Снег. Я помню, что такое холод. Воздух кусается, когда

его вдыхаешь. Женщины носят туфли на высоких каблуках. Маленькие голые ноги шлепают по грязи, а острые каблочки стучат по чистой мостовой. — Он взглянул на Старка, и глаза его наполнились слезами бессильной ярости. — Какого дьявола ты явился сюда? Я не хочу вспоминать о Земле. Я Ларраби. Я живу в Шараане. Я живу здесь целую вечность, и сдохнуть мне суждено именно в этих болотах. Нет никакой Земли. Она пропала. Все пропало, все, кроме облаков, Венеры и грязи.

Нервная дрожь сотрясла его тело, он задохнулся и растерянно посмотрел по сторонам.

Слуга принес вино, поставил кувшин и отошел. В таверне воцарилась тишина. Посетители, развалившиеся на подушках, молча потягивали маковое вино и выжидающе посматривали на землян.

Вдруг Ларраби хлопнул себя по лбу и разразился веселым, искренним смехом:

— Слушай, ну и нюни я распустил! Подумать только, какая горячая любовь к Земле!.. А ведь раньше, когда я там жил, мне бы и в голову не пришло петь ей такие хвалебные песни!

Однако глаза его оставались грустными, рука, держащая стакан, дрожала, и на стол пролилось несколько капель вина. Старк смотрел на него, не веря своим глазам.

— Ларраби, — произнес он. — Ты Майк Ларраби. Ты тот, кто взял полмиллиона кредитов из закрытого сейфа «Королевской Венеры»?

Ларраби кивнул:

— Я ушел с деньгами прямо через горы Белого Облака, хотя говорят, что через них нельзя перебраться. А знаешь, где теперь эти полмиллиона? На дне Красного моря, вместе с моим кораблем и командой. Один Бог знает, почему я остался жив. — Он пожал плечами. — Как бы то ни было, я хотел попасть в Шараан и попал сюда, а посему жаловаться нечего. — Он снова сделал большой глоток.

Старк покачал головой:

— Ты здесь девять лет по земному времени.

Он никогда не встречался с Ларраби, но помнил его портреты, которые передавались через космос на частотах полиции. Тогда Ларраби был молодым человеком, гордым и красивым.

Собеседник угадал его мысли и со смехом спросил:

— Я изменился, верно?

Старк насторожился, пытаясь уловить снаружи какой-нибудь подозрительный шум, но все было тихо. Тогда он резко повернулся к Ларраби:

— Что ты говорил о западне, в которую я попал?

— Я скажу тебе только одно, — ответил Ларраби. — Из нее не выбраться. Я не смогу помочь тебе. Не смогу, а если бы и мог, то, честно говоря, не стал бы.

— Что ж, и на том спасибо, — вздохнул Старк. — Но ты можешь хотя бы сказать, что меня ожидает?

— Слушай, — ответил Ларраби, — я калека, старик, а Шараан — не самое лучшее место в Солнечной системе. Но я живу. У меня есть жена, неряшливая шлоха, признаться, но, в сущности, неплохая баба. Может, ты заметил нескольких маленьких черноволосых щенков, валяющихся в грязи? Это тоже мои. Я еще помню, как лечить переломы, вывихи и все такое прочее, а значит, могу пить бесплатно, когда захочу, то есть весьма часто. К тому же из-за своей проклятой ноги я безвреден как младенец. Так что не спрашивай меня, что случится. Я предпочел бы не знать.

— Кто такие лхари? — спросил Старк.

— А это тебе зачем? Ты что, в гости к ним собрался? — Ларраби, кажется, нашел эту мысль забавной. — Тогда иди наверх, в замок. Они живут там. Это лорды Шараана. Они всегда рады иноземцам. — Он вдруг наклонился вперед: — Кто ты такой? Как тебя зовут, и какой дьявол притащил тебя сюда?

— Меня зовут Старк. А пришел я сюда по тем же причинам, что и ты.

— Старк, — медленно повторил Ларраби, пристально глядясь в собеседника. — Да-да, был такой... Что-то припоминается, какие-то колокольчики звенят... Приходит на ум один верзила из юпитерианских колоний, который вздумал устроить там бунт... Здоровенный был малый, с холодными глазами, а чтобы нагнать побольше страху на людей, его именовали не иначе как Меркурианским Дикарем. — Он кивнул, довольный собой. — Так, значит, Дикарь? Ну ничего, в Шараане тебя выдрессируют.

— Возможно, — согласился Старк. Его взгляд опять скользнул от Ларраби к двери, от двери к посетителям и от посетителей вновь к Ларраби. — Кстати, об иноземцах. Один пришел сюда в минувший сезон дождей. Он венерианин, с верхнего побережья, крупный такой парень. Я знал его. Может, он окажет мне помощь.

Ларраби фыркнул. К этому времени он выпил и свое вино, и порцию Старка.

— Никто тебе не поможет. Друга твоего я в глаза не видал. Сдается мне, что и тебя я повстречал напрасно. — Он схватил свою палку, не без труда поднялся на ноги и, не глядя на Старка, грубо бросил: — Тебе лучше проваливать отсюда. — После чего повернулся и заковылял к стойке.

Старк встал, посмотрел Ларраби вслед, и снова его ноздри ощутили запах страха.

Он вышел из таверны так же, как и вошел, — через переднюю дверь.

Никто не остановил его. Площадь была пуста. Начался дождь. Старк по щиколотки утонул в вязкой теплой грязи. Внезапно он понял, что ему следует предпринять, улыбнулся и отправился в путь, держась края площади и продолжая обдумывать пришедшую в голову идею.

Дождь усилился. Струи глухо шуршали в соломенных крышах, звонко лупили по булькающей грязи, и от мокрых плеч Старка валил густой пар. Пар окутывал и гавань: соприкасаясь с поверхностью Красного моря, дождь тут же испарялся и багровыми, бурлящими облаками поднимался к небесам. Набережные и смежные с ними улицы поглотил непроницаемый туман.

Жуткими синеватыми росчерками проносились молнии, следом за ними катились гулкие раскаты грома.

Старк свернул на узкую дорогу, ведущую к замку. Освещенные окна причудливого дворца гасли одно за другим, утопая в наползающем тумане. На мгновение молния озарила на фоне ночного неба темную громаду замка, и сквозь грохот ударившего затем грома Старку послышался окрик.

Он остановился, пригнулся и положил руку на оружие. Крик повторился. Это был девичий голос, тонкий, как плач морской птицы, доносящийся сквозь пелену дождя. Затем Старк увидел на затемненной улице маленькое белое пятно.

Девушка бежала к Старку, и даже при беглом взгляде на нее в каждой линии ее тела чувствовался страх.

Старк прислонился к стене и ждал. Девушка, похоже, была одна, но в грозу и в темноте об этом судить было трудно.

Она подбежала и остановилась прямо перед ним, с болезненной нерешительностью глядя то на него, то назад. В яркой вспышке молнии он отчетливо разглядел ее. Она была очень молода, почти подросток, и довольно привлекательна. Но теперь губы ее дрожали, а испуганные глаза широко раскрылись.

Юбка прилипла к ее стройным бедрам, а выше юбки обнаженное тело, едва сформировавшееся по-женски, блестело, как мокрый снег. Светлые волосы падали на плечи.

— Чего ты хочешь от меня? — дружелюбно спросил Старк.

Она так напомнила ему брошенную мокрую куклу, и взгляд ее казался таким несчастным, что он улыбнулся.

От этой улыбки девушка совсем растерялась, упала на колени и рыдалась.

— Я не могу этого сделать, — сквозь слезы выдавила она. — Он убьет меня, но я все равно не могу этого сделать.
— О чем ты? — спросил Старк.
Она подняла на него глаза.
— Беги немедленно! — сказала она. — Ты умрешь в болотах, но это лучше, чем отправиться к Потерянным Душам. — Она протянула к нему тонкие руки: — Беги же!

Глава 4

Темная улица была пуста. Старк наклонился, поднял девушку и затащил ее под навес крыши.

— Ну-ка, перестань кричать и объясни толком, в чем дело. Всклипывая, девушка начала свой рассказ:

— Я Зерит, дочь Мальфора. Он помнит, как ты вел себя на корабле, и теперь боится тебя. Он приказал мне идти на площадь и ждать, пока ты не выйдешь из таверны. Затем я должна была идти за тобой и... — Она замолчала.

Старк похлопал ее по плечу:

— Давай дальше.

— Если я скажу, обещаю, что не станешь бить меня... — Оружие Старка очень ее пугало.

— Обещаю.

Она взглядела в его лицо, пытаясь различить в этой крошечной тьме его выражение, и, кажется, немного успокоилась.

— Я должна была остановить тебя и сказать то, что уже сказала, то есть что я дочь Мальфора, что он велел привести тебя в засаду, а я якобы хочу спасти тебя, потому что ненавижу Мальфора и все это дело с Потерянными Душами. Если бы ты поверил и пошел за мной, я привела бы тебя к засаде.

Она покачала головой и снова заплакала, на этот раз тише, и теперь в ней не было ничего от взрослой женщины. Теперь перед Старком стояла жалкая, перепуганная девчонка, и он с удовольствием вспомнил, как досталось Мальфору.

— Но я не могу вести тебя в ловушку, я действительно ненавижу Мальфора. Он, конечно, мой отец, но он бьет меня... А Потерянные Души... — Она сделала паузу. — Иногда ночью я слышу их: они поют где-то далеко в тумане. Это очень страшно.

— Да, — сказал Старк, — я тоже слышал их. Кто такие Потерянные Души, Зерит?

— Лучше не спрашивай, — ответила она. — О них запрещено даже упоминать. Во всяком случае, я ничего не знаю. Люди исчезают, вот и все. Не наши люди из Шараана — это редко. В основном иноземцы вроде тебя. Я уверена, что, когда мой отец охотится в болотах с тамошними племенами, он не приносит

иной добычи, кроме людей с какого-нибудь захваченного судна. Зачем? Этого я не знаю. Да я и вообще ничего не знаю, я только слышала пение.

— Эти Потерянные Души живут в заливе?

— Наверное. Там много островов.

— А что лхари, лорды Шараана? Разве они не знают, что делается? Или они сами участвуют в этом?

Она вздрогнула:

— Не наше дело гадать, чем занимаются лхари. Люди исчезают из Шараана, и никто не знает куда.

Старк кивнул и задумался. Маленькая рука Зерит коснулась его плеча:

— Уходи, затеряйся в болотах. Ты сильный, ты не похож на других. Ты сможешь выжить и найти свой путь.

— Нет. Прежде чем уйти из Шараана, я должен кое-что сделать. — Он обнял ладонями маленькую голову Зерит и поцеловал девушку в лоб. — Ты милая и храбрая девочка, Зерит. Скажи Мальфору, что ты сделала все, как он велел, и не твоя вина, что я не пошел за тобой.

— Ну что ж, так или иначе, но мне от него достанется, — философски заметила Зерит. — Но, может, не очень сильно.

— Да он тебя и пальцем не тронет, поверь. Скажи ему, что я пошел в замок лхари, и он тут же заткнется. Последовало долгое, тяжелое молчание. Глаза Зерит медленно наливались ужасом, дождь стучал по крыше, раскаты грома и клубы тумана перекатывались над Шарааном.

— В замок! — прошептала она. — Ой, не надо, пожалуйста, не надо! Лучше в болота, лучше в руки к Мальфору, но только не в замок. — Она крепко, до боли, вцепилась ему в руку. — Ты чужеземец, ты не знаешь... Прошу тебя, не ходи туда!

— Почему? — спросил Старк. — Разве лхари — демоны? Они пожирают людей? — Он мягко отстранил ее руки. — Тебе пора идти. Скажи отцу, где я. Посмотрим, хватит ли у него смелости последовать за мной.

Зерит медленно отступила и сквозь пелену дождя испуганно воззрилась на Старка — человека, одной ногой стоявшего в преисподней, человека, который еще жив, но скоро позавидует мертвым. Изумление и острая жалость боролись в ее душе. Она хотела сказать что-то, но только покачала головой, отвернулась и бросилась бежать, не в силах более находиться рядом с этим живым покойником. Через секунду ее силуэт растаял среди тумана и дождя.

С неожиданной для себя нежностью Старк посмотрел ей вслед, а затем шагнул под дождь и направился вверх по ступеням к замку лордов Шараана.

Туман ослепил его. Шаг за шагом, почти на ощупь, Старк поднимался все выше и выше над городом, и постепенно багровая тьма совсем скрыла от него окружающее. Подул горячий ветер, и каждая вспышка молнии превращала тусклые завесы малинового тумана в клубящийся пурпурный ад.

Дождевые струи с шипением исчезали в глубинах залива, и ночь была полна этим тихим, непрерывным шелестом. Старк остановился и спрятал оружие в расщелине между скалами.

Вскоре он натолкнулся на резной столб из черного камня, рядом оказались массивные ворота, окованные металлом. Он постучал, но стук утонул в вязком тумане.

И тут рядом с воротами он увидел гонг — огромный диск кованого золота.

Старк взял лежащий здесь же молоток, и глубокий голос гонга разрушил краткий миг тишины между двумя раскатами грома.

Приоткрылась щель, и на прищельца уставились человеческие глаза. Старк опустил молоток.

— Откройте! Я хочу поговорить с лхари.

Изнутри слышался смех. Ветер донес обрывки голосов, новые взрывы смеха, а потом тяжелые створки ворот медленно отошли в стороны — ровно настолько, чтобы пропустить неожиданного гостя.

И он прошел, и ворота с лязгом закрылись.

Перед Старком раскинулся широкий двор, настолько широкий, что на нем уместилось несколько хижин, открытый навес для стряпни, а за ними загоны для животных — бескрылых болотных драконов.

Люди, впустившие Старка, столпились вокруг него, подталкивая гостя вперед, к свету, струившемуся из хижины.

— Он хочет говорить с лхари! — крикнул один из них женщинам и детям, стоявшим в дверях.

Слова его были подхвачены, и по всему двору прокатился злорадный, издевательский хохот.

Старк молча оглядел местных жителей. Непонятное племя. Мужчины одеты в доспехи, а следовательно, это солдаты и телохранители лхари. Все же прочие — солдатские чада и домоладцы, никогда не вылезавшие за ограду замка и никаких контактов с жителями Шараана не имевшие. Но к какой же расе они принадлежат?

Некоторая толика крови жителей шараанских болот в них все же текла: об этом свидетельствовали и молочно-белые волосы, и широкие лица. Но Старк с удивлением замечал в них и другие черты, черты той расы, что никогда не встречалась

здесь, за горами Белого Облака, в жарких, окутанных вечным туманом приморских низинах.

Стражники рассматривали пришельца с не меньшим любопытством, изумляясь его черным волосам, смуглой коже и вытянутому овалу лица. Женщины подталкивали друг друга локтями, перешептывались, хихикали, а одна сказала:

— Где же взять ошейник на такую шею? Тут нужен обод от бочки.

Стражники сомкнулись теснее.

— Что ж, раз ты желаешь увидеть лхари, то ты их увидишь, — громко сказал начальник. — Но сначала мы обыщем тебя.

Его окружили ошетилившиеся острия копий. Старк не сопротивлялся, и с него сорвали всю одежду, оставив только шорты и сандалии. Иного он и не ждал, и процедура обыска только позабавила его: стражники старались впустую.

— Ладно, — произнес наконец начальник, — пошли.

Вся деревня не поленилась выйти под дождь только для того, чтобы проводить Старка до дверей замка. Они смотрели на него с тем же плотоядным любопытством, что и жители Шараана, но в отличие от них эти знали, что именно ждет неосторожного гостя, знали все и потому вдвойне наслаждались неожиданным развлечением.

Громадные двери имели простую четырехугольную форму, однако не казались грубыми или некрасивыми. Сам замок был выстроен из черного камня. Каждый блок был идеально обтесан и подогнан к другим, а двери были обшиты тем же металлом, что и ворота, потемневшим, но не поржавевшим.

Начальник стражи крикнул охраннику:

— Смотри, кого я привел! Этот парень хочет поговорить с лхари.

Охранник заржал:

— Если хочет — значит, поговорит. Ночь долгая, а им скучно.

Он открыл тяжелые двери и что-то крикнул в зал. Тут же из темноты вынырнули разодетые в шелк слуги. Шею каждого из них стягивал украшенный драгоценными камнями ошейник. По гортанному тону их смеха Старк догадался, что у них нет языков.

Только тут Старк вздрогнул. Дверь в преисподнюю раскрылась, и в лицо ему ударило тяжелое дыхание Зла, того самого Зла, о котором предупреждала Зерит. Зачем он не послушался ее совета? Но, вспомнив о Хельви, о тысячах людей, пропавших в Шараане, он почувствовал, что страх его сменился злостью. Молнии прожигали небо, последний крик умирающей грозы потряс залитую дождем землю. Старк

оттолкнул ухмылявшегося охранника и вошел в замок, неся с собой вуаль красного тумана. Он не слышал, как дверь за ним захлопнулась, бесшумно, словно поступь приближающейся Смерти.

Вдоль стен горели факелы. В их дымном пламени Старк увидел длинный, как коридор, зал четырехугольной формы, без всяких украшений, облицованный черным камнем.

Он был высок и широк, в архитектуре его чувствовалось спокойное достоинство, и спартанская простота его линий производила куда большее впечатление, чем изломанные контуры развалин марсианских дворцов.

Здесь не было ни картин, ни резьбы, ни фресок. Казалось, строители чувствовали, что зал прекрасен сам по себе — массивностью, изысканностью пропорций и темным блеском полированного камня.

Украшены были только оконные амбразуры.

Сейчас они были открыты в небо, и красный туман затянул их, но остатки драгоценного витража в резных рамах показывали, какими эти окна когда-то были.

Странное ощущение охватило Старка.

Дикарь, меркурианский туземец, он был необычайно чувствителен к тому, на что большинство людей вовсе не обращали внимания.

Шагая по залу в сопровождении безязыких созданий в ярких шелках и сверкающих ошейниках, он был поражен неуловимой враждебностью этого места. Замок, совершенное воплощение замысла неведомых строителей, возвышался над городом как ставшая явью мечта, но чья темная душа могла мечтать о подобном чуде? В каком холодном мраке зародилась эта идея, чей мозг вынашивал ее? Человеческий? Вряд ли.

Зал заканчивался низкими широкими воротами из золота, сделанными с той же целомудренной простотой.

Мягкие быстрые шаги слуг, их неопределенное хихиканье, злобные, насмешливые взгляды — затем золотые двери распахнулись, и Старк предстал перед дхари.

Глава 5

Поначалу они показались ему порождениями горячечного бреда, ослепительными, нездешними существами, окруженными зыбкой аурой светящегося тумана, сквозь который их черты казались еще прекраснее.

Помещение, в котором очутился пришелец, размерами напоминало собор.

Стены и потолок скрывались в темноте, и из-за этого оно казалось безграничным. Сквозь черный полированный камень под ногами сочился тусклый свет, и пол выглядел легкой пленкой, расстеленной над бездной.

Далеко в сумеречной глубине помещения горело несколько ламп — крошечная галактика, узкими серебряными лучами освещающая фигуры лордов Шараана.

Когда Старк вошел, воцарилось молчание: взоры лордов обратились к раскрытым золотым дверям, в которых стоял незнакомец. В напряженной тишине Старк направился к хозяевам замка.

Откуда-то справа из непроницаемого мрака раздалось резкое шуршание, царапанье когтей, шипение рептилии и что-то вроде бормотания. Все эти звуки искажались и усиливались высокими сводами, превращаясь в демонический шепот, слышимый со всех сторон сразу.

Старк быстро развернулся и застыл, готовый к прыжку, глаза его сверкнули, тело покрылось холодным потом. Шум приблизился. Где-то вдалеке, под лампами, рассмеялась женщина, и смех ее разбился под сводами, как тонкий хрусталь. Шипение и рычание стали громче, и Старк увидел темный распывчатый силуэт неизвестного ему, но, видимо, опасного существа.

Старк протянул руки, чтобы перехватить нападающего, но ничего не случилось: странная фигура оказалась мальчиком лет десяти, тащившим за собой на обрывке веревки молодого дракона, еще беззубого, недавно вылупившегося. Дракончик из всех сил упирался, пытаясь перекусить душащую его веревку.

Старк с досадой выпрямился, чувствуя, как холодная злоба наполняет его душу. Мальчик хмуро взглянул на него из-под серебряных локонов, грубо выругался и побежал обратно, не забыв наградить свое животное хорошим пинком, после чего то совсем разъярилось и заорало — грозно, как сам Отец всех драконов.

Из-под ламп послышался голос, тягучий, хриплый, бесполой и тонкий, как стальной клинок. В нем не слышалось дружелюбия, каждое слово звучало как приказ — говорящий не привык к неповиновению.

— Иди сюда, к свету.

Старк повиновался. Он подошел к лампам, и силуэты лхари, неясные и туманные, обрели четкость. Красота их осталась, но стала другой. Да, они напоминали ангелов, но теперь, увидев их вблизи, Старк подумал, что лхари могли бы быть детьми самого Люцифера.

Их было шестеро, включая мальчика.

Двое мужчин примерно того же возраста, что и Старк, задумались над какой-то сложной игрой, женщина-красавица, одетая в белый шелк, сидела, сложив руки на коленях. Рядом устроилась женщина помоложе, не столь ослепительная, как первая, но яростный взгляд ее огромных глаз был исполнен какой-то горечи. Тело ее прикрывала только короткая малиновая туника, на левой руке, стянутой крепкой кожаной перчаткой, сидела хищная птица в колпачке, скрывающем голову.

Мальчик встал возле мужчин и надменно поднял голову. Время от времени он шлепал дракончика, и тот хватал его руку бессильными челюстями. Мальчику эта игра нравилась. «Интересно, — подумал Старк, — как будет вести себя юный лхари, когда у этой твари вырастут клыки?»

Напротив Старка, скорчившись на груди подушек, сидел третий мужчина, или, вернее, юноша, жалкий калека с тщедушным телом и длинными паучьими руками. На коленях его лежали острый нож и кусок дерева, из которого он вырезал фигурку некоего тучного существа — то ли женщины, то ли демоницы, воплощения чистого Зла. Старк с удивлением заметил, что лицо молодого калеки, как и лица всех хозяев замка, было поистине человеческим и действительно прекрасным. На мальчишеском лице — старые, мудрые и очень грустные глаза. Он улыбнулся Старку, и его улыбка тронула прищельца больше, чем самые искренние слезы сострадания.

Прочие лхари смотрели на Старка беспокойными голодными глазами. Отпрыски древнего рода, в чьих жилах текла кровь чуждой здесь расы, они поделились этой кровью со своими бледноволосыми рабами, наложив на них печать некоторого благородства. Лхари происходили от Облачного народа, жившего на Высоком плато, королей страны, лежащей на дальних склонах гор Белого Облака. Страшно было видеть их здесь, на темной стороне барьера, однако же глаза не обманывали Старка. Как они пришли и почему предпочли свои богатые прохладные равнины зловонию чужих болот — этого он понять не мог. Но ошибки быть не могло —, гордая, изящная осанка, албастровая кожа, глаза, многоцветные, как радуга, и одновременно прозрачные, как капля воды, волосы чистого теплого серебра.

Они молчали. Могло показаться, будто они ждут разрешения заговорить, и Старк попытался угадать, у кого из них такой властный, суровый голос.

И этот голос прозвучал снова:

— Иди сюда, подойди ближе.

Старк осмотрел хозяев, затем бросил взгляд на круг ламп и только тогда увидел говорившую. Она лежала на низкой постели,

и голова ее утопала в шелковых подушках. Чудовищной толщины тело прикрывало шелковое одеяло, открытыми оставались только руки — две бесформенные массы белой плоти, заканчивавшиеся крошечными кистями.

Время от времени она протягивала руку, брала кусочки пищи из запаса, лежавшего рядом с ней, и, сопя и отдуваясь, глотала их со страшной жадностью. Черты лица ее давно расплылись в трясущееся желе, из которого торчал только нос — тонкий, горбатый, жесткий, словно клюв птицы, сидевшей на запястье девушки и видевшей кровавые сны под своим колпачком. А глаза женщины...

Старк посмотрел ей в глаза, вздрогнул, бросил быстрый взгляд на незаконченную фигурку в руках калеки и понял, какая мысль водила ножом.

То ли женщина, то ли демоница, воплощение чистого Зла. Воплощение Силы. Сила светилась в ее глазах, и была эта сила скверной: мощь урагана, который все разрушает, но ничего не создает.

Женщина посмотрела в лицо гостю, и взгляд ее — тяжелый и пристальный, проникающий, казалось, в самые глубины души, — почти невозможно было вынести. Хозяйка замка знала это, она привыкла, что все опускают глаза перед ней, но Старк только улыбнулся и сказал:

— Я не отводил глаз даже под взглядом каменной ящерицы. От этого зависела моя жизнь, и я сам превращался в камень, когда следил за ней.

Она поняла, что гость говорит правду.

Старк ждал, что его слова вызовут гнев, но ошибся. По жирному телу старухи прокатилась какая-то рябь — очевидно, женщина смеялась.

— Видали? — обратилась она к другим. — Вы — отродье лхари, но никто из вас не смеет глядеть мне в лицо, а вот это темное создание, Бог весть откуда взявшееся, посмело, и да будет вам теперь стыдно! — Она снова взглянула на Старка: — Кровь каких демонов течет в тебе? Почему ты не ведаешь ни осторожности, ни страха?

— Я знаю и то и другое, знал всегда, еще до того, как научился ходить. Но мне ведомо и иное чувство — оно зовется злобой.

— Так ты злой?

— Спроси об этом у Мальфора.

Двое мужчин подались вперед, а по губам девушки прошла улыбка.

— Мальфор? — пробурчала туша на кровати. Она набила рот жареным мясом, и капли жира упали с ее губ на постель. —

Это интересно. Но не злость на Мальфора привела тебя сюда. Я любопытна, чужеземец. Говори же.

— Хорошо.

Старк огляделся вокруг. Это место было могилой, западней. В воздухе разливался острый запах опасности. Младшие лхари молча следили за Старком. С тех пор как он вошел, никто из них не раскрыл рта, если не считать выругавшегося мальчишки, а такое молчание не предвещало ничего хорошего. Девушка наклонилась вперед и лениво погладила птицу. Та встрепенулась и с наслаждением выпустила из костяных ножен острые когти. Девушка взглянула на Старка самоуверенно, холодно и даже с некоторым вызовом. Из всех лхари она одна видела в пришельце человека, мужчину, для остальных он был всего лишь любопытной головоломкой, игрушкой, развлечением — не более того.

— В последний сезон дождей Шараан посетил один человек. Его имя Хельви, он сын маленького царька в Ярелле. Он пришел разыскивать брата, который нарушил табу и бежал, спасая жизнь. Хельви пришел сказать ему, что проклятие снято и он может вернуться. Но не вернулись ни тот ни другой.

Старуха не без усилия приоткрыла тяжелые от жира веки.

— И что же?

— Я пришел за Хельви, потому что он мой друг.

Бесформенная туша вновь всколыхнулась от смеха, и отзвуки ее хохота тихим змеиным шипением прошлестели под сводом.

— Ты любишь своих друзей, чужеземец. Что ж... Лхари — народ добрый. Ты найдешь своего друга.

И она замолчала, словно решила наконец передать право голоса молодым. И лхари нарушили свое безмолвие: взрыв хохота прокатился по огромному залу, разбился о стены и потолок, рассыпался грохотом, оглушительным, точно смех демонов, доносящийся от пределов преисподней.

Не смеялся только калека. Он склонился над своей резьбой и вздохнул.

— Но, бабушка!... Зачем же так сразу?.. — воскликнула юная лхари. — Пусть он чуть-чуть погостит у нас.

Холодный жесткий взгляд устремился на нее.

— А что я буду делать с ним, Варра? Таскать на веревке, как Бор таскает этого жалкого зверя?

— Может быть. Хотя я думаю, что для этого понадобится веревка покрепче.

Варра повернулась к Старку, прикидывая его рост и вес, глядя в могучие упругие мышцы, в железную линию челюсти. Видимо, она осталась довольна этим зрелищем: на

губах девушки сверкнула улыбка. Рот ее был очень привлекателен и напоминал красный плод болотного дерева, чья терпкая сладость полна отравы и несет смерть.

— Как-никак, а это мужчина, — продолжала она, — первый мужчина, которого я вижу с тех пор, как умер мой отец.

Мужчины за игральным столиком встали, покраснев от гнева. Один из них шагнул вперед и грубо схватил девушку за руку.

— Значит, я, по-твоему, не мужчина, — сказал он удивительно мягко. — Печально, поскольку я буду твоим мужем. Нам лучше уладить это теперь же.

Варра кивнула. Старк увидел, как мужские пальцы впились в крепкую мышцу ее руки, но девушка не дрогнула.

— Давно пора все это уладить, Эджил. Ты достаточно помучился со мной. Но времена дрессировки прошли. Теперь я должна уметь склонять голову и признавать своего господина.

Старк не сразу понял смысл сказанного: насмешливая нотка в ее голосе была едва заметна.

И тут женщина в белом, которая за все это время не повела и бровью, вдруг залилась тонким звенящим смехом, уже знакомым Старку. По этому смеху и тому, как к лицу Эджила прихлынула кровь, Старк понял, что Варра просто повторила Эджилу его собственные слова.

Мальчик насмешливо фыркнул и замолк. Варра посмотрела на Старка:

— Ты будешь драться за меня?

Старк неожиданно рассмеялся:

— Нет.

Варра пожала плечами:

— Ну что ж. Тогда я буду драться сама.

— Мужчина? — рявкнул Эджил. — Я покажу тебе, кто мужчина, глупая маленькая ведьма!

Он сдернул с себя ремень и рывком пригнул девушку к полу, собираясь нанести ей хороший удар. Хищная птица, вцепившаяся в ее запястье, забила крыльями и закричала, дергая закрытой колпачком головой. Молниеносным движением девушка сорвала колпачок и швырнула птицу прямо в лицо Эджилу.

Тот выпустил девушку и взмахнул руками, защищаясь от когтей и разящего клюва.

Широкие, бесшумные крылья яростно били его по лицу.

Эджил взвыл. Мальчик Бор отскочил от стола и заплясал вокруг, визжа от радости.

Варра хранила молчание. На ее руке чернели синяки, но она не соблаговолила даже притронуться к ним. Эджил ударился

об игральный столик и скинул фигурки. Резные костяшки покатались по полу. Затем он зацепился за подушку и упал ничком, а злобствующие когти рвали в клочья его тунику.

Барра повелительно свистнула. Птица в последний раз клюнула Эджила в затылок и недовольно вернулась на свой насест — на руку девушки. Теперь Барра повернулась к Старку — так решительно, что тот вообразил, будто настал его черед и сейчас крылатая хищница бросится на него. Но девушка внимательно оглядела пришедшего и покачала головой.

— Не стоит, — сказала она и надела на голову птицы колпачок. — Ты, пожалуй, сможешь убить ее...

Эджил встал и ушел в темноту, облизывая рану на руке. Лицо его почернело от ярости. Второй мужчина взглянул на Варру:

— Если бы ты предназначалась мне, я бы выбил из тебя твою спесь!

— Подойди и попробуй, — ответила Варра.

Мужчина пожал плечами и сел.

— Это не мое дело. В своем собственном доме я поддерживаю мир.

Он посмотрел на женщину в белом, и Старк увидел, что на ее лицо, до сих пор ничего не выражавшее, опустилась тень униженного страха.

— Да, поддерживаешь, — заметила Варра. — Но на месте Эйрил я зарезала бы тебя сонного. Впрочем, тебе нечего бояться: у нее не хватит на это духу.

Эйрил вздрогнула и посмотрела на свои руки. Собирая разбросанные фигурки, мужчина небрежно произнес:

— В один прекрасный день Эджил свернет тебе шею, и это не слишком огорчит меня.

Тем временем глаза жирной старухи с жадностью наблюдали за происходящим, а рот с такой же жадностью поглощал пищу.

Оба эти занятия чрезвычайно занимали ее.

— Приятная семейка, не правда ли? — обратилась она к Старку. — Они взрослые люди, а ссорятся, как ястребята в гнезде. Поэтому я и держу их около себя: за ними нужен глаз да глаз. За всеми, кроме Треона. — Она указала на уродливого юношу. — Он ни на что не годен. Он тупой и мягкотелый, хуже Эйрил. Не внук, а проклятие! Зато у его сестры огонька на двоих! — И она снова принялась жевать, что-то гордо бормоча.

Треон поднял голову и заговорил. Голос его звучал как музыка.

— Может, я и туп, бабушка, может, я слаб телом, и нечего ждать мне от жизни, однако я буду последним лхари. Смерть

притаилась на башнях, она ждет, тебя она возьмет раньше, чем меня. Я знаю это, ветры все рассказали мне.

Он перевел на Старка свои полные страдания глаза и улыбнулся с такой болью и покорностью, что у того сжалось сердце. Но была в этой улыбке и благодарность, благодарность человека, который долго ждал и чувствует, что ожидание подходит к концу.

— Ты, — сказал он мягко, — чужеземец с неистовыми глазами. Я видел, как ты выходил из мрака, и там, где прошли твои ноги, остались кровавые следы. Твои руки были красными до локтей, твоя грудь была забрызгана алым, и на твоем челе — символ смерти. И пока я смотрел на тебя, ветер шептал мне в ухо: «Так и должно быть. Этот человек разрушит замок, засыплет камнями Шараан и освободит Потерянные Души». — Он спокойно засмеялся. — Смотрите на него, все смотрите! Он станет вашей погибелью!

Последовала минута молчания, и Старк, суеверный, как всякий дикарь, почувствовал, что ужас охватил все его существо.

— Значит, тебе об этом нашептали ветры, несчастный идиот? — с отвращением прошипела старуха и с удивительной силой и меткостью швырнула в Треона спелый плод. — Заткнись, ублюдок, я до смерти устала от твоих пророчеств.

Треон посмотрел на малиновый сок, стекавший по его груди и капавший на его работу. Наполовину законченная головка была залепана соком. Судорога восторга все еще сотрясала его тело.

— Ну, — сказала Варра, подходя к Старку, — что ты думаешь о лхари, о гордых лхари, унизившихся до того, чтобы смешивать свою кровь с кровью быдла, обитающего на болотах, о моем полоумном братце, о моих ничего не стоящих кузенах, о маленьком чудовище Боре, последнем отпрыске древа? Тебя не удивило, что я выпустила своего сокола на Эджила?

Вскинув голову, она ждала ответа. Ее серебряные локоны обрамляли лицо, как ключья грозового облака. В ней было самодовольство, которое одновременно раздражало и восхищало Старка.

«Адская кошка, — думал он, — но очаровательная кошка. Нагая, но благородная».

Ее губы приоткрылись не то в ярости, не то в улыбке.

Внезапно Старк схватил ее и поцеловал.

Он сжимал в руках ее гибкое и сильное тело, сжимал, как куклу, и не спешил отпускать. Наконец он выпустил ее и ухмыльнулся:

— Ты этого хотела?

— Да, — ответила Варра, — именно этого. — Она повернулась. Скулы ее опасно напряглись. — Бабушка...

Она не успела закончить. Старк увидел, что жирная старуха пытается сесть, лицо ее побагровело от усилий, в глазах горело страшное бешенство.

— Ты... — начала она. И задохнулась от злобы.

Неслышно появился Эджил. В руке он сжимал какой-то странный тупоносый предмет из черного металла.

— Ляг, бабушка, — сказал он. — Я хотел приберечь это для Варры...

Говоря, он нажал на кнопку. Старк отпрыгнул в спасительную темноту, упал и остался лежать как мертвый. В тишине не прозвучало ни звука, но громадная рука погрузила Старка в забвение.

— ...но нашел лучшую цель, — закончил Эджил.

Глава 6

Все красное. Кровь застилала глаза. Он стал вспоминать. Тот, кого он выслеживал, бросился на него, они боролись на голых пузырчатых камнях.

Н'Чака не убил. Повелитель Скал огромен, он гигант среди ящеров, а Н'Чака маленький. Он навалился на голову Н'Чаки прежде, чем деревянное копьё успело хотя бы оцарапать его бок.

Странно, что Н'Чака был все еще жив. Видно, Повелитель Скал сегодня сыт, сыт по горло. Только это и спасло Н'Чаку.

Н'Чака застонал — не от боли, а от стыда. Он промахнулся. Рассчитывая на великий триумф, он нарушил закон племени, запрещавший мальчику охотиться на добычу, достойную лишь мужчин, и потерпел неудачу. Старейшина не наградит его поясом и кремневым копьём мужчины, он отдаст Н'Чаку женщинам, чтобы те отхлестали его маленькими кнутами.

Тика станет смеяться над ним, и пройдет много сезонов, прежде чем старейшина дарует ему разрешение на мужскую охоту.

Кровь в глазах. Он моргнул. В нем пробудился инстинкт самосохранения. Он должен как-то подняться и отползти, пока Повелитель Скал не вернулся и не сожрал его.

Но красный туман не рассеивался. Он протер глаза, попытался поднять голову, но не смог, и страх навалился на него, как ночной мороз на скалы долины.

Все было не так. Он отчетливо видел себя, голого мальчишку, шатающегося от боли, поднимающегося и с трудом

карабкающегося по сухой глине к сулящему безопасности черному провалу пещеры. Он видел это, но не мог двинуться.

Все не так. Время, пространство, Вселенная потемнели и закружились.

Голос заговорил с ним. Девичий голос, но это не Тика. И речь была чужой.

Тика умерла. Воспоминания пронесли через его сознание, горькие, жестокие. И старейшина умер, и все остальные...

Голос снова заговорил и назвал его по имени, но это было не его имя.

Старк.

Воспоминания рассыпались, как стекляшки в калейдоскопе. Они бежали, кружились, и он плыл среди них, захлебываясь и теряя силы, и наконец вопль ужаса и отчаяния вырвался из его гортла.

Мягкие руки коснулись его лица, в ушах раздался торопливый шепот, ласковый и успокаивающий. Красный туман рассеялся, стал прозрачным, и внезапно он снова обрел себя, и память вернулась к нему.

Он лежал на спине, и Зерит, дочь Мальфора, стояла над ним. Теперь он понял, что за туман это был. Он видел его слишком часто, чтобы не вспомнить теперь.

Он лежал на дне Красного моря, этого жуткого океана, в котором человек может дышать.

И он не мог шевелиться. Это чувство не покинуло Старка. Его тело было мертвым.

Ужас, который он чувствовал раньше, был пустяком в сравнении с той агонией, которая охватила его сейчас. Он лежал, похороненный в собственном теле, и смотрел на Зерит, ожидая ответа на вопрос, который боялся задать.

Она поняла.

— Все в порядке, — сказала она и улыбнулась. — Это пройдет. Ты будешь здоров. Это оружие лхари. Оно каким-то образом усыпляет тело, но со временем это проходит.

Старк вспомнил черный предмет, который держал в руках Эджил. Излучатель неизвестного типа. Лучевой поток высокочастотной вибрации, парализующий нервные центры. Удивительно. Предки лхари — Облачный народ — по развитию стояли, конечно, выше обитателей болот, но все же они были и остались варварами, которым чужды и цивилизация, и наука. Где же в таком случае лхари могли добыть такое оружие?..

Но, в сущности, это неважно. По крайней мере сейчас. Сейчас рядом с ним человек, которому можно доверять, который доверяет ему, и удивительное ощущение этой близости растрогало его почти до слез.

Впрочем, слабость сейчас неуместна. В данный момент Старка беспокоило только это.

Он снова посмотрел на Зерит. Ее светлые волосы тихо колыхались в ленивых струях подводного течения — молочное облако на малиновом, испещренном искрами фоне. Теперь он увидел, что лицо ее осунулось и затуманилось, а в глазах появилась безнадежность отчаяния. В ту первую встречу ее переполняли страх, упрямство, решимость — простые чувства простой девочки, перепуганной собственной смелостью. Теперь эти искры, эта живость и эмоциональность погасли.

На ее белой шее висел ошейник из темного металла с навечно запаянными концами.

— Где мы? — спросил Старк.

— В жилище Потерянных Душ.

Насколько позволила одревеневшая шея, Старк взглянул по сторонам и очень удивился.

Черные стены, черный свод. Громадный зал, полный морских волн, которые вливались в высокие амбразуры шипящим потоком огня. Зал был двойником того, где он встретил лхари.

— Здесь лежит целый город, — упрямо сказала Зерит. — Ты скоро увидишь его и больше ничего не увидишь до самой смерти.

— Как ты попала сюда, малышка? — ласково спросил Старк.

— Из-за отца. Я расскажу тебе все, что знаю, то есть очень немного. Мальфор с давних пор служил работником у лхари. Таких очень много среди капитанов судов Шараана, но об этом никто никогда не говорит, так что даже я, его дочь, могла только догадываться, чем он занимается. Я окончательно поняла это, когда он послал меня за тобой.

Она засмеялась так горько и зло, как не смеется ни одна девушка в ее возрасте. Потом она взглянула на Старка, и руки ее застенчиво, почти ласково коснулись его волос. В широко раскрытых глазах Зерит застыли слезы.

— Почему ты не ушел в болота? Я же предупреждала тебя.

— Теперь поздно жалеть об этом, — флегматично ответил он. — Так ты говоришь, Мальфор здесь и стал рабом?

— Да. — В ее глазах снова появились удивление и восхищение. — Я не знаю, что ты сделал лхари, но лорд Эджил был в черной ярости. Он ругал моего отца за глупость, за то, что отец не сумел схватить тебя. Отец скулил и просил прощения, и его бы простили, но отца подвело любопытство. Он спросил лорда Эджила, откуда у него раны на лице. Не этот ли дикий зверь тому причиной? И здорова ли леди Варра? «Надеюсь, — сказал отец, — ваш гость не причинил вам вреда». Тут лорд Эджил стал прямо пурпурным. Я думала, с ним случится припадок.

— Да, спрашивать об этом не стоило. — Старк ухмыльнулся. — Это было его ошибкой. — Он вдруг громко рассмеялся. — Мальфору следовало держать язык за зубами.

— Эджил кликнул стражников и приказал взять Мальфора. Когда до Мальфора дошло, он тут же свалил все на меня — мол, это я упустила тебя.

Старк прервал смех. А Зерит тихо продолжала:

— Эджил, похоже, совсем взбесился от злости. Говорят, все лхари сумасшедшие. Наверное, так оно и есть. Во всяком случае, он приказал схватить и меня тоже, чтобы семя Мальфора было навеки втоптанно в грязь. Вот мы и очутились здесь.

Настало долгое молчание. Старк не мог придумать слов утешения. Пока он лежит скованный по рукам и ногам — надежды нет. От злости Эджил мог обездвижить его надолго. Старк вообще удивлялся, что еще жив. Он снова взглянул на ошейник Зерит. Рабыня лхари в городе Потерянных Душ.

Но какого дьявола им понадобились рабы на дне моря?

Тяжелые газы донесли знакомый звук: шум приближающихся голосов. Зерит повернула голову Старка, чтобы он мог видеть.

Потерянные Души возвращались с работы. Из тусклой красной темноты они медленно вплывали в громадный зал, наполненный той же багровой мглой. За их большими телами тянулся шлейф сумрачного пламени. Толпа проклятых пленников красного ада, усталых, потерявших надежду. Один за другим они падали на тюфяки, рядами лежавшие на черном каменном полу. Силы совсем оставили невольников. Их светлые волосы плыли в медленных водоворотах газового моря. На шее у каждого блестел ошейник.

Лишь один из рабов не лег, а двинулся к Старку. Тот узнал его.

— Хельви!

— Брат!

Хельви присел на корточки. Когда Старк видел его в последний раз, это был красивый юноша, теперь же он превратился в сильного, утрюмого мужчину.

Его веселый смех стал мрачным, глубокие морщины пролегли вокруг рта, кости лица выдавались как гранитные выступы.

— Брат, — повторил Хельви, не стыдясь слез. — Ох, и дурак же ты!

Он принялся ругать Старка, он назвал его глупцом, пришедшим в Шараан только затем, чтобы взглянуть на такого же глупца и навеки остаться с ним в этой могиле.

— А ты не пошел бы за мной? — спросил Старк.

— Я всего лишь невежественное дитя болот, — ответил Хельви. — А ты пришел из космоса, ты видел другие миры, ты умеешь читать и писать. Ты должен соображать получше.

Старк хмыкнул:

— Я все еще невежественное дитя скал. Так что мы оба дураки. Где Тобал?

Тобал был братом Хельви, нарушившим ритуальный запрет и бежавшим в Шараан. Видимо, теперь он обрел покой, потому что Хельви покачал головой:

— Человек не может долго жить на дне моря. Дышать и есть — это еще не все. Тобал прожил свой срок, и конец мой тоже близок. — Он поднял руку и резко опустил ее, наблюдая за взметнувшимися вдоль руки огнями. — Мозг погибнет раньше, чем тело, — добавил он небрежно, будто речь шла о пустяках.

— Хельви охранял тебя, когда другие спали, — сказала Зерит.

— Не я один, — возразил Хельви. — Малышка тоже была со мной.

— А зачем меня охранять? — спросил Старк. Вместо ответа Хельви показал рукой на тюфяк неподалеку. На нем лежал Мальфор. Полузакрытые глаза его были полны злобы, на щеке красовался свежий шрам.

Старк похолодел от ужаса. Беспомощно лежать и ждать, пока Мальфор подойдет и протянет растопыренные пальцы к его беззащитному горлу...

Он сделал отчаянное усилие двинуться, но задохнулся и, обессиленный, замер. Хельви усмехнулся:

— Теперь самое время побороться с тобой. Раньше мне ни разу не удавалось тебя повалить. — Он потрепал Старка по голове — очень нежно, хотя с виду этот жест мог показаться грубоватым. — Ты снова повалишь меня. А теперь спи и не беспокойся ни о чем.

И он приготовился к долгому ночному бдению. Старк против своей воли заснул, а Зерит свернулась у его ног, как собачка.

На дне Красного моря не существовало времени. Не было ни дня, ни рассвета, ни ночного мрака. Ни ветер, ни дождь, ни гром не нарушали вечную тишину города Потерянных Душ. Лишь ленивые струи газа шептались на своем пути в никуда, танцевали красные искры, и громадный зал дремал, вспоминая прошлое.

Старк ждал. Долго ли — он не знал. Он привык ждать. Он научился терпению на коленях у великих гор, которые гордо

поднимались в космос, чтобы увидеть солнце. Он хорошо усвоил их презрение ко времени.

Жизнь понемногу возвращалась в его тело. Ублюдок стражник время от времени приходил осматривать Старка и показывал ножом его тело, проверяя реакцию: ведь Старк мог и сплутовать. Но стражник не учел выдержки нового пленника. Тот выносил уколы, не моргнув глазом, пока его члены не стали полностью принадлежать ему. Тогда, в один прекрасный момент, он вскочил и швырнул стражника в самую середину зала. Тот перевернулся через голову и завопил от страха и злости.

В следующую смену Старк вместе со всеми пошел на работу в город Потерянных Душ.

Глава 7

Старку случалось бывать в подобных местах, темных, зловещих, чуждых человеку. Синхарат, прекрасные коралловые и золотые равнины, затерянные в марсианских пустынях; Джекара, Валкис — города Лау-канала, пахнувшие кровью и вином; утесы-пещеры Арианрода на краю Темной Стороны; пылающие гробницы города Каллисто. Но здесь... Это напоминало кошмарный сон.

Шагая в длинной цепи рабов, Старк смотрел на город и чувствовал какие-то холодные спазмы в животе, каких не испытывал ни разу.

Широкие улицы, вымощенные полированными каменными плитами, блестящие и черные, как высохшие пятна туши, огромные здания, величественные, чистые и ровные, полные спокойной силы, которая могла противостоять векам. Ни резьба, ни роспись не украшали их черных стен, ничто не смягчало их облик, лишь кое-где, словно бриллианты из-под воды, смутно мерцали оконные стекла.

С крыш домов каскадами спускались мертвые виноградные лозы, подобные застывшей на лету снежной лавине. Сады с коротко стриженной травой, цветы, поднимавшиеся на длинных стеблях, с венчиками, раскрытыми ушедшему дню; их головки качались в струях газовых течений, как качались бы они на поверхности, под порывами свежего ветра. Все чисто, ухожено, ветви подрезаны, земля вскопана сегодня утром чьими-то руками.

Старк вспомнил гигантский лес, спящий в заливе, и поежился. Не хотелось думать, как давно эти цветы раскрыли бутоны в последний раз, ибо теперь они были мертвыми, как лес, как город, — вечно цветущими и мертвыми.

Должно быть, в этом городе всегда царила такая гнетущая тишина. Трудно было представить здесь толпы, стекающиеся на рыночную площадь по этим огромным улицам. Черные стены не отражали ни единого звука, эхо не повторяло ни слов, ни смеха...

Даже дети, вероятно, тихо ходили по садовым дорожкам — маленькие мудрые создания с врожденным древним достоинством.

Теперь он начал понимать, откуда взялся тот жуткий лес. Залив Шараана не всегда был заливом. Он был богатой, плодородной долиной с громадным городом, а кое-где на верхних склонах размещались тайные убежища знати и философов. Из этих убежищ уцелел только замок лхари.

Каменная стена не пускала Красное море в долину. Потом она каким-то образом треснула, и зловеющий поток медленно просочился в город, поднимался все выше, взвихренными языками пламени лизал башни и верхушки деревьев и затопил страну навеки. Знал ли народ о наступлении бедствия? Как уходили отсюда жители? Вероятно, даже в этот последний час они не потеряли своего гордого достоинства, и главной их заботой стали сады, которые должны были навсегда сохранить свою красоту в бальзамирующих волнах моря.

Колонны рабов под руководством надсмотрщиков, вооруженных маленькими черными предметами вроде того, каким пользовался Эджил, вышли на широкую площадь, дальний конец которой скрывался в красной тьме.

Старк увидел развалины.

Давным-давно в центре площади рухнуло громадное здание. Только богам известно, какая сила взорвала стены и, словно мелкие камешки, расшвыряла вокруг тяжелые плиты. Только эта гора обломков и напоминала о постигшей город катастрофе.

Похоже, что площадь была священным для города местом: всю ее опоясывали храмы — и ни один из них не пострадал от взрыва, разрушившего центральное здание.

Тусклые огни мерцали в их открытых портиках. Старку показалось, что внутри, в тени, он различает смутные силуэты гигантских статуй.

Но ему не удалось рассмотреть их. Надсмотрщики ругались, и теперь Старк увидел, зачем здесь рабы: они очищали площадь от обломков упавшего здания.

— Шестнадцать лет люди работают и умирают здесь, — шепнул Хельви, — а работа и наполовину не сделана. И зачем вообще она нужна лхари? Я тебе скажу так: потому что они безумны.

Это и впрямь казалось безумием: расчищать всеми забытый мертвый город на дне моря. Безумие, сумасшествие.

Однако пусть лхари и не в своем уме, но они отнюдь не дураки. Значит, есть какая-то причина, и хозяевам замка она представляется весьма важной.

Надсмотрщик подошел к Старку и грубо подтолкнул его к саям, уже частично загруженным битым камнем. Невольник зло сверкнул глазами, но Хельви сказал:

— Иди, дурак! Или ты хочешь снова лежать на спине?

Старк покосился на маленькое оружие и неохотно принялся за работу. Так началось его рабство.

С тех пор его дни затянулись сплошной кровавой пеленой. Он пытался отсчитывать время по периодам работы и сна, но сбился со счета и в конце концов решил, что все это ни к чему.

Он работал вместе с другими, перетаскивал громадные блоки, очищал подвалы, частично уже отрытые, подпирал непрочные стены подземелий. Рабы продолжали по старинке называть рабочий период «днем», а время сна «ночью».

Каждый день Эджил или его брат Конд приходили посмотреть, что сделано, и уходили насупленные и недовольные, приказывая ускорить работу.

Треон также проводил здесь много времени. Он появлялся неслышно и, неуклюже, по-крабы, передвигаясь, усаживался на камни и молча смотрел на суетящихся рабов своими красными печальными глазами. В молчаливом терпении Треона было что-то пугающее. Казалось, он ждал начала некоей ужасной катастрофы, которая пока задерживается, но рано или поздно все же разразится. Старк вспоминал пророчество Треона и вздрагивал.

Через некоторое время Старку стало ясно, что лхари хотят добраться до подвалов.

Много громадных пещер было уже расчищено. В них ничего не обнаружили, но братья все еще надеялись. Эджил и Конд снова и снова простукивали стены и полы и злились на задержку раскопок подземного лабиринта. Что они хотели найти, никто не знал.

Приходила сюда и Варра. Загадочно улыбаясь, стояла она в вихре тусклых огней и тоже наблюдала за работой. Течения играли ее серебряными волосами. С Эджилом она почти не разговаривала, но не сводила глаз с высокого смуглого землянина, и от этого взгляда дикарская кровь Старка начинала закипать.

Эджил не был слеп. Взгляды девушки волновали и его, только волнение это было совсем другого свойства.

Зерит тоже все видела. Она держалась как можно ближе к Старку, ничего не требуя, но с какой-то спокойной преданностью следуя за ним повсюду. Ей было достаточно того, что он рядом.

Однажды ночью в бараке рабов она присела у тюфяка Старка и положила руку на его голое колено. Она молчала, её лицо скрывала плывущая масса волос.

Старк повернулся к ней и осторожно отвел светлое, колыхавшееся облако от ее лица.

— Что тебя тревожит, сестренка?

Ее глаза, полные смутного страха, были широко раскрыты.

— Не мое дело говорить.

— Почему?

— Потому... — Ее губы дрогнули. — Ох, я понимаю, что это глупо. Но женщина лхари... Она все время следит за тобой, а лорд Эджил взбешен. Она что-то задумала, что-то очень злое, очень злое! Я знаю это!

— Мне кажется, — искренне сказал Старк, — что лхари уже сделали всем нам столько зла, сколько могли.

— Нет, — ответила Зерит со странной мудростью, — наши сердца еще чисты.

Старк улыбнулся и поцеловал ее.

— Я буду осторожен, сестренка.

Неожиданно она крепко обняла его за шею. Старка это взволновало. Его лицо стало серьезным. Он неловко погладил Зерит по волосам. Она отодвинулась и свернулась калачиком на своем тюфяке, обхватив голову руками.

Старк лег. Сердце его переполняла печаль, а глаза — слезы.

Бескрайний красный туман растворял в себе души людей. Теперь Старк знал, что имел в виду Хельви, когда сказал, что мозг гибнет раньше тела.

Морское дно — не место для детей воздуха.

Вскоре он узнал, зачем нужны металлические ошейники, и понял, как умер Тобал.

— Здесь есть границы, — объяснил Хельви. — Внутри их мы еще можем ходить, если после работы у нас еще сохраняются силы и желания, но выйти за их пределы не можем. Пробриться сквозь барьер нельзя. Как это сделано, я не понимаю, но это так, и ошейник — ключ к этому. — Он помолчал и продолжил: — Когда раб приближается к барьеру, ошейник начинает блестеть, словно огонь, и раб падает. Я знаю это по собственному опыту. Наполовину парализованный, отползаешь назад, в безопасное место... Но если спишишь, как Тобал, и лезешь дальше, заряд барьера усиливается... — Он сделал руками рубящее движение.

Старк кивнул. Он не стал объяснять Хельви свойства электрических и электронных колебаний, но самому ему стало ясно, каким образом лхари держат своих рабов взаперти. Ошейники действуют как проводники, возможно, тех же самых лучей, которые генерировались в ручном оружии. Когда раб пересекает невидимую пограничную линию, включается силовой луч.

Границы оказались достаточно широкими. Они проходили вокруг города и захватывали порядочный кусок леса за ним. Раб не мог спрятаться среди деревьев: луч выслеживал его и здесь, а беглеца ждало такое наказание, что желающих рискнуть почти не находилось.

Поверхность, разумеется, была полностью под запретом. Единственным неохраняемым местом оставался остров, на котором располагалась центральная энергетическая станция. Рабам иногда разрешалось бывать там ночью. Лхари заметили, что рабы живут дольше и работают лучше, если иной раз подышат воздухом и посмотрят на небо.

Старк не раз совершал подобное паломничество с другими рабами. Они должны были подняться из красных глубин через полосы огня, где проходили течения, через облака малиновых искр и через мрачные штилевые пятна, похожие на лужи крови. Толпа белых призраков, закутанных в пламя, поднималась из своих могил, чтобы вкусить немного утраченного ими мира.

Они так уставали на работе, что у них едва хватало сил вернуться в барак. Но желание снова пройти по земле, избавиться от вечной малиновой тьмы и давления на грудную клетку и увидеть жаркую синюю ночь Венеры, вдохнуть аромат цветов, принесенный ветром, было сильнее усталости.

Они пели там, сидя на камнях, и смотрели сквозь туман в сторону берега, которого никогда больше не увидят. Это их пение и слышал Старк, когда корабль Мальфора входил в залив — бессловесный крик скорби и утраты.

А теперь он сам оказался здесь, устраивал поудобнее Зерит и присоединял свой низкий голос к общему упреку богам.

И пока Старк сидел, завывая, как истинный дикарь, он изучал энергетическую установку — приземистый блокгауз. В те ночи, когда приходили рабы, блокгауз охранялся шокowym излучением. Попытка захватить строение означала верную смерть.

Старк сразу же отказался от этой идеи.

Но не было ни секунды, когда бы он не думал о побеге, однако он был достаточно искушен в игре, чтобы биться головой о каменную стену. Как и Мальфор, он предпочитал ждать.

С появлением Старка Зерит и Хельви заметно изменились. Хотя они никогда не говорили об освобождении, но печать безнадежности исчезла с их лиц. Старк ничего им не обещал,

но Хельви давно знал его, а девушка чувствовала больше, чем понимала.

Однажды днем, когда работа была закончена, из красной тьмы появилась улыбающаяся Варра и поманила Старка. Сердце его дрогнуло. Не оглядываясь, он отошел от Хельви и Зерит и направился к Варре по тихой, широкой улице, ведущей к лесу.

Глава 8

Они оставили далеко позади величественные здания и шли теперь среди деревьев. Старку очень не нравился лес.

Город был тоже плох, но он был мертвым, а в этих громадных деревьях было что-то страшное, пугающее. Они стояли, как толпа мертвецов, украшенных с помощью погребального искусства. Они качались и шелестели под взмахами свивавшихся огней, их ветви склонялись под этой ужасной пародией на ветер. Старк все время чувствовал себя здесь пойманным в ловушку, задушенным жестокими лианами и листьями.

Однако он шел, а Варра скользила между громадными стволами, как серебряная птица, и, видимо, была счастлива.

— Я часто приходила сюда, как только подросла. Этот лес — чудо. Здесь я могу летать, как мои соколы.

Она засмеялась, воткнула в волосы золотой цветок и снова побежала, сверкая белыми ногами.

Старк последовал за ней. Он понимал, что она имела в виду. Здесь, в этом странном море, достаточно было одного движения, чтобы взлететь или всплыть, потому что давление балансировалось с весом тела. Было что-то захватывающее в том, чтобы подняться над вершинами деревьев, пронестись сквозь перепутанные лианы и вновь взмыть вверх.

Варра играла со Старком, он это знал.

Кровь его бунтовала. Он легко мог бы схватить Варру, но не делал этого. Он только обгонял ее время от времени, показывая свою силу и мощь.

Они стали двигаться быстрее, и шлейфы тусклого пламени тянулись за ними: черный сокол охотился за серебряной голубкой в лесах грез.

Однако голубка выросла в орлином гнезде. Старк наконец устал от этой игры.

Он схватил Варру, и они медленно поплыли в этом удивительном невесомом полете.

Ее первый поцелуй был ленивым, поддразнивающим, любопытствующим. Потом она начала целоваться иначе. Ярость, чей жаркий огонь полыхал в душе Старка, вдруг вспыхнула с новой

силой и превратилась в неудержимый порыв желания. Он грубо и жестоко сжимал Варру, а она беззвучно смеялась, и объятия ее были столь же неистовы, а губы подобны горькому ядовитому плоду, чей сок сковывал тело мучительной судорогой.

Наконец она разжала руки и села на широкую ветку, прислонившись к стволу гибкой спиной. Она смеялась, и глаза ее, как и глаза Старка, были яркими и жестокими. Он сел у ее ног.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил он.

Варра улыбнулась. Она не привыкла уходить от прямых ответов, она ничего не боялась. Она была крепка, как только что закаленный клинок.

— Хорошо, Дикарь. Я все расскажу тебе.

Он с изумлением взглянул на нее:

— Как ты меня назвала? Откуда ты знаешь это имя?

— От Ларраби. Он все рассказал мне. Что ж, эта кличка тебе подходит. — Тут Варра склонилась к его уху: — Вот что я хочу от тебя: убей Эджила, его брата Конда и Бора тоже. Когда он подрастет, то заткнет своих братцев за пояс. А впрочем, если тебе претит убивать ребенка, это я могу сделать и сама. Впрочем, Бор не ребенок, а маленькое чудовище. Ну а бабушка не вечна, и без моих кузенов она мне тоже не угроза. Треон вообще не в счет.

— А если я сделаю это, что тогда?

— Свобода и я. Ты будешь вместе со мной править Шараном.

Старк насмешливо прищурился:

— Надолго ли, Варра?

— Кто знает? Да это и неважно. Время покажет. — Она пожала плечами. — Кровь лхари истощилась, пора влить в нее свежую струю. Наши дети будут править после нас, и они будут людьми.

Старк громко захохотал:

— Мало того, что я раб лхари, я должен стать заодно и палачом, и племенным быком! — И он резко повернулся к девушке: — А почему я, Варра? Почему ты выбрала меня?

— Я же говорила: ты первый мужчина, которого я увидела с тех пор, как умер мой отец. Кроме того, в тебе что-то есть. — Она лениво потянулась и тихонько шлепнула его по губам. — Я вижу, Дикарь, тебя не прельщает моя любовь? Ты не хочешь жить со мной?

Она и манила, и отталкивала, эта серебряная ведьма, сверкающая в тусклых огнях моря, полная то злобы, то дикого веселья. Старк привлек ее к себе.

— Хочу, — пробормотал он, — но это опасно. — Он поцеловал ее.

— Я думала, ты не боишься опасности, — шепнула Варра.

— Напротив, я человек осторожный. — Он отодвинулся от девушки и заглянул ей в глаза. — С Эджилом у меня свои счеты, но я не убийца. Бой должен быть честным, и Конд пусть позаботится о себе.

— Честный бой? А с тобой Эджил честно поступил? Или со мной?

Старк пожал плечами:

— Тогда и говорить не о чем.

Варра задумалась, а потом кивнула:

— Ладно. Что касается Конда, то ты напомним ему о долге крови, и гордость заставит его драться. Все лхари гордые. — Затем она горько добавила: — Это наше проклятие. Ты сам увидишь.

— Еще одно: Зерит и Хельви тоже должны быть освобождены. И вообще нужно положить конец рабству.

Варра посмотрела на него:

— Ты ставишь жесткие условия, Дикарь.

— Да или нет?

— Да и нет. Зерит и Хельви ты получишь, если настаиваешь, — одним богам известно, что ты нашел в этой бледной девчонке. Что касается других... — Она насмешливо улыбнулась. — Я не так глупа, Старк. Ты хочешь обойти меня, а двое должны играть честно.

Он засмеялся:

— Справедливо. Теперь скажи мне, ведьма с серебряными локонами, как мне добраться до Эджила, чтобы прикончить его?

— Я это устрою, — сказала она с такой злой уверенностью, что Старк тотчас поверил ей.

Он помолчал и спросил:

— Варра, что лхари ищут на дне моря?

— Я тебе говорила, что мы гордый клан, — нетерпеливо ответила она. — Из-за своей гордости мы ушли с Высокого плато много столетий назад. Теперь наша единственная надежда здесь — в мертвом городе. — Она помолчала. — Я думаю, о городе мы знали давно, но никому не было до него никакого дела, пока им не заинтересовался мой отец. Он проводил здесь целые дни, изучил каждое здание и в конце концов в одном из складов нашел оружие, а на острове — машину. Потом он отыскал какой-то тайник. В нем лежала карта и металлическая книга. Книга была написана пиктограммами, как бы предназначенными для расшифровки, и карта изображала площадь

с храмами и разрушенным зданием, а также содержала отдельный план подземных катакомб. В книге говорилось о какой-то удивительной и страшной вещи. Мой отец был уверен, что разрушенное здание завалило вход в катакомбы. Он решил найти его.

«Шестнадцать лет поисков, тысячи погибших рабов», — подумал Старк и содрогнулся.

— Так что это за вещь, Варра?

— Способ управлять жизнью. Как это делается, я не знаю, но можно создавать расу гигантов, чудовищ и богов. Ты понимаешь, что это значит для гордого и умирающего клана?

— Да-а, — задумчиво протянул Старк, — понимаю.

Величие идеи потрясло его. Строители города были воистину мудры, если могли переделывать живые клетки тела по своей воле.

Раса гигантов или богов. Лхари могли стать ею, переделать свою дегенеративную плоть, превратить ее во что-то новое, увидеть, как их дети превосходят всех человеческих детей. Старк пришел в ужас, представив себе, сколько зла они совершат, если откроют этот секрет.

— В книге содержалось предупреждение, — сказала Варра. — Значение его не совсем понятно, но, похоже, древние сознавали, что согрешили перед богами и будут наказаны за это чем-то вроде чумы. Во всяком случае, они разрушили громадное здание, чтобы это стало барьером для тех, кто придет после них, и выпустили в долину Красное море, чтобы навеки скрыть свой город. Видимо, несмотря на все их знания, они были суеверны, как дети.

— Значит, вы плюнули на предупреждение, и вас не беспокоит, что для подтверждения его погиб целый город?

Варра пожала плечами:

— Треон много лет бормочет какие-то пророчества, но его никто не слушает. Что касается меня, то мне плевать, откроют они секрет или нет. Я уверена, что тайна погибла вместе со зданием, а кроме того, я вообще не верю в подобные вещи.

— Кроме того, — с жестокой насмешкой добавил Старк, — тебе наплевать, что Эджил и Конд воссядут на небесах Венеры. Тебе наплевать на место в этом новом пантеоне. Тебя такие мелочи не интересуют.

Варра осклабилась:

— Ты чересчур умен, чтобы быть счастливым. А теперь — до свидания.

Она быстро и крепко поцеловала его и исчезла, всплыв на поверхность. Старк не рискнул следовать за ней.

Он медленно направился обратно к городу, расстроенный и очень задумчивый.

Выйдя на большую площадь перед бараками, он вдруг остановился, и каждый нерв его напрягся.

Где-то в одном из темных храмов качался потревоженный кем-то обрядовый колокольчик, посылая во тьму свои понижающиеся, дрожащие ноты. Звуки медленно плыли один за другим, как редкие удары умирающего сердца, и смешивались с голосом Зерит, издали зовущим Старка.

Глава 9

Старк осторожно перешел площадь и вскоре увидел девушку. Найти ее не составляло труда. Один храм на площади был больше остальных, и Старк подумал, что когда-то он находился напротив входа в разрушенное здание. Громадная фигура внутри храма была поставлена для того, чтобы наблюдать за учеными и философами, приходившими сюда грезить о неких великих, а иногда и ужасных вещах.

Философы исчезли, ученые уничтожили сами себя, но статуя все еще следит за утонувшим городом, и руки ее подняты в предупреждающем и благословляющем жесте.

Зерит лежала на коленях каменного истукана. Храм был открыт со всех сторон, и Старк ясно видел ее — маленького, беззащитного человека, прижавшегося к мертвой, черной нежити.

Рядом с ней стоял Мальфор. Он-то и звонил в обрядовый колокольчик. Теперь звон умолк, и Старк отчетливо услышал слова Зерит:

— Уходи! Они ждут тебя! Не подходи сюда!

— Я жду тебя, Старк! — крикнул Мальфор и ехидно рассмеялся. — Ты боишься подойти?

Он схватил Зерит за волосы и медленно, расчетливо дважды ударил ее по лицу.

Лицо Старка окаменело, и лишь глаза разгорелись мрачным огнем. Он двинулся к храму не спеша, но казалось, что целая армия не смогла бы остановить его.

Зерит вырвалась из рук отца. Возможно, так и было задумано.

— Это ловушка! — закричала она. — Эджил...

Мальфор снова схватил ее и ударил уже сильнее, так что девушка опять рухнула на колени статуи, которая смотрела добрыми глазами и ничего не видела.

— Она боится за тебя! — крикнул Мальфор. — Она знает, что я убью тебя, если смогу. Ну да, возможно, Эджил здесь, а

может, и нет. Но Зерит точно здесь. Я здорово избил ее и буду бить, пока она не издохнет, за то, что эта дрянь предала меня. И если ты, чужеземная собака, хочешь спасти ее, тебе придется убить меня. Боишься?

Старк боялся. Мальфор и Зерит были в храме одни, колоннада казалась пустой. Однако Старк боялся, потому что инстинкт, более древний, чем человеческий разум, предупреждал его об опасности.

Но это не имело значения. Белая кожа Зерит была испещрена черными кровоподтеками. Мальфор улыбался.

Старк быстро прошел под тенью крыши, оставив за собой полосу огня. Мальфор увидел его глаза, и улыбка капитана, дрогнув, исчезла.

В последний момент, когда смуглое тело метнулось к нему, он успел пригнуться, выхватил спрятанный в поясе нож и удалил нападающего.

Старк этого не ожидал. Рабов обыскивали ежедневно, и невозможно было утаить оружие от стражников, даже осколок камня был под запретом. Значит, кто-то дал Мальфору нож, кто-то...

Он попытался увернуться от удара, но почувствовал, что сила инерции несет его прямо на острие, и понял: «Слишком поздно».

Но рефлекс у дикаря работают быстрее, чем у любого другого человека. Доля секунды — и мускулы его напряглись, центр равновесия в ужасающе болезненном усилии переместился, руки напряжились, словно собирались вцепиться в зыбкое, простреленное огнями красное марево.

Лезвие прочертило длинную царапину через грудь Старка, но серьезной раны не нанесло. Он отклонился всего лишь на долю дюйма, и это спасло его.

Старк еще не успел восстановить равновесие, как Мальфор вновь ринулся на него. Они схватились. Лезвие ножа сверкало — голодный язык, жаждущий слизнуть жизнь Старка. Мужчины катались по земле, вспенивая газовое море искрами, а статуя невозмутимо следила за их поединком. Спокойное лицо оставалось добрым и мудрым. Нити более темного красного цвета протянулись через танцующие огни.

Старк прижал к стене ладонь Мальфора и крепко стиснул обеими руками. Теперь он оказался спиной к своему противнику. Тот пинал Старка, царапал его пальцами ног, а свободной левой рукой пытался ухватить за горло, но дикарь прижал подбородок к груди. Тогда Мальфор вцепился ему в лицо, изо всех сил стараясь дотянуться до глаз.

Старк издал глухой звериный рык, неожиданно дернул головой и, поймав зубами руку Мальфора, впился в сочленения большого пальца. Капитан завизжал, но Старк переключил внимание на ту руку Мальфора, которая сжимала нож. Жадное предчувствие близкого убийства овладело им.

Раздался глухой треск, рука противника переломилась, неестественно выгнулась и выронила нож. Мальфор уже не мог кричать.

Когда Старк отпустил его, он попытался отползти, но не смог, и землянин сломал ему шею.

Потом оттолкнул от себя обмякшее тело, и оно медленно поплыло по течению через колоннаду, задевая черные столбы, пока наконец не выплыло на площадь. Мальфор не спешил, теперь перед ним открылась целая вечность.

Старк осторожно отошел подальше от девушки, которая теперь пыталась сесть.

В тени кто-то скрывался. Землянин почувствовал это и крикнул:

— Мальфор звал тебя, Эджил! Что же ты не пришел?

Рой вспугнутых искр вырвался из-за колонны.

— А зачем? — раздался голос лорда Эджила. — Я обещал ему свободу, если он убьет тебя, но, похоже, он не справился с заданием. А ведь я дал ему нож и наркотик, чтобы усыпить твоего друга Хельви.

Он вышел из темноты, красный, в желтой шелковой тунике, с черным тупоносым ружьем в руке.

— Самое сложное заключалось в том, чтобы заманить тебя в ловушку. Просто так ты бы сюда не пришел. — Он поднял оружие. — Конечно, я мог бы убить тебя за работой, но моя семья подняла бы такой шум... Ты ведь незаменимый раб — равных тебе нет.

— Они назвали бы тебя трусом — и это в лучшем случае, — мягко сказал Старк, — а сокол Варры вновь нашел бы себе работу.

Эджил кивнул. Губы его жестоко скривились.

— Именно. Тебя это, кажется, забавляет? Но моя милая кузина тренирует теперь другого сокола. Она не забыла накрыть тебя сегодня колпачком, иноземец? — Он засмеялся. — Прекрасно. Я не стану убивать тебя открыто, есть способ и лучше. Я не хочу, чтобы по всему Красному морю болтали, как моя кузина променяла меня на чужеземного раба. Я не хочу, чтобы знали, как я ненавижу тебя и за что. Нет. Мальфора я убил бы все равно: он слишком много знал. А когда я убью тебя и девчонку, то унесу ваши тела к барьеру, и тогда всем, даже Варре, станет ясно, что вы погибли при попытке к бегству.

Тупой короткий ствол уперся в грудь Старка, палец Эджила задрожал на спусковой кнопке.

На этот раз полный заряд — не паралич, а смерть. Старк прикинул расстояние между собой и Эджилом. Возможно, он умрет раньше, чем ударит, но инерция его прыжка может опрокинуть Эджила, и у Зерит появится возможность убежать. Он напряг мышцы.

— А кто поймет, почему умер я, Эджил? — произнес чей-то голос. — Если ты убьешь их, тебе придется убить и меня.

Откуда возник Треон, Старк не понял, но он был здесь. Голос его звучал как громкая музыка, глаза сияли светом обреченности.

Эджил яростно выругался:

— Идиот! Кривобокий уродец, откуда ты взялся?

— Откуда приходят ветер или дождь? Я не такой, как другие. — Он печально засмеялся: — Я здесь, Эджил, и это главное. Ты не убьешь этого чужака, который больше зверь, чем человек, и больше человек, чем любой из вас. Он — орудие богов.

Он встал между Старком и Эджилом.

— Уйди с дороги, — выдохнул Эджил.

Треон покачал головой.

— Отлично, — усмехнулся Эджил. — Если ты хочешь умереть — пожалуйста.

Глаза Треона вспыхнули.

— Это день смерти, — произнес он тихо, — но не моей и не этого дикаря.

Эджил коротко выругался и поднял оружие.

Все произошло очень быстро. Старк прыгнул и, как огненная стрела, пронесся над головой Треона. Эджил отступил и нажал на кнопку. Заряд промчался мимо цели. Эджил сделал еще один шаг назад и снова выстрелил. Нечто белое бросилось между противниками и приняло на себя всю силу заряда.

Что-то белое. Тело девушки со струящимися волосами, с ярко блестящим металлическим ошейником на стройной, нежной шее.

Зерит!

Они забыли о ней, избитой девочке, скорчившейся на коленях статуи. Старк старался держать ее подальше от опасности, для Эджила она не представляла угрозы, а голова Треона была занята таинственными шепотами вешних ветров. Зерит незаметно сползла с места, и один последний рывок поставил ее между Старком и смертью.

В стремительном прыжке Старк пронесся над девушкой и бросился на Эджила.

Это произошло так быстро, что лорд лхари не успел выстрелить.

Старк вырвал оружие из его рук. Ледяное спокойствие овладело дикарем, а глаза застлал кровавый туман, из которого проглядывало лишь лицо Эджила. Тот заверещал. Старк издал душераздирающий вопль обезумевшей дикой кошки.

Треон наблюдал, как кровь струится в море, слышал, как наступила тишина, увидел, как то, что раньше было его кузеном, медленно поплыло по течению, переворачиваясь в газовом скоплении, и не удивился, словно видел все случившееся и раньше.

Старк подошел к телу Зерит. Девушка еще слабо дышала. Ее взгляд устремился на Старка, на губах появилась улыбка.

Теперь Старк ослеп от слез. Вся его ярость ушла с кровью Эджила, осталась только горькая жалость, острая печаль и благоговение. Он осторожно поднял Зерит и взял на руки. Его слезы падали на ее неподвижное лицо. Вскоре он понял, что она умерла.

Минуту спустя к нему подошел Треон.

— Она была рождена для такого конца, — тихо сказал он. — Она это знала и была очень счастлива. Даже сейчас она улыбается и будет улыбаться вечно, потому что многие из нас позавидуют такой легкой смерти. — Он положил руку Старку на плечо. — Пойдем, я покажу тебе, где положить ее, а завтра ты похоронишь ее там, где она хотела.

Старк пошел за ним, неся на руках Зерит.

Треон подошел к пьедесталу статуи, в определенном порядке нажал на несколько скрытых кнопок, и тяжелая плита бесшумно откинулась в сторону, обнаружив каменные ступени, идущие вниз.

Глава 10

Треон повел Старка по ступеням, в темноту, которая освещалась только тусклыми полосами огня, тянувшимися за их спинами. Красный газ стоял плотно и неподвижно, закрытый стенами из черного камня.

— Катакомбы, — сказал Треон. — Лабиринт показан на карте, которую нашел мой отец.

И он рассказал то, о чем уже говорила Старку Варра.

Треон шел уверенно, его искалеченное тело без колебаний двигалось мимо боковых коридоров, в которых таился мрак, мимо загадочных дверей, которые скрывали тьму.

— Здесь история города. Все книги, все знания, уничтожить которые у них не хватило духу. Оружия здесь нет. Это был не

воинственный народ, и я думаю, что сила, которую мы, лхари, использовали по-другому, была лишь оборонной, защищала от хищных животных и набегов диких племен с болот.

С большим трудом Старк отвлекся от мысли о своем скорбном грузе.

— Я думал, — глухо произнес он, — что лабиринт находится под разрушенным зданием.

— Мы все так думали. Нас заставили так думать: для этого здание и разрушили. А мы, лхари, шестнадцать лет губили мужчин и женщин, чтобы убрать камни. Храм тоже обозначен на карте, но мы думали, что это просто ориентир. Однако я начал размышлять...

— Давно ты это узнал?

— Недавно. Много месяцев я искал секрет этого прохода. Я приходил сюда по ночам, пока остальные спали.

— И ты им ничего не сказал?

— Нет. Ты думаешь, что, если бы я рассказал, это положило бы конец рабству и смертям? Нет. Для рабов лучше умереть.

Он свернул в сторону и через полуоткрытые золоченые двери протиснулся в огромное помещение.

— Это усыпальница королей. Оставь девушку здесь.

Старк огляделся, слишком ошеломленный, чтобы чувствовать страх. Но сумрак угрюмого зала заставил его насторожиться.

Вокруг ровными рядами стояли лежа из черного мрамора, и ряды эти были так длинные, что им, казалось, не было конца. На лежах спали древние короли. Их тела, чудесно набальзамированные, были укрыты шелковыми покрывалами, руки сложены на груди, мудрые нечеловеческие лица отмечены печатью мира и покоя.

Старк осторожно опустил Зерит на мраморное ложе, укрыл шелком, закрыл ей глаза, сложил руки, и ему показалось, что на лице девушки тоже застыли мир и покой.

Выходя из усыпальницы, он подумал, что никто из них не заслужил места в зале королей так, как заслужила этого Зерит.

— Треон...

— Да?

— Когда я пришел в замок, ты произнес пророчество. Я должен выполнить его?

Треон кивнул:

— Таков путь пророчества.

К храму он не свернул, а повел Старка в глубь катакомб. Нечеловеческое возбуждение овладело им, и даже Старк почувствовал исходящую от него таинственную энергию.

Теперь Треон казался живым воплощением самой Судьбы; он неудержимо двигался вперед, и землянин ощущал себя

крошечной щепкой, попавшей в мощный, бурный поток. Тело Старка вздрагивало.

Наконец они достигли конца коридора.

Там, в красной тьме, перед черной, наглухо запертой дверью сидело странное, невероятно уродливое существо, уродливое до такой степени, что несчастный калека Треон казался рядом с ним почти красавцем.

Лицо существа хранило такую же печать мудрости и доброты, какую Старк видел у городских статуй и мертвых королей в усыпальнице.

Глубоко ввалившиеся глаза все еще блестели, а одна из семипалых рук казалась теплой и мягкой.

Старк отшатнулся. Вид существа вызвал у него острый приступ отвращения, почти тошноты. Он хотел повернуть обратно, однако Треон удержал его:

— Подойди ближе. Он мертв, набальзамирован, но у него есть сообщение для нас. Он так долго ждал гостей. Он хочет предупредить входящих сюда.

Старк неохотно шагнул вперед, и вдруг существо заговорило:

— Посмотри на меня и подумай, прежде чем взять тут силу, которая хранится за дверью.

Старк вскрикнул и отскочил.

Треон улыбнулся:

— Так было и со мной. Но затем я выслушал сказанное, выслушал много раз. Он говорит не голосом; его мысль сама проникает в твой мозг, и только в том случае, если человек переступит определенную границу.

Старк задумался. Что ж, древние позаботились о том, чтобы их послание было услышано и понято. Он снова шагнул вперед, и голос в его мозгу зазвучал вновь:

— Мы вмешались в тайны богов. Мы не хотели зла. Мы любили совершенство и хотели сделать все живые существа такими же совершенными, как сама природа. Мы не знали, что нарушаем Закон. Я был одним из тех, кто нашел способ изменять живые клетки. Мы пользовались невидимой силой, пришедшей из Страны богов из-за неба, и овладели ею настолько, что сумели лепить новые формы из живой плоти, как гончар лепит из глины новые кувшины. Мы излечивали хромих и увечных, восстанавливали рост, выпрямляли тех, кто выходил из яйца согнутым, и вскоре каждый из нас стал равен богам. И я, даже я, познал радость совершенства. А затем пришла расплата.

Клетка, измененная однажды, не останавливается в своем изменении. Увеличение шло медленно, и сначала мы не замечали его, а когда заметили, было уже поздно. Мы превратились

в чудовищ, а город наш стал логовом монстров. Сила, которой мы воспользовались, принесла нам только вред и зло, потому что чем больше мы старались привести чудовищную плоть к нормальному состоянию, тем больше стимулировали клетки к росту, пока наконец тела, над которыми мы постоянно работали, не стали похожи на мокрую глину, расползавшуюся прямо на глазах.

Жители некогда прекрасного города один за другим убивали себя, а те, кто оставался, поняли, что их настигла кара богов. Они осознали всю тяжесть своей вины и догадались, что нужно теперь делать.

Мы все приготовили заранее. Мы направили сюда волны Красного моря, чтобы оно навеки скрыло нас от тех, кто придет потом. Однако мы не уничтожили нашего знания. Может быть, причиной тому — гордость, но мы просто не нашли в себе сил сделать это. Что, если другие боги, другие расы, более мудрые и опытные, смогут вытравить ростки зла и направить наше открытие ко всеобщему благу, ибо благо для всех созданий — если не полное физическое совершенство, то по крайней мере — сила и здоровье.

Но ты, кем бы ты ни был, выслушай внимательно это предупреждение. Если твои боги ревнивы, если твой народ не имеет таких знаний и мудрости, чтобы преуспеть в контроле над этой силой, тогда не касайся ее, иначе все вы станете такими же, как я.

Голос умолк. Старк снова отступил назад и недоверчиво спросил Треона:

— И твоя семья не побоялась бы такой участи?

Треон засмеялся:

— Они глупы и жестоки. Даже боль не останавливает их. Жадные гордецы! Они скажут, что это придумано для отпугивания дураков, что человеческая плоть не подчиняется тем законам, которые управляют плотью рептилий, или еще что-нибудь в этом роде. Они скажут все что угодно, потому что эта мечта слишком долго владела их душами.

Старк пожал плечами и взглянул на черную дверь:

— Подземелье надо уничтожить.

— Да, — тихо согласился Треон.

Глаза его сияли, полные какой-то тайной, глубоко выстраданной мыслью. Он шагнул вперед. Старк хотел пойти за ним, но Треон отстранил землянина, сказав:

— Нет. Твой путь не здесь. — Потом он покачал головой и прошептал: — А я так долго ждал... — Треон говорил тихо, не заботясь о том, слышит ли его Старк: — Ветры приказали мне ждать. Мой день зреет на дереве смерти и, созрев, сам упадет

мне в руки. Я ждал, и сегодня на рассвете ветер сказал мне: «Настало время снять с ветки созревший плод». — Он взглянул на Старка, и в глазах его сверкнул свет истинной мудрости. — Ты слышал, Старк: «Мы восстанавливали рост и выпрямляли тех, кто выходил из яйца согнутым». Настал мой час. Перед смертью я стану человеком — пусть ненадолго, но мне хватит и этого.

Он повернулся, и Старк не пошел за ним, молча наблюдая за несчастным калекой, с трудом ковылявшим мимо чудовищной фигуры мертвого стража прямо к черной тяжелой двери. Длинные руки протянулись и отодвинули засов. Дверь медленно качнулась. Старк мельком увидел комнату. Там высилось сооружение, собранное из хрустальных дисков и стержней и укрепленное на причудливом металлическом основании. Все оно сияло и сверкало тревожным синеватым светом, который порывисто тускнел и вновь разгорался, как бы ограждая от вмешательства извне какой-то пульсирующий луч. Были там и другие аппараты — замысловатые нагромождения трубок, переплетенных проводов и конденсаторов, но первый механизм был сердцем, центром всего, и сердце это все еще жило и функционировало.

Треон вошел и закрыл за собой дверь.

Старк отступил на несколько шагов и присел на корточки у стены. Он пытался разгадать принцип действия загадочной машины. Невидимая сила, пришедшая из-за неба, — это, видимо, космические лучи. Даже теперь все их потенциальные возможности еще не до конца изучены. Однако некоторые космолетчики-неудачники случайно обнаружили, что при определенных условиях эти лучи могут совершать с тканями человеческого тела поистине поразительные вещи.

Эта мысль Старку не понравилась. Он попытался забыть о Треоне, забыть обо всем, что случилось сегодня, не думать, не вспоминать. В коридоре было темно и очень тихо, бесформенный ужас спокойно сидел у двери и ждал вместе со Старком. Старк терпеливо считал часы. Наконец ему стало казаться, что Треон давно умер, но и после этого землянин не двинулся с места. Ему не хотелось проверять свою догадку и заходить в страшную комнату.

Он упорно ждал.

И тут по коридору прокатился тонкий жалобный звон — звон разбитого хрусталя, — прокатился и замер на высокой чистой ноте. Старк в ужасе вскочил.

Дверь открылась, и вышел мужчина — высокий, сильный и красивый как ангел. Стройный атлет с лицом Треона, с его

трагически-печальными глазами. Свет в таинственной комнате погас. Пульсирующее сердце механизма остановилось.

Дверь закрылась, засов задвинулся.

Голос Треона сказал:

— Остались пленки и много аппаратуры, так что секрет утерян не полностью. Однако теперь он недосыгаем. — Он подошел к Старку и протянул руку: — Давай сражаться вместе как настоящие мужчины. И не бойся: я умру задолго до того, как это тело начнет изменяться. — И вошедший улыбнулся знакомой улыбкой, полной жалости ко всему живому. — Я знаю. Ветры мне сказали.

Старк взял протянутую руку и крепко пожал.

— Хорошо, — кивнул Треон. — А теперь води меня, чужеземец с неистовыми глазами, потому что пророчество говорит о тебе, и этот день твой, а я, всю жизнь ползавший, как улитка, мало знаю о битвах. Веди, и я пойду за тобой.

Старк потрогал свой ошейник:

— Ты можешь избавить меня от него?

Треон кивнул:

— В одной из комнат есть инструменты и кислота.

Он быстро нашел их и принялся за работу, а Старк размышлял, и улыбка светилась на его лице, но не было в этой улыбке жалости.

Наконец они вернулись в храм, и Треон закрыл вход в катакомбы. Утро еще не наступило, и рабов на площадке не было.

Старк нашел оружие Эджила.

— Нам надо спешить, — сказал он. — Пошли.

Глава 11

Остров был плотно окутан туманом и едва виднелся в синей тьме ночи.

Старк и Треон тихо пробирались между камнями, пока не увидели свет, пробивавшийся сквозь узкие окна энергетической станции.

Там находились семеро стражников — пятеро внутри, двое снаружи.

Бесплотной тенью Старк бесшумно скользил вперед, ни один камешек не двинулся под его босыми ногами. В конце концов он нашел подходящее укрытие и притаился там. Не далее чем в трех футах от него стоял часовой. Он позевывал и с надеждой поглядывал на небо, ожидая первых признаков рассвета.

В тишине гулко прозвучал приятный голос Треона — солдаты хорошо его знали:

— Эй, стража!

Часовой обернулся. Вдоль каменной стены торопливо бежал второй стражник, шлепая сандалиями по земле.

— Кто говорит? — окликнул первый. — Лорд Треон? — Он напряженно вглядывался в темноту.

— Да, — ответил Треон.

Он был достаточно далеко, и они могли различить лишь лицо своего господина, а тело скрывалось за камнями и кустарником.

— Быстрее! Открывайте дверь! — приказал Треон. Он говорил прерывисто, будто очень спешил. — Катастрофа! Беда! Прикажите им открыть!

Один из стражников со всех ног бросился выполнять приказ и усердно заколотил в массивную дверь, запертую изнутри, другой застыл, вытаращив глаза.

Дверь распахнулась, и красный туман завихрился в потоках желтого света факелов.

— В чем дело? — прокричал голос изнутри. — Что случилось?

— Выходите! — задыхаясь, выкрикнул Треон. — Мой кузен лорд Эджил умер, убит рабом!

Трое или четверо быстро выскочили наружу, в круг света, словно боясь, что их сочтут ответственными за убийство.

— Вы его знаете, — продолжал Треон. — Это высокий темно-волосый землянин. Он убил Эджила и бежал в лес. Нам нужны дополнительные силы, чтобы организовать охоту на него. Вполне возможно, что его охраняют другие мятежники. Вот ты, ты, ты и ты... — Он ткнул пальцем в четырех самых крупных охранников. — Идите сейчас же, присоединяйтесь к поисковому отряду. Я с остальными останусь здесь.

Это заявление почти сработало. Четверка сделала было несколько неуверенных шагов, но потом один из них остановился и с сомнением произнес:

— Милорд, ведь нам запрещено покидать свой пост, что бы ни случилось. Лорд Конд убьет нас...

— А вы боитесь лорда Конда больше, чем меня? — философски заметил Треон. — Что ж, все ясно... — И он шагнул вперед, под яркие лучи света.

Раздался приглушенный вздох, затем испуганный вопль. Люди, вышедшие из станции, были вооружены только мечами, но часовые снаружи имели парализаторы.

— Это демон с голосом Треона! — завопил один из стражников.

Оба ствола черного оружия уставились на лорда лхари. Старк, притаившийся позади часовых, быстро и уверенно выпустил

два бесшумных заряда. Часовые рухнули на землю — несколько часов они не смогут даже пошевелиться. Старк бросился к двери.

Два стражника побежали наперерез и столкнулись со Старком, в то время как третий повернулся к Треону, пытаясь удержать его мечом, пока те не скроются в здании.

Увидев, что безоружный Треон в опасности, Старк вырвался из рук налетевших на него стражников и уложил того, который угрожал Треону. Через секунду на него обрушился град ударов, и чья-то ловкая, мускулистая нога выбила из рук Старка оружие.

Треон с разбегу врезался в кучку обступивших землянина часовых. Радуюсь своей новой силе, он схватил одного стражника за шею и отшвырнул в сторону.

Но стражники были рослыми и сильными людьми. И дрались отчаянно и умело.

Старк был избит и окровавлен прежде, чем смог нанести решающий удар.

Кто-то бросился мимо него к двери.

Треон взвыл. Краешком глаза Старк заметил, что лхари сидит на земле, а дверь закрылась.

Старк бросился к двери и с такой силой ударил плечом в тяжелую панель, что чуть не задохнулся от боли. Дверь распахнулась, и из-за нее послышались крик боли и звук падения. Старк без промедления ворвался внутрь и увидел, что последний из стражников торопливо тащит к двери что-то тяжелое, пытаясь забаррикадироваться.

Вытащить меч ему не удалось.

Не сбавляя скорости, Старк нырнул вперед, ударом головы сшиб часового с ног и покончил с ним с быстротой дикаря.

Потом он поднялся, перевел дух, сплюнул кровь и огляделся. Один из стражников бежал, явно для того, чтобы поднять тревогу.

Механизм оказался очень простым. Он состоял из большого черного предмета, размером и формой напоминавшего гроб и снабженного решетками, линзами и циферблатами. Он мягко жужжал, но какая энергия питала его, Старк не знал. Может быть, те же самые космические лучи, только приспособленные для другой цели?

Старк повернул то, что напоминало главный выключатель. Жужжание прекратилось, мерцающий свет в линзах умер.

Землянин поднял меч убитого стражника, тщательно переломал все, что можно было сломать, и направился к двери.

На пороге появился Треон. Он качал головой и печально улыбался.

— Похоже, одной силы недостаточно, — заметил лхари. — Нужно иметь еще и ловкость.

— Барьеры сняты, — отозвался Старк. — Путь свободен.

Треон кивнул, и они пошли обратно в море. На сей раз оба несли парализаторы, взятые у стражников. Парализаторов, считая и оружие Эджила, было шесть. Этого хватило бы для небольшой, но весьма энергичной схватки.

Пока они быстро погружались в красные газовые глубины, Старк спросил:

— А как насчет народа Шараана? Как они будут сражаться?

— Люди из команды Мальфора будут стоять за лхари. Это их единственная надежда. Другие станут выжидать, гадая, на чьей стороне окажется перевес.

Старк кивнул и больше не разговаривал.

Погружаясь вглубь, они миновали молчаливый город, и Старк подумал об Эджиле и Мальфоре, которые теперь стали частью этой неестественной тишины, медленно проплывая по пустынным древним улицам, где их подхватывают ленивые течения, а рой искр укутывает тускло мерцающим саваном. Он подумал о Зерит, спящей вечным сном в зале королей, и глаза его вспыхнули холодным жестоким огнем.

Они спустились к убогим баракам рабов.

Треон остался на страже, а Старк, взяв с собой лишнее оружие, вошел внутрь.

Рабы спали. Одни стонали во сне, других можно было принять за мертвых — так бледны были их изможденные лица со впалыми щеками и темными, провалившимися глазницами. Рабы. Сто шесть человек, считая женщин.

Старк закричал. Они проснулись, и поначалу смертельный ужас наполнил их души. Но вот они узнали его, увидели, что он без ошейника и вооружен, и подняли такой гвалт, что Старк снова был вынужден громко крикнуть, призывая к тишине. К нему присоединился Хельви, очнувшийся от наркотического сна.

Старк вкратце рассказал окружившим его людям о случившемся.

— Теперь вы свободны, — закончил он. — Вы можете сохранить свою жизнь, а можете и умереть, но умрете вы как свободные люди, а не как рабы. — Он сделал паузу. — Кто пойдет со мной в Шараан?

Они ответили ему единым вздохом, торжествующим воплем Потерянных Душ, увидевших, что красный туман неминуемой смерти начинает рассеиваться, а впереди уже мерцает надежда.

Старк засмеялся. Он был счастлив. Он раздал оружие Хельви и еще троем, по своему выбору. Хельви посмотрел ему в глаза и тоже рассмеялся.

— Идут! — крикнул Треон в открытую дверь.

Старк быстро проинструктировал Хельви и выскочил, прихватив с собой одного из мужчин. Вместе с Треоном они спрятались в аллее сада.

Подошли двадцать стражников, высоких, хорошо вооруженных людей, готовых вывести рабов на работу — бессмысленно таскать бесполезные камни.

Но тут из-за укрытия заговорило оружие, и никто не услышал его бесшумной речи, но все увидели, как восемь стражников упали внутри барака, а девять рухнули снаружи.

Потом настала очередь рабов. Десять из них умерли прежде, чем толпа расправилась с тремя уцелевшими солдатами.

Теперь у девяноста четырех повстанцев имелось двадцать мечей.

Рабы прошли через город, двигаясь решительно и целеустремленно, поднялись над спящим лесом и вышли из красной колышущейся тьмы, чтобы снова обрести настоящий свет.

Первый бледный отблеск зари струился сквозь облака, когда они поднялись на скалы под замком лхари. Старк отошел от рабов и как тень скользнул к тому месту, где спрятал свой пистолет. С моря кровавым маревом поднялся туман, и лицо Венеры осталось сумрачным. Только облака слегка тронул легкий перламутр утренней зари.

Старк вернулся к остальным. Один из парализаторов он отдал жителю болот, в глазах у которого сверкало холодное безумие.

Затем сказал несколько слов Хельви и отправился с Треоном назад, на дно Красного моря.

Шагая вдоль утеса, Треон коснулся руки Старка и указал на круглое отверстие:

— Оно сделано очень давно, чтобы никто не видел, как рабы лхари исчезают из Шараана. Заходи, но постарайся не шуметь.

Они прошли вниз по туннелю, в темноту, пока поток багровых газов не вынес их на поверхность. Затем они бесшумно ползли по камням, время от времени останавливаясь и прислушиваясь.

Вся надежда была на внезапность. Треон сказал, что по туннелю могут пройти двое, а большее число людей наверняка будет замечено и стражники сделают все, что от них требуется.

Старк целиком полагался на Треона, и не напрасно.

Они подошли к гладкой стене из полированного камня. Треон нажал на нее плечом, и громадный блок медленно

повернулся, открывая проход в пустое, освещенное факелами помещение.

Спутники шагнули туда, и одновременно с ними в комнату вошел слуга в ярких шелковых одеждах. Он собирался заменить угасающий факел на свежий. Увидев пришельцев, слуга в изумлении замер и выронил факел. Рот его беззвучно раскрылся. Старк вспомнил, что у здешних слуг не было языков. Лхари не любили лишней болтовни.

Треон попытался что-то сказать, но человек повернулся и пустился бежать по длинному, тускло освещенному коридору. Старк без труда догнал его и ударил рукояткой пистолета.

Слуга упал и затих.

Треон направился наверх. Лицо его сияло странным воодушевлением, а безумный блеск глаз почти пугал Старка. Они прошли по длинной анфиладе пустых комнат, никого не встретив на своем пути. Наконец Треон остановился у маленькой двери из полированного золота, взглянул на Старка, кивнул, толкнул дверь и вошел.

Глава 12

Они стояли в громадном зале, противоположная стена которого исчезала в темноте. Здесь, как и раньше, горела гроздь серебряных ламп, а из освещенного круга за пришедшими, осмелившимися войти через потайную дверь, наблюдали сами лхари.

Здесь были Конд, Эйрил, покорно сложившая руки на коленях, Бор, колотивший маленького дракона, чтобы заставить того шипеть и шелкать челюстями, и смеявшийся над бессилием звереныша. Варра, держа на запястье птицу, пробовала белым пальцем остроту ее клюва. Здесь же находилась и старуха, не успевшая донести до рта кусочек жареного мяса.

Все они застыли на местах, а Треон медленно подошел к свету.

— Узнаете меня? — спросил он.

По телам тех, к кому он обратился, пробежала странная дрожь. Как и в прошлый раз, старуха заговорила первой. Глаза ее жадно блеснули.

— Ты Треон.

Все ее громадное тело всколыхнулось.

— Треон, Треон... — зашелестело под сводами.

Конд бросился вперед и дрожащими пальцами коснулся стройного, сильного тела своего кузена.

— Ты нашел секрет!

— Да.

Треон вскинул серебряную голову, и по залу рассыпался его ясный, точно звон далекого колокольчика, тихий смех.

— Да, я нашел ваш секрет, но теперь он исчез, уничтожен, и вам не получить его. Эджил умер, и дни лхари сочтены.

Наступило долгое недоуменное молчание.

Наконец старая туша прошептала:

— Ты лжешь.

Треон повернулся к Старку:

— Спроси чужеземца, который принес на своем челе знамение смерти, он скажет тебе, лгу ли я.

Лицо Конда стало каким-то нечеловеческим. Он издал страшный, безумный вопль и стремительным движением потянулся к горлу Треона.

Бор вдруг закричал. Его одного не интересовала ни находка, ни утрата тайны, и, кажется, только он один понял — здесь находится Старк. Он вопил, глядя на этого чужого смуглого мужчину, и вдруг бросился вон из зала, на бегу истошно созывая стражу. Когда, выбегая, он распахнул большие двери, со двора в зал донеслись звуки сражения.

Рабы с мечами, дубинами, копьями и камнями перебрались через стену замка.

Старк подался вперед, но Треон не нуждался в его помощи: он держал Конда за горло и улыбался. Старк не стал ему мешать.

Старуха, задыхаясь, что-то выкрикивала, плевалась, ругалась, приказывала. Внезапно рассмеялась Эйрил. Она не сдвинулась с места, руки ее по-прежнему празднично лежали на коленях, но она смеялась и смеялась, а Варра с ненавистью смотрела на Старка.

— Ты не Дикарь, ты просто дурак, — сказала она. — Ты не захотел взять то, что я предлагала, так теперь не получишь ничего, кроме смерти.

Она сдернула колпачок с головы птицы и бросила ее прямо в лицо землянину, а потом выхватила из-за пояса нож и быстро вонзила его в бок Треону.

Треон покачнулся. Рука его, сжимавшая горло Конда, ослабла, и Конд вырвался, разъяренный, с пеной на губах.

Он выдернул свой короткий меч и занес его над Треоном.

Яростные крылья били воздух и грохотали над головой Старка. Острые когти вцепились ему в лицо. Старк взмахнул левой рукой, схватил птицу за ногу и держал ее, дергавшуюся и шипевшую, недолго, но достаточно для того, чтобы успеть выстрелить в Конда.

Потом он моментально свернул птице шею.

Старк швырнул сокола к ногам Варры и снова поднял пистолет. С дальнего конца зала бежали стражники, теперь нужно было защититься от них.

Треон, покачиваясь, сидел на полу.

Кровь непрерывно сочилась из его раны, но он по-прежнему крепко сжимал в руке парализатор и улыбался.

Снаружи доносились угрожающий шум и рев.

Там дрались люди, убивали, умирали сами, кричали от радости, возбуждения и боли. В зале бушевало эхо баталии, а выстрелы Старка напоминали отдаленный гром. Стражники, вооруженные только мечами, падали, как колосья под секущим серпом, но их было слишком много, чтобы Старк и Треон могли удержать их.

Без умолку визжащая старуха вдруг затихла. Сквозь ряды стражников, расшвыривая охранников лхари, пробился Хельви, за которым по пятам следовала кучка яростных рабов в ошейниках. Все смешалось в бешено крутящемся хаосе, наполненном воплями, мельканием мечей и копий, глухим стуком падающих тел.

Старк отбросил разряженный пистолет, схватил меч мертвого стражника и стал прорубать себе дорогу к Хельви.

Внезапно Треон выкрикнул его имя.

Старк стремительно отскочил от человека, с которым только что сцепился, и увидел, как падает Варра с кинжалом в руке.

Она собиралась ударить Старка в спину, но Треон увидел это и успел нажать на спуск.

В первый раз на глазах Треона выступили слезы.

Старка замутило. Было что-то ужасное в открывшемся перед ним зрелище семейной резни, родственного самоуничтожения. Его дикарская душа была далека от сентиментальности, к Варре он не питал особой привязанности, но поступок Треона заставил его содрогнуться.

Теперь он стоял с Хельви спина к спине. Их мечи дружно отражали беспрестанные атаки врагов, а бесполезные разряженные парализаторы валялись где-то на полу.

— Хороший бой, брат, — задыхаясь, проговорил Хельви. — Победить мы не сможем, но зато нас ждет великолепная смерть, а это куда лучше рабства.

Казалось, что слова Хельви подтвердились: рабы, истощенные долгим затворничеством и непосильным трудом, были отброшены.

Поток их хлынул вспять, и Старка вынесло на двор, но и там упорно и яростно он продолжал драться.

Громадные ворота опять были открыты. За ними толпился народ Шараана, наблюдая за схваткой полными ужаса глазами.

Люди нерешительно переминались с ноги на ногу. Треон был прав: они лишь наблюдали и ждали исхода. Впереди всех, опираясь на суковатую палку, стоял Ларраби, землянин.

— Чего вы ждете, трусливые бабы? Лхари мертвы. Потерянные Души освобождены. Неужели мы, земляне, должны страдать за вас?

Старк взглянул прямо в глаза Ларраби.

Тот встретил этот взгляд. Его темные страдающие глаза были полны горькой радости.

— Да, Дикарь, — ответил он по-английски. — Почему бы и не присоединиться к вам?

Он вскинул голову, засмеялся, и не было горечи в этом смехе.

Потом Ларраби поднял свою палку, словно дубину, слабым, старческим голосом издал пронзительный воинственный клич и заковылял к распахнутым воротам. Только тут жители Шараана очнулись и с глухим ропотом медленно двинулись вслед за стариком.

Очень скоро все было кончено.

Тело Бора нашли в стойле, где он собирался переждать битву. Драконы, очумевшие от запаха крови, быстро растерзали мальчишку.

Хельви не пострадал. Ларраби тоже.

Подвигнув жителей Шараана на бой, старый землянин почувствовал себя не в своей тарелке и теперь осторожно держался в стороне.

Почти половина рабов погибла, остальные были ранены. Из тех, кто служил лхари, уцелели лишь немногие.

Старк вернулся в большой зал. Он шел медленно, потому что страшная усталость последних суток все-таки давала о себе знать. Отяжелевшие ноги его оставляли кровавые следы, руки были красны до локтей, на груди темнели бурые засохшие пятна.

Треон смотрел на него и тихо улыбался:

— Все произошло, как я говорил. Я пережил их всех!

Истерический смех Эйрил уже не звенел под сводами зала. Она не пыталась бежать, и яростная волна сражения прокатилась по ней, придавила горой мертвых тел, и под этим кровавым грузом женщина задохнулась.

Старуха возлежала на своей постели неподвижной горой плоти. Руки ее все еще сжимали спелый плод, в который она конвульсивно вцепилась перед смертью, и красный сок стекал по скрюченным пальцам.

— Теперь и я ухожу, — сказал Треон. — Я очень доволен. Со мной уходят последние капли нашей гнилой крови, и Венера

станет чище. Похорони мое тело поглубже, чужеземец с неистовыми глазами. Я не хочу, чтобы оно видело, что будет после нас.

Он вздохнул и упал.

Маленький дракончик Бора с протяжным плачем выполз из-под старухиной постели и заковылял прочь, волоча за собой измочаленную веревку.

Старк наклонился над гакабортом, глядя на темную громаду Шараана, уходившую в красный туман.

Палуба была полна бывшими рабами, которые возвращались домой. С лхари было покончено. Потерянные Души обрели свободу, и теперь Шараан стал всего лишь заурядным портом в Красном море. Его жители по-прежнему останутся разбойниками и пиратами — но кто изменит людскую природу? Черное зло ушло отсюда — и это главное.

Старк радовался: он видел, как умирало это зло, и вскоре увидит другой берег Красного моря.

Береговой ветер быстро нес корабль по заливу. Старк подумал о Ларраби, который вместе со всеми мечтами о земном снеге, о городских улицах и о женщинах с изящными ножками остался в Шараане. Он так долго прожил здесь, что у него не хватило духу покинуть насиженное место.

— Бедняга Ларраби, — сказал Старк Хельви, стоявшему рядом на палубе. — Он умрет в грязи, проклиная ее.

Позади кто-то хихикнул. Старк услышал шарканье старческих ног, обернулся и увидел Ларраби.

— В последнюю минуту я передумал, — усмехнулся старик. — Я прятался в трюме, чтобы мой грязный выводок не увидел меня и не заставил передумать еще раз. — Он наклонился к Старку, покачивая головой: — Ничего, они прекрасно обойдутся и без меня. Я старик и имею право выбирать место, где умереть. Я полечу с тобой на Землю.

Старк взглянул на него:

— Но я-то собрался совсем не туда.

Ларраби вздохнул:

— Вот как? Не думал... Впрочем, ты же не настоящий землянин, ты обычный дикарь с Меркурия. А что до твоей земной крови, то это так, случайность... И куда же ты направляешься?

— Не знаю. Во всяком случае, подальше от Венеры.

Темные глаза Ларраби внимательно взглянули на него.

— Знаешь, что говорила о тебе Варра? Она назвала тебя сумасшедшим тигром с ледяными глазами, тигром, который что-то потерял и теперь не может найти, а искать будет всю жизнь.

Воцарилась долгая тишина. Красный туман окутал их, усиливавшийся ветер стремительно понес судно.

Издалека донесся слабый, протяжный плач, похожий на прерывающееся пение, и у Старка мороз прошел по коже. Все на борту слышали эти звуки и внимали им в полном молчании, как вдруг одна из женщин заплакала.

Старк тряхнул головой.

— Это только ветер, — сказал он резко, — блуждающий в скалах у пролива.

Звук взлетал и падал, усталый, бесконечно тоскливый, и та часть Старка, которая была Н'Чакой, уверяла, что Старк солгал.

Ветер не мог завывать так печально, это рыдали Потерянные Души, оставшиеся там навеки, — Зерит, спящая в зале королей, и все те, кто никогда не оставит мертвый город, никогда не увидит дневной свет.

Старк вздрогнул и отвернулся. Перед ним плясали багровые огни шараанского залива.

ШЕННЕЧ ПОСЛЕДНИЙ

Глава 1

В пещерах Меркурия было темно и жарко. Глубокую, гнетущую тишину нарушали только тяжелые шаги Тренора.

Долгие часы Тревор блуждал в этом лабиринте, где до него еще не ступала человеческая нога. Тренора душила злоба. Смерть караулила его на каждом шагу, а он вовсе не был готов к тому, чтобы безвинно погибнуть здесь — в миллионах миль от Земли. Более того, ему казалось особенно унижительным именно то, что свой конец он найдет в крошечном мраке, под чужими высокими, как Эверест, горами. Он хотел бы остаться в долине.

Голод и жажда сделают свое дело и там, но Тревору казалось, что погибший в долине умирает как человек, а не как крыса в канализации.

Впрочем, не все ли равно, где умереть?

Выжженный песок долины даже до землетрясения ничего не давал человеку, кроме, может быть, смутной надежды найти солнечные камни, один или два из которых могли превратить изыскателя в плутократа.

Тревор не нашел солнечных камней. Землетрясение обрушило на его корабль целую скалу, оставив незадачливого искателя сокровищ с карманным фонариком, горстью пищевых таблеток, фляжкой воды и в весьма символической одежде.

Он посмотрел на голые скалы, на ручеек ядовитой зеленой пены и отправился в туннели, древние норы охлаждавшейся по ночам планеты, надеясь, что ему удастся найти выход из этой проклятой долины.

Shannach — The Last

Copyright © 1952 by Leigh Brackett

Шеннеч Последний

© Б. Александров, Г. Грей, перевод, 1993

Горы Сумеречного пояса Меркурия изрыты тысячами глубоких нор и напоминают пчелиные соты.

Здесь нет пути через горы, потому что зубчатые пики поднимаются в безвоздушное пространство. Тревор знал, что между ним и открытыми равнинами лежит только один базальтовый туннель. Если он не сможет добраться до этого туннеля и пересечь его, то он...

Но теперь он понимал, что дойти ему не удастся.

От ужасающей жары у него начала облезать кожа.

Его сил уже не хватало даже на то, чтобы переставлять ноги, обутые в тяжелые шахтерские сапоги. Он снял эти пудовые колодки и босиком пошел по грубому камню. Теперь в запасе у него оставался только фонарик.

Вскоре его свет погаснет, а с ним исчезнет и последняя надежда на спасение.

Произошло это довольно скоро. Непроглядный мрак захлоя могилы сомкнулся вокруг него. Тревор постоял немного, слушая биение своего сердца, гулко звучащее в тишине инопланетного склепа, и глядя на плывущие перед глазами фиолетовые разводы, затем выкинул фонарик и пошел вперед, борясь со страхом, который оказался сильнее, чем физическая слабость.

Дважды он наткнулся на изгиб каменной стены и падал, но всякий раз находил в себе силы подняться. В третий раз он уже не смог встать и пополз на четвереньках.

Он полз — крошечное создание в перепутавшихся кишках чужой планеты. Проход становился все уже, постепенно сжимаясь вокруг него. Время от времени Тревор терял сознание и, с невероятным трудом приходя в себя, возвращался к иссушающей жаре, к молчанию давящего камня.

После очередного провала в глубины небытия он услышал глухой, ровный гул. Проход превратился в узкую щель, в которой приходилось ползти на животе, извиваясь, словно дождевой червь. Вскоре Тревор почувствовал сильную вибрацию камня. Она становилась все сильнее, и человек, запертый в тесном пространстве, ощутил ужас. Воздух стал душным от пара. Рев и вибрация дошли до невыносимых пределов. Тревор почти задохнулся от пара. Он боялся ползти вперед, однако другого пути не было. Вдруг руки его нащупали впереди пустоту.

Видимо, каменный пол был разъеден эрозией. Он подался под весом Тревора и сбросил его головой вперед в грохочущий поток горячей воды, стремительно катившейся в глубь пещеры.

После этого Тревор мало что помнил.

Было обжигающе-горячо, были отчаянные попытки удержать голову над водой и страшная скорость ревушей подземной реки, бежавшей все дальше в темноту.

Он несколько раз ударялся о скалы, а когда потолок туннеля опускался к самой поверхности воды, ему приходилось на целую вечность задерживать дыхание.

Он почти не отдавал себе отчета в происходящем и лишь чувствовал, что стало намного холоднее.

Всякие попытки сопротивляться той силе, что уносила его все глубже и глубже в недра гор, он давно оставил.

Но вот его руки и колени ударились о крепкое дно.

Тревор сделал отчаянную попытку выбраться на сушу. Вода исчезла. Он попробовал встать, но так и остался лежать.

Наступила ночь, принесся с собой жестокою грозу и дождь. Тревор не знал этого: он спал, а когда проснулся, заря зажгла вершины высоких утесов белым огнем.

Что-то кричало над его головой.

Ощущая нестерпимую боль во всем теле, Тревор медленно приподнялся и, посмотрев по сторонам, увидел бледно-серую песчаную отмель. Под ногами его плескалась вода серо-зеленого озера, наполнявшего каменную впадину около полумили шириной.

Слева от него подземная река, покрытая пышной шапкой пены, разливалась вширь.

Справа вода переливалась через край впадины и где-то внизу вновь превращалась в реку, а рядом, скрытая колышущимся туманом и тенью горной стены, начиналась долина.

Позади Тревора на краю песчаной отмели росли незнакомые деревья, папоротники и цветы — бурный фонтан торжествующей жизни.

Насколько он мог видеть, вся широкая долина поросла пышной зеленой растительностью. Вода была чистая, воздух наполнен цветочными ароматами, и до Тревора дошло, что он все-таки сумел выкарабкаться. Он еще поживет.

Забыв об усталости и изнурительной путешествии, он вскочил, пошатнулся, и то, что шипело и занудливо верещало над его головой, бросилось вниз, едва не оцарапав его острыми кожистыми крыльями.

Тревор вскрикнул и отскочил, а создание взлетело по спирали вверх и снова кинулось на него.

Тревор увидел что-то вроде летающей ящерицы, агатово-черной, с шафрановым брюшком. Он поднял руки, чтобы отогнать настырную тварь, но она и не думала нападать на него. Когда крылатая рептилия пронеслась мимо, он увидел нечто

такое, отчего душа его исполнилась удивления, алчности и неприятного, липкого страха.

На шее ящерицы поблескивал золотой ошейник, а в чешуйчатую плоть ее головы — кажется, прямо в кость — был вставлен солнечный камень.

На секунду камень яростно вспыхнул — таким злым светом, что Тревор тут же узнал его. Не для того он так долго грезил о солнечных камнях, чтобы вот так, за здорово живешь, обознаться. Он проследил, как животное взлетает в насыщенное паром небо, и удивился, кто и зачем вставил эту драгоценность в череп летающей ящерицы.

Больше всего его мучил вопрос — зачем?

Солнечный камень — это не безделушка, которой богатые капризные дамы украшают свое платье, это редчайший радиоактивный кристалл, имеющий период полураспада на треть больший, чем у радия, и используется он только в самых чувствительных электронных приборах, имеющих дело с частотами выше первой октавы.

Большая часть этого сравнительно редко употребляемого суперспектра пока что оставалась тайной. Странное, украшенное камнем и ошейником создание, кружившееся над головой Тревора, вызывало у него неясную тревогу.

Животное не охотилось, оно не хотело убивать Тревора, но и улетать не собиралось.

Далеко в долине прозвучала приглушенная расстоянием звонкая нота, и звук этот прокатился между зазубренными скалами.

Это был звук большого гонга.

Тревор вздрогнул, и ноги сами понесли его под прикрытие темной лесной чащи. Он решил идти вдоль берега озера. Вскоре ему пришлось в голову высунуться из-за деревьев, и хлопанье черных крыльев вновь настигло его.

Ящерица следила за человеком цепкими, яркими глазами. Животное замечало тропу, которую Тревор прокладывал в цветах и папоротниках. Оно наблюдало за ним подобно соколу, выслеживающему кролика.

Тревор дошел до края впадины, где поток превращался в водопад в несколько сотен футов высотой. Поднявшись на край каменного бастiona, Тревор впервые как следует разглядел раскинувшуюся перед ним долину.

Часть ее все еще укрывал туман, но сквозь него отчетливо виднелись обширные рощи, широкие поляны и отвесные склоны гор, стиснувшие долину со всех сторон.

По мере того как он рассматривал детали открывшегося перед ним пейзажа, изумление его беспредельно возрастало.

Земля была обработана. Среди полей ютились несколько тростниковых хижин, а еще дальше располагался город, застроенный каменными домами, — громадный город, сверкающий в утренней дымке.

Тревор удивленно вглядывался вдаль, а крылатая ящерица лениво кружила над ним и, пока он пытался обдумать увиденное, не спускала с него глаз.

Такая плодородная долина была сама по себе весьма удивительна, если не сказать больше. Но наличие здесь полей и раскинувшегося за ними города казалось просто невероятным.

Он сталкивался с местными племенами, некогда населявшими замкнутые миры Сумеречного пояса, — примитивные ди-кари жили среди голых скал и кипящих источников, добывая себе пищу охотой на крупных ящериц. Они не строили ничего подобного этому. Но, может быть, не все меркурианские племена остались на уровне каменного века?

Вновь раздался удар гонга, и глубокий, призывный гул пролетел над долиной. Тревор увидел крошечные фигурки всадников. На таком расстоянии они казались черными суетливыми муравьями. Всадники покинули город и теперь двигались через равнину.

Тревор так обрадовался, что забыл обо всем на свете. Он был измучен, изнурен и голоден, он устал от этого чуждого мира, и присутствие здесь людей, цивилизации было такой удачей, о какой он не мог даже мечтать.

Кроме того, здесь имелись солнечные камни. Он жадно взглянул на голову описывавшего круги разведчика и начал спускаться вниз. И на сей раз черные крылья бесшумно скользнули за ним.

Он дошел до выступа, находившегося футы в ста от дна долины. Отсюда можно было только прыгать.

Тревор схватился за куст, прыгнул, стараясь пролететь как можно дальше, и прокатился несколько ярдов по упругой почве склона.

Пока он лежал, пытаясь отдышаться, в нем зашевелились сомнения.

Теперь он видел долину совсем четко. Кроме группы всадников, там не было ни души. На полях никто не работал, деревеньки стояли как вымершие. Над деревьями у реки он увидел вторую чернокрылую ящерицу, тоже следившую за кем-то.

Неподалеку росла прибрежная роща, и всадники направлялись именно сюда, к Тревору. Теперь эти люди показались ему охотничьим отрядом, и все же что-то тревожное таилось во всем окружавшем Тревора. Казалось, звук гонга был неким сигналом, услышав который люди попрятались кто куда, пере-

жидая внезапно начавшуюся охоту. Остроглазых ящериц, как собак, посылали вперед — выслеживать и вспугивать дичь.

Покосившись на висящего в воздухе зловещего часового, Тревор принялся гадать, какая дичь прячется в рощице.

О том, чтобы вернуться к относительной безопасности озера, нечего было и думать. Обрывистый выступ отрезал Тревора от водоема. Он прекрасно понимал всю бесполезность попыток спрятаться, но все же заполз в малиновый папоротник. Город был слева от него, и справа плодородная долина переходила в залитую лавой, засыпанную белым камнем площадку, сужавшуюся и исчезающую за краем пурпурного базальта. Это ущелье до сих пор оставалось в глубокой тени.

Всадники были еще далеко. Крошечные фигурки переходили реку вброд, поднимая тучи брызг.

Летающий над деревьями часовой неожиданно спикировал вниз. В поле его зрения появилась добыча.

Смутные подозрения Тревора превратились в скверную уверенность. Застыв от ужаса, он смотрел, как из яркой зелени выскочила бронзовая полуголая девушка и бросилась бежать к нагромождению камней.

Ящерица вновь взлетела, затем устремилась вниз и ударила.

Девушка отскочила в сторону. В ее руке появилась длинная дубинка с большими шипами. Она отогнала назойливое черное животное и побежала дальше. Ящерица сделала круг и снова бросилась на девушку, на сей раз сзади.

Беглянка быстро повернулась. Минута яростного столкновения — и когтистые крылья окутали ее как плащом. Потом девушка снова побежала, но уже медленнее.

Тревор заметил кровь у нее на теле.

Летающий демон устремился за ней. Он пытался заставить жертву повернуть обратно, к охотникам, но она явно не желала возвращаться. Она била ящерицу палкой и бежала дальше, падала и снова бежала.

Тревор знал, что она проиграет. Ящерица убьет ее раньше, чем девушка доберется до скал.

Инстинкт самосохранения приказывал Тревору не вмешиваться. Что бы ни происходило — ему до этого дела нет и быть не может. Он хотел только взять один из этих солнечных камней и поскорей убраться прочь. Это было уже нелегко. Но ярость, поднимавшаяся в нем, затопила всякую осторожность: он увидел, как ящерица опять налетела на девушку и выпустила когти. Тревор вскочил, что-то крикнул и со всех ног бросился на помощь.

Девушка обернулась на крик, и он увидел ее лицо. Такой дикой, гордой красоты ему еще не приходилось встречать.

Ее темные испуганные глаза были полны отчаянной решимости.

— Оглянись! — крикнула она ему на его языке.

Тревор забыл о собственной безопасности.

Черные крылья, чешуйчатый извивающийся хвост и выпущенные когти налетели на него как вихрь.

Тревор упал и покатился, покрывая землю пятнами крови.

Издалека он услышал голоса охотников, пронзительные, скрипучие, сливавшиеся в дикое улюлюканье.

Глава 2

По каким-то причинам атака приостановилась. Тревор с трудом поднялся на ноги, взял из рук девушки дубинку, горько пожалев о пистолете, похороненном под тоннами камня по ту сторону гор, и сказал:

— Держись сзади. Не отставай.

Она недоверчиво взглянула на него, но на разговоры времени не оставалось. Вместе они побежали к каменистому участку.

Он был довольно далеко. Над их головами визжали и шипели ящерицы, хлопали чешуйчатые крылья.

Тревор поднял дубинку. Размерами и весом она напоминала бейсбольную биту. Когда-то он был хорошим игроком в бейсбол.

— Спускаются! — крикнула девушка.

— Ложись! — рявкнул он и замедлил бег.

Она упала в траву позади него, зажав в руке обломок камня. Широкие крылья снижались, со свистом рассекали воздух.

Тревор встал потверже. Он видел злые глаза, желтые и блестящие, и яркие вспышки солнечных камней в черной чешуе. Ящерицы напали одновременно, но с разных сторон, так что он не мог повернуться к обеим сразу.

Он выбрал одну, ту, что вырвалась вперед, и подпустил ее поближе.

Высунув язык из шипящей пасти, выпустив острые когти, она стремительно пикировала на него.

Тревор взмахнул дубинкой.

Удар. Тревор почувствовал, как что-то треснуло. Животное злобно завизжало. Сила падения швырнула его на Тревора. Под ударами мощных крыльев он потерял равновесие и упал. На него тут же ринулась вторая ящерица.

Девушка вскочила, в три прыжка приблизилась к нему, упала на спину чешуйчатой твари, терзавшей Тревора, и попыталась

прижать дергавшуюся ящерицу к земле, методично колотя ее по голове камнем.

Тревор пинком отбросил раненую ящерицу в сторону. Несмотря на сломанную шею, подышать она не спешила. Тревор крепче ухватил дубинку и убил вторую, а затем без большого труда извлек из ее головы солнечный камень.

Он держал его на ладони, странный, темно-желтый, с при-ставшим к нему осколком кости. Камень сиял внутренним огнем, глубоким и трепетным, и жаркая ответная искра вспыхнула в душе Тревора. Он забыл, где находится и что делает, забыл обо всем, кроме яркого, вождельного кристалла, сиявшего в его руке. Он держал нечто большее, чем драгоценность, гораздо большее, чем богатство: это была надежда, отблеск удачи, предвкушение новой жизни. Он потратил много лет на исследования безжизненных меркурианских пустынь. Это путешествие было последней отчаянной попыткой найти счастье, и попытка эта кончилась несуразной гибелью его корабля. Долгие странствия подошли к концу, и теперь ему не светило ничего, ни на Меркурии, ни дома. Оставалось только превратиться в нищего межпланетного бродягу, одного из тех, кого он всегда жалел.

Теперь же все изменилось. Этот камень даст ему возможность вернуться на Землю победителем, оплатить все страшные, одинокие и опасные годы рискованных поисков. Этот камень...

Этот камень может сделать очень многое, если, конечно, Тревору удастся утащить его из этой Богом забытой долины. Если...

Девушка отдышалась и коротко бросила:

— Пошли! Они приближаются.

Чувства Тревора, смущенные гипнотическим блеском солнечного камня, очень неохотно реагировали на извечные раздражители зрения и слуха. Всадники подъезжали. Животные, на которых они сидели, казались выше и тоньше лошадей. У них были узкие и злобные морды и шипастые гребни, стоявшие на головах прямо и надменно. Животные бежали быстро, легко неся всадников на своих сильных спинах.

На таком расстоянии лица всадников едва виднелись, но даже сейчас Тревор почувствовал в них что-то странное, что-то неестественное. Их бронзовые тела, несколько светлее, чем у его спутницы, были облачены в роскошные доспехи.

Девушка яростно встряхнула его, пытаясь вывести из задумчивости.

— Ты хочешь, чтобы тебя взяли живым? Звери разорвали бы нас на куски, и очень быстро, но мы убили «соколов», неужели ты не понимаешь? Теперь нас возьмут живыми.

Тревор не понял сути, но то, что она явно предпочитала отвратительную смерть плену, заставило его собрать остаток сил. И потом — солнечный камень. Если всадники возьмут Тревора в плен, то отнимут камень.

Крепко зажав в кулаке свою драгоценность, Тревор побежал за девушкой.

Солнечные лучи добрались наконец до залитой лавой площадки. Расщепившаяся скала выглядела мрачной и безобразной. Вся эта местность и ущелье за ней казались воротами в ад, но Тревору было наплевать на подобные ассоциации. Главное — добежать, успеть, а там...

Мягкий топот гулко отдавался в ушах у Тревора. Он оглянулся и увидел лица охотников. Теперь ему стало ясно, почему они показались такими неестественными: у каждого в центре лба, в самом черепе, сиял солнечный камень.

Сначала ящерицы-«соколы», теперь эти...

Острая боль пронзила сердце Тревора. Это были люди, такие же, как он, но вместе с тем они не были людьми. Они были чуждыми, злобными, страшными, и Тревор начал понимать, почему девушка так не хотела попасть живой им в руки.

Неутомимые верховые животные со своими удивительными седоками быстро приближались к беглецам. Предводитель взял с седла изогнутую палку и поднял ее, как копьё. Солнечный камень на его матовом лбу горел, как третий злобный глаз.

Обломки скалы мерцали на солнце. Тревор бежал к ним. Тело девушки, мчавшейся впереди как будто тоже мерцало. Дышать стало трудно. Тревору казалось, что он не может больше бежать, но ноги сами несли его, и, когда девушка споткнулась, он нашел в себе силы подхватить ее и удержать от падения.

Время от времени он украдкой оглядывался на преследователей.

Он увидел, как изогнутая палка полетела к нему, но сумел увернуться. Остальные охотники выстроились в ряд. Тревору показалось, что в первую очередь они интересуются им и в своем стремлении захватить чужака совсем позабыли о девушке.

Его босые ноги уже бежали по горячим от солнечных лучей камням. Базальтовый уступ, как щитом, прикрывал его от вражеских палок.

Минуты через две Тревор и девушка укрылись в нагромождении камней, какое можно увидеть разве что в кошмарном сне.словно сказочный гигант сбивал мутовкой расплавленную лаву, свободной рукой разламывая горы и беспорядочно разбрасывая куски породы. Теперь Тревору стало ясно, почему девушка решила бежать не ночью, а днем: пройти через это ущелье в темноте было равносильно самоубийству.

Он непрерывно прислушивался, но звуков преследования не улавливал. Тревога его не ослабевала, и, когда девушка присела отдохнуть, он спросил:

— Не пойти ли нам дальше? Они могут прийти сюда.

Та не спешила отвечать, разглядывая его так же внимательно, как незадолго до этого — всадники. У нее впервые появилась возможность посмотреть на него, и она воспользовалась ею. Она внимательно разглядывала волосы, давно не бритую щетину, обгоревшую на солнце кожу, рваные шорты — единственную его одежду. Затем она произнесла медленно, словно думая о чем-то другом:

— В седле корины ничего не боятся, но пешими никогда сюда не сунутся. Раньше такое случалось. Понимаешь, они так же могут умирать, как и мы.

Ее лицо, хотя и совсем юное, девичьим не было. На Тревора смотрела женщина, познавшая счастье, страсть и горечь, женщина, не доверяющая никому, кроме себя.

— Ты не наш, — добавила она. — Нет. Я не видела таких.

— Ты права. Я пришел из-за гор. А кто такие корины?

— Лорды Корита, — ответила она и начала отрывать полоски от куска белой ткани, обернутой вокруг ее талии. — Поговорим потом, нам еще далеко идти. А сейчас надо остановить кровь.

Они молча перевязали друг другу раны и пошли дальше.

Если бы Тревор не чувствовал себя невообразимо усталым, а путь не был таким трудным, он, наверное, злился бы на девушку. Впрочем, злиться было не на что, если не считать ощущения, что она в чем-то подозревает его.

Много раз они останавливались и отдыхали. Однажды он спросил:

— Почему эти самые корины охотятся на тебя?

— Я убежала. А вот почему они охотятся за тобой?

— Будь я проклят, если знаю. Случайность, наверное. Я оказался тут как раз в то время, когда летали их «соколы».

На шее девушки матово поблескивала железная цепь без застежки, слишком маленькая, чтобы быть надетой через голову. На цепи висела круглая бляшка с выдавленным словом. Тревор взял бляшку в руку.

— Гелт, — прочел он. — Это твое имя?

— Меня зовут Джен. Гелт — это корин, которому я принадлежу. Он охотится за мной. — Она бросила на Тревора свирепый и вызывающий взгляд и сказала, как будто выдавала тайну графского дома: — Я рабыня.

— И давно ты в долине, Джен? Мы с тобой одного племени, говорим на одном языке. Земное племя. Как получилось, что

никто не слышал о том, что тут есть такая большая земная колония?

— После Приземления прошло почти триста лет, — ответила она. — Я слышала, что мой народ много поколений жил надеждой на то, что прилетит корабль с Земли и освободит его от коринов. Но этого так и не случилось. А кроме корабля не существует возможности войти в долину или выйти из нее.

— Я пробрался сюда и теперь начинаю жалеть об этом. Но если нет пути, куда же мы идем?

— Сама не знаю, — ответила Джен и встала. — Но мой муж пришел этим путем. Все ходят здесь.

Она зашагала вперед, и Тревор поспешил за ней.

Больше идти было некуда.

Жара стояла невыносимая, и они старались держаться в тени скал. Они страдали от жажды, но воды здесь не было. Перед ними маячил невозможно высокий утес из пурпурного базальта, но казалось, что он никогда не приблизится.

Большую часть дня они шли по застывшей лаве, но наконец все-таки обогнули гигантский утес и выбрались в узкий каньон.

С обеих сторон вздымались крутые каменные стены, грубые, растрескавшиеся, с малиновыми, белыми и охряными прожилками. По каменному ложу бежал ручей.

Джен и Тревор упали на его берегу. Пока они ползли по мокрому гравию и по-собачьи лакали воду, из-за скал тихо вышли люди и встали перед ними, сжимая в руках каменные топоры.

Увидев шестерых вооруженных мужчин, Тревор медленно поднялся. На них, как и на Джен, были белые набедренные повязки, сильно потрепанные, и тела их дочерна загорели на жестоком солнце.

Все они были молоды, крепки и мускулисты, будто от тяжелой работы. Лица их были не по возрасту угрюмы. У всех на теле виднелись рубцы от когтей. И все эти люди смотрели на Тревора странными холодными глазами.

Они знали Джен. Заметив их, она радостно назвала их по именам и спросила:

— А где Хью?

Один кивнул в сторону каменной стены:

— Наверху, в пещере. С ним все в порядке. Кто этот человек, Джен?

— Не знаю. За ним тоже охотились. Он пришел мне на помощь. Без него мне не удалось бы бежать. Но... — Она замялась, осторожно подбирая слова. — Он сказал, что пришел

из-за гор. Он знает о Земле и говорит на нашем языке. А когда он убил «сокола», то разбил ему голову и взял солнечный камень.

Все шестеро вздрогнули. Самый высокий, с лицом холодным и резко очерченным, как высящиеся повсюду скалы, шагнул к Тревору.

— Зачем ты взял солнечный камень? — грубо спросил он.

Тревор уставился на него:

— А как ты думаешь? Потому что он ценный.

Человек протянул руку:

— Отдай!

— Черта лысого! — злобно вскричал Тревор и чуть отступил назад.

Молодой человек двинулся на него. Лицо его было мрачным и угрожающим.

— Сол, подожди! — закричала Джен.

Но Сол не стал ждать. Тревор подпустил его поближе, а затем размахнулся, вложив в удар всю свою силу.

Кулак угодил Солу в живот. Сол отлетел назад и согнулся пополам. Тревор стоял сторбившись, тяжело дыша, и дикими глазами следил за остальными.

— Кто вы? — прорычал он. — Банда воров? Давайте, подходите! Мне нелегко достался этот камень, и я намерен сохранить его.

Он кричал. Он злился. Но этими криками он пытался заглушить страх.

Люди окружили его.

Не было ни единого шанса прорваться, да и смысла в этом не было тоже.

Камень оттягивал карман Тревора: он был тяжел многолетним потом, голодом и нелегкой работой, изнурительными поисками в скалах Меркурия.

Сол поднялся, подобрал остро заточенное каменное оружие, которое уронил падая, и шагнул вперед. Вслед за ним шагнули и остальные.

Тревор ждал, изо всех сил пытаясь справиться с досадой. Наконец-то он нашел солнечный камень, а теперь надо бросить и его, и свою жизнь в придачу жалкой кучке дикарей. Это было выше его сил.

— Сол, подожди! — снова закричала Джен. Она протолкалась к Тревору. — Он спас мне жизнь. Ты не можешь...

— Он корин. Шпион.

— Не может этого быть! У него нет камня во лбу, и даже шрама нет.

— Он взял солнечный камень, — равнодушно и безжалостно процедил Сол. — Только корин согласится коснуться этой проклятой вещи.

— Но он же сказал, что пробрался с другой стороны долины! Он с Земли, Сол! Там все может быть по-другому!

Настойчивость Джен заставила мужчин задуматься. Вглядевшись в лицо Сола, Тревор вдруг начал кое-что понимать.

— Ты думаешь, что солнечные камни — зло? — спросил он, Сол хмуро взглянул на него:

— Они и есть зло. И тот, что у тебя, должен быть немедленно уничтожен.

Тревор проглотил горький ком, душивший его, и задумался. Солнечные камни в этой благословенной меркурианской норе — табу. Оно и неудивительно, если учесть чудовищных ящериц-«соколов», летающих повсюду, и столь же чудовищных коринов. Пожалуй, дикарей можно понять. На их лицах ясно читалась одна мысль: «Отдай солнечный камень или умри». Но глупо умирать от рук кучки одичавших фанатиков. Лучше отдать им камень, а позднее постараться заполучить его обратно или добыть другой. Как видно, их в долине предостаточно.

Отдавать, конечно, тяжело. Отдать надежду всей жизни в грубые руки дикаря и не жалеть об этом... Отдать... Эх, к дьяволу все!

— Ладно, — сказал он, — возьми.

Было так больно, словно он вырвал у себя сердце.

Сол взял камень, не поблагодарив, положил на плоскую поверхность скалы и принялся колотить по сияющему кристаллу каменным топором, который ранее предназначался для головы Тревора. На лице Сола появился такой ужас, словно он убивал живое существо, к которому испытывал неистребимую ненависть и страх. Тревор вздрогнул. Он знал, что солнечные камни не поддаются ничему, кроме атомной бомбардировки, но ему было больно видеть, как столь драгоценную вещь лупят каменной дубинкой.

— Он не сломается, — сказал он. — Ты мог бы и остановиться.

Сол с размаху опустил свое оружие так близко от голой ноги Тревора, что тот отскочил, а затем взял солнечный камень и швырнул его в ущелье. Тревор слышал, как камень глухо стукнулся, упав в груды обломков скальной породы примерно в футе от противоположного утеса, и постарался запомнить это место.

— Идиот! — сказал он Солу. — Ты выбросил целое состояние, богатство, на поиски которого я потратил чуть ли не всю жизнь. Что он сделал тебе плохого? Имеешь ли ты хоть малейшее представление о его ценности?

Не обращая внимания на пришельца, Сол заговорил со своими товарищами:

— Ни одному человеку с солнечным камнем доверять нельзя. Я убью его!

— Нет, Сол, — упрямо сказала Джен. — Я обязана ему жизнью.

— Но он может быть рабом, изменником, работающим на коринов.

— Посмотри на его одежду, — сказала Джен. — Посмотри на его кожу. Утром она была белая, а сейчас красная. Ты видел когда-нибудь раба или корина с такой кожей? Встречал ли ты его раньше в долине? Нас не так уж много, чтобы не знать кого-то.

— Мы не можем рисковать, — нахмурился Сол.

— Ты всегда успеешь убить его. Но если он и вправду из-за гор, может, даже с Земли... — Последние слова Джен произнесла с запинкой, будто сомневалась, что такое место действительно существует. — Мы можем узнать от него то, о чем забыли. Он может помочь нам. К тому же другие тоже имеют право высказать свое мнение, прежде чем ты убьешь его.

Сол покачал головой:

— Не нравится мне это. Но... — Он помолчал, задумчиво хмурясь. — Ладно, мы уладим это в пещере. — Он повернулся к Тревору: — Пойдешь в середине. Если вздумаешь дать какой-нибудь сигнал...

— Какому дьяволу я буду сигнализировать? — огрызнулся Тревор. — Я страшно жалею, что вообще попал в вашу проклятую долину.

Но он не жалел, нет, не жалел... Все его чувства были насторожены. Он старался запомнить каждый поворот, чтобы иметь возможность вернуться потом к солнечному камню. Ущелье то сужалось, то расширялось, то и дело изгибаясь, но только одна тропа была доступна, и проходила она рядом с руслом ручья.

Вскоре ущелье разделил чудовищно покосившийся утес, словно застывший в падении. Ручей вытекал из левого ответвления. Сол пошел направо.

Дикари не спускали настороженных глаз с ковыляющего рядом Тревора. Обломки первобытного катаклизма, образовавшего этот пролом в горах, лежали там же, где когда-то упали, становясь все опаснее с каждой разрушавшей их грозой, с каждым перепадом температуры.

Слева и справа от Тревора возвышались горы, вершины которых поднимались за пределы атмосферы.

Ниже виднелись выступы. На них среди груды камней толпились люди. Они кричали, и Сол отвечал им. В этой узкой

горловине любой вражеский отряд был бы обречен на уничтожение.

Через некоторое время люди спустились в ущелье и вместе с остальными стали подниматься по тропе, вырубленной так небрежно, что она казалась естественной.

Тропа поднималась на утес, и в конце ее чернела узкая нора. Сол полез в нее, остальные цепочкой последовали за ним, и Тревор услышал голос Джен, зовущей Хью.

Внутри оказалась пещера, очень большая, с темными закоулками и впадинами на стенах.

Солнечные лучи проникали сквозь трещины утеса, а в задней части пещеры, где пол резко опускался, горел огонь. Тревор и раньше видел на Меркурии такое пламя: вулканические газы пробивались сквозь трещины и воспламенялись от случайной искры. Голубоватая струя била под самый потолок пещеры и оглушительно редела. Это производило сильное впечатление.

В пещере находились люди, около сотни обитателей, не считая немногих детей и подростков. Женщин было менее трети. На всех сохранилась одна и та же безошибочно узнаваемая печать: как ни тяжела была жизнь в пещере, раньше им приходилось еще труднее.

Ноги Тревора подгибались от усталости, и он тяжело привалился к грубой стене.

Стройный, молодой, мускулистый человек обнял Джен.

Видимо, это был Хью. Он и все остальные возбужденно кричали, обмениваясь впечатлениями о походе. Затем они один за другим стали оглядываться на Тревора, и вскоре в пещере наступила тишина.

— Ну, — грубо сказал Сол. — Давай улаживать дело.

— Сам улаживай, — отозвался Тревор. — Я устал. — Он поглядел на Сола, на враждебно притихшую толпу, и все поплыло у него перед глазами. — Я землянин. Мне вовсе не хотелось попасть в вашу проклятую долину, но я здесь уже сутки и ни единой минуты не спал. Я хочу спать.

Сол хотел что-то сказать, но перед ним встал Хью.

— Он спас жизнь моей жены, — сказал он. — Пусть спит.

Хью отвел Тревора к тому месту, где были навалены сухие виноградные лозы и горные лианы, колючие и пыльные, но все-таки помягче, чем каменный пол.

Тревор пробормотал несколько слов благодарности и уснул едва ли не раньше, чем закончил свою речь.

Через час, день или неделю, а может, всего через несколько минут его разбудили сильные и настойчивые толчки.

Над ним склонились лица. Сквозь туман сна они выглядели расплывчатыми, а вопросы, которые посыпались на землянина, — бессмысленными.

— Почему ты хотел заполучить солнечный камень?

— А почему бы мне и не хотеть этого? — пробормотал он, страхивая остатки сна. — Я бы отвез его на Землю и продал за большие деньги.

— Что делают на Земле с солнечными камнями?

— Используют в производстве электронных приборов, чтобы изучать разные явления. В некоторых случаях длинные волны слишком коротки. И даже мыслеволны. А вам-то что?

— На Земле носят во лбу солнечные камни?

— Не-ет, — протянул Тревор.

Голоса, или призраки, оставили его наедине со сном.

Был еще день, когда он проснулся, — на сей раз сам. Он сел, чувствуя себя избитым, больным, но все же отдохнувшим.

К нему подошла улыбающаяся Джен, держа в руках кусочек чего-то, в чем Тревор признал одну из разновидностей горных ящериц. Он с жадностью вгрызся в экзотическое кушанье, а Джен между тем сообщила, что он проспал почти сутки.

— Они решили оставить тебе жизнь.

— Я уверен, что в этом немалая твоя заслуга. Спасибо.

Она пожала голыми плечами, на которых краснели свежие раны — следы когтей ящера-«сокола». У нее был измученный, усталый взгляд, какой бывает после тяжелейшего стресса, и глаза ее, даже при разговоре с Тревором, неотрывно следили за копошащимся в углу Хью.

— Если бы они не поверили моему рассказу, от моей помощи было бы мало проку. Они допрашивали тебя в то время, когда ты так устал, что не мог лгать.

Тревор очень смутно помнил об этом.

— Они не поняли твоих ответов, но убедились, что ты не врешь. Они осмотрели твою одежду. Такой ткани не делают в долине. И та штука, которая соединяет ее, нам неизвестна.

Он догадался, что Джен имеет в виду застежку-молнию.

— Так что ты, видимо, и вправду пришел из-за гор. Они хотят знать точно, как ты пришел и можешь ли уйти обратно тем же путем.

— Нет, — ответил Тревор и объяснил почему. — Имею ли я право ходить здесь, где захочу?

Она задумчиво посмотрела на него и ответила:

— Ты чужой. Ты не наш. Ты легко можешь выдать нас коринам.

— Зачем я стану делать это? Они ведь и за мной охотились.

— Из-за солнечных камней, может быть. Ты чужой. Они хотели взять тебя живым. Во всяком случае будь осторожен.

Снаружи послышался крик:

— «Соколы»! Прячьтесь, «соколы» летят!

Глава 3

Все находившиеся в пещере тут же замолчали и припали к широким трещинам в скале, откуда шел солнечный свет. Тревор представил себе, как «соколы» кружат над ущельем и ждут. Сверху грубый камень выглядел сплошным монолитом. Тревор подумал, что в этой густой сети трещин нелегко найти именно те, что ведут в пещеру. Но ощущение опасности не покидало его.

Из ущелья не доносилось ни звука. В этой напряженной тишине испуганное хныканье ребенка прозвучало подобно громкому крику и тут же умолкло. Острые стрелы солнечных лучей медленно ползли по стенам. Джен, казалось, не дышала. Глаза ее горели, как у дикого зверя.

На секунду черная тень заслонила солнечный свет и исчезла. Сердце Трегора екнуло. Он ждал, что тень вернется, скользнет по лучу в глубь пещеры и превратится в ширококрылого демона с солнечным камнем во лбу. Он ждал целую вечность, но тень не вернулась, а вскоре в отверстие вполз человек и сказал:

— Улетели.

Джен, вся дрожа, опустила голову на колени. Хью обнял ее и что-то говорил, успокаивал. Она зарыдала, и Хью через плечо глянул на Трегора:

— Ей здорово досталось.

— Да, — согласился Тревор и глянул на солнечные лучи. — «Соколы» часто прилетают?

— Их посылают в надежде захватить нас врасплох. Если бы они нашли нашу пещеру, то выкурили бы нас отсюда и отвели обратно в долину, но пока нас не обнаружили. — Джен успокоилась. Хью похлопал ее по спине своей громадной ручищей. — Она, наверное, передала тебе наше решение. Будь очень осторожен.

Тревор кивнул:

— Хорошо. Послушай, я еще ничего не знаю о том, как твой народ очутился здесь. Я вообще ничего не знаю. Когда мы бежали от корингов, Джен что-то говорила о ваших земных предках. Давно вы живете тут? Триста земных лет?

— Да, что-то вроде этого.

— Примерно в то время первые колонисты с Земли отбыли на Меркурий и основали две или три шахтерские колонии в самых больших здешних долинах. Это одна из них?

Хью покачал головой:

— Нет. Рассказывали, что пришел большой корабль с землянами-переселенцами. Это правда, потому что корабль все еще здесь. Так мы и появились. Часть людей на корабле была переселенцами, а часть — каторжниками. — Слово «каторжники» он произнес с той же ненавистью, с какой прежде говорил «корины».

— Когда-то так делалось, — быстро сказал Тревор. — Осужденных заставляли работать в рудниках. Однако там происходило так много беспорядков, что такую практику пришлось прекратить. Значит, корины...

— Бывшие каторжники. Корабль разбился в долине, но большинство пассажиров остались в живых. После аварии каторжники убили членов команды и поработили переселенцев. Вот почему мы гордимся, что мы рабы. Мы — потомки переселенцев.

Тревор отчетливо представил себе эту картину, тем более что подобное случалось и раньше. Корабль с эмигрантами шел к одной из колоний и был сбит с курса чудовищными магнитными завихрениями, которые и теперь делают Меркурий кошмаром для космолетчиков. Они не могли даже позвать на помощь или дать о себе знать: по причине близости Солнца любая форма связи невозможна.

Обретя свободу и перебив офицеров, каторжники неожиданно почувствовали себя хозяевами этого райского уголка. К тому же «рай» оказался довольно безопасным.

На Меркурии великое множество долин. Все они выглядят из космоса одинаково, полускрытые темными воздушными одеялами, и только очень немногие из них доступны для земных кораблей. Вверх и вниз на космическом корабле — вот единственный способ попасть сюда.

— А солнечные камни? — спросил Тревор и многозначительно коснулся лба. — Кто додумался вставлять их сюда? А «соколы»? У каторжников ведь не было их сначала?

— Нет, их приручили позднее. — Хью тревожно оглянулся. — Видишь ли, Тревор, это такая вещь, о которой мы почти не говорим. Ты сам поймешь почему, если подумаешь хорошенько. Но лучше об этом и не заикаться.

— Но как они вставляют камни в голову и зачем? И самое главное — зачем украшают ими «соколов»?

Джен сумрачно взглянула на него:

— Мы предполагаем, что «соколы» — это глаза и уши коринов. С тех пор как корины впервые воспользовались солнечными камнями, у нас не осталось никакой надежды на освобождение.

То, что родилось в подсознании Тревора во время ночного допроса, вдруг всплыло на поверхность.

— Мыслеволены — вот что это такое. Ну конечно же! — Он в возбуждении подался вперед, но Джен сердито приложила палец к губам. — Будь я проклят! На Земле с солнечными камнями экспериментируют давным-давно, но ученые никогда не подозревали...

— На Земле тоже есть такие камни? — с отвращением спросила Джен.

— Нет. Только те, что привезли с Меркурия. Близость Меркурия к Солнцу, сверхдозы солнечной радиации, перепады температуры и давления создали этот особый вид кристаллов. Наверное, поэтому их и называли солнечными камнями. — Тревор кивнул. — Да, вот, значит, как они работают — прямая мысленная связь между коринами и «соколами». Все довольно просто. Вставить их в лобную кость почти в контакте с мозгом — и не нужно никаких сложных машин, приемников-передатчиков, с которыми с давних пор возятся в лабораториях. — Он вздрогнул. — Признаться, эта идея мне не нравится. В ней есть что-то отталкивающее.

— Когда они были просто людьми — я имею в виду каторжников, — с горечью сказал Хью, — мы могли надеяться, что однажды одолеем их, пусть даже они вооружены лучше нас. Но когда они стали коринами... — Он указал на темные своды пещеры: — Вот единственная доступная нам свобода.

Глядя на Хью и Джен, Тревор испытывал глубокую жалость к ним и ко всем заброшенным детям Земли, ставшим ныне жалкими рабами, для которых эта каменная нора означала свободу. Он с ненавистью думал о коринах, об их жутких «соколах», которые стали глазами, ушами и оружием своих хозяев. С ними стоит поговорить по-мужски...

Но тут он резко одернул себя. Прежвременные симпатии не приведут к добру. Единственное, что от него требуется, — найти свой солнечный камень и выбраться отсюда живым и невредимым. Он потратил полжизни на розыски этого чертова камня, и не его дело беспокоиться о незнакомых людях, отвлекавших его теперь от главной цели.

Первым делом надо выбраться из пещеры. И сделать это ночью. Караулов рабы не выставят, ведь в темноте «соколы» не летают, а корины без своих сторожей не ходят.

Большая часть народа будет занята своими делами: женщины начнут собирать съедобный мох и лишайники, мужчины уйдут носить воду из ручья у развилки и охотиться с каменными топорами на горных ящериц, оцепеневших от холода и спящих в горных расщелинах.

Тревор ждал три ночи. На четвертую, когда отряд Сола собрался за водой, он направился к выходу.

— Хочу немного прогуляться, — сообщил он Джен и Хью. — Я еще не выходил наружу.

Кажется, они ничего не заподозрили. Только Джен заметила:

— Держись поближе к нашим ребятам. В скалах легко заплутаться.

И вслед за отрядом Тревор шагнул в темноту.

Он дошел с ними до развилки, а затем скользнул в сторону и, прячась среди огромных камней, медленно и бесшумно двинулся вдоль ручья.

Проведя несколько дней в полумраке пещеры, он обнаружил, что при свете звезд неплохо видит. Дорога была трудной, и к тому времени, когда Тревор добрался до того места, где Сол хотел убить его, он был весь в синяках и ссадинах. К тому же усталость давала себя знать. Тем не менее он нашел нужное место, перебрался через ручей и начал осторожные поиски.

Холод усиливался. Скалы, еще недавно бывшие горячими, покрылись инеем.

Тревор дрожал, отчаянно ругался и ползал среди камней, борясь с холодным оцепенением и молясь, чтобы на него не свалился какой-нибудь валун.

Но оказалось, что ночью найти солнечный камень даже легче, чем днем. Тревор убедился в этом, явственно увидев бледное свечение у темной разбитой скалы.

Он поднял солнечный камень и в порыве нежности принялся покачивать его в ладонях, осторожно глядя кончиками пальцев. В нем мерцала некая холодная, отталкивающая красота. Причудливый побочный продукт сурового Меркурия, единственный в Солнечной системе. Его радиоактивность была безвредна для живой ткани, а удивительная чувствительность позволяла физикам использовать его в исследованиях неизвестных областей радиоволн над первой октавой.

Из чистого любопытства Тревор поднял камень и крепко прижал его ко лбу между бровями. Вряд ли кристалл сработает таким образом — наверное, его надо вставлять глубже, вживлять прямо в кость...

Камень работал! Он работал, и чьи-то невидимые щупальца оплели беззащитный мозг Тревора.

Тревор закричал. Тонкий, слабый звук его голоса потерялся в темной ночной пустоте. Он вновь открыл рот, но на сей раз крика не получилось совсем. Что-то запрещало ему кричать. Что-то перелистывало страницы его сознания, как детскую книжку, и это что-то не было ни «соколом», ни корином. Оно не было похоже ни на одно из известных Тревору живых существ. Это было что-то спокойное, одинокое и маленькое, такое же чужое, как горные пики, поднимающиеся к звездам, такое же мощное и такое же безжалостное.

Тело Тревора конвульсивно дернулось.

Все физиологические инстинкты приказывали ему бежать, спастись, но он не мог сделать этого. Он не мог вернуть себе волю. Из его горла вырвался слабый плачущий стон.

Он попытался снять камень со лба, но это было запрещено, и он не мог нарушить запрет. За страхом пришла ярость, слепой протест против непристойного вторжения в его личный мир, в его мозг. Стон перешел в кошачий визг, весьма нелепо прозвучавший в этом величественном ущелье.

Свободной рукой Тревор бешено вцепился в другую руку, прижимавшую к бровям солнечный камень.

И после долгой борьбы с самим собой эта попытка увенчалась успехом.

Мозг его чуть не разорвался пополам.

Вспышка удивления от того, как был нарушен загадочный и пугающий контакт, затем затухающая искра гнева — и больше ничего.

Тревор упал. Он был близок к обмороку, его сильно тошнило, все его кости казались расплавленными, размякшими.

Подняться на ноги ему удалось очень нескоро.

В этой проклятой долине существовало что-то, способное через солнечный камень добраться до человеческого мозга и держать его под контролем. Так было сделано с коринами и «соколами», так на минуту сделано с ним, и ужас перед этим чуждым вторжением, сковывавшим сознание, все еще кричал в Треворе.

— Но кто же это? — хрипло прошептал он.

Это не человек, не мужчина и не женщина, к тому же и не зверь. Что-то другое, но что именно — Тревор не хотел знать. Ему бы только уйти...

Он обнаружил, что бежит, то и дело стучаясь коленями о камни. Тревор овладел собой и заставил себя остановиться и отдышаться.

Он все еще сжимал в потной ладони солнечный камень, и у него возникло почти непреодолимое желание зашвырнуть его как можно дальше. Но даже извиваясь в когтях древнего и

чуждого ему ужаса, человек не может выкинуть цель своей жизни, и Тревор продолжал стискивать этот отвратительный, словно живое насекомое, камень.

Он говорил себе, что тот, кто добрался до него через солнечный камень, не сможет сделать этого еще раз, если камень не прижат ко лбу, близко к мозгу. Сам по себе камень не опасен.

Страшная мысль вновь обдала Тревора волной ужаса. Он подумал о коринах, о людях с навечно вставленными в голову камнями.

Значит, они всегда в чужой власти? И не они — хозяева народа Джен?

Он постарался прогнать эту несуразную мысль. Ему хотелось все забыть и выбраться отсюда.

И, все еще содрогаясь, он отправился дальше.

До наступления дня ему не удастся уйти далеко. Видимо, придется пролежать в скалах весь день и только на следующую ночь попытаться перелезть через каменную стену долины.

Когда пришел день и первые лучи солнца коснулись остроконечных пиков гор, Тревора охватила радость.

И в этот миг над ним мелькнула тень.

Тревор быстро глянул вверх и увидел «соколов». Они летели целой стаей и не замечали человека, не обращали внимания на скалы, среди которых он укрылся. Они целеустремленно летели прямо в ущелье, по тому пути, который только что проделал Тревор.

Он с тревогой следил за ними. Их было куда больше, чем обычно. «Соколы» влетели в ущелье и пропали из виду.

«Они не заметили меня», — подумал Тревор.

Он был бы рад поверить этому, но не мог. Тревога его росла с каждой минутой, ведь «соколы» летели в пещеру, летели напрямик, не сворачивая ни вправо, ни влево, не ведая сомнений и неуверенности.

Теперь они или тот, кто управлял ими, точно знали, где искать беглецов.

«Но этого не может быть, — пытался уговорить себя Тревор. — Откуда им знать, как попасть в пещеру?»

Откуда?

Ответ пришел сам собой, несмотря на все усилия Тревора уйти от него. И был настолько очевиден, что Тревор даже закричал, словно от боли:

— Нет! Не может быть! Они не могли узнать это от меня!

Перед ним неумолимо встало воспоминание о той страшной минуте, когда чье-то холодное щупальце не спеша перелистывало страницы его сознания.

Мощный чужой разум, войдя с ним в этот кошмарный контакт, легко читал в сознании Тревора и без труда разгадал тайну пещеры.

От осознания вины Тревор застонал, словно в агонии. Потом выполз из своего убежища и бросился следом за «соколами». Может быть, еще не поздно предупредить...

Он миновал развилку и услышал доносящиеся из глубины каньона звуки, услышать которые так боялся: пронзительный женский визг и хриплые яростные выкрики мужчин. Перескакивая через острые камни, задыхаясь от непосильной тяжести, он добежал до отверстия в пещеру и замер от ужаса.

Ящерицы-«соколы» ворвались в пещеру и вытащили оттуда рабов. Собрав их в каньоне, они пытались конвоировать их к выходу из ущелья, но рабы бешено пробивались назад.

Черные крылья бились и грохотали в узкой горловине между отвесными каменными стенами. Щелкали когти, хвосты хлопали по камням, точно пастушьи кнуты. Обреченные рабы отбивались, сталкиваясь и топча друг друга. Некоторые уже лежали бездыханными, рядом бились в последних судорогах несколько «соколов». И все-таки под неумолимым натиском летающих ящериц люди вынуждены были продвигаться к выходу из каньона.

Чуть в стороне от других Тревор увидел Джен. Хью в суматохе затолкал ее во впадину в стене и, загородив собой, ожесточенно размахивал обломком камня, пытаясь сбить налетающего «сокола». Он был тяжело ранен, и руки плохо слушались его.

Тревора испустил дикий вопль бессильной ярости и побежал к ним.

— Хью, оглянись! — заорал он на бегу.

«Сокол» стремительно взлетел, повернулся и ринулся вниз, прямо на спину Хью. Тот обернулся, но недостаточно быстро. Когти ящерицы глубоко впились в его тело. Хью упал.

Джен закричала. В это время подоспел Тревор. Он не остановился, чтобы подобрать камень, а просто бросился всем телом на рептилию, вцепившуюся в спину Хью. Под тяжестью Тревора крылья твари бешено забились, а чешуйчатая шея начала судорожно извиваться. Однако сопротивление оказалось недостаточным: Тревор в бешенстве сломал эту шею.

Но было уже поздно. Джен дико смотрела на человека и «сокола», сцепившихся в пыли. Тревор прикоснулся к ней, но она оттолкнула его — не потому, что это был именно он, а потому, что не видела ничего, кроме белых костей Хью, торчавших из кровавой плоти.

— Джен, ради Бога, он уже умер! — Тревор пытался оттащить ее. — Надо уходить отсюда!

Какая-то надежда еще брезжила перед ними. Черные «соколы» гнали людей по каньону, и если Тревору и Джен удастся спрятаться за наваленными за утесом камнями, у них появится шанс на спасение.

Глава 4

Он потянул Джен за собой. Лицо ее было совершенно пустым.

Через минуту стало ясно, что до камней им не добраться и никакого шанса не будет. От крылатого вихря, безжалостно гнавшего людей, отделились два «сокола» и вернулись назад.

Тревор быстро прикрыл Джен своим телом, страстно желая перед смертью сломать еще одну чешуйчатую шею.

Сверкая солнечными камнями, черные тени стремительно метнулись вниз. «Соколы» падали прямо на Тревора, но в последний миг отвернули в сторону.

Тревор ждал. Они снова налетели, но не на него, а на Джен. Он успел заслонить ее, и опять ящерицы воздержались от удара.

Смутная догадка озарила Тревора.

Твари сознательно не наносили ему удара.

«Кто бы ни отдал этот приказ — корины или ТОТ, — мне не хотят вредить», — подумал он, подхватил Джен на руки и побежал к камням.

Рептилии тут же напали на Джен. Тревор не смог вовремя увернуться, и из длинных царапин, оставленных когтями на ее гладких смуглых плечах, потекла кровь.

Джен вскрикнула. Тревор снова попытался бежать, но чешуйчатая голова проворно схватила Джен за шею.

— Вон оно что! — зло прошептал Тревор. — Меня им не велено трогать, так они решили действовать по-другому.

Да, так оно и было. Если он не вернется к пленникам, Джен умрет.

— Ладно! — закричал он кружившим над головой демонам. — Оставьте ее в покое! Я пойду, куда вы хотите!

Прижав Джен к груди, он повернулся и медленно побрел вслед за рабами, которых гнали по каньону.

Их гнали весь день вдоль ручья, вокруг базальтового утеса, по голой, выжженной солнцем лаве. Некоторые люди упали, да так и остались лежать, несмотря на все усилия рептилий заставить их идти дальше.

Большую часть времени Тревор нес Джен, но иногда волочил ее за собой, а иногда вообще не понимал, что делал. Он был как в бреду.

Очнулся Тревор лишь тогда, когда почувствовал, что Джен вырывают у него из рук. Он попытался удержать ее и вдруг увидел, что окружен всадниками. Это были корины. Они сидели верхом на своих зверях, и солнечные камни светились у них над бровями.

Они оглядывали Тревора с неприязненным любопытством. Солнечные камни придавали их невыразительным лицам оттенок некоей нездешности.

— Ты пойдешь с нами в город, — коротко сказал один из них. — Женщина отправится вместе с другими рабами.

Тревор с удивлением уставился на него:

— Зачем мне в город?

Корин угрожающе поднял хлыст:

— Делай, как приказано! Садись!

Раб подвел к нему оседланное животное и покорно протянул поводья, не глядя на Тревора и не оглядываясь на коринов.

— Ладно, — сказал Тревор, — я поеду.

Он сел в седло и оглядел своих спутников. От ненависти глаза его горели, как раскаленные угли. Корины сомкнулись вокруг него. Предводитель отдал приказ, и они поскакали к видневшемуся вдали городу.

Видимо, по дороге Тревор задремал, потому что вдруг оказалось, что солнце уже село и они находятся у городских ворот.

Раньше он видел город издалека и не мог соразмерить его ни с чем, кроме огромных горных пиков. Тогда он решил, что это просто город, выстроенный из камня. Теперь же он видел его вблизи.

Черные тени укрыли долину, но на острых пиках горного хребта свет все еще сиял и бросал отблески на темное небо, так что казалось, будто город плывет по тонкой линии, разделяющей день и ночь. Тревор смотрел, закрывал глаза и снова смотрел.

С размерами было что-то не так.

Он быстро взглянул на коринов и с ужасом ощутил, что сжимается до размеров ребенка. Но корины не изменились, по крайней мере в сравнении с ним. Он опять повернулся к городу, стараясь представить его в перспективе.

Город вырастал прямо из равнины. Не существовало ни постепенного перехода к предместьям, ни окруженных садами вилл, ни рядов коттеджей. Город поднимался как утес, торжественный, массивный, приземистый и безобразный. Дома были квадратные, в основном одноэтажные, и стояли плотным,

несокрушимым фронтом. Перед ними Тревор чувствовал себя карликом, хотя никогда не испытывал такого ощущения перед земным небоскребом. Это чувство было странным, неестественным, в чем-то жутковатым и почему-то пугающим.

Не было ни оград, ни ворот, ни дорог, ведущих в город. Верховые животные только что шли по траве равнины, и вот уже их копыта стучат по каменной мостовой, и здания окружают их, неуклюжие, громоздкие, сумрачно нависающие над тротуарами.

В домах царила тишина, из черных амбразур дверей наружу не просачивалось ни лучика. Последний свет заходящего солнца скользнул через высокие пики и позолотил плоские крыши. Тревор решил, что эти дома столь же древние, как и окружавшие их горы.

Глядя на оконные проемы, на двери, на ведущие к ним ступени, Тревор вдруг ощутил, что в них что-то не так, и скрытый доселе страх вспыхнул в нем с новой силой.

Город и дома в нем, двери и ступени, высота окон — все было совершенно пропорционально... Вот только люди, жившие здесь, должны были достигать в высоту двадцати футов.

Он повернулся к коринам:

— Вы не строили этот город. Откуда же он взялся?

— Заткнись, раб! — рявкнул корин по имени Гелт.

Тревор посмотрел на него, на других коринов. Что-то в их лицах, в их осторожных движениях говорило ему, что они тоже боятся.

— Вы, — сказал он, — корины, надменные полубоги, едzące верхом и посылающие своих «соколов» охотиться и убивать, вы боитесь своего хозяина больше, чем рабы боятся вас!

Всадники повернули к нему мертвенно-бледные лица, горевшие откровенной ненавистью. Он вспомнил, как ТОТ захватил его мозг и какое это было ощущение. Теперь он многое понял.

— Ну и каково быть рабом, корины? — спросил он. — Не только телом, но и душой, мозгом?

Гелт встопорщился, как разъяренная змея, но удара не последовало. Рука, поднявшая тяжелый хлыст, внезапно замерла и безвольно упала. Глаза корина пылали бессильной злобой.

Тревор невесело засмеялся:

— Оно желает видеть меня живым. Значит, пока я в безопасности и могу говорить то, что о вас думаю. Вы все еще каторжники, не так ли? И это через триста лет! Неудивительно, что вы ненавидите рабов.

Конечно, не те каторжники. Солнечные камни не дарят долголетия. Тревор знал, как размножаются корины. Они

крадут женщин из числа рабынь, родившихся мальчиков оставляют в живых, а девочек убивают. Он снова засмеялся:

— В сущности, не так уж и хорошо быть корином, а? Вы даже не можете почувствовать вкуса охоты и убийства. Неудивительно, что вы ненавидите всех. Люди порабощены, но они не ваша собственность.

Вероятно, коринам очень хотелось прикончить его, но они не могли. Это было запрещено. Тревор презрительно посмотрел на них. Драгоценности и роскошные доспехи, тяжелые от золота уздечки животных, оружие — все это выглядело теперь глупым, ненужным, как бумажные короны и травяные бороды, которые надевают дети, играя в королей. Здесь не было хозяев и слуг, здесь были только рабы и человекоподобные орудия таинственного разума. И солнечные камни служили клеймом этого истинного рабства.

Кавалькада наездников ехала все дальше.

Пустые улицы, пустые дома, окна, слишком большие, чтобы сквозь них смотрели человеческие глаза, ступени, слишком высокие, чтобы по ним взбирались человеческие ноги. Тьма, первый удар грома, первый блеск молнии между утесами.

Животные заторопились и, подгоняемые разрядами молний и едким дождем, готовы были пуститься галопом.

Всадники въехали на большую площадь. Вокруг громоздились плотные ряды домов, освещенные факелами. Из безмерно огромных дверных проемов выглядывали маленькие фигурки коринов.

В самой середине площади стояло низкое каменное здание без окон, с единственной дверью. Здесь корины спешили и привязали своих животных.

— Слезай, — велел Тревору Гелт.

Красноватая вспышка в небе осветила лицо корина. Каторжник скалился, как волк, готовящийся убить. Ударил гром, дождь превратился в ливень, и Тревора втолкнули в дверь.

Он спотыкался на выщербленных плитах, а корины шли уверенно, ступая мягко, как кошки. Тревор понял, что они часто бывают здесь. Понял он и то, что они ненавидят это здание. Он чувствовал, как их тела источают ненависть и страх. Они не хотели идти сюда, но шли — так им было приказано.

Перед неожиданно возникшей перед носом лестницей Тревор едва не упал, но кто-то удержал его, подхватив под локоть. Ступени были очень высокие, спускаться по ним приходилось приседая и вытягивая ногу. От стены шел поток горячего воздуха, но Тревора знобило. Он чувствовал, что твердый камень ступеней стерт до глубоких впадин. Чьи ноги ходили здесь и когда?

Сквозь мрак на идущих напал грязно-желтый свет.

Они спускались бесконечно долго. Свет стал ярче, и Тревор снова увидел лица коринтов. Жара стала невыносимой, но сердце землянина все еще дрожало, как от холода.

Лестница привела их в низкий длинный коридор, такой длинный, что дальний конец его терялся в смутной дымке. Тревор подумал, что он пробит, наверное, в естественной пещере, потому что то тут, то там сквозь каменный пол пробивались тонкие струйки газа, наполняя помещение мрачным светом и запахом серы.

По обеим сторонам коридора тянулись ряды каменных статуй.

Тревор пригляделся к ним, и по спине у него поползли мурашки. Фигуры мужчин и женщин, вернее сказать, человекоподобных созданий мужского и женского пола, сидели торжественные, нагие, сложив на коленях руки. Лица их были спокойны и сосредоточенны, а в глубоких морщинах, прорезавших впалые щеки, читалась затаенная, терпеливая печаль. Глаза их, сделанные из тусклого красноватого камня, неподвижно смотрели в противоположную стену. Вероятно, эти фигуры достигали в высоту футов двадцати. Они были мастерски высечены из какого-то материала вроде алебаstra.

Гелт схватил Тревора за руку:

— Нет, обратно ты не уйдешь. Ты смеялся, не так ли? Иди дальше, а я посмотрю, как ты посмеешься теперь.

Тревора погнали дальше между рядами молчаливых, спокойных монументов с удивительно прозрачными задумчивыми глазами.

Мысли и чувства у них давно исчезли, но они были когда-то, пусть отличные от человеческих, но такие же сильные. Здесь не встречалось двух одинаковых лицом или телом. Тревор обратил внимание на детали, редко встречающиеся у статуй: искалеченная рука или нога, деформированное и полностью изуродованное лицо, которое ни один художник не избрал бы в качестве модели. Все они, похоже, были стариками, хотя Тревор не мог бы сказать, почему он так решил.

От главного коридора отходили другие. Насколько они были длинны, Тревор не знал, но видел в них такие же ряды сидящих фигур.

Статуи, бесконечное число статуй в темном подземелье города.

Вдруг Тревор остановился.

— Это гробница, — сказал он. — И это не статуи, а мертвые тела.

— Иди, — откликнулся Гелт, — и не смейся!

Корины схватили пленника, и их было слишком много, чтобы драться с ними. И Тревор понимал, что драться надо не с ними.

Кто-то ждал его в этих катакомбах, тот, кто один раз уже проникал в его мозг.

Они дошли до конца длинного коридора.

Бледный свет горящего газа озарил последнюю из сидящих фигур. Интересно, они так и умирали сидя или их приносили сюда потом? Ряды с обеих сторон заканчивались одинаково — два кресла друг против друга.

В конце коридора стояло особняком каменное кресло, и на нем тоже сидела человекоподобная алебастровая фигура. Каменные руки были тяжело сложены на каменных коленях. Фигура не отличалась от других ничем, кроме живых глаз.

Корины чуть отступили — все, кроме Гелта. Он остался рядом с Тревором, склонив голову, угрюмо и нервно сжав губы и не поднимая глаз. Тревор внимательно посмотрел в далекие темные глаза, похожие на два кусочка сердолика на алебастром лице, но они были живыми, чувствующими и полными глубокой чужой печали.

В подземелье было тихо. Ужасные глаза тщательно изучали человека, и ненависть Тревора сменилась странной жалостью; он подумал о том, что обладатель этих глаз многие века погребен в собственном теле и прекрасно понимает безнадежность своего положения.

— Долгая дорога и долгое умирание. Благословение и проклятие моего народа.

Эти слова возникли в сознании Тревора, хотя уши не слышали ни звука. Тревор вздрогнул. Вспомнив мучительный миг в каньоне, он хотел повернуться и бежать, но тут же обнаружил, что сила исподволь, вкрадчиво, как скользящая тень, успела войти в него и бежать было запрещено.

— В этом радиусе действия я не нуждаюсь в солнечных камнях, — сказал беззвучный голос внутри Тревора. — Когда-то я в них вообще не нуждался, но теперь постарел.

Тревор смотрел на каменное существо, наблюдавшее за ним, и думал о Джен, о мертвом Хью, лежавшем в пыли, и ожесточение вновь охватило его.

— Я вижу, человек, ненависть твоя так же сильна, как и страх. Ты хотел бы уничтожить меня? — В мозгу Тревора послышался мягкий смех. — Я наблюдал за многими поколениями людей. Все они умирают очень быстро. А я все еще здесь, как и до их появления.

— Ты не будешь здесь вечно, — огрызнулся Тревор. — Твои сородичи умерли. Умрешь и ты.

— Да. Но это медленное умирание, человечек. Химия твоего тела, как у растений и животных, основана на углероде. Вы быстро растете и быстро увядаете, но мы другие. Мы как горы, родственные нам. Клетки нашего тела состоят из кремния, как и они. Наша плоть растет медленно, как горы, и твердеет с возрастом. И смерть приходит к нам очень скоро.

Тревор вдумался в эти слова и почувствовал трепет благодарности за то, что его собственная плоть столь хрупка и недолговечна.

— Я последний, — прошептал беззвучный голос. — Было время, когда я мог мысленно общаться с друзьями, но все они ушли раньше меня. Это случилось очень давно.

Перед глазами Тревора пронеслось странное видение: он увидел погасшее Солнце и холодный Меркурий, медленно падающий во мрак мертвой звезды и уносящий с собой бесконечные ряды неподвижных алебастровых фигур.

Он силился вернуться к реальности, цепляясь за свою ненависть, как пловец за доску.

— Да, я уничтожил бы тебя, если бы мог! — крикнул он хриплым срывающимся голосом. — Чего еще ты можешь ждать от меня?

— Нет, человечек, ты не уничтожишь меня. Ты будешь помогать мне.

— Помогать тебе? — изумился Тревор. — Но ты же хотел убить меня.

— Зачем? Еще один мертвец мне не нужен, а живой ты сможешь служить мне. Вот поэтому тебя и пощадили.

— Служить тебе, как эти? — Тревор повернулся, собираясь указать на коринов, но те уже подошли к нему и стояли рядом, изготовившись к схватке.

Землянин бросился на них. На мгновение у него мелькнула мысль, как, наверное, дико выглядит его сражение с коринами в глазах этого каменного истукана.

Но едва появилась эта мысль, как схватка уже кончилась. Повелительная, всезаглушающая команда ударила в его мозг, и он провалился в глубокое забытие.

Глава 5

Тьма. Мрак. Он затерялся во тьме и перестал быть самим собой. Он летел сквозь мрак, окликая нечто исчезнувшее. И голос отвечал ему, голос, которого он не хотел слышать...

Тьма. Сны.

Заря. Он стоит в городе и наблюдает, как свет становится ярким и безжалостным, загорается на вершинах стен и медленно

сползает на улицы, загоня тяжелые тени в открытые окна и двери, так что дома кажутся черепами с пустыми, бессмысленными глазницами и зияющими ртами.

Здания уже не выглядят такими большими. Он проходит между ними, легко подымается по ступеням, и карнизы окон оказываются не выше его головы. Он знает эти дома, но внимательно разглядывает каждый из них, называет его и вспоминает давнее, очень давнее.

К нему спускаются с неба «соколы», верные слуги с солнечными камнями в головах. Он похлопывает их по склоненным шеям, и «соколы» тихо шипят от удовольствия. Жалкие, примитивные существа... Он неторопливо проходит по знакомым улицам — всюду безмолвие, ничто не движется...

Весь день, от зари до зари, и в густом мраке ночи — все то же безмолвие, все та же неподвижность. Камням не дано говорить, камням не дано двигаться.

Он не мог больше выносить город. Хотя впервые слабые признаки старости коснулись его, все же время его еще не настало. Однако он спустился в катакомбы и занял свое место рядом с Теми, Кто Ждал. Они еще могли обмениваться мыслями, так что здесь он не одинок.

Годы проходили, не оставляя следа в неизменном мраке погребального коридора.

Все реже доходили до него мысленные сигналы от его товарищей, пока наконец не исчезли совсем. К этому времени возраст сковал его члены, и он уже не мог встать, чтобы снова выйти в город, где был когда-то молодым, самым молодым на Меркурии. Шеннеч — так его звали. Шеннеч Последний...

Он ждал в тягостном одиночестве. Только родственник недвижимых молчаливых гор мог вынести это ожидание в мире мертвых.

Затем в громе и пламени в долину упала новая жизнь, человеческая, слабая, хрупкая, восприимчивая жизнь, разумная, незащищенная, обладающая жестокими, смущавшими человеческое существо страстями.

Очень осторожно, без спешки, мозг Шеннеча дотянулся до них и вобрал их в себя.

Некоторые люди были более агрессивны и жестоки, чем другие. Шеннеч воспринимал их эмоции как алые рисунки на темном фоне своего сознания. Они уже превратились в хозяев, и множество хрупких, чувствительных мозгов огрубели из-за них. «Я возьму этих для себя, — подумал Шеннеч. — Рисунок их мозга примитивен, но крепок и устойчив. Мне будет интересно повозиться с ними».

На корабле был хирург, но он умер.

Впрочем, для того, что было сделано, хирург и не понадобился. Когда Шеннеч закончил беседу с выбранными им людьми, рассказав им кое-что о солнечном камне, и эти люди с восторгом согласились на его предложение, Шеннеч полностью взял их под свой контроль. Неуклюжие руки каторжников с удивительной ловкостью управлялись с немалочисленными инструментами покойного хирурга, делая круглые вырезы и аккуратные углубления в лобной кости.

Кто этот человек? Он так спокойно лежит под хирургическим ножом... Кто те, которые склонились над ним со странными камнями между бровями? Имена. И я знаю их. Ближе, ближе. Я знаю человека, который лежит здесь, и по лицу его стекает кровь...

Тревор закричал. Кто-то хлестнул его по лицу, намеренно жестоко. Все еще ослепленный видением, он снова закричал, начал отбиваться, и голос, которого он так боялся, ласково заговорил с ним:

— Все прошло, Тревор. Все сделано.

Рука снова хлестнула его, и грубый человеческий голос сказал:

— Очнись, черт бы тебя побрал!

Тревор пришел в себя. Он стоял посреди громадной комнаты, в напряженной дозе отчаявшегося бойца, вспотевший, хватающий руками пустоту. Видимо, он прибежал сюда в полубессознательном состоянии. Гелт наблюдал за ним.

— Привет, землянин. Ну, каково чувствовать себя хозяином?

Тревор с удивлением воззрился на него.

Яркий поток света лился сквозь высокие окна и освещал солнечный камень между нахмуренными бровями корина. Взгляд Тревора сосредоточился на этой блестящей точке.

— Ну да, — сказал Гелт. — Это правда.

Вдруг Тревора поразило то, что губы Гелта не двигаются.

— Камни придают нам некоторые способности, — продолжал Гелт все так же беззвучно. — Конечно, они не такие, как у НЕГО, но мы можем управлять «соколами» и обмениваться мыслями между собой, если расстояние не слишком велико. Естественно, наш мозг открыт ЕМУ в любое время, когда ОН того пожелает.

— Но мне же не больно, — прошептал Тревор. Он отчаянно надеялся, что ничего этого вообще не было. — Голова не болит.

— Конечно. ОН заботится об этом.

«Шеннеч! Если этого не было, откуда я знаю его имя? И этот сон, этот бесконечный кошмар в катакомбах...»

Гелт вздрогнул.

— Мы не употребляем это имя. ОН этого не любит. — Он взглянул на Тревора: — В чем дело, землянин? Почему ты такой бледный? Ведь ты смеялся, помнишь? Куда делось твое чувство юмора?

Он вдруг схватил Тревора за плечи и повернул лицом к громадному листу полированного стекла, вставленного в стену.

Это было зеркало для гигантов, в котором отражались вся комната и крошечные фигурки людей — жалких карликов в чуждом им мире.

— Иди, — сказал Гелт и подтолкнул Тревора вперед. — Полюбуйся.

Тревора стряхнул с плеча руку корина, подошел к зеркалу, оперся на его холодную поверхность и взгляделся в отражение.

Да, это было правдой.

Между его бровями мерцал солнечный камень. Это лицо, знакомое, обычное, не такое уж безобразное, к которому он привык за всю свою жизнь, стало теперь каким-то чудовищным, неестественным, превратилось в маску гоблина со злобым третьим глазом, сверкающим во лбу.

Промозглый холод вполз в его сердце. Он попятился, его руки машинально потянулись к камню, рот скривился, как у ребенка, и две невольные слезы скатились по впалым щекам.

Пальцы коснулись камня, и на Тревора нахлынула неистовая злость. Он яростно вонзил ногти в лоб и принялся царапать камень, не думая о том, что может умереть, если вырвет его.

Гелт наблюдал. Губы его улыбались, но глаза были полны ненависти.

Тревора почувствовал, что по щекам его льется кровь. А солнечный камень сидел на месте. Тревор дико застонал и вонзил ногти глубже, и Шеннеч позволил ему это сделать, покуда страшная боль чуть не разломила голову Тревора пополам, едва не свалив его на пол. Он сопротивлялся.

Тогда Шеннеч послал максимальный импульс своего мозга — не в ярости, ибо это чувство было чуждо ему, не из жалости, ибо он был не более жесток, чем его кузены-горы, а просто по необходимости.

Тревора всем существом ощутил эту холодную мощь, которая прокатилась по нему как лавина. Он постарался достойно встретить ее, по-прежнему отчаянно сопротивляясь, но она сломала его защиту, размолотила воздвигнутые им барьеры, превратила в ничто его волю и вошла в бессильную цитадель его мозга.

В этой пошатнувшейся темной крепости все, что, собственно, и было Тревором, корчилось, изворачивалось и цеплялось за оружие ярости, за смутное воспоминание о том, как в узком, сжимающемся каньоне это оружие помогло ему отогнать врага

и вырваться на свободу. Затем какой-то животный, дикий инстинкт, загнанный в самые глубины подсознания, посоветовал ему не спешить, не торопить события, схорониться и сделать так, чтобы то немногое, чем он еще располагал, осталось нетронутым и, быть может, незамеченным для захватчика.

Тревор вяло опустил руки, и мозг его расслабился, забился в хаотическом бессилии. Холодная черная волна чужеродной силы остановилась, а затем отхлынула.

— Твой мозг крепче, чем у этих выведенных в долине корингов, — заметил Шеннеч. — Они покорнее «соколов», а ты помнишь, что однажды уже противостоял мне. Но тогда контакт был несовершенным. Теперь — другое дело. Не забывая этого, Тревор.

Тревор глубоко вздохнул и прошептал:

— Чего ты от меня хочешь?

— Пойди и посмотри на корабль. Твой мозг сказал мне, что он понимает в этих вещах. Посмотри, сможет ли корабль взлететь снова.

Этот приказ поверг Тревора в глубокое изумление.

— Корабль? Но зачем...

Шеннеч не привык, чтобы от него требовали объяснений, но тем не менее терпеливо ответил:

— Я проживу еще некоторое время, несколько ваших коротких поколений. Хватит с меня ваших долины и катакомб. Я хочу покинуть их.

Тревор понимал это. В том кошмарном сне он заглянул в мозг Шеннеча и теперь все понимал. На мгновение он почувствовал острую жалость к этому пойманному в ловушку странному существу, одинокому, единственному во всей Вселенной. Затем он удивился:

— А что ты будешь делать, если улетишь отсюда? Что тебе делать в другом месте?

— Кто знает? У меня осталось только одно: любопытство...

— Ты возьмешь с собой корингов и «соколов»?

— Некоторых. Это мои глаза и уши, мои руки и ноги. Тебе это не нравится, Тревор?

— Какое это имеет значение? — горько пожал плечами человек. — Пойду погляжу на корабль.

— Пойдем вместе, — отозвался Гелт и набрал охапку факелов. — Я покажу тебе дорогу.

Через гигантскую дверь они вышли на улицу и пересекли бесконечный квартал пустых домов.

Эти улицы и дома Тревор видел во сне.

Он обратил внимание на то, что Гелт повел его на другой конец города, в ту часть долины, где он еще ни разу не был.

Затем в голову ему пришла мысль, которую не смог выбить из сознания даже острый, болезненный шок пробуждения.

Джен.

Тревога вдруг охватила страшная паника.

Сколько времени прошло с тех пор, как в катакомбах на него упала тень? Много или мало? За это время многое могло случиться. Ему представилась мертвая Джен, разорванная «соколами», похожая на Хью с обнажившимися ребрами, и он шагнул к Гелту, владельцу женщины-рабыни. Но тут в мозгу у него зазвучала речь Шеннеча, к которой Тревор уже начал привыкать:

— Женщина в безопасности. Смотри сам.

Кто-то властно вторгся в сознание Тревога и направил его по совершенно иному руслу. Тревор ощутил странный легкий толчок контакта и вдруг почувствовал, как в его восприятии окружающего мира что-то меняется. Он смотрел на землю из-под облаков и различал внизу загон с многочисленными крошечными фигурками.

Своими собственными глазами он увидел бы их такими, какие они есть, но те глаза, которыми он смотрел сейчас, хоть и были зоркими, как у орла, но не различали цвета, а видели только черное и белое. В одной из фигур он узнал Джен. Он хотел подойти ближе, как можно ближе, и точка фокусировки, откуда он наблюдал, начала снижаться кругами. Джен взглянула вверх. Тревор увидел прошедшую по ней мрачную тень широких крыльев и понял, что видит глазами ящерицы-«сокола». Он повлек «сокола» наверх, чтобы не путать девушку, но сначала разглядел ее лицо. Каменное, застывшее выражение исчезло и сменилось оскалом раненой тигрицы.

— Я хочу иметь ее, — сказал он Шеннечу.

— Она принадлежит Гелту. Я не вмешиваюсь.

Гелт пожал плечами:

— Бери, пожалуйста. Но держи ее на цепи. Она теперь слишком опасна и годится только на корм «соколам».

Корабль находился неподалеку от города. Он лежал на боку рядом с низким отрогом каменного барьера. Он упал тяжело, и некоторые из ведущих плоскостей прогнулись, но снаружи повреждения не казались неисправимыми. Были бы знания и необходимые инструменты для работы... Триста лет назад его можно было снова заставить летать, но те, у кого имелись необходимые знания, умерли, а каторжники хотели остаться здесь.

Прочный металл внешней оболочки корпуса неплохо сохранился за все три столетия в жесточайшем меркурианском климате. Он несколько проржавел, и там, где виднелись пробоины, внутреннюю оболочку проела ржавчина. И все же в целом корпус сохранил сходство с кораблем.

— Будет ли он летать? — нетерпеливо спросил Шеннеч.

— Пока не знаю, — ответило Тревор.

Гелт зажег факел и протянул его землянину:

— Я останусь тут.

Тревор засмеялся:

— Как ты полетишь над горами?

— Там видно будет, — пробормотал Гелт. — Возьми и остальные факелы. Там темно.

Тревор пролез через зияющий люк внутрь и с опаской ступил на покату, рыжую от ржавчины палубу.

Внутри корабль сильно пострадал.

Все, что могло пригодиться, разрушилось при падении, остались только голые стены кают с облупившейся эмалью и раскиданный повсюду мусор.

В отделении перед воздушным плюзом Тревор нашел множество скафандров. Материал сгнил, но некоторые шлемы были исправны, уцелело и несколько кислородных баллонов.

Шеннеч нетерпеливо понукал Тревора:

— Займись главным, Тревор.

Рубка оказалась нетронутой, хотя многослойный глассит на больших экранах подернулся сетью паутинообразных трещин. Тревор осмотрел систему управления.

Он был сугубо планетарным космолетчиком, и его маленькая машина покидала исследуемую планету не далее чем на плевок. Здесь было несколько приборов, назначение которых было ему неизвестно, но в целом он довольно хорошо представлял себе управление.

— Лететь недалеко, Тревор. Только через горы. Из твоего мозга и мозга тех, кто умер уже после посадки, я знаю, что за горами лежит мертвая каменная долина в двадцать раз больше Кората. Там живут земляне.

— Только часть ее плодородна. Там рудники, уже здорово выработанные землянами. Но некоторые корабли туда еще летают, и кое-кто из землян остался.

— Это лучше. Начинать надо с малого...

— Что начинать?

— Наперед не скажешь. Ты не понимаешь, Тревор. Сотни лет я точно знал, что стану делать. В незнании есть что-то от нового рождения.

Тревор вздрогнул и пошел обратно изучать приборы. Электропроводка, защищенная несколькими слоями непроницаемой пластиковой изоляции и антикоррозийными трубками, была в отличном состоянии. Помещение для генератора разрушил взрыв, но надежда восстановить его была. Имелись запасные батареи, конечно, проржавевшие, но, если с ними поработать, они некоторое время смогут продержаться.

- Он полетит?
- Я же сказал, что пока не знаю. Тут куча работы.
- Для этого существуют рабы.
- Да, но без горючего все бесполезно.
- Посмотри, есть ли оно.

Некие смутные мысли, блуждавшие в мозгу Тревора, теперь, похоже, начали проясняться. Он не хотел вытаскивать их на свет, не хотел делиться ими с Шеннечем и поэтому думал о генераторах, батареях и монтаже.

Он полз в потрохах мертвого космического корабля, пробираясь к хвостовой части. Чадающий факел слабо освещал то, что лежало в опустевших офицерских каютах и разграбленных во время мятежа трюмах. Вход в один из больших отсеков прикрывала дверь с тяжелыми запорами и болтами, выгнувшимися при крушении.

«Вот откуда они вырвались, — подумал Тревор, — как волки из западни».

В нижних трюмах, пострадавших при падении больше всего, лежало множество сельскохозяйственных машин и оборудования для шахт. Все было непоправимо разломано, но тем не менее старинные механизмы, с их ржавыми лезвиями и странной, неуклюжей формой, выглядели весьма внушительно.

Они напоминали оружие, и Тревор развил эту мысль, украсив ее мысленным изображением людей, падающих под крутящимися жатками. Шеннеч уловил это.

— Оружие?

— Можно использовать как таковое. Но металл надо очистить.

Тревор обнаружил бункеры с горючим. Основной запас был израсходован до последней капли, но в запасных контейнерах, судя по показаниям шкал, кое-что оставалось — не много, но может хватить.

Глава 6

В Треворе зашевелилось возбуждение, слишком большое, чтобы его можно было спрятать в глубоком потайном уголке подсознания.

Он выпустил его на свободу, и Шеннеч пробормотал:

— Ты доволен. Корабль полетит, и ты думаешь, что, добравшись до другой долины и очутившись среди себе подобных, ты найдешь средство уничтожить меня? Возможно, но мы еще посмотрим, что получится.

Глядя вниз из перекошенного аварией люка, Тревор улыбнулся. Лгать можно не только словами, но и мыслью, а Шеннеч, что ни говори, был всего лишь мыслящим существом.

— Мне нужна помощь. Брось на корабль все силы, которые у тебя имеются.

— Сделаем.

— Потребуется время. Не торопи и не отвлекай меня. Не забывай, что я не меньше тебя хочу перебраться через горы.

Шеннеч мысленно засмеялся.

Тревор взял новую связку факелов и пошел работать в генераторную. Он чувствовал, что Шеннечу сейчас не до него: он занят тем, что собирает корингов и рабов. Однако Тревор не утратил осторожности.

Открытая область его мозга была занята мыслями о мщении по прибытии в другую долину.

Постепенно возня с антикварными, вышедшими из строя механизмами заглушила все посторонние мысли.

Прошел день, ночь и половина второго дня, прежде чем проводка была соединена так, как он хотел. Один генератор с протяжным скрипом заработал в четверть нормальной мощности, и батареи были заменены на лучшие, хранившиеся на складе.

Моргая от света, точно крот, выползший из норы, Тревор вышел из наполненного факельным чадом сумрака в рубку и увидел спавшего там Гелта.

— ОН доверяет тебе, — сообщил пробудившийся корин, — но не слишком.

Тревор нахмурился. Усталость, возбуждение и постоянное ощущение опасности вконец вымотали его. Прочная защитная оболочка создала вокруг мозга маленькую внутреннюю крепость так, что сознание было скрыто даже от самого Тревора. Он почти поверил, что улетит на этом корабле в другую долину и будет сражаться там с Шеннечем. Так что Тревор не удивился, услышав слова Шеннеча:

— Ты, вероятно, попытаешься улететь один, человечек. Я бы этого не хотел.

— Ты контролируешь меня настолько, — ворчливо заметил Тревор, — что я не могу и плюнуть, если ты запретишь.

— Я мало что понимаю в ваших машинах. У нас никогда не было механической культуры. Во всяком случае, многие из твоих мыслей, которые я отчетливо читаю, не имеют для меня реального смысла. Я могу управлять тобой, Тревор, но не кораблем.

— Не беспокойся, — отозвался Тревор. — Вряд ли я смогу поднять корабль в воздух, пока корпус его не починен.

Это была правда.

— Тем не менее, — заявил Шеннеч, — Гелт будет нести охрану того предмета, который ты называешь приборной доской и который, как мне сообщил твой мозг, является ключом к кораблю. Тебе запрещено касаться ее, пока не настанет время лететь. — Тревор услышал ворчливый смех Шеннеча. — В твоём

мозгу, человек, таится измена. Но у меня хватит времени. Импульс идет быстро и не может быть прочитан заранее, но между импульсом и его реализацией есть интервал. Пусть он длится долю секунды, мне его хватит, чтобы остановить тебя.

Тревор не спорил. Он дрожал от усилий скрыть жалкие остатки своей индивидуальности. Он провел рукой по лицу и, вздрагивая от прикосновения к чужому, навязанному уродству на своем лбу, угрожающе сказал:

— Трюмы должны быть очищены. Корабль не поднимет еще раз такую тяжесть, да и металл понадобится мне для ремонта. — Он снова настойчиво думал об оружии. — Пришли рабов.

— Нет, — твердо сказал Шеннеч, — это сделают корины. Мы не дадим в руки рабов никакого потенциального оружия.

Тревор пропустил через свой мозг волну разочарования и пожал плечами:

— Ладно. Тогда давай сюда коринов.

Он стоял у больших экранов и смотрел на равнину, расстилавшуюся перед городом. Рабы были собраны на безопасном от корабля расстоянии и, словно бессловесное стадо, ждали господских приказов. Их охраняли несколько всадников-коринов и ящерицы-«соколы».

Маленькая армия коринов медленно подошла к кораблю.

Тревор ясно ощутил их мысли. За всю жизнь они ни разу не испачкали рук работой и теперь злились на своего хозяина.

Вонзив ногти в ладони, Тревор пошел к хвостовой части, собираясь показать коринам, что надо делать. Он не сможет больше хранить то, что с таким трудом скрывал под наслоениями полуправды и хитрости. Рано или поздно это выйдет наружу, и Шеннеч узнает все. При свете факелов корины начали сражаться с ржавыми машинами в задних трюмах.

— Пришли сюда побольше людей, — мысленно приказал Тревор Шеннечу. — Это очень тяжелые штуки.

— Тут все, кроме тех, кто охраняет рабов. Их нельзя забирать.

— Ну что ж, — сказал Тревор, — тогда заставь этих работать как следует.

И по покосившимся палубам и коридорам сначала медленно, а потом все быстрее он пошел к хвосту корабля; его босые ноги царапали чешуйки ржавчины, лицо с третьим, сверхъестественно-жутким глазом побелело и странно застыло. Его мозг выгалкивал мутные потоки хаотических мыслей, неопределенных и ничего не значивших, чтобы до последней секунды скрывать то подспудное, что Шеннечу нельзя было знать.

— Тревор!

Шеннеч был встревожен.

Цель вышла на свет. Она вышла, ее уже нельзя было больше прятать. Она вырвалась из укромного места, как яркая вспышка в темноте, и Шеннеч увидел ее и послал на человека всю свою холодную силу.

Тревор пудей влетел в рубку. Первая черная волна ударила его в общем-то неожиданно. Рубка вытянулась в каком-то диком, бредовом измерении. В дальнем ее конце ждал Гелт. За спиной у него находился один маленький ключик, которого нужно было коснуться сейчас же.

Взросшая многократно сила Шеннеча оттолкнула Тревора назад, запрещая ему думать, двигаться, существовать. Но созданные Тревором защитные стены еще держались; в них горел яркий факел решимости.

Было самое время начать сражение, и Тревор выкопал свое скрытое, тщательно оберегаемое оружие ярости.

Он высвободил эту дикую ярость и крикнул чужой силе:

— Я убью тебя когда-нибудь!

Палуба поплыла у него под ногами. Облупившиеся переборки колыхались, как клубящийся туман. Тревор не знал, двигается он или нет, но на ногах он держался, тогда как страшная, невыносимая тяжесть обрушилась на его трепещущий мозг, стремясь сгладить, придавить бешеную ярость, которая была его единственным оружием.

Ярость за себя, оскверненного и униженного, за Джен с окровавленными рубцами на смуглых плечах, за Хью, лежавшего мертвым под отвратительным убийцей, ярость за все поколения высадившихся здесь людей, которые жили и умирали в рабстве для того, чтобы облегчить Шеннечу ожидание смерти.

Перед ним возникло неестественно огромное лицо Гелта, искаженное, потрясенное и испуганное. Тревор оскалился.

— Я убью его когда-нибудь, — выдохнул он, обращаясь к корину.

На поясе Гелта висел нож, но потому что каторжника не было приказано пользоваться им. Только один Тревор мог заставить корабль лететь. Гелт протянул дрожащие руки и схватил Тревора, но очень неуверенно. Мозг корина кричал Шеннечу:

— Ты не можешь его остановить!

Тревор, только частично слитый с Шеннечем, услышал этот крик и засмеялся.

От прикосновения Гелта что-то взорвалось в нем. Теперь его не контролировали, неистовые мысли ушли, осталось только два сильных желания, одним из которых было уничтожение поработившего его чудовища.

— Убей его, — неожиданно сказал Шеннеч. — Он безумец, и никто не может управлять сумасшедшим.

Гелт старался выполнить приказ, но руки Тревора уже схватили его за горло. Пальцы глубоко погрузились в плоть корина, и вскоре раздался хруст сломанной кости.

Тревора отбросил обмякшее тело. Он ничего не видел, кроме маленького огонька, мерцавшего в темноте. В центре этой светлой точки находилась красная кнопка. Тревор подскочил к пульта и нажал ее. Такого было его второе желание.

В первый момент ничего не произошло.

Тревора упал поперек тела Гелта. Шеннеч сыпал запоздалыми угрозами. Теперь у оставшегося в живых человека появилась возможность встать и облегченно, торжествуя вздохнуть.

Корабль вздрогнул. Раздался глухой рев, потом все стихло, и рев повторился. Бункеры с остатками горючего заработали. Рубку потрясло несколько мощных ударов, стены ее со страшным скрежетом накренились. Все двери распахнулись, мир наполнился лязгом и грохотом ломающегося металла. Затем все смолкло, и наступила тишина.

Тревора пополз по вставшему дыбом полу и через разбитый люк вылез на безжалостный солнечный свет. Теперь он ясно видел, что ему удалось сделать. Сработано было хорошо, запаса горючего хватило.

Задняя часть корпуса исчезла, а с ней и все корины, копошившиеся в трюмах.

И тут в мозгу Тревора раздался удивленный голос Шеннеча:

— Я и в самом деле состарился! Я недооценил силу молодого, здорового мозга. Рабская покорность корингов меня расколодила.

— Ты видишь, что происходит с последними коринами? — спросил Тревор. — Ты можешь видеть?

Последние корины, последние невольники Шеннеча, были потрясены крушением привычного им мира. Рабы тут же поднялись против своих ненавистных хозяев. Они ждали очень долго, и теперь корины и ящерицы-«соколы» подлежали уничтожению.

— Ты видишь это, Шеннеч?

— Вижу, Тревор. А теперь они... идут на тебя!

Да, безумев от крови, рабы спешили расправиться с теми, кто носил солнечный камень. Впереди шагали Джен и Сол.

Тревора знал, что на разговоры ему отпущено не более одной минуты, знал, что Шеннеч с любопытством ожидает финала этой драмы, и потому он сделал шаг вперед и сказал:

— Я дал вам свободу, и вы хотите меня убить за это?

— Ты выдал нас, — зарычал Сол, — и теперь...

— Я выдал вас, но не намеренно. Здесь есть кое-кто посильнее корингов, а вы даже не знали об этом. Чего же вы хотите от меня?

Тревора быстро рассказал о Шеннече и о том, как сами корины попали в рабство.

— Вранье, — отмахнулся Сол.

— Посмотрите сами. Он в подземелье под городом. Только будьте осторожны.

Он смотрел не на Сола, а на Джен. Подумав немного, девушка произнесла:

— Возможно, там и вправду есть этот Шеннеч. Может, поэтому нам никогда не позволяли входить в город, и корины могли уверять нас, что они и есть боги.

— А я говорю, что это вранье!

Джен обернулась к Солу:

— Пойди и посмотри, Сол, а мы его покараулим.

Сол поколебался, но в конце концов он и шестеро других рабов пошли к городу.

Тревор сел на горячую выжженную траву.

Он совсем выбился из сил, а черная тень Шеннеча все еще укрывала его мозг.

Солнце скользнуло за горы, и по нижним склонам поползли тени. Сол с товарищами вернулся. Тревор взглянул на него и невесело засмеялся:

— Все правда, не так ли?

— Да, — выдохнул Сол и вздрогнул.

— Он говорил с вами?

— Начал, но мы убежали. — И вдруг Сол закричал, но уже не от ненависти, а от страха: — Мы не можем убить его! Это его долины. Он запер нас тут! Нам не уйти!

— Уйти отсюда можно, — сказал Тревор.

Глава 7

Сол тяжело и недоверчиво уставился на него:

— Через горы ты не пройдешь. Там нет воздуха.

— Я знаю один способ. На корабле есть все необходимое. — Тревор встал и продолжил с неожиданной резкостью: — Пусть не для всех и не сразу. Но если пойдут трое или четверо, хотя бы один сможет выжить и привести сюда людей с кораблями, чтобы забрать остальных... — Он посмотрел на Сола: — Рискнешь пойти со мной?

Тот нахмурился и хрипло ответил:

— Я все еще не доверяю тебе, Тревор, но все-таки уйти от этого...

— Я тоже пойду, — неожиданно сказала Джен. — Я такая же сильная, как Сол.

Так оно и было, и Тревор знал это.

Он долго смотрел на нее, но ничего не мог прочесть на осунувшемся лице.

Сол пожал плечами:

— Идет!

— Но ведь это безумие! — пробормотал чей-то голос. — Вы не сможете там дышать, на гребне. Там нет воздуха!

Тревор кряхтя влез в разбитый корабль и вытащил шлемы с кислородными баллонами, словно по заказу уцелевшие при взрыве.

— Мы будем дышать, — сказал он. — Эти... — Он с трудом подыскивал слова. — Эти контейнеры содержат самую главную часть воздуха. Мы возьмем их с собой.

— А холод?

— У вас же есть продубленные шкуры и клей. Я покажу вам, как делается защитная одежда. Или оставайтесь здесь с Шеннечем.

Сол содрогнулся:

— Нет, уж лучше я попытаюсь.

Все последующие часы, пока женщины мастерили комбинезоны из шкур, а Тревор трудился над неуклюжими шлемами, Шеннеч молчал.

Но он никуда не деляся. Тревор ощущал тень чужого сознания в своем мозгу и понимал, что Шеннеч следит за ним. Впрочем, никаких покушений на его разум Шеннеч не предпринимал.

Рабы тоже следили за Тревором. Он видел, что солнечный камень между его бровями наполняет их страхом и ненавистью.

Джен тоже молча наблюдала за ним. По ее лицу он не мог определить ничего. О чем она думала: о Хью, о «соколах»?

Часам к трем все было готово.

Трое спутников не торопясь вступили на перевал, ведущий за пределы атмосферы. В самодельных комбинезонах, в шлемах, набитых тряпками, которые заменяли герметический воротник, все они выглядели весьма нелепо.

Концы кислородных трубок пришлось держать во рту.

Из долины потянулись вечерние тени, когда провожавшие спустились обратно, а трое пошли дальше. Сол шел впереди, Тревор — замыкающим.

Шеннеч все молчал.

Атмосферный слой остался внизу. Теперь они поднимались в космос — крошечные создания в бесконечности девственных скал, в полной темноте между сиявшими пиками наверху и яркими молниями вечерней грозы внизу.

Все выше карабкались они по перевалу, помогая друг другу там, где одному подняться было не под силу, в ледящем холоде и обморочной тишине; три неуклюжие фигурки, бредущие под беспредельным небом, в страхе перед этой черной бесконечностью, в которой не было ни звука, ни теплого солнечного луча.

Тревор знал, что они уже близки к вершине: теперь с обеих сторон поднимались такие утесы, которых никогда не касались ни ветер, ни дождь, ни живые корни растений. Он пошатнулся,

потому что дорога пошла под уклон, но зато теперь идти стало гораздо легче.

Кислород кончился как раз тогда, когда безвоздушное пространство осталось позади. Теперь, спотыкаясь и скользя, они шли вниз, к животворному воздуху, шли по голому каменистому плато, за которым должна была открыться...

И тут наконец Шеннеч засмеялся.

— Очень разумно, — сказал он, — бежать без корабля! Но обратно вы вернетесь с кораблем, и тогда вам придется взять меня на другую сторону мира. Я щедро вознагражу вас.

— Нет, Шеннеч, — мысленно ответил Тревор. — Если мы доберемся туда, я избавлюсь от солнечного камня. Мы вернемся за рабами, а не за тобой.

— Нет, Тревор, — с пугающим равнодушием возразил Шеннеч. — Ты удивил и обманул меня однажды, но второй раз это не удастся. Весь твой мозг открыт мне, и ты не сможешь больше противиться моей воле.

Душу Тревора сковал могильный холод.

Сол и Джен шагали впереди, спускаясь вдоль усеянного камнями края пропасти к воздуху, звукам и жизни. Тревор увидел, как они сбросили шлемы, и пошел следом, хватая морозный воздух изголодавшимися легкими.

— Мы в них больше не нуждаемся, — спокойно сказал Шеннеч. — Когда ты доберешься до других людей, они могут стать опасными. Распорядись ими, Тревор.

Тревор ответил яростным отказом, но тут же его воля попала в холодные железные тиски, сознание помутилось, и злоба ушла в пустоту.

«Ну конечно, — подумал он. — Здесь множество булыжников. Совсем не трудно столкнуть людей в пропасть».

Он шагнул к большому камню.

— Хороший способ, Тревор. Но торопись.

Шеннеч говорил правду: на сей раз он полностью подчинил себе человека, и Тревор это понимал.

— Нет, не буду! — крикнул он себе.

Но этот жалкий крик умирающей души утонул в потоке чужой воли.

— Будешь, Тревор, и немедленно! Они подозревают...

Сол и Джен обернулись. Лицо Тревора, открытое теперь целенаправленному холоду, которого он почти не ощущал, видимо, рассказало им обо всем. Они развернулись и пошли навстречу. Идти было недалеко, но они могли опоздать.

— Берегитесь... — тонко и противно завизжал Тревор. — Шеннеч...

Он положил руки на камень, который должен был раздавить людей. Лицо его исказилось.

Но ведь есть и другой способ! Он, Тревор, принадлежит Шеннечу только живым, а значит, есть возможность избежать нового предательства.

Он собрал последние разрозненные остатки своей воли и покатылся к краю пропасти.

Упав с высоты ста футов, человек навечно останется лежать на камнях.

— Нет, Тревор! Нет!

Мощный приказ Шеннеча остановил Тревора на самом краю обрыва, а затем руки Джен оттащили его.

Он услышал, как тонко и хрипло прозвучал крик Сола:

— Столкни его! Он корин. Ты видела его лицо!

— Нет! — откликнулась Джен. — Он хотел убить себя ради нас!

— Но им владеет Шеннеч! — снова закричал Сол.

Шеннеч и в самом деле владел сознанием Тревора. Он подавил последнюю искру его возмущенного сопротивления и грубо скомандовал:

— Убей женщину и мужчину!

И Тревор попытался это сделать. Теперь он был в полной и беспрекословной власти Шеннеча, но Джен и Сол крепко держали его.

Вдвоем они были намного сильнее, и Тревор не мог повиноваться последнему Шеннечу, как бы ни жаждал этого.

— Свяжи ему руки! — яростно крикнула Джен. — Мы потащим его на веревке!

Кипящая злоба Шеннеча хлынула в мозг Тревора. Он отбивался, но тщетно: руки ему стянули кожаными ремнями и без лишних слов поволокли его вниз.

Затем он почувствовал, что злоба Шеннеча сменилась страшной безнадежностью. К Тревору вернулось собственное сознание, и в темноте своего усталого мозга он услышал отголосок последнего горького восклицания:

— Я слишком стар!

Глава 8

Тревор медленно просыпался, то поднимаясь над черным океаном беспамятства, то погружаясь в него снова, и в короткие интервалы осознавал, что лежит в постели и у него болит голова.

Наконец настал час, когда он вынырнул из забвения окончательно. Открыв глаза, он увидел металлический потолок.

— Значит, мы это сделали, — сказал он.

— Да, сделали, — отозвался дружелюбный голос. — Это Солнечный город. Давненько мы тут торчим.

Тревор повернул непослушную голову к стоявшему у кровати доктору в белом халате, но не увидел ни его, ни комнаты.

Он видел только поднос на тумбочке и на нем темно-желтый глаз, загадочный и сияющий.

Солнечный камень.

Рука Тревора потянулась к лицу.

Доктор опередил его:

— Не беспокойтесь. Его извлекли. Деликатная оказалась работа! Некоторое время у вас поболит голова, но любой согласился бы на это ради солнечного камня!

Тревора не ответил. Он долго пытался что-то вспомнить и наконец спросил:

— А где Джен и Сол?

— Здесь. Тоже весьма странный народ. Ни с кем не разговаривают... Все вы — сплошь тайна, знаете ли.

Джен...

Доктор вышел и вскоре вернулся с Джен и Солом. Теперь они были в современной синтетической одежде. На Джен она выглядела так же неуместно, как шелковое платье на леопарде.

Джен заметила улыбку в глазах Тревора и воскликнула:

— Не смейся надо мной... никогда!

Тревора понял, что приобщение Джен к цивилизации — дело почти безнадежное. Но это его не огорчало.

Она серьезно оглядела его, а затем сказала:

— Говорят, что завтра ты сможешь встать.

— Это хорошо, — тихо ответил Тревор.

— Но ты еще должен быть осторожен.

— Я буду осторожен.

Больше они не сказали ни слова, но по твердому, серьезному взгляду Джен Тревор понял, что Хью и ящерицы-«соколы» прощены ему, — не забыты, но прощены, — и что они с Джен встретились и больше не расстанутся.

— Мы ждем здесь столько дней! — с тревогой вскричал Сол. — Когда же мы вернемся в долину за остальными?

Тревора повернулся к доктору, с любопытством наблюдавшему за происходящим:

— Могу ли я нанять здесь корабль?

— Человек, имеющий солнечный камень, может получить почти все, что захочет, Тревор. Я это устрою.

Зафрахтованный корабль, который вез их обратно в долину, имел минимум команды и двух техников-минеров, нанятых Тревором.

Они высадились за пределами древнего города, и рабы хлынули к ним, наполовину обрадованные, наполовину испуганные неожиданным воплощением древней легенды.

Тревора объяснил Солу, что надо сделать.

В черепахах убитых коринфов оставались солнечные камни баснословной ценности. Надо было отправиться туда с рабами и собрать камни.

— Но эти камни — зло! — закричал Сол.

— В других мирах — нет, — ответил Тревор. — А ведь твоему народу нужно как-то жить.

Когда это было сделано, все собрались на корабле. Тревор кивнул техникам.

— Пора, — сказал он. — Вход в катакомбы там, наверху.

Техники ушли, взяв с собой тяжелый груз, который понесли вдвоем. Вскоре они вернулись, уже налегке.

Тревор достал из кармана свой солнечный камень. Джен вцепилась в его руку.

— Не надо!

— Теперь это не опасно, — сказал Тревор. — У него не хватит времени сделать со мной что-нибудь, а я чувствую, что должен кое-что сказать ему.

Он приложил солнечный камень ко лбу и мысленно крикнул:

— Шеннеч!

Мозг его накрыла темная ледяная тень Последнего. Мысли Тревора были прочитаны в один миг.

— Значит, это конец, Тревор?

— Да, — твердо ответил тот, — конец.

Он ожидал взрыва злобы, бешеного сопротивления, попытки захватить его сознание, предотвратить гибель, но этого не произошло. Последний радовался. Радовался, как ребенок.

— Как? Значит, ты хочешь, чтобы я это сделал?

— Да, Тревор! Я подумал, что ждать смерти многие столетия слишком долго и скучно, — лучше освободиться сразу.

Вне себя от удивления Тревор махнул рукой, и их корабль, взревев двигателями, взмыл к небу. Еще один взмах — и техники потянулись к кнопке радиодетонатора.

В этот момент Тревор услышал голос Шеннеча, звучавший, точно широко разлившаяся музыка — соединение радостного, ликующего хора освобождения с аккордами космической печали о том, что было и никогда не возвратится, о величайшей древней расе, которой ныне пришел конец.

Кнопку нажали, и там, где некогда стоял город, взметнулся огненный столб.

Потом песня Шеннеча смолкла, и в звенящей тишине последнее дитя гор навеки ушло в Ночь.

ВУАЛЬ АСТЕЛЛАРА

НЕ-ЛЮДИ

Глава 1

ПЕРВОБЫТНАЯ ВЕНЕРА

Я любовался закатом. В калифорнийских закатах есть что-то особенное, а этот переполнял меня чувствами еще и потому, что был первым, который я увидел после девяти лет скитаний. Мы размещали парк аттракционов на пустоши между Калверсити и Венисом, и мои ноздри трепетали от соленого запаха моря. Я родился в одной из маленьких лачуг Вениса и могу поспорить, что вы нигде не найдете запаха, похожего на холодную и чистую соль Тихого океана — нигде во всей Солнечной системе.

Я стоял у дальней ограды, наслаждаясь одиночеством. Позади меня раздавались обычные звуки предкарнавальная подготовки. Ребята ужинали и травили анекдоты. Бригада рабочих стучала молотками, устанавливая последние шатры. Но мне в тот миг не хотелось думать о «Межпланетном шоу Джада Грина» — о «великих чудесах семи миров, оживших перед вашими глазами».

Я вспоминал босоногого мальчонку по имени Джон Дэмьен Грин, который бегал по мокрому зернистому песку, рыбачил на дальнем краю мола и грезил о большой и светлой мечте. Как жаль, что этот мальчик ушел и забрал с собой милые грезы. Теперь я уже и не помню, о чем они были.

Кто-то тихо окликнул меня:

— Мистер Грин?

The Halfling

Copyright © 1943 by Leigh Brackett

Не-люди

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

Я тут же забыл о маленьком Джоне Грине. Да и любой мужчина забыл бы, как его зовут, если бы услышал этот сладкий шелковистый голос. Ноги сами развернули меня на каблучках.

И точно, она была под стать своему голосу: прекрасная фея в пять футов три дюйма на бронзовых каблукках; фиолетовые зрачки, похожие по цвету на холмы Малибу; забавная кнопочка носа, алый рот и улыбка, приоткрывавшая ровные белые зубы; платье с отливом блестящей бронзы, которое облегалось грудь и прочие безупречные округлости. Я старался найти в ней хоть один изъян, но не мог, хотя смотрел во все глаза.

Она на миг склонила голову, и последние солнечные лучи запутались в ее золотисто-каштановых волосах.

— Мне сказали, что вы и есть мистер Грин. Если я ошиблась, то прошу прощения...

Ее странный акцент казался нежным и очаровательным.

— Да, я Грин. Чем могу вам помочь?

Мне так и не удалось найти в ней ничего плохого. Но я продолжал искать, все больше чувствуя, как в моих жилах поднимается давление крови.

Впрочем, словами такую девушку не опишешь. Конечно, я мог бы назвать ее красоткой в пять футов три дюйма. Но тогда вы ничего не узнали бы о странных и немного раскосых глазах, о манящем изгибе губ и той притягательной ауре, которая лучилась вокруг нее, как свет от лампы. Она цепляла вас на крючок, и с этого крючка уже нельзя было сорваться, живи вы даже тысячу лет.

— Мне действительно нужна ваша помощь, — ответила она. — Я хотела бы получить у вас работу. Возьмите меня танцовщицей.

Я покачал головой:

— Сожалею, мисс. Но у нас уже есть танцовщица.

Под мягкой и игривой округлостью ее лица вдруг проступило несгибаемое упорство.

— Мне очень нужна эта работа, — сказала она. — У меня нет денег даже на еду. Я хорошая танцовщица. Я лучшая из всех, кого вы когда-нибудь видели. Прошу вас, посмотрите меня.

А я это и делал. Думаю, к тому времени я уже смотрел на нее, разинув рот. И все же не часто такие нежные куклолки проявляют в просьбах стальную волю. Я чувствовал, что она не хвасталась. Она просто констатировала факт.

— У меня уже есть хорошая танцовщица, — ответил я. — Зеленоглазая марсианская красотка, которая оторвет мне голову, да и вам тоже, если я поставлю вас отдельным номером.

— Ах вот оно как! — сказала она. — Простите. Я думала, что это вы здесь главный.

Девушка дала мне время подумать над ее словами и печально усмехнулась:

— Может быть, вы все-таки посмотрите меня?

Она стояла так близко, что я чувствовал приятный пряный аромат ее тела. И она каким-то образом не позволяла мне вести себя с ней как с обычной смазливой девчонкой. Подумать только! Я ей уступил! Я, Джад Грин, бывалый и тертый устроитель карнавалов, со вздорным характером и сбитыми костяшками кулаков, потел перед ней, как сопливый подросток! И это перед самым началом шоу!

Впрочем, она была права: здесь распоряжался я. Люди ели мою еду, красили стены моей краской и заливали в баки мое горючее. Если в танцах малышки есть что-то такое, чего не хватает Синди, то пусть она пляшет — лишь бы это помогало вытягивать наличку из карманов посетителей... А Синди как-нибудь переживет. Она и так получала сполна за то, чем я был ей обязан.

Девушка смотрела мне в лицо, как будто следила за ходом моих мыслей. Она больше ничего не говорила и, похоже, не собиралась говорить. Я хмуро взглянул на нее:

— Вам придется подписать контракт на полное турне. В следующий понедельник мы улетаем на Венеру, потом на Марс, а дальше, возможно, на астероиды.

— Мне все равно. Лишь бы я имела деньги на пропитание. Лишь бы...

Она замолчала, слегка пригнула голову, и я увидел слезы на ее густых коричневых ресницах.

— Вот и договорились, — сказал я ей. — Сейчас мы пойдем в зал и посмотрим, на что вы годитесь.

Я бы с удовольствием нанял эту крошку уже за одно то, что находилось под ее платьем с бронзовым отливом. Но дело есть дело, и я никогда не ставил денег на неуклюжих пони.

Она взглянула на меня и неуверенно сказала:

— А вас, мистер, не так-то легко уговорить.

Мы пошли напрямик к главным воротам. Вечерний ветерок обещал прохладу и свежесть. Слева от нас на фоне изогнутой гряды темно-пурпурных холмов виднелись тонкие шпили Калвера, Вествуда, Голливуда и Беверли-хиллз, на которых радужными всплесками сияла реклама.

Все казалось новым, приятным и чистым. Только редкий туман и запах моря оставались старыми и неизменными.

Мы шли к воротам, оступаясь на кочках в сумерках вечерней зари. Внезапно среди шатров перед нами промелькнула тень.

Она двигалась странными бесшумными прыжками, и в ней угадывался силуэт какого-то гибкого существа — двуногого, но

абсолютно нечеловеческого. Девушка затаила дыхание и прижалась ко мне. Тень безумным смерчем пронеслась вокруг нас три раза и вдруг замерла на месте.

В этой неподвижности было что-то феерическое и жуткое. Мои волосы на затылке встали дыбом, и я открыл рот для сердитого окрика.

Тень прыгнула вверх, пролетела над нами по пологой дуге и скрылась за ближайшим шатром, вопя, как Люцифер, упавший с неба.

Я прошептал проклятие. Вокруг нас зажигались карнавальные огни, и ночь отступала за круг синевато-белого сияния.

— Ласка, ко мне! — крикнул я в темноту за шатром. — Иди сюда, ублюдок!

Девушка ахнула, и мне пришлось покрепче обнять ее за талию.

— Не волнуйтесь, милочка. Все нормально.

Я снова закричал в густую тень:

— Иди сюда, скотина! Я же вижу, ты опять нажрался наркоты!

Мне хотелось добавить пару крепких слов, но я постеснялся демонстрировать девушке набор своих обычных выражений. Ласка выглянул из-за угла, и малышка испуганно вскрикнула. Впрочем, я ее за это не винил. У парня был еще тот видок.

Он стоял в борцовской стойке, подогнув ноги, и поэтому, не уступая девушке в росте, казался ниже ее. Из одежды на нем остались только темные облегающие трусы. От плеч и клина над глазами начиналась крестообразная голубовато-серая грива, которая спускалась по спине до длинного хвоста. Хвост тащился по земле, и его кончик подрагивал от нервного возбуждения. На груди и предплечьях виднелся мягкий мех, густые космы которого прикрывали гладкий живот.

Мне удалось схватить его за загривок и встряхнуть.

— Следующий раз я пересчитаю ногами все твои ребра! Через два часа начнется представление, а ты опять наглотался дряни!

Он взглянул на меня, и зрачки его желтовато-зеленых глаз сжались в две тонкие черные линии. Они были дерзкими и жгучими от лютой ненависти. При свете прожекторов я увидел влажную белизну его острых зубов и алый язык, дрожавший во рту.

— Отпусти меня! Позволь мне уйти, человек!

Хриплый голос и сильный акцент придавали его словам необычайную выразительность.

— На волю захотел? — Я ударил его кулаком по лицу. — А может быть, сдать тебя иммиграционным властям? Как тебе

такое предложение? Когда ты станешь умирать от пыток, у тебя не будет даже кофейного зернышка, чтобы приторчаться напоследок.

Острые когти вышли из пальцев его рук и ног, жадно изогнулись и спрятались обратно.

— Иди в свою палатку и проспись, — велел я ему. — Найди доктора, и пусть он приведет тебя в чувство. Мне плевать, что ты делаешь в свое свободное время. Но если ты пропустишь еще одно выступление, я уволю тебя и позволю в иммиграционную службу. Ты меня понял?

— Понял, — мрачно ответил Ласка и высунул изо рта красный язык.

Бросив наглый взгляд на девушку, он презрительно фыркнул и ушел. Малышка вздрогнула и вырвалась из моих объятий.

— Что это? Нет, кто это?

— Человек-кот с Каллисто. Мой лучший исполнитель. Его сородичи считаются на Земле большой редкостью.

— Я... слышала о них. Их предками были кошки, а не обезьяны, как у нас.

— Теория грубая, но достаточно близкая к истине. Я собираю таких полукровок по всей Системе. На самом деле они и не люди, и не животные. Мы называем их гиками: всех этих человекоящериц, людей-мотыльков, парней с перепончатыми крыльями и леди с антеннами и шестью руками. Каждый из разумных видов развивался своим эволюционным путем в соответствии с природой их планет. Но что касается мозгов, то им до нас далеко. Хотя люди-кошки с Каллисто — это настоящие аристократы. Их коэффициент интеллекта выше, чем у многих людей, и они не чета другим полукровкам.

— Бедные создания, — прошептала она. — Вам не следует вести себя с ними так грубо и жестоко.

Я засмеялся:

— Этот парень разодрал бы меня на части, окажись я или какой-нибудь другой человек — включая и вас, мадам, — в привычных ему условиях. Вот почему иммиграционные власти не выдают им разрешение на работу. Но когда он подсел на кофе...

— Кофе? А я-то подумала, что ослышалась.

— Нет, не ослышались. Кофейные зерна действуют на них как кокаин или гашиш. От венерианского кофе они идут вразнос и умирают, а от нашего тащатся и торчат, как гвоздики в стенке. Между прочим, такой экземпляр человека-кота есть только в нашем шоу. Хотя, подсаживаясь на кофе, они готовы на все и уже ни перед чем не останавливаются, лишь бы получить очередную дозу.

Она вздрогнула:

— Вы что-то говорили о пытках и его смерти.

— Да. Если парня депортируют обратно на Каллисто, его соплеменники разорвут бедолагу на куски. У них там клановая структура, и они ненавидят землян лютой ненавистью. Я так думаю, что первые исследователи Каллисто вели себя с ними не очень тактично, или, возможно, эти кошки просто завидуют нашей роскоши и тому бараклу, которое им не снилось даже в сказочных снах. Во всяком случае клановые законы запрещают им иметь дела с людьми и ограничивают их только охотой на землян и ритуальными убийствами. Мы о них почти ничего не знаем, но я слышал, что у ребят есть добрая и трогательная религия, похожая на веру древних разбойников-душителей и поклонение богине Кали. — Я немного помолчал и смущенно добавил: — Простите за ту грубость, которую мне пришлось продемонстрировать перед вами. К сожалению, этого парня надо держать в крепкой узде.

Она кивнула, и весь оставшийся путь мы не сказали друг другу ни слова. Я провел ее в главный корпус, где вдоль прохода стояли автоматы с набором лучших экзотических игр: марсианский гетэк, венерианский шатил, игры меркурианских бродяг с человеческими черепами. Вы, наверное, сказали бы, что все эти автоматы подкручены на нечестную игру? Конечно, они были подкручены. Но ведь в них играют одни придурки, которым на это наплевать. Вот наши парни и делают на них свои деньги.

Между тем я не сводил с девчонки глаз. Меня в ту пору мучил один вопрос: неужели она и танцует так же, как ходит?..

Прекрасная незнакомка почти не обращала внимания на большие трехмерные картины, представлявшие номера гик-шоу. Когда мы проходили мимо зверинца, там словно ад сорвался с цепи. А надо сказать, что я собрал в зверинце лучших животных со всех планет Системы. Входя в раж, они порою издавали довольно жуткие и забавные звуки. Но в тот миг твари будто сошли с ума.

От их нервных воплей сводило живот и кровь застыла в жилах. Однажды я слышал, как кричали пленники, томившиеся в камерах лунной тюрьмы. Так вот теперь из зверинца доносились похожие звуки. Сильные твари, запертые в клетках, скучали по воле, и их сердца разрывались от ненависти, страха и тоски, которых вы себе и представить-то не можете. О, это бросало публику в холодный пот.

Заметив испуг на лице девушки, я снова приобнял ее за талию, причем без всяких задних мыслей. И тут из зверинца вышел Кроха.

Кроха родился в венерианских джунглях, и, хотя ребята дразнили его «Эмпайр Стейт Билдингом», он, конечно, не был

таким большим, как этот небоскреб — возможно, раза в два поменьше. Я считал его лучшим из моих дрессировщиков, пьяных или трезвых, но сейчас он сам походил на дикого зверя.

— Я же просил, чтобы этого Ласку не подпускали к зверинцу! — закричал он, увидев меня. — Его запах тревожит моих деток. Вот послушай!

А что тут было слушать. Его «деток» сейчас, наверное, слышали на полпути к Нью-Йорку. Я не раз внушал Ласке, чтобы тот держался подальше от зверинца, поскольку запах человека-кота приводил животных в бешенство. То ли они таким образом бросали ему вызов, то ли боялись его, как какого-то сверхъестественного существа, — этого я утверждать не берусь. С другими полукровками проблем не возникало. Но стоило Ласке появиться где-нибудь, как тут же начиналась суматоха — прямо хоть огонь под ним разводил.

— Ласка снова под кайфом, — ответил я. — Мне пришлось отправить его к доку. Попробуй успокоить своих детишек, а потом отправь одного из парней на продовольственный склад. И скажи, что я сварю его живьем, если он даст Ласке хотя бы пару кофейных зерен. Только с моего личного разрешения! Иначе я зажарю его в собственном жиру!

Кроха кивнул огромной седой головой и ушел, бормоча проклятия. Я повернулся к девушке и с усмешкой спросил:

— Вы по-прежнему хотите выступать в нашем шоу?

— Да, — тут же отозвалась она. — Все что угодно, лишь бы заработать себе на пропитание!

— У вас странный акцент. Вы сами-то откуда?

— Акцент — моя беда. Никак не могу от него избавиться. А родилась я на звездолете между Землей и Марсом. Жила то здесь, то там... на разных планетах. Дело в том, что мой отец работал в дипломатическом корпусе...

— Вот мы и пришли, — прервал я ее рассказ. — Входите, милочка.

Синди сидела на сцене, пила тилу и слушала печальную марсианскую музыку, которая лилась из колонок музыкального автомата, стоявшего за полинявшим марсианским гобеленом. Танцовщица подняла голову, посмотрела на нас, и, похоже, ей не понравилось то, что она увидела.

Синди вскочила на ноги. Как и все уроженки Нижних Каналов, она казалась сотканной из воздуха и ветра. Ее гибкости и грации позавидовала бы любая кошка, а продолговатые изумрудные глаза и черные локоны с подвязанными к ним маленькими колокольчиками разили мужиков наповал. В ее ушах

сверкали сережки с серебряными бубенчиками. Шкура марсианского песчаного леопарда прикрывала лишь то, что требовал прикрывать закон. И клянусь, у нее было на что посмотреть, хотя по нраву она напоминала три ярда колючей проволоки.

— Привет, Синди, — сказал я. — Эта крошка попросила устроить ей пробу. Может, спустишься вниз и помотришь ее вместе со мною?

Синди смерила девушку презрительным взглядом, потом вдруг улыбнулась, спустилась к нам и, вцепившись в мою руку, прижалась ко мне всем телом. При каждом ее движении колокольчики издавали звон, похожий на шум дождя. Острые ногти впились в мою кожу.

Зашипев от боли, я постарался исправить эту неловкую ситуацию.

— Какую музыку вам поставить, милочка?

— Меня зовут Лаура. Лаура Дэрроу. — Ее пурпурные зрачки расширились и стали неестественно большими. — Скажите, а у вас есть «Первобытная Венера» Энгели?

Во всей Системе не нашлось бы и полудюжины танцовщиц, которые пользовались бы этой коллекцией племенной музыки. Некоторые мелодии были такими лютыми и не по-человечески страшными, что пугали людей до дрожи в коленках. Мы иногда использовали их фрагменты для привлечения публики и создания необходимого настроения.

Я хотел было предложить ей что-нибудь другое, но Синди усмехнулась и гордо откинула голову назад.

— Конечно, есть. Давай, Джад, поставь, что она просит.

Я пожал плечами, подошел к музыкальному ящику и нашел файл с записью «Венеры». К тому времени когда я вернулся в зал, Лаура уже была на сцене, а в зал набились гики и парни из ближайших аттракционов. Очевидно, Синди созвала ребят, чтобы «провалить» соперницу на свисте. Я угрюмо прошел сквозь толпу венерианских человекоящериц и сел в кресло. Надо мной повисло три или четыре человека-мотылька. Эти крошки с Фобоса устроились на опоре шатра, чтобы толпа людей не повредила их хрупкие крылья.

Музыка хлынула из колонок, и Лаура, сбросив туфли, начала свой безумный танец.

Не думаю, что я дышал все то время, пока она находилась на сцене. И я не думаю, что кто-то в этом зале вообще дышал. Мы просто сидели и смотрели, потя от нервного экстаза, пригибаясь и вздрагивая в такт ее движениям. А музыка кололила и резала нас ножом по живому, стеноя и надрываясь в крике, как истерзанная душа.

Лаура перестала быть женщиной и человеком. Она превращалась то в солнечный свет, то в ртуть, то в лист, парящий на ладонях ветра. И больше ничто не связывало ее мышц — ни притяжение Земли, ни плоть, ни пределы рассудка. Она была... О черт! И слов-то даже не найти! Она была музыкой — удивительной и неопишимо прекрасной.

Когда девушка закончила танец, мы какое-то время сидели, потеряв дар речи. Потом люди и гики вскочили с мест, аплодируя и вопя от восторга.

И посреди всего этого стояла Синди с обреченной улыбкой на лице. Она взглянула на меня печальными зелеными глазами и сказала:

— Я знаю, ты ее возьмешь.

— Конечно, возьму. Но не волнуйся, крошка, это никак не повлияет на наши отношения...

— Послушай, Джад. Этот балаган не так велик, чтобы вместить ее и меня. Кроме того, она уже поймала тебя на крючок и будет диктовать свои условия.

— Какой еще крючок? Да и что, если даже поймала? Разве я тебе что-то должен?

— Нет. Но и я тебе ничего не должна.

— А контракт?

Она объяснила мне, что я могу сделать с этим контрактом.

— Ну почему ты так говоришь? — возмутился я. — Почему ты хочешь, чтобы я отказался от нее? От такого таланта?

— Таланта! — зашипела Синди. — У нее нет таланта. Это уродство, а не дар!

— О, женщины! Как же с вами трудно! Почему ты не можешь смириться с тем, что она танцует лучше тебя?

И Синди объяснила мне, почему она никогда не смирится с этим. Большая часть ее фраз вообще не имела смысла, а остальные слова были непечатными, и я их здесь приводить не собираюсь. В конце концов она топнула ногой и ушла, оставив меня опечаленным и немного раздраженным. Дело в том, что в нашем шоу не хватало марсиан, и ее уход мог вызвать большие проблемы.

Черт! Конечно, это была реакция разгневанной женщины, которую обставила молодая соперница. Артистический темперамент, помноженный на обиду и ревность. Ну и что? Пусть только попробует дернуться. Я знал, как вправить ей мозги. Ничего, бывали дела и похуже.

Я поднялся на сцену, расталкивая людей и гиков, которые окружили Лауру со всех сторон. Она выглядела немного напуганной. Впрочем, некоторые полукровки могли бы вызвать

кошмары даже у самых крутых парней. Но меня удивили слезы на ее щеках и ресницах.

— Расслабься, золотце, — сказал я, переходя на неформальное общение. — Считай, что ты принята на работу.

Я понимал, что Синди говорила правду. Девчонка поймала меня на крючок. Честно говоря, это был не крючок, а настоящий гарпун для кашалотов, но я не стал бы срываться с него, даже если бы мог.

Она обвисла в моих объятиях и прошептала:

— Ах, прошу вас... Я умираю от голода.

Мне оставалось лишь подхватить ее на руки. Люди-мотыльки захлопали крыльями над нашими головами, восхваляя Лауру и тревожась об обмороке танцовщицы.

Я отнес ее в свою палатку и налил из термоса кофе. Она задрожала, уловив аромат, но почему-то отказалась от напитка. Вместо него Лаура попросила чашку чая. И точно! Она здорово проголодалась. В какой-то момент мне даже показалось, что она никогда не перестанет есть.

Наконец я сказал:

— Оплата в сорок кредиток и полное содержание.

Она кивнула.

— А теперь ты можешь рассказать мне все, дорогуша, — мягко добавил я. — С тобой приключилась дурная история?

Она с удивлением посмотрела на меня своими широкими пурпурными зрачками:

— Что вы имеете в виду?

— Такая танцовщица, как ты, могла бы выступать в балете или в собственном шоу, а не просить те жалкие крохи, которые я даю своим артистам. Так что там у тебя произошло?

Она опустила голову и сжала кулачки. Ее длинные алые ногти сверкнули в свете электрической лампы.

— Ничего плохого, поверьте, — прошептала она. — Просто неприятности с документами. Я уже говорила вам, что родилась на космическом корабле. Записи о рождении куда-то пропали. Мы все время переезжали с места на место. И когда я недавно прилетела на Землю, мне не удалось доказать свое гражданство. Теперь я оказалась вне закона и не могу вернуться на Венеру. А там у меня и деньги, и имущество. Если я останусь на Земле, то в конце концов попадусь иммиграционным властям. Вот почему мне так нужна эта работа. Вы скоро улетите в турне. И можете забрать меня с собой.

Да, я знал, как помочь девчонке. Но она должна была понять, из какой беды я ее выручаю.

— А стоило ли так рисковать? Зачем ты прилетела на Землю? Если власти поймают тебя, ты получишь не меньше двух лет

отсидки в застенках лунной тюрьмы. А потом тебя депортируют в какую-нибудь дальнюю колонию.

У нее задрожали плечи.

— Я прилетела по личному делу. Оно задержало меня на какое-то время. А потом... Потом стало поздно что-то менять.

— Понятно, — со вздохом ответил я. — Прости, что затронул эту тему.

Я отвел ее в одну из палаток, а сам пошел посмотреть, как идет представление. Ссора с Синди не давала мне покоя. Я заглянул в примерную и с трудом удержался от ругательств, увидев ее пьяной до потери пульса.

Синди посмотрела на меня и, сморщив лицо, показала язык. Мне оставалось лишь отправиться дальше.

Еще через час я нанял бледного костлявого паренька с петушиной прической. Он сказал, что голоден и готов на любую работу. Я отвел его к Крохе и велел пристроить панка на уборку зверинца.

Глава 2

КРИК УЖАСА

Мы никогда не имели такого успеха, как в ту неделю. Одна из позолоченных див экрана появилась у нас с чужим мужем, который еще не успел развестись со своей не менее знаменитой женой. Сообщение об этом попало в газеты, и о нашем шоу заговорили по всему побережью. На вторую ночь на сцену вышла Лаура и сорвала гром аплодисментов. Нам впервые пришлось успокаивать толпу перед новым номером и отгонять мужиков от женской примерной. Короче, все шло хорошо, но меня тревожила Синди. Она не желала разговаривать со мной и только шурила зеленые глаза, как будто многое знала, но молчала до поры до времени. Это меня немного раздражало, и я на всякий случай присматривал за ней.

Пять дней я шагал по канату между адом и раем. Все быстро поняли, что в моем присутствии о Лауре надо было говорить уважительно и нежно, иначе я начинал бычиться. И я подозреваю, что они вдоволь поржали за моей спиной, обсуждая бывшего парня Джада Грина, из которого молодая девчонка взбивала молочный коктейль. Но эта леди была им не чета. Талант и воспитание возносили ее над всем моим вшивым шоу с собаками, пони и марсианскими драконами...

Конечно, я это знал — знал и расстраивался как дурак. Но я не мог отказаться от нее. Она выглядела по-неземному хрупкой и прекрасной. Она ходила, словно под музыку, и ее

пурпурные глаза имели такой разрез, что на них можно было смотреть целую вечность. А рот...

Я поцеловал ее на пятую ночь за шатром гримерной, когда публика стала разъезжаться по домам. Мы остались одни в темноте, и слабый пряный аромат, исходивший от нее, смешался с запахом тумана. Вот тогда я и коснулся губами ее лица.

Лаура жадно ответила на поцелуй, а затем вдруг яростно начала вырываться из моих объятий. Я отпустил ее, и она отвернулась, дрожа и задыхаясь.

— Прости, малышка, если я тебя обидел.

— О нет! Я не из-за этого... Ах, Джад, если бы ты знал...

Лаура замолчала. Я слышал, как она сдерживала рыдания, подступавшие к горлу. А потом она убежала от меня, и из темноты донесся ее горький плач.

Я пошел в свою контору и вытащил из шкафа бутылку. После первой стопки мои мысли разбежались по сторонам, как маленькие паучки. Я сидел, уперев подбородок в ладони, и смотрел на донышко стакана. А время шло, и близился рассвет. Но когда Синди закричала, было еще темно, и наш лагерь дремал под покровом тумана.

Я тогда не знал, что это кричала Синди. Жуткий вопль не позволял судить о личности человека. То был крик ужаса и смертельной боли, и он выходил за рамки всех человеческих чувств.

Я вытащил револьвер из ящика стола, и моя ладонь стала липкой от холодного пота. Выходя из шатра, я прихватил большой электрический фонарь, который всегда лежал у меня на столике у входа.

Снаружи было тихо и темно. И не просто тихо. В этой тишине и темноте скрывалось какое-то ужасное зло. Оно уже нанесло удар и теперь затаилось, поджидая следующую жертву.

Лагерь начинал пробуждаться. Шорохи и тревожный шепот распространялись от крика, как волны от брошенного в воду камня. Из зверинца донесся вой марсианского песчаного ко-та — тонкий и дикий, словно эхо смерти.

Я быстро зашагал между палатками, стараясь двигаться бесшумно. Меня терзало дурное предчувствие. Скулы ныли от напряжения. Кожа на спине покрылась мурашками. Луч фонаря дрожал вместе с рукой.

Я нашел ее за шатром гримерной — неподалеку от того места, где целовался с Лаурой. Она лежала на животе, поджав под себя ноги, как холмистый остров посреди красного озера. Сережки с бубенчиками все еще подрагивали в ее ушах.

Подбежав к телу Синди, я опустился на колени в лужу крови и дотронулся до ее плеча. Мне показалось, что она уже мертва,

но сережки тихо зазвенели, будто крылья души, улетающей к далекой звезде. Я попытался перевернуть ее на спину.

— Нет, — прошептала она.

Это был даже не голос, а скорее дыхание. Но я понял ее и убрал свою руку.

— Синди, ты меня слышишь?

Мне ответил перезвон маленьких колокольчиков — такой же тихий, как далекий дождь.

— Ты глупец, — прошептала она. — Сцена, Джад! Сцена...

Она замолчала. Из темноты за моей спиной появился док. Он отшвырнул меня и склонился над Синди. Но я знал, что ей уже ничем не поможешь. Она замолчала навсегда.

Люди и гики столпились вокруг, тревожно вздыхая и перешептываясь. Женщины плакали. Зверинец сошел с ума. Пред-рассветный ветер разносил вокруг запах крови и смерти. Он возбуждал животных, и им хотелось вырваться из клеток, чтобы слиться с ветром и вновь обрести свободу.

— Следы когтей, — сказал док. — Кто-то напал на нее и разорвал когтями горло.

— Да, — ответил я и, повернувшись к толпе, закричал: — Эй, вы, заткнитесь!

Панк, этот парень с бледным лицом, стоял почти у самого тела. Он смотрел на Синди, и его глаза мерцали, как полированный коричневый мрамор.

— Ты, — позвал я его. — Ступай к Крохе и скажи ему, чтобы он проверил всех своих зверюг... Охрана, рабочие и все, кто может управляться с винтовкой или колом, вооружайтесь и возвращайтесь сюда. Майк, возьми пару ребят и беги к воротам. До моего особого распоряжения не пропускай никого ни вперед, ни назад. Все остальные, расходитесь по своим палаткам и оставайтесь там. А я пойду вызывать полицию.

Панк по-прежнему стоял рядом с Синди, глядя то на меня, то на мертвое тело, то на лица собравшихся людей. Я прикрикнул на него. Он тут же торопливо зашагал к зверинцу. Толпа неохотно начинала расходиться.

Ко мне подбежала Лаура Дэрроу. Она вцепилась в мою руку, словно маленький ребенок. Ее фигуру облегал темно-синее платье. Волосы свободно падали на плечи и лицо. От нее пахло свежестью и цветами, словно она только что приняла душ и щедро окропила себя духами. Я отстранил танцовщицу:

— Осторожно. У меня вся одежда в крови...

Кровь была на моих туфлях. Она пропитала тонкий материал летних брук. Я чувствовал ее своей кожей, и от этого меня мутило. Тошнота подступала к горлу. Мне даже пришлось закрыть глаза, чтобы загнать это чувство обратно в кишки. Но

рядом стояла Лаура, и она, как могла, успокаивала меня. Малышка так и не отпустила мою руку. Ее пальцы на моем предплечье были холодными и немного жесткими. И мне вдруг захотелось ее до боли в паху.

— Джад, — шептала она. — Джад, милый, пожалуйста, пойдем... Я боюсь оставаться здесь.

Это помогло. Я обнял ее за плечи, и мы пошли в мой шатер, чтобы позвонить в полицию. Никто из парней еще не догадался включить большие прожектора, и луч моего фонаря прорубал в тумане призрачный туннель.

— Я ведь так и не заснула, — вдруг сказала Лаура. — Лежала в палатке и думала. А за несколько секунд до того как Синди закричала, я услышала тихий звук, похожий на поступь лап большого кота.

Мысль, сидевшая в глубинах моего ума, внезапно поднялась на поверхность и шлепнула меня по лбу. Я вспомнил, что не видел Ласку в толпе вокруг тела Синди. Неужели ему удалось раздобыть кофейных зерен за спиной у повара?

— Возможно, тебе просто показалось.

— Нет, Джад. Я слышала это. И знаешь...

— Что?

Между палатками клубилась темнота. В тот миг я молился о том, чтобы кто-нибудь догадался включить прожектора. И почему я только забыл напомнить им об этом? Вой зверей и причитания женщин заглушали остальные звуки. Как же я хотел, чтобы они заткнулись на миг и дали мне немного прислушаться...

— Джад, я не спала, потому что думала о тебе.

И тут она закричала.

Ласка выскочил из темного прохода между двумя палатками, в которых мы хранили декорации. Он пригнулся для прыжка, и его руки, прижатые локтями к животу, нацелились на меня выпущенными когтями. Ладони и мех предплечий были влажными от крови. Шерсть на ногах торчала красными мокрыми космами. Желто-зеленые глаза сияли безумным огнем. Зрачки при свете фонаря сжались в узкие вертикальные щелки. Губы оттопырились, обнажив большие острые зубы. Я вздрогнул, увидев на них кровавую пену. Ласка наглотался кофеина и вошел в смертельное пике!

Он ничего не говорил. Он только тихо рычал, но это не было речью — во всяком случае разумной. Его глухое рычание показалось мне просто ужасным. Он сделал ложный выпад, и я оттолкнул Лауру себе за спину. Мой взгляд отметил царапины на земле, которые остались от его когтей. Ласка качнулся назад.

Его рельефные мышцы заиграли перед прыжком. И тогда, вытянув руку вперед, я три раза выстрелил ему в лохматую грудь.

Крупнокалиберные пули едва не разорвали Ласку надвое, но не остановили его. Он издал звериный крик и ударил меня когтями, как саблей. Я с трудом удержался на ногах и пустил ему пулю в живот. Ласка прыгнул на меня. Его задняя лапа вцепилась когтями в мое бедро. Очевидно, он хотел дотянуться до Лауры и использовал мое тело как опору для нового прыжка.

Девушка с визгом отпрянула. Я услышал топот ног и крики приближавшихся людей. Над нами вспыхнул мощный прожектор. Я изогнулся, схватил Ласку за гриву на спине, и он вдруг безвольно обвис в моих руках. Думаю, парень был уже мертв, когда я выпустил ему в череп пятую пулю.

Бросив его на землю, я повернулся к девушке:

— Ты как? В порядке?

Ее каштановые волосы сияли как ореол, а большие пурпурные глаза на бледном лице казались черными звездами. Она что-то прошептала, но я не расслышал слов.

— Могла бы хоть в обморок упасть, — пошутил я и хотел было рассмеяться, но в этот миг меня накрыло мглой забытья.

Когда ко мне вернулось сознание, док все еще возился с моей ногой. Я высказал ему свое мнение об этой ситуации, используя самые крепкие слова из всех языков, которые только знал. Но к тому времени у меня остался незабинтованным лишь уголок рта, и поэтому моя брань не произвела на дока большого впечатления.

Он отошел от кушетки, подпернул вверх свой большой живот и с усмешкой сказал:

— Ничего, поживешь еще немного. Эта тварь чуть не отдрала тебе половину щеки, но при твоей-то красоте о такой мелочи можно не беспокоиться. Так что отнесись к этому спокойно, приятель, и не порть себе и без того уже испорченную кровь.

— Черт с ним, — ответил я. — Кончай быстрее. У нас тут еще дел невпроворот.

Он вколол мне какую-то гадость и помог одеться. Дырки на ноге были не такими уж и глубокими, а своего лица я не видел. Док налил мне стакан виски, чтобы возместить потерянную кровь, и я, хромя, побрел к себе в контору.

Ходьба проблем не вызывала. А знаете почему? Потому что меня поддерживала Лаура. Пока док ставил на мне заплатки, она ждала у входа в лазарет. Туман украсил ее волосы каплями росы. Она немного поплакала, потом посмеялась, затем сказала, что я ее герой, и едва не на себе потащила меня в контору. Короче, я взбодрился и окреп. Наверное, так себя чувствует

человек, который пробудился от кошмарного сна и увидел комнату, залитую солнечным светом.

Не успели мы зайти в контору, как приехала полиция. Но с ними тоже не было проблем. Они взглянули на разодранное тело Синди, потом на труп обезумевшего человека-кота и в конце концов зафиксировали показания нашего повара-венерианина. Отправляясь спать, он всегда ставил термос с кофе на столик у изголовья, чтобы иметь его под рукой, когда просыпался утром... Да-да, тот самый венерианский кофе, от которого любой землянин стоял бы на ушах, — густой от кофеина и смертельно опасный для людей-котов с Каллисто. Повар сказал, что кто-то стащил у него термос, когда он готовил ужин. И, конечно же, мы нашли этот термос пустым в палатке у Ласки.

Представление шло полным ходом. Толпы людей приходили к нам, чтобы посмотреть на то место, где произошло убийство. Я решил немного побездельничать в этот вечер и понежиться под золотистым небосводом — тем более что Лаура положила мою голову к себе на колени.

Чуть позже она взглянула на закат и тихо сказала:

— Мне пора идти. Надо подготовиться к выступлению.

— Да. По субботам народу больше всего. Завтра начнем собираться в путь, а в понедельник полетим на Венеру. Ты, наверное, счастлива, малышка?

— Да. Я чувствую себя в безопасности.

Она прижалась щекой к моему лбу. Ее волосы сверкали на солнце, как теплый шелк. Я обвил руками шею Лауры, и от прикосновения к ее упругой коже мои ладони будто начали гореть.

— Дзад, я люблю тебя, — прошептала она.

Большая горячая слеза упала мне на лицо. Лаура поднялась и ушла. А я лежал на песке и дрожал, как от болотной лихорадки. В голове крутилась шальная мысль: ах черт, а ведь, может быть, что-то и получится...

Что, если Лаура не уйдет от меня, когда мы прилетим на Венеру? Что, если мне удастся уговорить ее остаться? Неужели сбудется мечта, о которой не посмел бы даже думать юный Джон Дэмьен Грин? А о чем он только не грезил, сидя с удочкой на молу среди луж и соленых брызг океана.

Нет, я просто сошел с ума. Думать о такой девчонке, как Лаура! Да это такое же безумие, как резать самому себе глотку. Вот же черт! Мужики никогда не взрослеют и до последнего верят, что с ними может случиться какое-то чудо.

Но мечтать об этом было приятно.

Ночь рассыпала в небе горсть звезд. Со стороны океана потянуло прохладным ветром. И жизнь казалась мне сказкой... до тех пор, пока надо мной не возникла фигура Крохи. Он рассказал мне, что панка нашли мертвым в стоге сена, что кто-то разодрал бедняге горло и что из клетки вырвался марсианский песчаный кот.

Глава 3

КАРНАВАЛ СМЕРТИ

Мы с трудом протиснулись сквозь толпу на карнавальной площади. Взрослые веселились от всей души. Детишки кричали, смеялись, пили венерианские фруктовые соки и бросались друг в друга меркурианскими чи-бобами.

Никто из них не знал об убийстве. Наши парни поймали кота и посадили его в клетку, благо зверинец еще не открывался для публики.

Панк был мертв, а точнее, убит — тем же образом, что и Синди. Его искаженное лицо казалось таким же белым и бескровным, как и раньше, но закрытые веки уже начинали синеть. Он лежал на соломе почти у самой клетки песчаного кота.

Зверь расхаживал за стальными прутьями и возбужденно рычал. Все его шесть лап были перепачканы кровью. Вокруг виднелись загон и аквариумы, клетки и вольеры с различным атмосферным давлением. У меня даже немного закружилась голова.

— И что же случилось? — спросил я у Крохи.

Он пожал своими могучими плечами:

— Я думал об этом. Все было тихо. Он даже не кричал, как Синди. Парень убирал солому за теми клетками, и я не видел здесь никого из посторонних. Вдруг смотрю: в главном проходе бежит марсианская киска. Парни к ней, а она испугалась и деру. Ну и этот панк лежит у клетки — вот так, как ты его видишь.

Я устало осмотрелся вокруг.

— Позвони еще раз в полицию и сообщи о происшествии. Не пускай сюда репортеров и зевак, пока эксперт не осмотрит тело.

Внезапно по моей спине пробежал холодок. Как и все организмы карнавалов, я был немного суеверным.

Если смерть приходит, она всегда забирает троих. Синди, панк... А кто же следующий?

— Бедный мальчик, — со вздохом произнес Кроха. — Лежит так мирно и тихо. Закрыв глаза, как будто спит.

— Да, — согласился я и направился к двери.

Через шесть шагов шальная мысль заставила меня остановиться и вернуться обратно.

— Как странно! Умирая такой собачьей смертью, парни обычно не закрывают глаза. Это тебе не фильмы про ковбоев, понимаешь?

Еще не зная толком, что делать, я склонился над телом панка. По спине пробежала волна озноба. Вам не уйти от бабы с косой, в ружье которой три патрона. Так или иначе она доберется до вас.

Я приподнял одно веко, окрашенное восковой белизной. Потом поднял второе и прошептал проклятие. Кроха хрипло засопел над моим плечом. Никто из нас не сказал ни слова. Животные в клетках скулили, зевали и терлись о прутья и столбы.

Я закрыл пареньку глаза и проверил его карманы. Ничего толкового там не оказалось. Я медленно поднялся, как старый больной человек. Да я и чувствовал себя таким. Что-то во мне оборвалось, и внутри я стал мертвее, чем этот панк с восковым лицом.

— У него же были карие глаза.

Кроха взглянул на меня и, наверное, хотел что-то сказать, но я остановил его:

— Позвони в полицию и сообщи об убийстве. Поставь у тела верного человека. Пусть охраняет труп. Потом собери ребят с оружием и пошли их...

Я сказал ему, куда кого послать, и вернулся на карнавальную площадь.

Летуны с Европы, с жилистыми маленькими телами и двадцатифутовыми крыльями, совершали воздушные пируэты над аттракционом гиков. У входа стояла парочка парней с шестью руками на каждую голову и с четырьмя глазами на подвижных стеблях. Лаура вышла из гримерной и начала зазывать толпу в павильон.

Я обошел вокруг шатра и остановился там, где мы с ней целовались. Вот тут неподалеку погибла Синди, и ее бубенчики отзвенели в последний раз далеким дождем. Я поднял брезент и пробрался внутрь.

В зале не было никого, кроме парня, который заправлял музыкальным автоматом. Он торопливо притушил сигарету и вежливо поздоровался со мной, надеясь, что за это я прошу ему курение на рабочем месте. Но в тот миг я не стал бы ругаться с ним, даже если бы он жег шатер паяльной лампой. Мир моих грез рассыпался на куски.

Теплый воздух пропитался запахом пыли, как всегда бывает в таких местах. «Первобытная Венера» рвалась из колонок, и под

этот ритм хотелось вонзать во врагов боевые копыя. Я включил освещение сцены, а затем боковые и верхние софиты. Яркий свет обрушился на некрашенные доски, такие же голые и упругие, как смерть.

Я стоял и смотрел на них, наверное, несколько минут. Рабочий сцены не выдержал и испуганно спросил:

— Что-нибудь не так, хозяин?

— Заткнись. Я слушаю музыку.

Но на самом деле мне вспоминался тихий перезвон бубенчиков и голос Синди, который наполнял мое сердце болью.

— Ступай к кассе, — велел я парню. — Позови сюда Лауру Дэрроу. И еще скажи публике, что выступления сегодня не будет.

Он удивленно ахнул и побежал по проходу. А я вытащил сигарету и прикурил ее, сломав две спички.

Услышав шаги Лауры, я повернулся к залу. Ее золотистокаштановые волосы были уложены под паутинной бутафорских бриллиантов. Она надела для танца голубое платье и сандалии с блестящими пряжками. Короткий подол открывал прекрасные белые бедра, и она двигалась под музыку той неопишуемой походкой, которой я не видел ни у одной другой женщины.

О, как она была хороша. Как соблазнительна и грациозна! Сама красота, воплотившаяся в женском теле.

Лаура остановилась и посмотрела мне в глаза, и я увидел дрожь, прокатившуюся по ее белой коже. Она затаила дыхание и прикусила нижнюю губу. А в теплом воздухе рыдала и выла музыка Ангели.

— Сними туфли, Лаура. Я хочу посмотреть, как ты танцуешь.

Она двинулась ко мне под яростный бой барабанов. Но не музыка вела ее вперед. Лаура сама вдруг стала этой безумной экзотической мелодией, и каждый звук подчинялся ее движениям и воле.

— Ты все знаешь, — сказала она.

Я кивнул:

— Тебе не надо было закрывать ему глаза. Тогда бы я точно ничего не заметил. Этот парень казался мне просто панком. И я вряд ли вспомнил бы о его карих глазах. Никто не обращал на него внимания. Он мог бы носить такие же контактные линзы, как и ты.

— Этот подлец украл их у меня.

На фоне музыки ее голос звучал слишком резко. В словах проступало кошачье шипение, которого я никогда не слышал от нее. Акцент стал еще сильнее.

— Пока мы любовались с тобой закатом, он перекопал все мои вещи, Джад. Я заметила следы обыска, когда начала одеваться

для выступления. Он был из иммиграционной службы. Я пробралась в его палатку и нашла в одежде полицейский значок.

Она смотрела на меня пурпурными глазами — такими же фальшивыми, как у того мертвого парня. Но что за ад скрывался под этими линзами, окрашенными в пурпурный цвет?

— Наверное, он не знал, что у тебя есть дополнительная пара на случай потери.

— Этот коп вставил линзы в свои глаза, чтобы не потерять их и не сломать во время работы. Наверное, хотел представить их как улику. Он куда-то дел футляр с всасывающей трубкой, и мне не удалось выпарывать линзы из его глаз. Поэтому я и закрыла ему веки, надеясь, что никто ничего не заметит...

— А чтобы отвести от себя подозрение, ты выпустила из клетки песчаного кота!

Слова сами срывались с моих уст. Они ранили мне сердце, как гарпуны с заостренными крючьями. Но я уже не мог остановиться.

— А ведь тебе это почти удалось. Так же, как с Синди, верно? Неужели она тоже стояла на твоём пути и чем-то тебе мешала? Да, Синди была ревнивой, но она никогда не работала в полиции. Она разбиралась в танцах и понимала, что ни одна земная женщина не может танцевать, как ты. Бедняжка пыталась мне это втолковать. Она сказала мне, что ты уродка.

Слово ударило Лауру будто кулаком. Она оскалила зубы — белые, ровные и такие же поддельные, как пурпурные глаза. Прекрасное лицо превратилось на миг в холодную безжизненную маску. Я ужаснулся, но не стал прерывать своих обвинений.

— Перед смертью Синди говорила о тебе. Я был так ошеломлен, что не понял ее слов, хотя она дважды повторила слово «сцена».

И Лаура, и я взглянули на доски пола, где под ярким светом выделялись царапины от ее когтей, оставшиеся после той первой пробы, когда она танцевала на сцене босиком.

Лаура медленно и по-роковому покачала головой:

— Синди была слишком любопытной. Она обыскала мою палатку, но ничего не нашла. Я почувствовала ее запах — так же, как сегодня почувствовала запах этого парня из иммиграционной службы. Пользуясь темнотой, я пошла за ней и увидела, как она при свете спичек осматривала сцену. Ты, наверное, слышал, что мы можем видеть в темноте. И подкрадываться к своей жертве быстро и незаметно. Я знала, что неподалеку отсюда находилась палатка Ласки. А прямо перед ней стояла полевая кухня. Мои ноздри уловили запах кофе — венерианского кофе. Мне потребовалась лишь минута, чтобы

украсть у повара термос и поставить его на столик у раскладушки Ласки. Я видела, как аромат впился ему в лицо, словно острые когти, и мне стало ясно, что он не одолеет искушения. Потом я вернулась сюда и расправилась с Синди. Она спешила к тебе, чтобы все рассказать.

Лаура тихо зарычала в унисон злобной и жуткой музыке.

— Как я и предполагала, Ласка учуял кровь и прибежал на запах. По моим расчетам, он должен был умереть гораздо раньше. Я знала, что Ласка будет искать меня. Он почувствовал мой запах в своей палатке и понял, кто я такая. Моих духов оказалось недостаточно, чтобы сбить его со следа.

Я вдруг ощутил внезапную боль в ранах на лице и ноге. Очевидно, Ласка, умирая от принятой дозы кофеина, понимал своим одурманенным умом, что у него в запасе лишь несколько минут. В эти последние мгновения жизни хотел отомстить существу, которое убило его. Той ночью он нападал не на меня, а на Лауру. Я просто оказался на его пути, и поэтому Ласка вступил в схватку со мной.

Мне даже стало жаль, что я остановил его.

— Значит, тебе был нужен только Ласка? Так почему ты не убила его в палатке, когда он спал на раскладушке?

Блестящие когти выскользнули из-под кончиков ее искусственных пластиковых ногтей — острые и кровожадные, как ножи убийцы.

— Мой клан решил отомстить за нашу поруганную честь, — хрипло ответила она. — Меня тщательно готовили к этой операции. Наши разведчики отыскивали нескольких изменников и наркоманов, которые, как Ласка, продались землянам за деньги и горсть кофейных зерен. Каждый из них должен был умереть, но медленно и с осознанием своей кончины. Мне следовало дать им шанс погибнуть светлой смертью храбреца. Только так они могли бы искупить вину. В то же время я не должна была попасть в руки полиции. Слишком много сил и средств вложил в меня мой клан, чтобы готовить мне какую-то замену. Я уже убила семерых отступников. И на этот раз мне тоже хотелось замести следы. Вот почему я осталась здесь, ожидая вылета на Венеру.

Она замолчала. Музыка стучала в моих висках, но внутри я был мертвым и высохшим трупом.

— И что бы ты сделала потом, оказавшись в космосе? — спросил я ее, уже зная ответ.

Она подтвердила мою догадку:

— Я уничтожила бы этот мерзкий балаган, подложив в реaktor маленькую бомбу. А затем, как всегда, полетела бы домой на спасательном катере.

Я кивнул. Моя голова казалась такой же тяжелой и безжизненной, как гора Уитни.

— Значит, Синди не оставила тебе другого выбора, и ты решила отделаться от нее. Если бы не этот панк...

Нет, не просто панк, а инспектор полиции из иммиграционной службы. Видимо, Лаура где-то засветилась, и удача отвернулась от нее. Парень с бледным лицом тихо делал свою работу и даже не крикнул, повстречав свою смерть. Я стал спускаться со сцены.

Лаура отпрыгнула назад. Музыка взвыла и умолкла, как внезапно замолчавшее сердце.

— Джад, — прошептала она, — только поверь тому, что я тебе скажу... Я люблю тебя, Джад. — Она продолжала пятиться к выходу. — Лишь за одно это я заслуживаю смерти, но меня не страшит такая судьба. Я знаю, что ты скоро убьешь меня, Джад. Но когда ты сделаешь это, прошу тебя, помни: те мои слезы... Они были настоящими.

Лаура повернулась и побежала по проходу. Я рванулся к ней и схватил за волосы. Они остались в моей руке. Это так ошеломило меня, что я, наверное, минуту стоял и тупо смотрел на золотисто-каштановый парик.

Мои люди ждали ее снаружи, и я думал, что ей некуда деваться. А она прорвалась. Лаура растворилась в толпе людей, как обрывок облака во время бури. Мы не хотели скандалов и паники. Парни дали ей уйти, а затем и вовсе потеряли след.

Да, мы дали ей уйти. А что нам оставалось делать? Она больше не строила из себя человека и, как все удирающие кошки, казалась лишь смутным мелькающим пятном. Открыв стрельбу, мы поранили бы многих людей. И наши человеческие тела не могли равняться с ней в скорости.

Кроха расставил своих парней у ворот и в проходах между шатрами. В принципе все было под контролем, и я знал, что Лауру скоро поймают. Полиция обещала приехать с минуты на минуту. Мы старались вести себя осторожно и с умом, чтобы не породить одну из тех ужасных паник, которые за несколько мгновений превращают в обломки лучшие аттракционы.

Нам оставалось только закончить шоу и проследить, чтобы толпа спокойно разъехалась по домам. Парни у ворот готовили сети и оружие. Пройти мимо них она не могла. Я знал, что ее поймают. Ей некуда было деваться. Чертовка Лаура Дэроу...

Интересно, как звали ее там, на Каллисто? Я представил себе Лауру в естественном виде — без облегающей одежды, которая прижимала к спине и плечам ее крестообразную гриву.

С каким бы удовольствием я погладил ее мех... Ах черт! Может быть, я родился не на той планете?

Вернувшись в контору, я взял револьвер и снова вышел на площадь. Шоу было в разгаре: люди веселились, детишки сходили с ума от восторга. Кругом мигали разноцветные огни и звучала забойная музыка. Парень у входа в зверинец, надрывая горло, кричал собравшимся зрителям, что из-за неполадок в освещении им придется немного подождать и тогда они, возможно, увидят животных.

На самом деле мы ждали приезда полиции. А потом еще предстояло смыть кровь у клетки песчаного кота.

Копы уже мчались к нам. Оставалось только ждать. Так или иначе, но Лауру должны были поймать. Она не могла уйти от возмездия.

Мы не подумали только об одном, но именно этим она и воспользовалась.

Я услышал рев меркурианского пещерного тигра. Вслед за ним раздался вой ионийских болотных чудищ. И тогда весь зверинец наполнился свистом, криками, лаем и визгом. Да у меня просто не хватает слов, чтобы описать всю эту какофонию. Я замер на месте, и постепенно все люди на площади примолкли и испуганно прислушались.

Какой-то миг над толпой и шатрами висела тишина. Люди даже не дышали. Их глаза стекленели от страха, и холодный озноб жег кожу, поднимаясь из доисторических глубин рефлексивной памяти. Потом они зашептались, встревоженно и тихо. Их голоса становились все громче и громче, и это была уже прелюдия к безумной панике.

Я бросился к ближайшей кассовой будке и схватил мегафон. Из зверинца послышались выстрелы, казавшиеся жалкими и беспомощными на фоне свирепого воя.

— Эй, почтенная публика из дырки бублика! — закричал я, словно карнавальная зазывала. — Для тревоги нет причин! У одной из наших кошечек вспучило животик. Ничего серьезного, господа и дамы. Так что веселитесь и развлекайтесь, если у вас в карманах осталась хоть горсть монет.

Мне хотелось сказать им, что они должны бежать отсюда сломя голову. Но я знал, что в панике люди начнут давить друг друга. Кто-то из парней завел музыку, и простая мелодия взломала ледяную корку страха. Посетители расслабились, подшучивая над собой и своими знакомыми, а потом карнавал подхватил их и понес вдоль ларьков, аттракционов и шатров с выступавшими гиками.

Я бросил мегафон и побежал к зверинцу. Кроха встретил меня у входа. Его лицо превратилось в белое пятно, иссеченное

полосками морщин. Я схватил великана за горло и со злостью закричал:

— Ты что? Не можешь их успокоить?

— Она там, босс! Как адова тень! Ее не слышно и не видно. Один наш парень мертв. И сейчас эта стерва выпускает детишек из клеток. Она...

Изнутри послышались выстрелы и чей-то надсадный крик боли. Кроха застонал:

— Мои детишки! Нет света, босс! Она перерубила провод!

— Удерживай их внутри! — рявкнул я. — Пусть принесут фонари и прожектора! На площади вот-вот начнется паника. Подумай, что будет, если толпа попрут напролом к воротам!

Я вошел в павильон. В темноте мелькали лучи фонарей. Парни потели от страха и ругались. В воздухе чувствовался жар горячих диких тел и сладкий запах крови.

Кто-то просунул голову через полог шатра и закричал:

— Босс, скорее! Полицейские приехали!

Я повернулся к нему:

— Расскажи им о нашей проблеме. Пусть начинают разгонять толпу и очищать карнавальную площадь. Главное, чтобы без паники, понял? Скажи им...

Кто-то закричал. Луч фонаря рассек густую темноту, и я увидел алые, зеленые и ядовито-желтые шары, отпрыгнувшие от нас в боковые проходы. То были жалящие светляки Ганимеда — существа размером с кулак, но таившие в себе смертельную угрозу. Лаура открыла их стеклянный ящик.

Мы разбежались в стороны, спасаясь от злобных насекомых. Где-то рядом скрипнула дверь еще одной открытой клетки. В луче фонаря промелькнуло несколько теней, и мягкие лапы застучали по утоптанному грунту. Сквозь звериный рев и визг я услышал сладкий шелковистый голос. Лаура кричала на животных, распалая их злость.

Мне стало ясно, почему зверинец сходил с ума, учуяв приближение Ласки. Это сказывалось родство, а не страх. Лаура могла говорить с любым из животных, и те беспрекословно подчинялись ее приказам.

Я окликнул Лауру, и ее голос пришел ко мне из душевной темноты. В нем чувствовались слезы и мольба.

— Джад, милый, уходи! Беги отсюда, пока еще можешь!

— Лаура, не делай этого! Ради Бога...

— Какого бога? Твоего или моего? Наш бог запрещает нам общаться с людьми. Мы должны убивать их без жалости и счета. Что бы ты сказал, если бы мы показывали землян в своих аттракционах — так, как вы поступали с Лаской?

— Лаура!

— Уходи! Я собираюсь сеять смерть и заберу с собой в могилу всех, кого только смогу. Я выпущу животных из зверинца и натравлю их на толпы ваших зевак. Беги, Джал! Еще не поздно!

Я выстрелил на звук ее голоса.

— Пока не попал, любимый, — ответила она. — А может быть, ты вообще не попадешь в меня.

Я отмахнулся от роя светляков и отошел еще на пару шагов, уворачиваясь от их ядовитых жал. Дверцы клеток продолжали открываться, поскрипывая и хлопая в темноте. Внезапно звери завизжали, стена шатра упала, и крепежные веревки сорвались с кольца опоры. Мы больше не могли удержать животных внутри зверинца.

Снаружи раздался долгий и пронзительный крик толпы. А затем началась безумная паника.

Я слышал, как Кроха звал людей с веревками и сетями. Несколько огромных тварей пронеслось в темноте, задевая меня телами. Животные продирались под упавшим брезентом к отверстию в стене. Шатер обвис. К счастью, я стоял почти у самого выхода, и мне не пришлось выбираться из-под плотной ткани и рухнувших клеток.

Я вскарабкался на будку кассы и осмотрелся. Под гирляндами голубых и белых мерцающих огней метались люди. Они с криками бежали по проходам между шатрами, прорываясь к выходам на автостоянки и к главным воротам. Позади них носились дикие звери.

Истомившиеся в клетках животные вырвались на свободу. Им хотелось только одного: убивать и рвать когтями плоть своих жертв. Их вела за собой подвижная фигура в голубом блестящем платье. Увидев ее, я закрыл глаза, потому что не желал на нее смотреть. Но и тогда она двигалась, как в каком-то прекрасном танце — под дикую музыку паники и смерти.

Я не видел такой суматохи даже в тот день, когда в Нахали на наш лагерь напала стая болотных чудищ. Но тогда я был зеленым юнцом и работал на Треугольника.

Мне стало ясно, что городской морг в эту ночь будет переполнен.

Люди Крохи отсекали животных от толпы. Те продолжали выбегать из зверинца, не позволяя рабочим закрыть дыру в стене. Парни делали все, что могли, но этого явно не хватало. Чертовка Лаура вела зверей к воротам. Я слышал ее голос, звучавший на фоне криков и воплей. Животные разбегались по сторонам и носились между шатрами. Один марсианский песчаный кот валялся мертвым, а чуть дальше в предсмертных

конвульсиях билось болотное чудище. И это было все. Твари слушались Лауру, как дети, и она уходила.

Я прыгнул с будки, выбежал на опустевшую площадь и, вытащив свисток, дал условный сигнал на общий сбор. Змееголовый киби с Титана, проползая мимо, попытался резануть меня обоюдоострым хвостом. Я пристрелил его тремя пулями, и тут над моей головой закружилось полдюжины людей-мотыльков, скуливших от страха и смотревших на меня испуганными глазами.

Я начал выкрикивать им приказы. К тому времени ко мне подлетели два крылатика с Европы. Прежде чем отпустить собравшихся гиков, я спросил:

— Кто-нибудь из вас знает, куда она направилась?

— Туда, — ответил один из мотыльков, указав на площадь.

Я подозвал к себе крылатиков. Мотыльки разлетелись выполнять мои поручения, а люди-птицы подняли меня вверх и понесли над вопившей толпой.

Животные врзались в ряды убежавших людей, в экстазе подминая под себя беспомощные тела. Вокруг дрожал соленый туман. Свежий ветер наполнился запахом крови, и дверцы клеток наконец-то открылись.

Крылатики опустили меня вниз и полетели выполнять мои приказы. Я пошел в одиночку к палатке Лауры.

Паника длилась не больше пяти минут. Таким событиям обычно нравится проходить с напором и быстротой. Крылатики скрылись из виду. Мотыльки кружились над животными, нанося на них людей и гиков.

Гики с панцирями на спинах и шестью руками подносили сети и баллоны со слезоточивым газом. Быстрые и мощные парни-ящерицы обходились только своими когтями и зубами, иногда используя то, что попадалось им под руку. Люди-пауки тащили на спинах липкие лассо. Крылатики летали над животными и поливали их слезоточивым газом.

Они спасли нас в тот день. Гики уберегли не только многие жизни, но и репутацию карнавала. Не будь их с нами, только Богу известно, как много трупов осталось бы между шатрами. Я видел, как мотыльки ныряли в толпу, подхватывая упавших детей и вынося их в безопасные места. Трех из них затоптали насмерть.

Я остался позади людей и цепочки животных. Мне вспоминался голос Лауры и ее слова: «Пока не попал, любимый». Я думал о рухнувшем ограждении и о том, как велика Калифорния. Я слышал крики толпы, треск упавших шатров и жуткие вопли умирающих — моих ребят и тех посетителей, которые

пришли отдохнуть сюда в эту ночь. Их тела разрывали звериные когти.

Я думал...

Повсюду раздавались выстрелы. Мощные глотки рычали. Резные крылья мотыльков громко хлопали над алчными пастями и пылавшими яростью глазами. Когтистые лапы царапали утопанную землю. А меня окружало молчание, тонкое и непрочное, как высохшая раковина...

В тени шатра затаились четыре большие кошки. К счастью, света было достаточно, чтобы я заметил их глаза, оскаленные зубы и жадно высунутые языки.

Из-за брезента донесся голос Лауры — нервозный, но твердый, как сталь револьвера:

— Я ухожу, любимый. Мне даже не верилось, что появится такая возможность. Но удача по-прежнему со мной. Не мешай мне, Джад. Прощу тебя, не надо.

Я мог бы уйти и броситься на поиски полицейских. Я мог бы позвать на помощь своих парней и гиков. Но они делали важную работу, и вряд ли кто-нибудь из них услышал бы мой зов. Короче, с Лаурой должен был разобраться я сам.

Это было мое личное дело. Мой карнавал и моя сердечная боль.

Я подошел к откинтому пологу шатра, искоса посматривая на кошек. Они попятились, припадая к земле, рыча и визгливо поскуливая. Первый, шестиногий марсианский кот, не уступал по размерам земному леопарду. Двое других были с Венеры — самец и самка, белые, как снег их родного высокогорного плато. Четвертым оказался меркурианский пещерный тигр с двадцатифутовым телом на восьми могучих лапах. Он угрожающе помахивал хвостом, на котором сверкали острые костяные лезвия.

Лаура прикрикнула на них. Не знаю, говорила ли она им какие-то слова, или голос служил лишь средством для передачи мыслей от одного кошачьего ума к другому, но звери ее понимали.

— Джад, они не тронут тебя, если ты сейчас же уйдешь.

Я выстрелил. Один из венерианских альбиносов, получив пулю между глаз, упал без единого писка. Его самка издала рыдающий визг и бросилась на меня. Вслед за ней помчались и две другие кошки.

Я выстрелил в марсианского кота. Его передние лапы подогнулись, он покатился кубарем на меня, но я ласточкой отпрыгнул в сторону и быстро вскочил на ноги. Белая самка пронеслась надо мной так близко, что разорвала когтями рубашку. Я послал ей пулю в живот. Она взвыла, качнулась и снова бросилась на меня. Краем глаза я увидел, как умиравший

марсианский кот вцепился когтями в меркурианского тигра — тот оказался рядом в неподходящий момент.

Я врезал кулаком по морде венерианской кошки. Боль от удара пронзила руку и чуть не ослепила меня. Передние лапы твари полоснули по краям моих дельтовидных мышц, едва не выдрав их с корнем. Через открытую пасть можно было заглянуть в черноту желудка.

В тот момент смерть подошла ко мне вплотную. Даже не знаю, почему я тогда уцелел. Впрочем, в те секунды меня это как-то не волновало. Просто есть парни, которым очень хочется жить, и они до конца своих дней учатся не бояться смерти. А есть такие, которым все это до лампочки.

Я почувствовал на своем лице горячее зловоние и пять жгущих порезов, которые кошка оставила на моей спине, пролетев надо мною в первом прыжке. Я ударил ее в живот. Зубы твари шелкнули и укоротили мой нос на полдюйма. Я сунул дуло ей под челюсть и нажал на курок. После этого у меня осталось четыре патрона.

Сбросив с себя мертвую тушу, я повернулся и замер на месте. Марсианский кот издох. Пещерный тигр стоял над ним и смотрел на меня четырьмя блеклыми глазами. Его хвост с костяными бритвами подрагивал от возбуждения. Лаура придерживала животное за гриву.

Она выглядела так же, как в тот первый раз, когда я увидел ее. Мягкие золотисто-каштановые волосы, немного раскосые пурпурные глаза и нежный алый рот. На ней было облегающее платье с бронзовым отливом и блестящие туфли такого же цвета. Она мерцала в полумраке, как ожившая статуя из бронзы.

Я заметил слезы в ее глазах, но в них не чувствовалось мягкости.

Тигр покосился на Лауру и издал нервное рычание. Она шепнула ему что-то в ответ. Огромный зверь неохотно лег на землю.

— Я ухожу, Джад, — сказала она.

— Нет, ты никуда не пойдешь.

Я вскинул револьвер, и это движение подняло тигра на ноги. Встав позади животного, Лаура немного притнулась. Я мог бы выстрелить в зверя. Но меркурианские тигры не умирают от пули.

— Брось оружие, Джад. Дай мне уйти.

Меня не волновала близость огромного зверя. Мне было плевать на то, что смерть могла сбить меня, как кеглю. Наверное, я тогда просто немного спятил или одурел от злости и отчаяния. Не знаю. Но я стоял, смотрел на Лауру, и мое сердце ныло от боли.

— Ты никуда не уйдешь.

В ее горле что-то заклокотало, и тигр прыгнул. Он приземлился на четыре задние лапы и хотел разодрать меня когтями на куски. Да только я тоже был не пальцем деланный. Когда он кинулся вперед, я отскочил к шатру — недалеко, быть может на какой-то метр. Но это же вам не кино про супермена. Его лапы промелькнули прямо перед моим лицом. Он мотнул головой, пытаясь укусить меня за ногу.

Я ударил его рукояткой револьвера по носу. Он поморщился от боли и на долю секунды промедлил с броском. Я выстрелил ему в ближайший глаз и повернулся, чтобы посмотреть на Лауру.

Она убегала от шатра, откинув голову назад и выставив вперед свою прекрасную грудь. Эдакая сладенькая девочка, спасавшаяся от злобных зверей. Ну кто бы заметил ее в толпе? Кто бы посмел отказать ей в помощи?

У меня не оставалось времени на поиски безопасного места. Я упал пластом на живот и позволил тигру вскочить себе на спину. В тот миг мне хотелось пожить еще пару секунд. А потом... Да черт с ней, с этой жизнью!

Тигр ревел и бился в судорогах. Я оказался между его передними и задними ногами. Лапы шлепали по земле, задевая меня и царапая почву когтями. Я свернулся калачиком, надеясь, что зверь не заметит меня под своим животом. А время тянулось, как в кошмарном сне, вырисовывая мир с холодной точностью.

Я положил правую руку на левое запястье и три раза выстрелил в Лауру, целясь ей между плеч.

Тигр перестал беситься и рухнул на меня всем весом. Я понял, что он околел. Мне удалось сделать то, что даже у опытных охотников получалось лишь раз из десяти. Моя пуля нашла-таки дорожку к маленькому мозгу и убила огромного зверя. Но мне повезло вдвойне — он не прикончил меня.

Я выбрался из-под мертвой туши. Крики и выстрелы затихли. Люди теперь толпились на стоянках у машин, а животные в основном были под контролем. Я пнул ногой мертвого кота. Он умер как-то уж слишком быстро.

В барабане не осталось ни одного патрона. Я дважды нажал на курок и заглянул в вонявшее порохом дуло. Карманы тоже были пусты. Но доведись мне в тот момент заряжать револьвер, мои пальцы все равно не удержали бы патронов.

Я отбросил оружие в сторону и зашагал сквозь соленый туман к далекому рокоу моря. Вот так я и потерял свою любовь.

ВУАЛЬ АСТЕЛЛАРА

Пролог

Чуть больше года назад — по условному Солнечному времени — у штаб-квартиры Управления межзвездного пространства на Марсе упала почтовая ракета.

В ней была обнаружена рукопись, рассказывавшая о таком удивительном и ужасном происшествии, что трудно было поверить, как человек в здравом уме мог оказаться виновным в подобных преступлениях.

Однако после года тщательного расследования рассказ был признан подлинным, и теперь УМП разрешило опубликовать рукопись целиком, в том виде, в каком она была изъята из разбившейся ракеты.

Вуаль — свет, который появлялся неизвестно откуда и поглощал корабли, — исчезла. Все космолетчики Солнечной системы, бродяги, торговцы и капитаны роскошных лайнеров вздохнули с облегчением: Вуаль — одно из порождений чуждого Далека — уже не угрожала их безопасности.

Теперь же мы знаем ее истинное наименование: Вуаль Астеллара.

Знаем мы и место ее происхождения: мир, выброшенный из пространства и времени.

Нам известно, почему она возникла: об этом повествует рассказ, принесенный почтовой ракетой, — вопль бьющейся в агонии человеческой души; и, наконец, мы знаем, как была разрушена Вуаль.

The Veil of Astellar

Copyright © 1944 by Leigh Brackett

Вуаль Астеллара

© Издательство «Полярис», перевод, 1993

Глава 1

ТРУП НА БЕРЕГУ КАНАЛА

В доме мадам Кэнс в Джеккаре, что на Нижнем Канале, случился скандал. Какой-то маленький марсианин съел слишком много фила, и, чтобы умерить его аппетит, пришлось прибегнуть к помощи кастетов с шипами — весьма популярного в здешних краях оружия. Маленькому марсианину выбили последний пищевой клапан.

То, что осталось от незадачливого чревоугодника, выбросили на каменную набережную, и труп плюхнулся прямо к моим ногам. Видимо, поэтому я и остановился, чуть не споткнувшись о него; остановился, а потом взгляделся.

Тонкий красный луч солнца падал с чистого зеленого неба. За городскими стенами в пустыне сухо шуршал красный песок, красно-коричневая вода медленно и угрюмо струилась в канале. Но самое красное пятно в этой багровой палитре растекалось вокруг разорванного горла лежащего на спине марсианина.

Он был мертв. В широко раскрытых глазах потухал последний зеленый огонек, и он был мертв.

Я стоял над ним — не знаю, долго ли.

Времени не существовало. Солнечный свет померк, фигуры прохожих укрыла какая-то дымка, звуки утасли; исчезло все, все, кроме безжизненного лица, глядевшего на меня: зеленые глаза, застывший оскал белых зубов.

Я не знал его. Живя, он оставался всего лишь марсианским ничтожеством. Умерев, стал просто мясом.

Марсианская падаль, не более того.

Времени не существовало. Только мертвое улыбающееся лицо.

Затем что-то коснулось меня. Чья-то мысль вспыхнула в моей голове и притянула к себе мое сознание, как магнит притягивает стальные опилки. Болезненный ужас, страх и страдание, такое глубокое, что оно потрясло мое сердце. Слова — не произнесенные, но рожденные в виде образов, — всплыли в моем мозгу.

«О, подобно Люциферу взывающий к небесам, — прогремело во мне. — Какие у него глаза! О Темный Ангел, какие у него глаза!»

Речь шла о моих глазах, и я закрыл их. На лбу у меня выступил холодный пот, и я пошатнулся; затем мир снова собрался в фокус. Солнце, песок, шум, вонь и толпа, грохот ракет в космопорте, в двух марсианских милях отсюда, — все было в фокусе.

Я открыл глаза и увидел девушку. Она стояла как раз позади мертвеца, почти касаясь его. С ней был молодой парень. На него я не обратил внимания, он значения не имел. Ничто не имело значения, кроме девушки. На ней было голубое платье, и она смотрела на меня дымчато-серыми глазами. Лицо ее казалось белым, как голая кость.

Солнце, шум и люди снова ушли, оставив меня наедине с ней. Я чувствовал, как медальон под моей черной одеждой космолетчика жжет меня, а сердце вот-вот перестанет биться.

«Мисси», — подумал я.

«Похож на Люцифера, но Люцифера, ставшего святым», — пришла ко мне ее мысль.

И тут я расхохотался. Мир снова вернулся на место, тяжелый и осязаемый. И посреди этого мира крепко и устойчиво стоял я.

Мисси — вот глупости! Мисси давно умерла.

Меня сбили с толку рыжие волосы, те же темно-рыжие волосы, длинные и тяжелые, как конская грива, завивавшиеся на белой шее, и такие же, как у Мисси, дымчато-серые глаза и что-то еще — веснушки, манера кривить рот, как бы для того, чтобы удержать улыбку.

А во всем остальном ей до Мисси было куда как далеко.

Она была выше и шире в кости. Жизнь нередко била ее, следы этих ударов скрыть невозможно. У Мисси никогда не было такого усталого, угрюмого взгляда. Не знаю, может быть, она и развила в себе такой упрямый и негибкий характер, как у девушки, стоявшей передо мной, но тогда я не умел читать мысли.

У девушки, смотревшей на меня, было множество мыслей, и вряд ли она хотела, чтобы о них знали. Особенно об одной — все время ускользавшей от меня и потому чрезвычайно раздражающей.

— Детишки! Чего ради вы сюда явились? — спросил я.

Мне ответил молодой человек. Он был очень похож на нее — прямой, простой, более грубый внутри, чем снаружи; мальчик, знающий, как нагрубить и как ввязаться в драку.

Сейчас он был бледен, зол и немного напуган.

— Мы думали, что днем это безопасно, — сказал он.

— В этой дыре что день, что ночь — все одинаково. Я уйду.

Девушка, не двигаясь, все еще смотрела на меня, не понимая, что делает.

«Седые волосы, — думала она. — А ведь он не старый, не старше Брэда, несмотря на морщины. Они от переживаний, а не от возраста».

— Вы с «Королевы Юпитера», не так ли? — спросил я.

Я знал, что они оттуда. «Королева» была сейчас единственным кораблем в Джеккаре. Я спросил только потому, что она напоминала Мисси. Но Мисси давным-давно умерла.

Молодой человек, которого она в мыслях назвала Брэдом, ответил:

— Да, мы с Юпитера, из колоний. — Он мягко потянул девушку за руку: — Пошли, Вирджи. Нам лучше вернуться на корабль.

Я был покрыт потом, холодным потом, холоднее, чем труп у моих ног.

— Да, — сказал я, — возвращайтесь на корабль, там безопаснее.

Девушка не шевельнулась, не отвела от меня глаз. Она все еще думала обо мне; страх ее почти прошел, уступив место состраданию.

«У него глаза горят, — думала она. — Какого они цвета? В сущности, никакого, просто темные, холодные и горячие. Они видят ужас и небо...»

Я позволил ей смотреть мне в глаза.

Через некоторое время она покраснела, а я улыбнулся. Она злилась, но не могла отвести глаз: я не отпускал ее и улыбался, пока молодой человек не потянул ее снова, уже настойчивей.

— Пошли, Вирджи.

Я освободил ее, и она повернулась с угловатой грацией жеребенка. Тут дыхание у меня перехватило, точно от удара в живот: ее манера держать голову...

Неожиданно для себя самой она оглянулась.

— Вы мне кого-то напоминаете, — сказала она. — Вы тоже с «Королевы Юпитера»?

Голос ее был похож на голос Мисси; может, только звучал глубже, более гортанно, но все равно похоже.

— Угу. Космолетчик первого класса.

— Тогда, значит, там я вас и видела. — Она рассеянно повертела обручальное кольцо на пальце. — Как вас зовут?

— Гаут. Дж. Гаут.

— Джей Гаут, — повторила она. — Странное имя. Хотя ничего необычного в нем нет. Странно, что оно меня так заинтересовало.

— Пошли, Вирджи, — сердито сказал Брэд.

Я не оказал ей никакой помощи. Я смотрел на нее до тех пор, пока она не стала малиновой и не отвернулась. Я читал ее мысли. Они стоили того.

Прижавшись друг к другу, она и Брэд пошли к космопорту на «Королеву Юпитера», а я перешагнул через мертвого марсианина.

Серые тени напоззали на его лицо. Зеленые глаза остекленели и уже ввалились, кровь на камнях потемнела. Еще один труп.

Я засмеялся, подсунул свой черный сапог под спину трупа и скинул его в утрюмую красно-коричневую воду. Засмеялся я тому, что моя собственная кровь еще горяча и сердце бьется даже сильнее, чем мне того хотелось бы.

Он умер, и я выкинул его из головы.

Я улыбнулся всплеску и разбежавшимся по глади воды кругам. «Она ошиблась, — подумал я. — Не Джей, а просто Дж. Я — Иуда»*.

Надо было убить время, примерно десять марсианских часов, оставшихся до взлета «Королевы Юпитера». Я направился к столикам мадам Кэнс. Она нашла для меня немного особого бренди из пустынного кактуса и венерианскую девушку со шкуркой цвета полированного изумруда и золотыми глазами.

Девушка танцевала для меня, а танцевать она умела. Я очень неплохо провел эти десять часов, особенно если учесть, что дело происходило в джеккарском кабаке.

Мисси, мертвый марсианин и девушка по имени Вирджи ушли на дно моего подсознания, где им полагалось быть, и даже ряби не оставили. Это как старая рана: если ее растрепать, она немного поболит, но недолго, да и сама-то боль привычная, на нее не стоит обращать внимания.

Все меняется. Прикованные к планете люди отгораживаются от внешнего мира четырьмя стенами своих представлений, правил, выдуманных условностей и думают, что в этой камерке они спасутся.

Но космос огромен, существуют другие миры и другие пути. Их можно узнать. Их можно узнать любому. Попробуйте и увидите.

Я прикончил огненный зеленый бренди, заполнил ложбинку между грудями венерианской танцовщицы марсианскими серебряными монетами, поцеловал девушку и, унося на губах слабый привкус рыбы, отправился в космопорт.

Я не спешил. Стояла ночь. Слабый холодный ветер шелестел в дюнах, вычерненных густыми теньями и посеребренных лучами плывущих над самой головой лун. Я видел, как моя аура сияла бледным золотом на фоне этого серебра.

Меня охватило волнение. Впереди показалась «Королева Юпитера», но единственное, что в этой связи пришло мне в голову, — это то, что очень скоро моя работа закончится и мне заплатят.

* «Иуда» по-английски звучит как «Джуда». (Примеч. пер.)

Я потянулся от удовольствия, о котором вы ничего не знаете, — от удовольствия быть живым.

На залитой лунным светом пустыне в миле от космопорта никого не было. Из-за разрушенной башни, которая, вероятно, служила маяком в те времена, когда пустыня была морем, вышел Гэлери.

Гэлери был королем шупачей в этой богоспасаемой дыре. Сейчас он был зол, умеренно пьян, а органы его экстрасенсорного восприятия дрожали от напряжения, как чувствительная диафрагма. Я знал, что он может увидеть мою ауру, но очень смутно и не глазами, и все же он умудрился увидеть ее в первую же нашу встречу на Венере, когда я нанимался на борт «Королевы Юпитера».

Такие люди иногда встречаются среди кельтской и романской рас на Земле, среди марсиан и в некоторых племенах Венеры. Экстрасенсорное восприятие у них врожденное.

По большей части оно не разработано, но, может быть, это и к лучшему.

Во всяком случае меня такое положение дел устраивало. Гэлери был на четыре дюйма выше меня и фунтов на тридцать тяжелее, но недавняя порция виски сделала его проворным, упрямым и опасным. И кулаки у него были здоровенные.

— Ты не человек, — мягко сказал он и улыбнулся.

Можно было подумать, что он очень любит меня. Пот делал его лицо похожим на полированное дерево.

— Да, Гэлери, — ответил я, — ни в коей мере, и уже давно. Он слегка качнулся на согнутых ногах.

Я увидел его глаза. Лунный свет смыл их голубизну, оставив только страх, твердость и блеск.

Голос его был все еще мягкий и певучий.

— Кто же ты тогда и зачем тебе корабль?

— Корабль мне ни к чему, Гэлери, мне нужны только люди на нем. А кто я — не все ли равно?

— Все равно, — согласился он, — потому что сейчас я тебя прикончу.

Я беззвучно рассмеялся. Он медленно кивнул черной головой:

— Пожалуйста, скаль зубы, если хочешь. Скоро твой обглоданный череп будет вечно скалиться в эти небеса.

Он разжал кулаки. Я увидел в его ладонях по серебряному кресту.

— Нет, Гэлери, — ласково сказал я, — ты, вероятно, считаешь меня вампиром, но я не из этой породы.

Он снова сжал распятия и медленно двинулся на меня. Я слышал хруст песка под его сапогами. Но не двигался.

— Ты не можешь убить меня, Гэлери.

Он не остановился и ничего не сказал.

По лицу его стекал пот. Он боялся, но не останавливался.

— Ты умрешь здесь, Гэлери, и без священника.

Он не остановился.

— Иди в город, Гэлери, спрячься, пока «Королева» не стартует. Ты спасешь свою жизнь. Неужели ты так сильно любишь других, что готов умереть за них?

Он остановился и нахмурился, как сбитый с толку мальчишка. Эта мысль была для него новой.

«При чем тут любовь? Они — люди».

Он снова двинулся ко мне, и я широко раскрыл глаза.

— Гэлери!..

Он подошел так близко, что я почувствовал запах виски. Я посмотрел ему в лицо, поймал взгляд и задержал его. Он остановился, медленно подтягивая внезапно налившиеся свинцом ноги.

Я держал его глазами, я слышал его мысли.

Они оставались теми же. Они никогда не менялись.

Он поднял кулак, но так медленно, словно в каждом из них было по человеку.

Губы его отвисли, так что я видел влажный блеск его зубов, слышал, как сквозь них вырывается хриплое, тяжелое дыхание.

Я улыбнулся, продолжая удерживать его глаза своими.

Он опустился на колени. Дюйм за дюймом, борясь со мной, он опустился. Крупный мужчина с потным лицом и голубыми глазами, которые не могли оторваться от моих глаз.

Пальцы его разжались. Серебряные кресты выпали и теперь блестели на буром ночном песке.

Голова его опустилась, жилы на шее вздулись и дергались. Внезапно он упал набок и застыл.

— Ты остановил мое сердце, — прошептал он.

Это единственный способ. Они чувствуют нас квазиактивно, и даже психирургия тут не поможет. К тому же обычно нет времени.

Теперь он не мог дышать, но мог думать. Я слышал его мысли. Я поднял распятия и сунул ему в руки.

Ему удалось чуть-чуть повернуть голову и взглянуть на меня. Он пытался заговорить, и я ответил на его мысли:

— Гэлери, я отведу «Королеву» в Вуаль.

Его глаза широко раскрылись и застыли. Его последней мыслью было: «Вот уж никогда не думал!..»

Я оттащил безжизненное тело в развалины башни, где его, вероятно, не скоро найдут, и направился было в космопорт, но вскоре остановился.

Он опять уронил кресты. Они лежали на тропе под лунным светом; я поднял их и уже хотел забросить подальше в рыхлый песок — но не сделал этого.

Я стоял и держал их. Они вовсе не жгли мне плоть. Я засмеялся.

Да, я смеялся. Но смотреть на них я не мог.

Я вернулся к башне, положил Гэлери на спину, скрестив ему руки на груди, и закрыл покойнику глаза. Распятия я положил ему на веки и ушел, на сей раз окончательно.

Ширана сказала однажды, что понять человеческий мозг невозможно, как бы тщательно ты его ни изучал. Иногда его посещает страдание. Чувствуешь себя прекрасно, все идет отлично, и вдруг в мозгу открывается какая-то дверца — и начинаешь вспоминать.

Это бывает нечасто, и обычно успеваешь быстро захлопнуть дверцу. Но все равно Флейк единственный из нас, кто до сих пор может похвастаться черными волосами. Вот, правда, души у него нет...

Итак, я захлопнул дверцу перед Гэлери и его крестами, а через полчаса «Королева» стартовала к юпитерианским колониям, где она никогда не совершит посадку.

Глава 2

ПУТЕШЕСТВИЕ К СМЕРТИ

Все шло нормально, пока мы не пересекли границу Пояса астероидов. Я следил за мыслями экипажа и знал, что Гэлери никому не сказал обо мне. Кто станет рассказывать людям, что от парня на соседней койке исходит желтое свечение и что он не человек? Влезешь в смиренную рубашку, только и всего. Тем более когда речь идет о вещах, которые только чувствуешь, но не видишь, — вроде электричества.

Когда внутри Пояса мы попали в опасную зону, командование расставило караулы у выходных люков на пассажирских палубах. Я был назначен в один из них и направился на свое место.

На последней ступеньке трапа я кожей почувствовал первую, еще слабую реакцию. Аура моя заблестела и начала пульсировать.

Я подошел к люку номер два и сел.

На пассажирской палубе побывать мне еще не доводилось.

«Королева Юпитера» была старым торговым кораблем, переделанным для перевозок в глубоком космосе. Он держался в пространстве, и это все, что от него требовалось. На нем имелся большой груз продуктов, семян, одежды, фермерского

оборудования и около пятисот семей, переселявшихся в юпитерианские колонии.

Я вспомнил, как впервые увидел Юпитер.

Тогда еще ни один человек с Земли не видел его. Это было очень давно.

Теперь на палубе не протолкнуться: мужчины, женщины, дети, прислуга, тюки, узлы — чего тут только нет. Марсиане, венериане, земляне — все сгрудились, шумят, толкуются... Из-за жары и скученности в воздухе стоит тяжелый запах.

Мою кожу пощипывало. Аура стала ярче.

Я увидел девушку по имени Вирджи с густыми рыжими волосами и такой знакомой манерой двигаться. Она и ее муж нянчились с крепким зеленоглазым марсианским младенцем, в то время как его мать пыталась уснуть. Обоих супругов волновала одна и та же мысль: «Может быть, когда-нибудь у нас будет свой».

Я подумал, что Мисси точно так же смотрела бы на нашего малыша, если бы он у нас был.

Моя аура пульсировала и пылала.

Я наблюдал, как сверкают маленькие, еще далекие от корабля миры: от мелких камешков до обитаемых планетоидов, блестящих с освещенной солнцем стороны и черных, как космос, с теневой.

Люди столпились у экранов, и я увидел старика, стоявшего рядом со мной.

Долгие годы, проведенные в космосе, оставили неизгладимый след на его манере держаться, на линиях жесткого лица. И когда он смотрел на Пояс астероидов, глаза его горели, как у голодной собаки.

Это был старый космолетчик, не забывший ни одного из своих многочисленных полетов.

Затем появилась Вирджи с младенцем на руках. Брэд неотлучно следовал за ней. Она остановилась, обернувшись ко мне спиной.

— Просто чудо, — тихо сказала она. — Ох, Брэд, ты только посмотри!

— Чудо, и смертельное, — усмехнулся про себя старый космолетчик. Он оглянулся и улыбнулся Вирджи: — Это ваше первое путешествие?

— Да, первое для нас обоих. Может, мы чересчур таращим глаза на все, но это так необычно. — Она беспомощно развела одной рукой.

— Я понимаю. Для этого нет слов.

Старик опять повернулся к экрану. Его лицо и голос ничего не выражали, но я читал его мысли.

«Лет пятьдесят тому назад мне случилось оставить весь корабельный груз в первом попавшемся поселении. Нас было десять человек. Остался только я».

— До появления дефлекторов Рассона Пояс был опасен, — заметил Брэд.

— Пояс получил только три дефлектора, — тихо сказал старик.

Вирджи подняла рыжую голову:

— Значит...

Старик не слышал ее. Его мысли были далеко.

— Шесть лучших людей космоса, а потом, одиннадцать лет назад, мой сын, — произнес он, ни к кому не обращаясь.

Женщина, стоявшая рядом с ним, повернула голову. Я увидел ее наполненные ужасом глаза и беспомощно онемевшие губы.

— Вуаль? — прошептала она. — Вы ее имеете в виду?

Старик попытался заставить ее замолчать, но вмешалась Вирджи:

— Что такое Вуаль? Я слышала о ней, но все очень неопределенно.

Марсианский беби занялся серебряной цепочкой, висевшей на шее Вирджи. Мне эта цепочка показалась знакомой. Вероятно, она была на Вирджи в первую нашу встречу. Моя аура пылала жарким золотистым светом.

Женщина отошла, и ее слова прозвучали уже издали как приглушенное эхо:

— Никто не знает. Ее нельзя найти, выследить или вообще определить. Мой брат, космолетчик, видел ее однажды, издали. Она появляется неизвестно откуда и поглощает корабли. Потом свет ее тускнеет, а корабль исчезает. Мой брат видел ее здесь, возле Пояса...

— Она может находиться как здесь, так и в другом месте, — резко сказал старик. — Она хватает корабли и в глубоком космосе, и на земной орбите. Так что причин бояться нет.

Аура горела вокруг меня, как облако золотого сияния.

Зеленоглазый марсианчик внезапно выдернул цепочку и ликующе поднял ее кверху.

То, что висело на ней и раньше было спрятано под платьем Вирджи, теперь медленно кружилось, притягивая мой взгляд.

Видимо, я издал какой-то звук, потому что Вирджи обернулась и увидела меня. Я не знаю, что она подумала. Я долгое время ничего не соображал, только чувствовал озноб, словно холодный черный космос каким-то образом прошел сквозь экран и коснулся меня.

Блестящая вещь крутилась на серебряной цепочке, и марсианчик следил за ней, и я тоже.

Затем настала тьма, и я стоял в ней, неподвижный и холодный.

Сквозь мрак пробился голос Вирджи, спокойный, обыкновенный, словно ничего не случилось:

— Я вспомнила, на кого вы похожи, мистер Гаут. Боюсь, что я была невежлива в тот день на Марсе, но меня ошеломило сходство. Смотрите.

В мою темную ледяную оболочку вошел белый предмет: крепкая белая рука с покрасневшими от работы суставами держала что-то на ладони, что-то, что горело чистым, странным собственным светом. А голос продолжал все так же спокойно:

— Это старинный медальон, мистер Гаут. Ему больше трехсот лет. Он принадлежал моей далекой прабабке, и семья хранила его с тех пор. Это, в сущности, любовная история. Прабабушка вышла замуж за молодого космолетчика. В те времена космические полеты были еще очень опасными, но этот молодой человек любил космос так же сильно, как свою жену. Его звали Стивен Вэнс. Здесь его портрет. Поэтому я и подумала, что где-то видела вас, и спросила о вашем имени. Сходство потрясающее, вы не находите?

— Да, — подтвердил я.

— А эта девушка — его жена и, конечно, первоначальная владелица медальона. Муж звал ее Мисси. Это имя выгравировано на обороте медальона. И вот ему представилась возможность совершить первый перелет с Марса на Юпитер. Мисси знала, что, если он не полетит, какая-то часть его умрет, и отпустила его. Он даже не знал, что на свет должен появиться ребенок, которого они очень ждали: жена ему не сказала, потому что тогда он бы отказался от полета. Стивен заказал два медальона, совершенно одинаковые. Он сказал ей, что медальоны будут связью между ними, которую никто не разрушит. Что бы ни случилось, он вернется к ней. Он улетел на Юпитер и не вернулся. Его корабль тоже не нашли. Но Мисси носила медальон и молилась. Умирая, она отдала его своей дочери. И это стало семейной традицией — вот почему он теперь у меня.

Голос ее вдруг стал тягучим, сонным и даже как будто слегка удивленным. Рука с медальоном медленно опустилась. Вокруг меня воцарилось великое спокойствие, великий мир.

Я закрыл лицо руками. Я пытался что-то сказать, сказать те слова, которые говорил много лет назад, но они все никак не приходили. Они исчезают, когда попадаешь ТУДА.

Я опустил руки и снова смог видеть. Я не тронул медальона на своей шее. Я чувствовал его на груди, как опаляющий холод космоса.

Вирджи лежала у моих ног, все еще держа ребенка на сгибе руки. Его круглое коричневое личико было повернуто к ней. Брэд лежал рядом, обхватив рукой жену и чужое дитя.

Медальон покоился на округлой груди Вирджи открытый, изображением вверх, и медленно вздымался и опускался в такт дыханию.

Они не страдали. Не забывайте этого.

Они просто ничего не подозревали. Они спали и видели счастливые сны. Пожалуйста, помните это!

Никто из них не страдал и не боялся.

Я стоял один на палубе этого безмолвного корабля. На экране не было ни звезд, ни маленьких планеток Пояса астероидов. Была лишь вуаль света, плотно обернувшая корабль, мягкая сетка из зеленых, пурпурных, золотых и синих витков, прикрепленных ярко-алыми нитями к блестящей основе, не имеющей никакого цвета.

Как всегда, электрическое освещение потускнело. Люди спали на широкой поверхности палубы. Я слышал их мерное, спокойное дыхание. Моя аура горела, как золотое облако, и внутри нее тело пульсировало жизнью.

Я посмотрел вниз, на медальон, на лицо Мисси. Если бы ты сказала мне! О Мисси, если бы ты мне сказала, я мог бы спасти!

Рыжие волосы Вирджи тяжело лежали на белой шее. Дымчато-серые глаза, полузакрытые, спящие. Волосы Мисси. Глаза Мисси.

Моя. Часть моей плоти, часть моей кости, часть моей крови, часть жизни, которая все еще билась и трепетала во мне.

Триста лет.

О, если бы я мог хотя бы молиться!

Я встал возле Вирджи на колени и протянул руку. Золотой свет вышел из плоти и закрыл ее лицо. Я убрал руку и медленно встал, гораздо медленнее, чем падал умирающий Гэлери.

Сияние Вуали прошло через весь корабль, через воздух, через каждый атом дерева и металла. Я двигался, сверкающий золотом, живой и молодой, в молчащем, спящем мире.

Триста лет, и Мисси мертва, а ее медальон вернулся обратно.

Не так ли чувствовал себя Иуда, когда веревка оборвала его жизнь?

Но Иуда умер.

Я шел в тишине, закутанный в свое золотое облако, и биение моего сердца сотрясало меня, словно удары кулака. Сильное сердце, молодое, сильное сердце.

Корабль медленно отклонялся от своей дуги свободного падения на Юпитер. Вспомогательные механизмы для Пояса астероидов еще не отключились. Вуаль сомкнулась вокруг корпуса и легко потянула его.

Это и было приложением силы воли. Телепортация, энергия мозга и мысли, усиленная Х-кристаллами и направляемая как по радиолучу. Высвобождение энергии между силой мысли и силой гравитации дает свет, тот самый видимый свет, который космолетчики называют Вуалью. Гипнотический сон-вуаль посылается тем же путем, через Х-кристаллы, на Астелларе.

Ширана говорила, что это очень просто, детская забава в ее пространственно-временной среде. Требуется только фокусирующая точка для наводки, а уж ее особая вибрация ведет как факел в пустоте, как аура вокруг плоти человека, который омылся в Облаке.

Коза Иуды ведет корабль на бойню.

Я шел в своем золотом свечении. Едва уловимая энергия наслаждения пощипывала и грела мою кожу. Я шел домой.

И Мисси еще жива. Прошло триста лет, а она жива. Ее и моя кровь живут в девушке по имени Вирджи.

А я помимо своей воли веду ее на Астеллар, в мир другого измерения.

Наверное, это и остановило поток, льющийся сквозь мою кожу, разбудило меня спустя половину вечности. Моя аура побледнела до обычного состояния. Я услышал слабое звяканье металла о камень: «Королева Юпитера» совершила свою последнюю посадку. Я был дома.

Я сел на край моей койки. Не знаю, долго ли я сидел. Я опустил голову на сжатые кулаки, а затем раскрыл их. Из перепачканных кровью ладоней выскользнул мой собственный медальон. Я встал и через тишину, через грубый, безличный электрический свет пошел к люку и выбрался наружу.

«Королева Юпитера» лежала в округлой каменной колыбели. За вершиной ската закрылись двери, и последнее эхо воздушных насосов угасло под низкой крышей пещеры.

Камень был прозрачный, бледно-зеленый, резной и полированный. От его красоты захватывало дух, сколько бы раз вы на него ни смотрели.

Астеллар — маленький мир, вполтину меньше Весты. Со стороны он выглядит лишь глыбой черного шлака, на которой нечего делать космическим рудокопам, ищущим полезные ископаемые. При желании можно так искривить свет вокруг него,

что планету не обнаружит и самый мощный телескоп, и та же сила мысли, которая создает Вуаль, может, если понадобится, перенести Астеллар в другое место.

Поскольку движение через Пояс астероидов растет довольно медленно, Астеллар передвигается нечасто. В том нет необходимости.

Я прошел через пещеру, наполненную бледно-зеленым светом. Передо мной вырос широкий трап, взметнувшийся вверх подобно взмаху ангельского крыла. Флейк ждал меня у трапа, вытянувшись в слабом свете собственной ауры.

— Привет, Стив, — сказал он и взглянул на «Королеву Юпитера» своими странными серыми глазами.

Черные волосы, потемневшая и заглубевшая в космосе кожа. Глаза, как бледные пятна лунного света, слабо блестящие, бездушные.

Я знал Флейка еще до того, как он стал одним из нас, и даже тогда догадывался, что человеческого в нем еще меньше, чем в астелларах.

— Удачный рейс, Стив? — спросил он.

— Угу.

Я попытался пройти мимо, но он схватил меня за руку:

— Эй, тебя что-то гложет?

— Ничего.

Я оттолкнул его. Он улыбнулся и загородил мне дорогу. Это был крупный мужчина вроде Гэлери, только много крепче, и мозг его мог потягаться с моим на равных.

— Не отвертись, Стив. Что-то... Эй! — Он резко приподнял мой подбородок и прищурился: — Что это? Слезы?

Он с минуту смотрел на меня разинув рот, а затем захохотал. Я ударил его.

Глава 3

ПЛАТА ЗА ЗЛО

Флейк неуклюже свалился на прозрачный камень. Я прошел мимо него по изгибу трапа. Я шел быстро, но было уже поздно.

Позади меня открылись люки «Королевы Юпитера».

Как Гэлери на марсианском песке, я остановился, медленно подтягивая отяжелевшие ноги. Я не хотел этого. Я не хотел поворачиваться, но ничего не мог с собой поделать. Мое тело повернулось само.

Флейк уже поднялся на ноги, прислонился к резной зеленой стене и смотрел на меня.

Кровь из разбитой губы капала на его подбородок. Он достал платок и прижал его ко рту, но глаза его не покидали меня,

бледные, спокойные, горящие. Золотая аура собралась в нимб вокруг его черной головы, как на изображении святого.

Перед ним зияли открытые люки корабля. Из них выходили люди. Они шли спокойно, без спешки, друг за другом и ступали по зеленому прозрачному трапу, отбрасывая блики на зеленый прозрачный пол. Шаги их были легки, дыхание глубоко и резко, полужакрытые глаза не видели ничего вокруг.

Вверх по извивавшейся ленте бледно-зеленого камня, мимо Флейка, мимо меня, вперед, в холл. Они не видели ничего, кроме своих снов. Они чуть заметно улыбались. Они были счастливы и не знали страха.

Вирджи все еще держала ребенка, спавшего у нее на руках, и Брэд шагал рядом.

Медальон на ее груди перевернулся, спрятал изображение и показывал мне только свою серебряную изнанку.

Я внимательно рассматривал эту вереницу сомнамбул. Холл перед трапом был вырезан из молочно-белого хрусталя и инкрустирован металлом, привезенным из другого измерения, радиоактивным металлом, который наполнял хрустальные стены и воздух мягким туманным огнем.

Они медленно вошли в Вуаль тумана и огня и исчезли.

— Стив! — мягко окликнул меня Флейк.

Я обернулся. Воздух слегка дрожал, и контуры предметов терялись в нем, но желтый свет ауры Флейка я видел отчетливо. Видел я и тяжелый, темный его силуэт, угрюмо черневший на фоне бледно-зеленого камня.

Он не двинулся с места. Он не спускал с меня своих холодных серых глаз.

Я понял, что Флейк прочел мои мысли.

— Ты думаешь об этой девушке, Стив, — заговорил он, с трудом шевеля распухшими губами. — Не хочешь идти в Облако. Ты вообразил, что можешь найти какой-то способ спасти ее. Но такого способа нет, да ты и не спас бы ее, даже если бы мог. А в Облако, Стиви, тебе пойти придется. Через двенадцать часов, когда настанет время, ты пойдешь туда вместе с нами. И знаешь почему?

Его голос становился все мягче, все ласковей, но за этим напускным добродушием пряталась едкая усмешка.

— Потому что ты не хочешь умирать, Стиви, как и все мы, грешные. Даже я, я — Флейк, парень, никогда не имевший души, я тоже боюсь смерти. Я всегда верил — не в Бога, нет — только в себя самого, и я люблю жизнь. Но иногда я смотрю на труп, лежащий на какой-нибудь грязной человеческой улице, и от всего сердца проклиная его за то, что ему уже нечего бояться. Ты пойдешь в Облако, потому что только оно дает

тебе жизнь. А о рыжеволосой девушке ты и не вспомнишь, Стиви. Да будь там сама Мисси, ты и пальцем бы не пошевелил ради нее, потому что ты боишься. Мы больше не люди, Стив. Мы ушли дальше их. Мы грешили, а здесь, в этом измерении, нет даже такого слова. Однако верим мы или не верим — мы в первую очередь боимся умереть, Стиви, мы очень не хотим умирать!

Его слова напугали меня. Они так врезались в мое сознание, что, даже увидев Ширану, я не смог забыть о них.

— Я нашла новое измерение, Стиви, — лениво сказала Ширана. — Маленькое такое, между Восьмым и Девятым. Оно настолько крошечное, что мы сначала пропустили его. Придется после Облака исследовать эту находку. — И она повела меня в нашу любимую комнату.

Комната была вырублена в кристалле, таком черном, что, войдя внутрь, ты чувствовал себя висящим в межзвездном пространстве, а если долго-долго вглядываться в глубокую черноту стен, то перед глазами возникали призраки далеких туманностей и галактик.

— Долго еще ждать? — спросил я ее.

— Час, всего лишь час. Бедный Стиви. Скоро ты все забудешь...

Волны ее мозга нежно коснулись моего сознания — такой нежности никогда не добиться грубым человеческим рукам. Она долго ласкала меня, стирая из моих мыслей жар и боль. Не шевелясь, я лежал на мягком, как облако, ложе в темноте. Я видел мерцавший свет Шираны.

Не знаю, как описать Ширану. Она очень похожа на человека, очень, но какое-то различие есть, почти неуловимое для глаза, но все же весьма существенное.

Но если не углубляться в такие тонкости, то она хорошая девчонка, красивая — да нет, даже прекрасная, изумительно прекрасная.

Она и ее раса не нуждались в одежде.

Их ленивые гибкие тела покрывал не мех, не перья, не чешуя, но что-то среднее между всем этим, блестящее, переливающееся, прихотливо меняющее цвета, сверкающее порой такими оттенками, которых никогда не видел человеческий глаз.

Сейчас в темноте аура Шираны светилась, как теплая жемчужина. Я видел ее лицо — странные, остроконечные треугольные кости, покрытые кожей, более мягкой, чем птичий пух. Мертвенно-черные бездонные глаза. Хохолок из изящных усиков-антенн, увенчанных крошечными шариками света, горевшего как бриллианты.

Ее мысли нежно обволакивали меня.

«Не печалься, Стиви, — думала она. — Все устроено. Девушка пойдет последней, а ты войдешь в Облако первым, так что даже самая малая ее вибрация не коснется тебя».

— Но она коснется кого-то другого, Ширана, — простонал я. — А это не менее страшно... Она все равно что моя дочь.

— Но она тебе не дочь, — терпеливо ответила вслух Ширана. — Твоя дочь родилась триста лет назад. Триста лет — это для твоего тела, поскольку здесь нет счета времени. В каждом измерении время различно.

Да, я помню эти чудесные годы. Стены измерений не помеха для мысли. Лежишь под Х-кристаллом и наблюдаешь их пульс из тумана черных глубин. Сознание высасывается и проецируется вдоль тугого луча тщательно выбранной вибрации, и вот ты уже в другом пространстве, в другом времени.

Можно взять любое тело и радоваться ему, пока не надоест. Можно пролетать между планетами, между солнцами, между галактиками, стоит только подумать об этом. Можно видеть и делать то, вкусить такой опыт, для чего все языки нашего пространства-времени не подберут подходящих слов.

Ширана и я много путешествовали, многое повидали, многое попробовали, а Вселенная бесконечна.

— Я не могу не печалиться, Ширана. Я и хотел бы развеселиться, но ничего не могу с собой поделать. Я снова человек, снова простой парень Стив Вэнс из Беверли-хиллз, Калифорния, на планете Земля. Я не могу уничтожить свои воспоминания.

У меня сжалось горло. Я покрылся холодным потом и был близок к безумию больше, чем когда-либо за все черт знает сколько лет.

Из темноты пришел голос Шираны:

— Ты больше не человек. Ты перестал быть человеком с тех пор, как впервые вошел в Облако. Люди для тебя то же, что для человека те животные, которых он употребляет в пищу.

— Но я же не могу не помнить.

— Понятно. Что ж, вспоминай. Вспомни, что с самого рождения ты отличался от других людей, что бывал там, где не бывал никто, видел то, чего не видел ни один человек до тебя, что твое сердце и твои руки сражались с самим космосом.

Я помнил это. Первый человек, рискнувший пройти Пояс астероидов, первый человек, увидевший Юпитер, блистающий в рое своих лун.

— Вот почему, захватив тебя в Вуаль и привезя на Астеллар, мы спасли тебя. У тебя была какая-то редкая сила, размах видения, необузданность желаний. Ты мог дать нам то, что мы

хотели, — легкий контакт с человеческими кораблями. И за это мы подарили тебе жизнь и свободу. — Она помолчала и добавила: — И меня, Стиви.

— Ширана!

Наши мысли слились в один жаркий клубок. Наши чувства, наши желания переплелись, как тела влюбленных. Воспоминания о битвах и счастье, ужасе и любви под солнцами, которые никогда более не загорятся — даже во сне. Я не могу объяснить это. Для этого нет слов.

— Ширана, помоги мне!

Сознание Шираны баюкало меня, как материнские руки.

— Тебе не в чем винить себя, Стиви. Мы делали это, погружив тебя в гипноз, так что твой мозг привыкал к перемене постепенно, без шока. Я сама вводила тебя в наш мир, как ведут ребенка, и когда ты наконец стал свободным, прошло уже много времени. Ты шагнул гораздо дальше, чем твое человечество, много дальше.

— Я мог бы остановиться, мог бы отказаться снова идти в Облако, когда узнал, что это такое. Я мог бы отказаться быть Иудой, ведущим корабль к гибели.

— Почему же ты этого не сделал?

— Потому что вы дали мне то, чего я хотел, — медленно сказал я. — То, о чем я всегда мечтал, даже не умея выразить это словами. Власть и свобода, каких не имел ни один человек. А у меня они были, и мне это нравилось. Когда я думал о тебе и о том, что мы можем сделать вместе, о том, что я могу сделать один, я готов был привести в Вуаль всю Солнечную систему. — Я тяжело, с хрипом, вздохнул и вытер потные ладони. — К тому же я больше не чувствовал себя человеком. Прежде мне случалось бить собак, и никаких особых угрызений совести я после этого не испытывал. Так и теперь. Я больше не принадлежал к людям.

— Что же изменилось сейчас?

— Не знаю, но что-то изменилось. Когда я думаю, что Вирджи пойдет под кристаллы, а я в Облако... Нет, мне не перенести этой мысли.

— Ты же видел их тела после этого, — мягко сказала Ширана. — Ни один атом в них не сдвинулся, и они улыбались. Бывает ли где-нибудь такая сладкая смерть?

— Да, это так. Но Вирджи моя.

Она пойдет под Х-кристаллы улыбаясь, ее темно-рыжие волосы блеснут в последний раз, а дымчато-серые глаза будут закрыты и полны грез. Она будет держать ребенка, и Брэд встанет рядом, а Х-кристаллы будут пульсировать и гореть причудливыми черными огнями, и Вирджи с улыбкой упадет, и

для нее с Бредом и для зеленоглазого марсианского малыша все закончится навеки.

Но жизнь, которая хранилась в их телах, сила, для которой у человека нет названия, сила, которая дарит дыхание, кровь и жар живой плоти, тончайшая вибрация человеческой души, эта жизненная сила поднимется от кристаллов вверх, в комнату Облака, и Ширана, ее народ, я и четыре человека, которые, как и я, больше не люди, войдут в Облако, чтобы получить возможность жить.

Раньше это меня не трогало. Конечно, иногда задумываешься над этим, но холодно, отстраненно. Тут нет семантической связи с «душой», «эго» или «жизненной силой». Ничего не видишь, не имеешь никакого контакта с мертвыми и о смерти не думаешь.

Нет, в Облако тыходишь как Бог, отрешившись от всего человеческого, и что тебе до того, что внизу кто-то умирает, ведь сам-то ты больше не человек!..

— Неудивительно, что вас выкинули из вашего измерения! — закричал я.

Ширана улыбнулась:

— Нас называли вампирами, паразитами, сибаритствующими чудовищами, живущими только ради новых ощущений и удовольствий. Они загнали нас во мрак. Возможно, они правы, не знаю. Однако мы никому не вредили и никого не пугали, и, когда я думаю о том, что они сделали со своим собственным народом, утопив его в крови, страхе и ненависти, мне страшно.

Она встала надо мной, сияя, как теплая жемчужина. Крошечные бриллиантовые огоньки горели на ее антеннах, а глаза светились, как черные звезды.

Я дотронулся до ее рук и от этого неожиданно потерял контроль над собой. Я беззвучно закричал.

— Хорошо это или плохо, но ты теперь один из нас, Стиви, — тихо сказала она. — Я очень огорчена тем, что случилось. Я могла бы помочь тебе, если бы ты позволил мне усыпить твой мозг. Но пойми же, наконец: ты оставил людей позади и никогда не вернешься обратно!

После долгого молчания я сказал:

— Я знаю. Я понимаю.

Я почувствовал ее вздох и дрожь, а затем она отступила, не убирая своих рук из моих.

— Пора, Стиви.

Я медленно встал и замер. Ширана вдруг охнула:

— Стиви, отпусти мои руки! Мне больно!

Я отпустил ее и сказал:

— Флейк никому не расскажет. Он знает мою слабость. В сущности, что бы я ни болтал, в Облако я все равно пойду и всегда в положенный час буду входить туда, потому что глубоко увяз в грехе и боюсь умереть.

— Что такое грех? — спросила Ширана.

— Бог знает. Только Бог.

Я обнял ее мягкое, как у птицы, тело, поцеловал блестящие щеки и маленький малиновый рот. В этом поцелуе был слабый горький привкус моих слез. Я тихо рассмеялся, сдернул с шеи цепочку с медальоном и швырнул ее на пол. Мы с Шираной пошли к Облаку.

Глава 4

ЗАНАВЕС ТЬМЫ

Мы шли по залам Астеллара, как сквозь многоцветный драгоценный камень. Залы были янтарные, аметистовые, рубиновые, драконье-зеленые и цвета утреннего тумана — всех цветов, которые только существуют в этом измерении.

Покидая свои хрустальные кельи, обитатели Астеллара присоединялись к нам.

Народ Шираны, изящный, с бархатными глазами, с короной из огненных шариков на верхушках антенн, походил на живую радугу.

Флейк, я и еще трое — всего пятеро людей с тем типом мозга, какой был желателен народу Шираны, — надели черные космические скафандры и шли в окружении золотой ауры.

Я заметил, что Флейк поглядывал на меня, но не стал встречаться с ним глазами.

И вот мы достигли центра Астеллара — нашей цели. Гладкие черные двери были распахнуты. Внутри клубился туман, похожий на свернувшиеся солнечные лучи; мушки чистого, яркого, направленного излучения связывались и танцевали в облаке живого света.

Ширана взяла меня за руку. Я понимал, что она хочет отвлечь мои мысли от происходящего внизу, где мужчины, женщины и дети с «Королевы Юпитера», подчиняясь гипнотическому приказу, шли под X-кристаллы навстречу своему последнему сну.

Я сжал ее руку, и мы шагнули в Облако.

Нас окутал свет. Вибрация силы X-кристаллов удерживала нас на пощипывавшей плавучей паутине, и живой золотой свет держал нас, ласково пробегая по коже крошечными волнами огня.

Я жаждал этого. Мое тело вытянулось и напряглось. Под ногами вибрировала энергетическая паутина, голова моя была поднята, дыхание замерло. Каждый атом моей плоти возрождался, трепетал и пульсировал жизнью.

Жизнь!

Вдруг что-то ударило меня.

Я не хотел этого. Я думал, что прогнал это вниз, на дно, что оно больше не потревожит меня. Я думал, что поладил со своей душой, какой бы она ни была, пусть даже ее и вовсе нет. Я не хотел думать.

Но я думал. Это ударило меня неожиданно, как метеорит настигает корабль в космосе, как языки солнечного пламени омывают пики на темной стороне Меркурия, как смерть, стремительная и неотвратимая, которую нельзя ни обмануть, ни обойти.

Я знал, что это за душа, откуда она пришла и как изменила меня.

Это была Вирджи с ее рыжими волосами и дымчато-серыми глазами, в которой продолжалась жизнь Мисси и моя жизнь. Зачем Вирджи была послана мне? Зачем я встретил ее возле мертвого марсианина в Джеккаре?

Но я ее встретил. И сейчас мне стало ясно все.

Не помню, что я сделал, — наверное, вырвал свою руку из руки Шираны. Я почувствовал, как моего мозга коснулась и тотчас же отпрянула ее испуганная мысль, и я побежал через золотое Облако к дальнему проходу.

Я бежал со всех ног, не думая, не рассуждая.

Наверное, я кричал, не знаю. Я совсем обезумел. Не помню, чувствовал ли я, что кто-то бежит за мной.

Я влетел в дальний зал. Он был голубой, как спокойная глубокая вода, и совсем пустой. Я бежал. Я не хотел бежать. Каким-то здравомыслящим уголком сознания я звал Ширану, но она не могла пробиться сквозь визжащий хаос моих мыслей. Я бежал.

И кто-то бежал позади. Я не оглядывался, не до того было. Да и едва ли я сознавал это. Но кто-то бежал за мной длинными летящими шагами.

Вниз по голубому коридору в другой, цвета пламени с серыми точками, и вниз по извилистому скату из темного янтаря, спускавшемуся на нижний уровень, на тот уровень, где помещались Х-кристаллы.

Я сбежал по янтарной тропке, прыгая, как олень, по пятам преследуемый собаками, сквозь хрустальную тишину, в которой звук моего дыхания — тяжелого и прерывистого — дробился

звонким разноголосым эхом. Пологий спуск завершался круглой площадкой, куда выходили четыре коридора.

Темный пурпур окружающих меня стен сверкал гранями, как огромный рубин.

Из коридора навстречу мне вышли трое людей с молодыми лицами и снежно-белыми волосами. Их нагие тела горели золотом на пурпурном фоне.

Я остановился в центре площадки. За моей спиной послышались быстрые шаги босых ног, и я, не оглядываясь, понял, кто это.

Это был Флейк. Он обежал кругом и уставился на меня своими холодными странными глазами.

Где-то он раздобыл бластер и теперь целился в меня — не в голову, не в сердце, а в живот.

— Сдается мне, Стиви, что ты хочешь наломать дров, — сказал он. — Придется нам немного покараулить тебя — если ты не возражаешь, конечно.

Я стоял неподвижно. Мне было все равно.

Что мне до этих людей? Время идет, а X-кристаллы продолжают пульсировать — далеко, слишком далеко от меня. Ни о чем другом я думать не мог.

— Прочь с дороги! — сказал я Флейку.

Он улыбнулся. Трое мужчин позади него насторожились. Они смотрели на Флейка, на меня и боялись.

Терпеливо, как капризному ребенку, Флейк сказал мне:

— Ты пойдешь с нами, Стиви, или я выпущу из тебя кишки. Ну?

Я взглянул в холодные странные глаза:

— Это на тебя похоже.

— Угу. — Он облизал губы. — Мое дело — предупредить, а ты выбирай.

— Ладно, — вздохнул я. — Я выбрал.

Терять мне было нечего. Я ударил его. Я первый ударил его волнами своего мозга.

Флейк был силен, но я попал в Облако на пятьдесят лет раньше, и Ширана научила меня многому. Собрав всю свою силу, я обрушил на него тяжелый мысленный удар, и ему пришлось ответить тем же, но это лишило его возможности управлять бластером.

Застигнутый врасплох, он послал малиновый поток смертельной энергии мимо меня: я успел уклониться. Мне опалило кожу, только и всего.

Молодя друг друга, мы упали на пурпурный камень. Флейк оказался сильным. Он был выше и тяжелее, чем я. Он избил меня почти до бесчувствия, но я сжал его руку, в которой он

держал оружие, и не выпускал. Трое других попятнулись к коридору, опасаясь, что бластер может выстрелить и задеть их.

Сначала они решили, что Флейк легко справится со мной, а теперь испугались и потому отступили, поспешно направляя на меня свои силовые импульсы.

Я так и не знаю, почему им не удалось убить меня. Наверное, причин было много: уроки Шираны, мой немалый опыт, а главное, тот факт, что я не мог мыслить сознательно. Я был всего лишь вещью, снарядом, летящим сквозь ветхие преграды.

Иногда я жалею, что они не сломили меня. Иногда я жалею, что Флейк не сжег меня на пурпурном камне.

Я стянул их мысленные атаки. Я принял удар громадного кулака Флейка и его яростные пинки, а сам направил всю свою мощь на то, чтобы согнуть его руку. Я дернул ее вверх и повернул, куда хотел.

Я выиграл. Его игра была кончена. Он сломался на ней, он упустил свою победу. Я видел широко раскрытые глаза на его темном лице. Я до сих пор вижу их.

Я вытянул палец и нажал на спусковую кнопку.

Потом встал и, сжимая бластер, пошел через площадку. Трое посторонились, пропуская меня. Они сияли золотом, в глазах их плясали огоньки дикого животного ужаса.

Я выстрелил одному из них в голову как раз в тот момент, когда его мышцы напряглись для прыжка. Другие оказались проворнее. Они сбили меня с ног, а между тем время шло, и люди, околдованные гипнотическим сном, медленно проходили под кристаллы.

Я лягнул одного из нападавших в челюсть и сломал ему шею, а другой попытался вырвать у меня оружие. Но я только что вышел из Облака, а он еще не был там. Я был полон жизни, поднимавшейся от X-кристаллов, поэтому оттолкнул его руку и снова нажал на кнопку, стараясь не смотреть ему в глаза.

А ведь они были моими друзьями, людьми, с которыми я выпивал и смеялся, а иногда посещал далекие миры.

Далее мой путь лежал через зал цвета марсианской зари. Я был опустошен. Я ни о чем не думал и ничего не чувствовал. Тело ньюло от боли, из уголка рта сбегала струйка крови, но все это не имело значения.

Наконец я добрался до кристаллов.

Многим уже ничего не могло помочь. Многим, почти половине. Они все еще лежали на черном полу, но места здесь хватило бы на всех. Пришедшие после них не толпились, а шли медленно, спокойно.

Кристаллы висели широким кругом, слегка наклонившись внутрь. Они пульсировали чернотой, которая далеко превосхо-

дила обычную темноту. Угол наклона и настройка граней по отношению к другим кристаллам давали различные результаты: для наведения Вуали, для движения энергии, для гипноза, для содания ворот в другие пространство и время.

Для высасывания жизненной силы из человеческих тел.

Я видел бледное сияние энергии в центре — нечто вроде вихря между бесконечными горящими черными гранями, который поднимался от неподвижных тел в комнату Облака наверху.

Я видел лица мертвых. Они улыбались.

Пульт размещался с другой стороны. Душа моя была мертва, так же мертва, как тела на полу, но я побегал. Помню, мне пришлось в голову, что смешно бежать, коли ты умер.

Я держался подальше от кристаллов и изо всех сил бежал к пулту.

И тут я увидел Вирджи. Она шла в конце процессии и, как я и предполагал, рядом с Брэдом и со спящим марсианским младенцем на руках.

Рыжеволосая Вирджи с глазами Мисси!

Я схватился за ручки управления и дернул их вверх. Сияющий вихрь исчез. Я повернул громадное шестиугольное колесо на полную гипнотическую энергию и помчался между мертвыми.

Я сказал живым, что они должны делать.

Я не будил их. Они повернулись и тем же путем пошли назад, к «Королеве Юпитера». Они шли быстро и уверенно, все еще улыбаясь и по-прежнему без страха.

Я повернулся к колесу и снова повернул его до опасной отметки, а затем пошел вслед за людьми. В дверях я обернулся и поднял бластер.

Там, под черными лучами кристаллов, на полпути от изгиба стены стояла Ширана.

Я почувствовал, как ее сознание коснулось моего, а затем медленно отступило, как человек убирает руку от любимого, который только что умер. Я посмотрел ей в глаза и увидел...

Почему я так поступил? Почему меня волновали рыжие волосы и дымчато-серые глаза, разбавленная тремя столетиями кровь женщины по имени Вирджи? Я же больше не был человеком. О чем же я беспокоился?

Мы с Шираной оказались по разные стороны кристаллов. Между нами лежала пропасть — больше, чем пропасть...

Я уловил слабое эхо ее мысли: «О, Стиви, сколько еще можно было бы сделать!»

В ее необъятных сияющих глазах блеснули слезы, драгоценные капельки на антеннах потускнели и скатились вниз. Я уже знал что она собирается сделать.

Внезапно глаза мои застлал плотный туман, и кристаллы, а вместе с ними и весь зал исчезли.

Впрочем, мне и не хотелось видеть. Я наугад поднял бластер и послал в висающие кристаллы полный заряд, а потом побежал.

Я почувствовал, как последний импульс умирающей мысли Шираны ударился в мой мозг и рассыпался, разрушился где-то в ее мозгу, в своем источнике. Я бежал, бежал автоматически, подчиняясь неведомой силе, — мертвец в ореоле золотого света.

Поврежденные выстрелом Х-кристаллы начали трескаться, лопаться и рвать на куски мир Астеллара.

Я плохо представлял себе, что, собственно, случилось. Я бежал и бежал за людьми, которые все еще были живы, и ни о чем не думал, ничего не ощущал. Я смутно помню коридоры с хрустальными кельями, янтарный, аметистовый, рубиновый и драконье-зеленый залы и зал цвета утреннего тумана. Тысячи всевозможных цветов, которые в нашем измерении не имеют названия.

Позади меня трещали и лопались стены коридора, обрушивались осколки радуги, и над всем этим, калеча и раздирая Астеллар, лился поток энергии Х-кристаллов.

Потом я что-то слышал — мозгом, не ушами. Народ Шираны умирал под обломками своего мира.

Мой мозг был оглушен, но недостаточно: я еще мог слышать. Я все еще слышал.

«Королева Юпитера» была цела. Надвигавшаяся снаружи вибрация не успела дойти сюда.

Мы зашли на борт, я открыл «двери» в пространство и сам поднял корабль, потому что шкипер и оба старших офицера навеки уснули на Астелларе.

Я не смотрел на агонию Астеллара. Когда же мне все-таки захотелось оглянуться, кристаллический мир уже исчез, оставив после себя лишь облако яркой пыли, сверкавшей на обнаженном солнце.

Я включил автопилот, определил направление — штаб-квартира Управления межзвездного пространства на Марсе, а затем покинул «Королеву Юпитера» на спасательной шлюпке.

И вот теперь я пишу это где-то между Марсом и Поясом астероидов. Перед уходом я даже не взглянул на Вирджи. Я никого не хотел видеть, тем более ее. Теперь они, наверное, проснулись. Надеюсь, что все они живы и здоровы.

Астеллар исчез. Вуаль исчезла. Теперь вам нечего бояться. Я собираюсь вложить эту рукопись в почтовую ракету и послать ее, чтобы вы знали, что вам нечего бояться.

Не знаю, почему это меня волнует. Не знаю, зачем я пишу это, разве что... О Господи, знаю! Зачем лгать? Зачем теперь лгать?

Я жив и молод, но Облако, которое сохранило меня таким, исчезло, и теперь я буду стареть очень быстро и скоро умру. Я боюсь умирать.

Где-нибудь в Солнечной системе должен найтись кто-то, кто захочет помолиться за меня. Когда я был ребенком, мне говорили, что молитва помогает. Я хочу, чтобы кто-нибудь помолился за мою душу, потому что сам я не могу за себя молиться.

Если бы я радовался тому, что сделал, если бы я изменился, тогда, возможно, я мог бы молиться, но я слишком далеко ушел от человечества и не могу вернуться.

Может статься, молитва и не понадобится. Может быть, после смерти нет ничего, кроме забвения. Я так надеюсь на это! Больше всего на свете я хочу исчезнуть, бесследно исчезнуть и не думать, не вспоминать...

Я умоляю всех богов всех мирозданий, чтобы смерть стала небытием. Но я ничего не знаю, и я боюсь.

Иуда... Иуда... Иуда!

Я предал два мира, и не может быть ада глубже, чем тот, в котором я сейчас живу. И все-таки я боюсь.

Почему я боюсь того, что случится со мной? Я разрушил Астеллар. Я погубил Ширану, которую любил больше, чем всю Вселенную. Я убил своих друзей, своих товарищей, убил себя.

И вы не стоите этого. Все человеческое стадо, плодящееся в Солнечной системе, не стоит Астеллара и Шираны и того, что мы делали вместе в других пространствах и времени.

Зачем я дал Мисси этот медальон?

Зачем я встретил рыжеволосую Вирджи?

Зачем я вспомнил? Зачем тревожился? Зачем я сделал то, что сделал?

Зачем я вообще родился?

ОЗЕРО УШЕДШИХ НАВСЕГДА

Глава 1

ПОСАДКА НА ИСКАРЕ

В своей каюте на борту космического корабля «Роган» Рэнд Конвей спал — и видел сон.

Он стоял в узком ущелье. По обе стороны из пушистого снега поднимались ледяные стены, отвесные, высокие и бесконечно прекрасные. В сумеречном полусвете плясали в воздухе иголки изморози, похожие на бриллиантовую пыль, а над головой на фоне ясного темно-синего неба, усеянного огромными звездами, возвышались сверкающие остроконечные пики.

Как всегда, это место было совершенно незнакомо Конвею, и в то же время в нем было что-то знакомое. Он двинулся вперед, сквозь наметенные ветром сугробы, с таким чувством, словно знал, что найдет там, за поворотом.

Страх охватил его, но остановиться он не мог.

И как всегда, в этом ледяном ущелье стоял, поджидая его, покойный отец. Он стоял в точности так же, как и много лет назад, в ту ночь, когда умер, и снова медленно, печально произнес те слова, которые сказал тогда своему маленькому, еще ничего не понимавшему сыну:

— Мне никогда не вернуться на Искар, на озеро Ушедших Навсегда.

Слезы медленно текли из-под его опущенных век, а между отвесными скалами металось эхо, повторяя:

— Озеро Ушедших Навсегда... Ушедших Навсегда...

The Lake of the Gone Forever
Copyright © 1949 by Leigh Brackett
Озеро Ушедших Навсегда
© Издательство «Полярис», перевод, 1997

Весь дрожа, Конвей брел вперед. Над ним в темно-синем небе плыли звезды, и в красоте их было что-то зловещее, а мерцающие ледяные башни словно подсмеивались над ним.

Он вошел в тень одетых льдом скал, скрывавших дальний конец ущелья, и снова услышал полный отчаяния голос человека, который давно умер:

— Мне никогда не вернуться на Искар!

И скалы подхватили это слово, и оно громом раскатилось по его сну:

— Искар! Искар!

Рэнд Конвей вздрогнул и сел на койке — сна как не бывало. Как всегда, он весь дрожал и обливался потом, потрясенный этим странным видением. Потом он крепко стиснул края койки и рассмеялся.

— Да, тебе не вернуться туда, — шепотом сказал он человеку, который умер двадцать лет назад. — Но я буду там. Клянусь небесами, я скоро буду там!

Ему показалось, что сам корабль, несущийся в космической пустоте, вполголоса повторяет это слово, что оно слышится в гудении машин и в реве ракетных двигателей:

— Искар! Искар!

Буйное торжество охватило Конвея. Сколько раз он пробуждался от этого сна с чувством безысходности — без всякой надежды, что когда-нибудь сможет дойти до цели! Сколько раз за многие годы тяжелого, опасного труда космолетчика эта затерявшаяся в пустоте маленькая планета, означавшая власть и богатство, казалась недостижимо далекой!

Но он не сдавался. Он был слишком упрям, чтобы отступить. Он ждал, строил планы и надеялся, пока в конце концов ему не выпала удача. И теперь он приближался к тому месту, которое потерял и так и не смог обрести вновь его отец.

— Искар!

Конвей встрепенулся, выражение задумчивости слетело с его лица. Это было не просто эхо из его сна. Кто-то звал его, стоя за дверью каюты:

— Конвей! Рэнд Конвей! Уже виден Искар!

Ну конечно! Иначе почему ревут двигатели? Он еще не вполне проснулся и поэтому не догадался сразу.

Конвей вскочил и пересек тускло освещенную каюту — высокий, очень худой и жилистый, но не лишенный какой-то необычной грации, какого-то изящества в лепке фигуры. Его серо-голубые глаза возбужденно блестели, они горели волчьим голодом.

Он распахнул дверь. Яркий свет в коридоре больно ударил его по глазам и заставил сощуриться — врожденная чувствительность

к свету была его единственной слабостью, и он много раз проклинал отца, от которого ее унаследовал. Сквозь зыбкую пелену света он увидел кроткое, добродушное лицо Питера Эсмонда, такое же возбужденное, как и у него.

Эсмонд что-то сказал, но Конвей не расслышал, да и не прислушивался. Он протиснулся мимо него и широкими шагами устремился по коридору к трапу, который вел в рубку.

Там, под огромным иллюминатором, было темно, и Конвей сразу же вновь обрел способность видеть. Перед ним расстиралось сине-черное небо Пояса астероидов, усеянное сверкающими золотистыми звездами — крохотными планетками, отражающими свет далекого Солнца.

А впереди, прямо по курсу, он увидел маленький туманный шарик — это и был Искар.

Конвей долго стоял, не сводя с него глаз, не шевелясь, не проронив ни слова, и только в глубине души у него все трепетало.

Рядом прозвучал низкий голос Чарлза Рогана:

— Ну вот и он — этот новый мир. Волнующий момент, а?

Конвей мгновенно насторожился. Роган — не дурак. Будь он дурак, он бы не сколотил свои сорок миллионов долларов, и теперь непросто будет повернуть дело так, чтобы он ни о чем не догадался.

Конвей выругался про себя, но это относилось не к Рогану, а к его дочери Марше.

Это она уговорила отца тоже отправиться в путешествие — посмотреть, не стоит ли открыть торговлю с Искарком. Роган контролировал львиную долю торговли с лунами Юпитера, и эта идея выглядела вполне логичной. Но Маршу, конечно, интересовала не финансовая сторона дела. Просто она не могла расстаться с Эсмондом, а другого способа полететь вместе с ним у нее не было.

Конвей бросил взгляд на Маршу, которая стояла, обняв своего жениха. Симпатичная девушка. Хорошенькая девушка. При обычных обстоятельствах она бы ему нравилась. Но здесь ей делать было нечего, как и Рогану, — во всяком случае, это не входило в планы Конвея.

С одним Эсмондом он бы справился легко. Эсмонд был воплощенный этнограф, с головы до ног. Стоит ему добраться до какой-нибудь новенькой расы, которую он сможет изучать и раскладывать по полочкам, — и он знать не захочет ни о каких других сокровищах, скрытых на этой планете.

Теперь, задним числом, вся эта цепочка совпадений казалась Конвею зыбкой и ненадежной — и его знакомство с Эсмондом

в дальнем полете к Юпитеру, и внезапное озарение, когда он узнал, что Эсмонд связан с Роганами, и тщательно продуманная кампания, имевшая цель невзначай пробудить у Эсмонда интерес к неведомым обитателям Искара, и тот решающий момент, когда он показал Эсмонду отрывочные записки своего отца и вселил в него неудержимое стремление увидеть этот обитаемый мир, который до сих пор видел всего лишь один человек с Земли.

Эсмонд переговаривал с Маршей Роган, Марша — с отцом, и вот они здесь. Теперь Эсмонд сможет стать членом Межпланетного этнографического общества, а Рэнд Конвей сможет заполучить то, чего он жаждал с той самой минуты, как, случайно наткнувшись на записки своего отца, прочел в них о том, что таит в себе озеро Ушедших Навсегда и что остается только подобрать первому же решительному человеку, который до него доберется.

Эту часть записок он никогда никому не показывал.

И вот они несутся с небес к Искар, и все оказалось совсем легко — даже слишком легко. Конвей был космолетчик, а значит, человек суеверный, тут уж ничего не поделаешь. У него вдруг появилось предчувствие, что так просто дело не кончится, что ему еще придется дорого заплатить за эту легкость.

Протиснувшись к иллюминатору, Эсмонд, словно зачарованный, уставился на мерцающее вдалеке серебристое пятнышко Искара.

— Интересно, какие они окажутся? — произнес он в миллион первый раз. Марша улыбнулась.

— Скоро узнаешь, — отозвалась она.

— Странно, — сказал Роган, — что твой отец, Конвей, так мало рассказывал о жителях Искара. Записки у него какие-то отрывочные — как будто он написал гораздо больше, а потом это уничтожил.

Конвей прислушался, не прозвучала ли в голосе Рогана нотка подозрения, но ничего такого не заметил.

— Может быть, он так и сделал, — ответил он. — Но я больше ничего не смог найти.

За одним исключением, это была правда.

Лицо Марши в тусклом свете звезд было задумчиво и немного печально.

— Я много раз перечитывала эти записки, — сказала она. — Думаю, что ты прав, папа. Думаю, что мистер Конвей вложил в них все, что было у него на душе, а потом уничтожил их, потому что не мог вынести мысли, что их кто-нибудь прочтет, будь это даже его сын.

Жестом, полным сочувствия, она положила руку на плечо Конвея.

— Я хорошо понимаю, как тебе хочется все узнать, Рэнд. Надеюсь, ты найдешь ответ.

— Благодарю, — серьезно ответил Конвей.

Ему пришлось как-то объяснить свой интерес к Искару, и он смог это сделать, не прибегая к лжи, а только умолчав кое о чем. История его отца вполне соответствовала действительности — это был угрюмый, глубоко опечаленный чем-то человек с подорванным здоровьем и сломленным духом, живший в одиночестве со своим сыном и со своей мечтой. Он умер, когда Рэнду еще не было десяти, от собственной руки и с именем Искара на губах. «Мне никогда не вернуться на озеро Ушедших Навсегда!»

У самого Конвея не было никаких сомнений по поводу того, в чем состояла тайная трагедия отца. Он нашел на Искаре сокровище и не смог вернуться, чтобы им завладеть. Этого достаточно, чтобы свести с ума кого угодно.

Но он легко сумел, опираясь на собственные детские воспоминания и на эти странно отрывочные записки, окутать романтической таинственностью историю открытия одиноким изыскателем неведомой планеты, которое превратило его в одержимого и привело к смерти. На Маршу все это произвело глубокое впечатление, и она ни на минуту не усомнилась в том, что Конвей действительно стремится разгадать тайну, которая, по его словам, омрачает всю его жизнь.

Так оно и было. Ни наяву, ни во сне Рэнд Конвей не мог забыть про Искара и про озеро Ушедших Навсегда.

Он смотрел, как туманный шар в небе впереди становится все больше, и сердце у него билось все сильнее. Руки его так и тянулись вперед, чтобы добраться до Искара, чтобы выжать из него ту власть и то богатство, которые возместят ему все эти горькие годы ожидания.

Конвей подумал о своем сне. Этот сон каждый раз был до боли ярким и оставался у него в памяти много часов после пробуждения. Но на сей раз все было иначе. Перед его глазами снова возникла фигура отца, стоящего в хрустальном ущелье наедине со своей глубокой печалью, и Конвей сказал ему: «Ты должен был ждать. У тебя должно было хватить мужества на то, чтобы ждать, как ждал я».

Впервые в жизни он не чувствовал к отцу жалости.

И тут же он забыл об отце. Забыл о времени, и об Эсмонде, и о Роганах. Забыл обо всем, кроме Искара.

«Роган» ритмически содрогался от рывков тормозных двигателей. Диск Искара уже заполнил весь иллюминатор, и на

краю его громоздились устремленные в небо мерцающие пики, так похожие на его сон, что Конвей невольно вздрогнул.

Пики быстро росли, превращаясь в ледяную стену, и «Роган» заскользил вниз, к месту посадки.

Глава 2

БЕЛЫЙ ГОРОД

Космический корабль лежал на земле, словно огромный черный кит на белом, без единого пятнышка, ледяном поле. Позади него поднималась ледяная стена, увенчанная шпилями, которым ветер придавал фантастические скульптурные формы. Перед ним до самого круто изогнутого горизонта простиралась покатаая снежная равнина, кое-где посреди нее торчали нагромождения камней, на которых играли отблески света. Вдали на фоне бездонного темно-синего неба четко вырисовывались еще несколько горных хребтов.

Рэнд Конвей стоял поодаль от остальных. На лице его застыло какое-то странное выражение. Он откинул теплый капюшон, подставив голову ледяному ветру.

Над головой плыли огромные золотистые звезды, а в воздухе плясали иголки изморози. Ветер то вздымал пушистый снег сверкающей белой пеленой, то снова укладывал его на землю причудливыми волнами.

Эта равнина, это небо, эти обледенелые шпили — все было окрашено в удивительно прекрасные тона, бесконечно мягкие и нежные. Здесь не было яркого света, который так резал Конвею глаза. Мерцающее сияние Искара было похоже на какие-то туманные сумерки, напоминающие сновидение.

Искар — наконец-то, через столько лет, он ступил на землю этой планеты! Конвей весь дрожал, ему было трудно дышать. Его черные глаза с огромными кошачьими зрачками ярко блестели. Искар!

И вдруг ему стало страшно.

Страх обрушился на него из узких ущелий, с ледяных горных пиков. Страхом дышал ветер, страх источал снег под ногами. Леденящий саван страха окутал Конвея, на мгновение он утратил ощущение реальности и перестал понимать, где находится.

Под обледенелыми скалами лежали глубокие тени, устья ущелий были погружены во тьму, и оттуда доносился какой-то зловещий шепот. Конвею показалось, что ужас, пронизывавший его сон, — где-то здесь, совсем рядом, и ждет.

Наверное, он издал какой-то звук или сделал какой-то жест, потому что Марша подошла к нему и взяла его под руку.

— Рэнд, — сказала она. — Рэнд, что с тобой?

Он вцепился в ее руку. Через минуту все снова стало как обычно, и он через силу улыбнулся.

— Не знаю, — ответил он. — Что-то на меня нашло.

Он не мог рассказать ей про свой сон. Вместо этого он рассказал про то, что, как он знал, было его причиной.

— Должно быть, отец что-нибудь говорил мне об этом месте, когда я был маленький. Что-то такое, чего я не могу припомнить. Что-то ужасное. Я... — Он немного помолчал, а потом, собравшись с духом, продолжал: — Мне на секунду показалось, что я уже бывал здесь, что я знаю...

Он умолк. Тень уже рассеялась. К дьяволу все эти сны и подсознательные воспоминания! Есть только реальность — реальность, которая сделает его богаче Роганов.

Он смотрел вдаль, на равнину. На мгновение его мысли отразились у него на лице, и Маршу поразило промелькнувшее на нем выражение жестокого торжества.

Подошли остальные — Роган, молодой Эсмонд и толстяк капитан Фрэзер, опытный командир «Рогана». Все они поезжались, несмотря на теплые комбинезоны. Эсмонд взглянул на Конвея, все еще стоявшего с непокрытой головой.

— Уши отморозишь, — сказал он.

Конвей засмеялся с легким оттенком превосходства.

— Если бы ты столько лет болтался по дальнему космосу, как я, ты бы не стал обращать внимания на такую легкую прохладу. — Он указал рукой вдаль, туда, где на краю равнины возвышались горные хребты. — Если верить картам моего отца, то деревня, или что там есть, — между этими горами.

— Мне кажется, — сказала Марша, — нам лучше всего достать снегоходы и отправиться, пока Питер не лопнул от нетерпения.

Эсмонд рассмеялся. Его всего трясло от возбуждения.

— Надеюсь, что с ними ничего не случилось, — сказал он. — С тех пор, как твой отец здесь побывал. Ну, знаешь — голод там, или эпидемия, или еще что-нибудь.

— Надо думать, они ребята крепкие, — сказал Роган. — Иначе бы им не выжить в этой Богом забытой дыре. — Он со смехом повернулся к Фрэзеру: — Ради всего святого, давайте сюда снегоходы.

Фрэзер кивнул. Команда уже высыпала наружу, и все, словно мальчишки, резвились на снегу, радуясь, что после долгого пути можно наконец выйти на воздух. Подошли второй помощник с механиком, Фрэзер переговорил с ними, и помощник направился к кораблю, чтобы собрать людей.

Вскоре из грузового люка показались снегоходы. Их было три — два предназначались для разведочной партии, один дол-

жен был на всякий случай оставаться около корабля. Корпуса их были сделаны из легкого пластика. Они были снабжены всем необходимым, включая рации и надежные полицейские ружья, заряженные патронами с наркотизирующим газом.

Роган посмотрел на дочь:

— Марша, я хочу, чтобы ты осталась здесь.

Девушка, наверное, ожидала этого, подумал Конвей, потому что она только стиснула зубы, сделавшись до смешного похожей на отца — меньше ростом и красивее, но еще упрямее.

— Нет, — ответила она.

— Ну пожалуйста, дорогая, — сказал Эсмонд. — Не исключено, что эти люди поначалу будут вести себя не слишком дружелюбно. А ты сможешь поехать в следующий раз.

— Нет, — повторила Марша.

— Не дури, Марша, — мягко сказал Роган. — Иди с Фрэзером назад, на корабль.

Марша пристально посмотрела на него. Потом повернулась, наскоро поцеловала Эсмонда в щеку и сказала:

— Удачи тебе, дорогой.

И ушла вместе с Фрэзером. Конвей видел, что в глазах у нее стояли слезы. Ему стало жаль ее. Это было не показное геройство, просто ей хотелось быть вместе с Эсмондом — мало ли что может случиться.

— Пожалуй, нам пора отправляться, — сказал Роган.

Они погрузились в снегоходы — по шесть человек в каждый, все рослые, крепкие рядовые космолетчики, кроме Рогана, этнографа и Конвея, который потом и кровью заработал себе звание пилота.

Включились небольшие ракетные двигатели — их свист перешел в рев, а потом в ровное гудение. Снегоходы, поднимая снежные буруны, понеслись по бездорожью, словно две крохотные шлюпки в белоснежном море.

Конвей сидел в переднем снегоходе. Он подался вперед, словно гончая, которой не терпится, чтобы ее спустили с привязи. Он был в крайнем возбуждении, но какая-то часть его сохраняла полное спокойствие и хладнокровно строила планы.

Космический корабль позади становился все меньше, а сверкающие шпиль впереди почти незаметно для глаза все выше поднимались на фоне неба.

Через некоторое время скорость снегоходов стала падать. Из снега поднимались нагромождения камней, состоявшие наполовину из льда, а временами попадались скалы, одетые и увенчанные ослепительной ледяной броней и отполированные ветром. Водитель, вытянув шею, всматривался вперед.

— В чем дело? — спросил Конвей. — Почему замедлили ход?

— Боюсь во что-нибудь врезаться, сэр, — с раздражением ответил водитель. — Чертовски темно, да еще эти тени, я ничего не вижу.

— Только-то? — рассмеялся Конвей и отодвинул его. — Пустика, уступи место сове.

Он взялся за руль, и снегоход понесся дальше. Каждая скала и камень, каждая неровность на поверхности снега были так же хорошо ему видны, как большинству людей при ярком дневном свете. Он снова рассмеялся.

— Искар начинает мне нравиться, — сказал он Рогану. — Пожалуй, устрою здесь колонию для тех, кто лучше всего видит ночью. В этой темноте мы будем чувствовать себя отлично, словно летучие мыши. Должно быть, мой отец был здесь просто счастлив.

Роган покосился на него. Конвей так и не надел капюшона. Ледяной ветер трепал его волосы, ресницы заиндевели. Казалось, это доставляет ему удовольствие. Роган поежился.

— Ну, у меня куриная слепота, — сказал он. — Мне подавай побольше солнечного света — и тепла тоже!

Эсмонд их не слушал. Он мечтал об этой планете так же страстно, как Конвей, и теперь не мог думать ни о чем другом.

Снегоходы мчались по равнине — огоньки выхлопов одного служили ориентиром для другого. Корабль затерялся в оставшемся позади белом просторе. Впереди, на фоне звезд, все выше вздымались два горных хребта-близнеца. Все вокруг застыло в неподвижности, только в ушах свистел ветер. «Как красиво, как спокойно», — подумал Конвей. Эта планета была похожа на прекрасный ледяной бриллиант.

В ушах у него звучали слова — те слова, которые сопровождали смерть отца и прошли через всю его жизнь, как завет и вызов. «Озеро Ушедших Навсегда... Ушедших Навсегда...»

Он давно уже перестал задумываться о том, что означает это название. Только в ночных кошмарах в нем слышалось что-то пугающее. Он хотел одного — того, что спрятано в этом озере, а все остальное не имело никакого значения.

Озеро Ушедших Навсегда. Уже скоро... скоро... скоро!

Но ему показалось, что прошло очень много времени, прежде чем они достигли широкой долины, лежавшей между двумя цепями гор.

Здесь земля была неровной и ненадежной, и мчаться с прежней головокружительной скоростью было невозможно. В конце концов он совсем остановил снегоход.

— Дальше придется идти пешком, — сказал он.

В лихорадочном нетерпении он ждал, пока все с ружьями за спиной выберутся из снегоходов. Двоих оставили стеречь их,

а остальные двинулись вперед, карабкаясь цепочкой по вздыбленным скалам. Ветер выл между крутыми обрывами, летящий снег слепил глаза. Города видно не было.

Конвей шел первым. Он был словно одержим демонами. Все скользили и спотыкались, а он шагал по неровной земле, сквозь снежные заносы, быстро и уверенно, словно кошка. Несколько раз ему пришлось останавливаться, чтобы не окатиться далеко впереди всех.

Внезапно какой-то новый звук заглушил вой ветра.

Конвей поднял голову и прислушался. Откуда-то со склонов гор доносились голоса труб, звучные, чистые и сильные. Они эхом разносились по долине, и их звонкая переключка заставляла сердце Конвея забиться в неистовом возбуждении. Он мотнул головой, чтобы встряхнуть снег из волос, и зашагал вперед, предоставив остальным пробираться за ним как хотят.

Перед ним смутно вырисовывался крутой горный отрог. По-прежнему дул ветер, и низкие голоса труб снова и снова перекликались через всю долину. Наметенные ветром сугробы поднимались ему навстречу, обледеневшие осыпи заставляли его напрягать все силы, но он не замедлял шага. Со смехом он обогнул отрог и увидел белый город, сверкавший при свете звезд.

Город раскинулся на всю ширину долины, поднимаясь на склоны гор, словно вырос из мерзлой земли, словно был частью ее, такой же вечной, как и эти горы. На первый взгляд Конвею показалось, что весь он построен из льда, — в густых сумерках фантастические силуэты его башен и зубчатых стен, местами припорошенных снегом, слабо светились изнутри. Из окон лились жемчужные потоки света.

Дальше, там, где город кончался, обе горные цепи сходились все ближе, пока между их склонами не оставалась лишь тонкая темная полоска — вход в узкое ущелье с ледяными стенами до самого неба.

Сердце Конвея до боли сжалось.

Узкое ущелье... То самое ущелье!

На мгновение все вокруг погрузилось в ревущую тьму. Сон и реальность слились воедино — записки отца, его предсмертный вопль, сонные видения Конвея и его пронизанные страхом блуждания за гранью кошмара.

«Оно там, где кончается город, в узком месте между горами — озеро Ушедших Навсегда. И мне туда уже не вернуться!»

— Но я-то вернулся, — произнес Конвей вслух, обращаясь к ветру, и к снегу, и к поющим трубам. — Я пришел!

Весь охваченный чувством ликования и торжества, он снова взглянул на город, на его белоснежную красоту, на

отполированные ветром башни, сверкающие под золотистыми звездами.

Это был хорошо укрепленный город, защищенный прочными стенами от каких-то своих врагов, живших на этой планете. Конвей побежал к нему, а рев труб становился все громче и громче, и вскоре к нему прибавился резкий боевой клич волынок. Волынщики маршировали вдоль стены, и сквозь пелену снега он увидел, что оттуда, сверху, на него смотрит множество людей. Цепочка сверкающих копий рваной серебряной каймой тянулась в обе стороны от огромных каменных ворот.

Глава 3

СТРАХ

Сердце Конвея затрепетало. Звуки волынок привели его в исступление, и он, воздев руку вверх, издал протяжный клич. Теперь он хорошо видел мужчин на стенах — высокого роста, худощавых и жилистых, словно из сыромятной кожи, с суровыми лицами и орлиными глазами. Они были в набедренных повязках из белых шкур каких-то животных, такие же шкуры были накинута на их обнаженные плечи, и они стояли с непокрытыми головами, не обращая внимания на холод.

Их копья угрожающе поднялись ему навстречу.

Остановившись, он снова издал клич, такой же пронзительный и страшный, как ржание боевых волынок. Потом он застыл в ожидании.

Через некоторое время подошли Роган и все остальные и встали кучкой позади него. Кое-кто в беспокойстве схватился за ружье, и Роган резко прикрикнул на них. Волынки и трубы замолкли. Все ждали.

На стене началось какое-то движение, и из толпы воинов выступил вперед старик, приземистый и мускулистый, с гордым лицом и свирепыми глазами, непоколебимый, как гранитная скала.

Он глядел вниз, на пришельцев. Его волосы, длинная борода и белые меховые одежды развевались по ветру. Он долго стоял молча. Их взгляды встретились, и Конвей увидел в его глазах ненависть и глубокое страдание.

Наконец он заговорил, очень медленно, словно с трудом извлекая слова из давно запечатанных глубин памяти:

— Люди с Земли!

Конвей вздрогнул. Ему не приходило в голову, что его отец мог научить кого-то здесь английскому языку.

— Да, — ответил он, протянув вперед пустые руки. — Друзья.

Старик покачал головой:

— Нет. Уходите, или мы будем убивать.

Старик снова посмотрел на Конвея с каким-то странным выражением, и у него холодок пробежал по спине. Могло ли быть, что старик увидел в нем какое-то сходство с тем Конвеем, которого когда-то знал? Но он не был похож на своего отца.

Вперед вышел Эсмонд.

— Пожалуйста, — сказал он. — Мы не причиним вам вреда. Мы только хотим поговорить с вами. Мы сделаем все, как вы скажете, мы будем безоружны — только впустите нас!

Голос у него был умоляющий, как у ребенка; казалось, он вот-вот расплачется. Немыслимо, чтобы теперь ему отказали!

— Уходите! — снова сказал старик.

Тогда заговорил Роган:

— У нас с собой дары, много разных вещей для твоих людей. Нам ничего не нужно. Мы пришли как друзья.

Старик откинул голову назад и рассмеялся — словно капли едкой кислоты понеслись по ветру.

— Друзья? Конна был мой друг. В моем доме, как мой собственный сын, жил Конна, мой друг!

Он выкрикнул какое-то слово на своем резко звучащем языке, и Конвей понял, что это ругательство, а Конна — его собственная фамилия. Похоже, что они здесь, на Искаре, не забыли про его отца.

Его внезапно охватило такое бешенство, какого он не испытывал еще ни разу в жизни. Там, за этим городом, совсем близко, рукой подать, лежало ущелье с озером, и теперь ни все их копы, ни сама смерть — ничто не могло его остановить.

Широкими шагами он подошел к подножию стены и впери́л в старика такой же угрюмый и злобный взгляд.

— Мы ничего не знаем про этого Конну, — сказал он. — Мы пришли с миром. Но если вы хотите войны, будет война. Если вы убьете нас, придут другие — много других. Наш корабль огромен и ужасен. Один только огонь его двигателей способен уничтожить весь ваш город. Впусти нас, старик, или нам придется...

После долгого молчания старик медленно произнес:

— Как твое имя?

— Рэнд, — ответил Конвей.

— Рэнд, — вполголоса повторил старик. — Рэнд.

Некоторое время он молча размышлял, склонив голову. Глаза его были опущены, и на Конвея он больше не смотрел.

Внезапно он круто повернулся и отдал на своем языке какой-то приказ. Потом крикнул людям Земли:

— Входите!

Огромный камень откатился в сторону.

Конвей вернулся к остальным. И Эсмонд, и Роган были в ярости.

— Кто дал тебе право... — начал Роган, а Эсмонд возбужденно перебил его:

— Ты не должен был им угрожать! Еще немного, и мы бы их уговорили.

Конвей с презрением посмотрел на них.

— Вы хотели войти туда, верно? — спросил он. — Ну вот, ворота открыты, и теперь они как следует подумают, прежде чем тронуть нас, когда мы войдем.

Он расстегнул ремень, на котором висел пистолет, и швырнул его вместе с кобурой человеку, стоявшему на стене. Это был всего лишь жест напоказ, потому что под комбинезоном он на всякий случай спрятал маленький пистолет, заряженный наркотизирующими иглами, — но на искарианцев это должно было произвести хорошее впечатление.

— На нашем месте я бы сделал то же самое, — сказал он остальным. — И еще я бы отослал людей. Там, в городе, нам не будет от них никакой пользы, а вред может быть. Скажите им, чтобы принесли из снегоходов наши товары и одну рацию, а потом пусть возвращаются на корабль и будут наготове.

Роган что-то проворчал. Ему не понравилось, что кто-то взялся командовать вместо него. Но в том, что предложил Конвей, был смысл, и он передал его приказание своим людям. Потом он швырнул ружье одному из воинов. У Эсмонда ружья не было. Люди пошли назад, к снегоходам.

— Запомните, — сказал Конвей, — вы никогда не слыхали ни про Конну, ни про его сына.

Остальные кивнули. Потом они двинулись вперед, вошли в город, и каменные ворота за ними закрылись.

Старик ждал их, и вместе с ним — что-то вроде почетного караула из пятнадцати рослых воинов.

— Я Кра, — сказал патриарх. Он вежливо подождал, пока Эсмонд и Роган не назвали себя, а потом сказал: — Идем.

Караул построился. Люди с Земли двинулись по улице города — наполовину гости, наполовину пленники.

Улицы были узкие, кривые и неровные, они шли то в гору, то под гору. Местами свистящий ветер вылизал их до чистого льда, местами намет сугробы. Теперь Конвей видел, что все здания здесь — из массивного камня, но за многие столетия на них наросла холодная, сверкающая ледяная броня, в которой только для дверей и окон были пробиты отверстия.

Жители города толпились вокруг, глядя на проходящих мимо пришельцев.

Это была странно молчаливая толпа. Мужчины, женщины и дети, старые и молодые, все крепкие и статные, как деревья в горах, с огромными черными зрачками и светлыми волосами, мужчины — в шкурах, женщины — в юбках из грубой шерстяной ткани. Конвей заметил, что женщины и дети держались отдельно от мужчин.

Все молча стояли и смотрели. В их молчании было что-то тревожное. Потом какая-то старая женщина издала пронзительный скорбный вопль, его подхватила другая, еще одна, и вскоре горестные причитания эхом отдавались повсюду в извилистых улицах, словно сам город горько плакал от боли.

Мужчины стали придвигаться ближе. Сначала медленно — то один делал шаг вперед, то другой, словно покатались первые камешки, предвещающие обвал. У Конвея лихорадочно забилось сердце и пересохло во рту.

Эсмонд крикнул старику:

— Скажи им, чтобы не боялись нас! Скажи им, что мы друзья!

Кра с улыбкой взглянул на него. Потом он перевел взгляд на Конвея и снова улыбнулся.

— Я скажу им, — произнес он.

— Не забудь, — угрожающе сказал Конвей. — Не забудь про большой корабль и его огонь.

Кра кивнул:

— Я не забуду.

Он что-то крикнул своим людям, и мужчины неохотно отступили назад, уперев копыя в землю. Женщины продолжали свои причитания.

Конвей про себя проклинал отца: ничего такого в его записках не было.

Неожиданно из круто поднимавшейся вверх боковой улочки с топотом высыпало стадо, которое гнал мальчишка-пастух. Странные белые мохнатые животные сгрудились на тесной улице, издавая пронзительные крики и наполняя воздух своим острым, довольно приятным запахом.

От этого резкого запаха в мозгу Конвея как будто что-то щелкнуло — словно приоткрылось окошко, и он понял, что когда-то уже видел эти улицы, знал звуки и запахи этого города, слышал резкую, отрывистую речь его жителей. Золотистые звезды над головой показались ему до боли знакомыми.

Конвей снова погрузился в тот же призрачный мир между сном и реальностью. На этот раз было еще хуже. Ему хотелось опуститься на самое дно, крепко схватиться за что-нибудь и держаться, пока он снова не придет в себя, но у него не хватило

мужества что-то сделать, и он по-прежнему шел за стариком с таким видом, как будто ничто на Искаре не могло его напугать.

Но ему было страшно — он боялся сойти с ума, когда сон становится реальностью.

Капли пота выступили у него на лице и замерзли. Он так стиснул кулаки, что ногти впились в ладони, и заставил себя припомнить всю свою жизнь, до самых первых детских воспоминаний и еще дальше, когда его отец наверняка много раз рассказывал ему об Искаре, одержимый мыслью о том, что он нашел здесь и потерял снова.

Когда сын подрос настолько, чтобы что-то понимать, отец уже не так много говорил об Искаре. Но, по-видимому, дело было уже сделано. Возраст формирования личности — так называют это психологи, когда человек узнает и забывает, но то, что он узнал и забыл, когда-нибудь вернется снова, чтобы мучить его.

Конвей шел по этому незнакомому городу, окруженный призраками. Старый Кра искоса поглядывал на него и все улыбался.

А женщины громко причитали — так воют волчицы, подняв голову к черному ночному небу.

Глава 4

«ИДИ И СПРОСИ У НЕЕ...»

Конвею казалось, будто это длилось целые столетия, но на самом деле прошло не так уж много времени, прежде чем Кра остановился у какой-то двери и откинул закрывавшую ее занавеску из шкур.

— Входите, — сказал он, и люди с Земли по одному вошли в дом, оставив снаружи весь караул, кроме пяти человек, которые последовали за стариком.

— Мои сыновья, — сказал Кра.

Все они были взрослые люди, гораздо старше Конвея, — покрытые шрамами воины с могучими руками. Но с Кра они держались почтительно, как дети.

Первый этаж дома использовался как кладовая для припасов. Замороженные мясные туши и охапки чего-то похожего на сушеный мох лежали у одной стены. У другой был устроен загон для скота и колода для разделки мяса. Деревя на Искаре, очевидно, не было, потому что загон был сложен из камня, и дверей в доме не было, а только тяжелые занавески.

Кра откинул еще одну такую занавеску и повел всех по закрытой со всех сторон лестнице, которая была чем-то вроде воздушного шлюза, не пропускавшего на второй этаж ветер и холод снизу. В комнате, куда они поднялись, стояла, по земным

меркам, лютая стужа, но в круглом очаге был разведен небольшой огонь, почти не дававший дыма, — топливом для него служил мох, — а стены огромной толщины были непроницаемы для ветра. Конвей сразу бросило в пот — скорее всего просто от волнения.

У очага сидела девушка, присматривавшая за вертелом и сковородкой. Очевидно, она только что прибежала с улицы, потому что в ее серебристых волосах еще не растаял снег, а сандалии были мокрыми.

Когда вошли мужчины, она не подняла головы, как будто обращать на это внимание ей не полагалось. Однако Конвей заметил, что она бросила на него быстрый взгляд искоса. От мягкого света каменных светильников ее зрачки сузились, и стала видна ярко-голубая радужка. Конвей увидел, что, несмотря на ее смиренный вид, в глазах у нее светится гордый, мятежный дух. Он улыбнулся ей.

Несколько мгновений она необычно пристально смотрела ему прямо в глаза. Казалось, вот-вот ее взгляд сорвет с него все внешнее и с жадностью проникнет в то, что скрыто глубже, — в его сердце, в его душу, в его самые тайные мысли. Потом старик заговорил, и она тут же принялась сосредоточенно поворачивать вертел.

— Сядьте, — сказал Кра, и люди с Земли уселись на кучи мехов, посланные поверх подушек из мха.

Пятеро рослых сыновей Кра тоже сели, но сам он остался стоять.

— Значит, вы ничего не знаете про Конну, — произнес он, и сын Конны спокойно ответил:

— Нет.

— Тогда как вы попали на Искар?

Конвей пожал плечами:

— Как попал сюда Конна? Люди с Земли путешествуют повсюду. — Сам того не сознавая, он стал выражаться так же торжественно, как Кра. Он наклонился вперед и улыбнулся: — Я говорил жесткие слова там, когда стоял за воротами. Пусть они будут забыты, ибо были сказаны в гневе. И про Конну забудьте тоже. Он не имеет к нам отношения.

— Эх, — тихо произнес старик. — Забыть? Я не знаю этого слова. Гнев — да, и мщение — тоже. А забыть — нет.

Он повернулся к Эсмонду и Рогану и заговорил с ними, вежливо отвечая, когда они принялись высказывать свои пожелания. Но его глаза, теперь, при свете, голубые и холодные, то и дело в раздумье останавливались на лице Конвея. Тот чувствовал, как его нервы натягиваются все сильнее, а в глубине души растет тревога.

Конвей мог поклясться, что Кра знает, кто он и зачем прибыл на Искар.

Разум подсказывал ему, что это нелепость. Прошло много лет с тех пор, как Кра видел его отца, и к тому же между ними не было никакого физического сходства. И вряд ли он усвоил от отца какие-то его характерные жесты и слова.

Однако окончательной уверенности у него не было, и это не давало ему покоя. Ему было трудно выдерживать суровый взгляд старика.

Пятеро сыновей сидели не шевелясь и молча. Конвей был убежден, что они прекрасно понимают их разговор, и ему пришлось в голову, что, если верить Кра, они жили с Конной как братья. Казалось, они терпеливо ждут чего-то, как будто ждали этого давным-давно и теперь могут подождать еще немного.

Девушка время от времени исподтишка бросала на Конвея острые взгляды. Несмотря на всю его тревогу, она возбуждала в нем все большее любопытство и желание понять, что за дьявольское возбуждение горит у нее в душе. Ему с трудом удавалось оторвать взгляд от ее миловидного личика, на котором причудливо играли свет и тени от огня.

— Торговля, — произнес Кра. — Дружба. Изучение. Это хорошие слова. Сейчас будем есть, а потом отдыхать, и я буду думать об этих хороших словах, которые слышал раньше от Конны.

— Послушай, — сказал Роган с некоторым раздражением. — Я не знаю, что Конна здесь натворил, но я не вижу никакой причины осуждать нас за его грехи.

— Мы говорим правду, — мягко сказал Эсмонд. Он взглянул на Конвея, ожидая, что тот задаст вопрос, который должен был задать именно он. Но Конвей все не решался, и в конце концов любопытство заставило Эсмонда выпалить: — А что за преступление совершил Конна?

Старик медленно повернулся и тяжело уставился на него.

— Не спрашивай меня, — произнес он. — Спроси ту, что ждет, у озера Ушедших Навсегда.

Это имя словно бичом ударило по нервам Конвея. Он испугался, что выдал себя, но если он и вздрогнул, то никто этого не заметил. Лица Эсмонда и Рогана выражали откровенное недоумение.

— Озеро Ушедших Навсегда? — повторил Эсмонд. — Что это такое?

— Окончим наш разговор, — произнес Кра.

Он повернулся и сказал что-то девушке на своем языке. Конвей уловил ее имя — Саэль. Она послушно встала и начала прислуживать мужчинам, поднося им еду на тонких каменных

досках. Потом она снова уселась у огня и сама принялась за остатки еды — смиренная тень, в глазах у которой было не больше смирения, чем у молодой пантеры. Конвей украдкой улыбнулся ей и был вознагражден усмешкой, мелькнувшей в уголке ее ярко-красных губ.

Когда с едой было покончено, Кра встал и повел людей с Земли по коридору. По обе стороны его были завешенные шкурами двери, а за ними — маленькие комнатки без окон, устланные мягким мхом и шкурами, которые служили постелью.

Тихо вошла Сазль, чтобы зажечь каменные светильники, и Конвею показалось, что она заметила про себя, какую комнатку выбрал он.

— Спите, — сказал Кра и ушел. Сазль скрылась на узкой лестнице в дальнем конце коридора.

Люди с Земли некоторое время стояли, глядя друг на друга. Потом Конвей угрюмо сказал:

— Не задавайте мне никаких вопросов, потому что ответов я не знаю.

Он повернулся и ушел в свою комнатку, задернув за собой занавеску. Настроение у него было скверное. Он уселся на шкуры и закурил сигарету, прислушиваясь к тихому голосу Рогана, который сердито говорил Эсмонду, что Рэнд, по его мнению, ведет себя странно. Эсмонд успокаивал его, говоря, что в такой ситуации кому угодно пришлось бы нелегко. Вскоре Конвей услышал, что они улеглись. Он задул свой светильник.

Некоторое время он сидел весь в поту от волнения, думая о Кра, о том узком ущелье, до которого теперь вот-вот доберется, о своем отце — ненавидя его за ту недобрую память, которую он оставил о себе на Искаре и из-за которой путь, предстоящий его сыну, оказался таким трудным.

Не дай Бог, чтобы старый Кра узнал!

Когда все стихло, он еще немного подождал, а потом очень осторожно приподнял занавеску и шагнул в коридор.

Отсюда ему было видно, что происходит в большой главной комнате. Четверо могучих сыновей Кра спали на шкурах у тлеющего очага. Пятый сидел, поджав ноги и держа на коленях копье. Он не спал.

Конвей бросил взгляд на лестницу в конце коридора. Он не сомневался, что она ведет на женскую половину и что любая его попытка проникнуть туда переполошит весь дом. Пожав плечами, он вернулся в свою комнатку.

Растянувшись на шкурах и сосредоточенно сдвинув брови в темноте, он пытался размышлять. Он не ожидал встретить такую ненависть к людям с Земли со стороны искарианцев. В сотый раз он задал себе вопрос, что же такого сделал его

отец, чтобы при одном воспоминании о нем все женщины Искара раздражались горестными причитаниями. «Спроси ту, что ждет, у озера Ушедших Навсегда...»

Но на самом деле это не имело значения. Важно было одно: что они под пристальным наблюдением и что путь через весь город слишком далек, чтобы человек с Земли мог пройти его и остаться в живых, даже если ему удастся уйти незаметно для Кра.

Внезапно он услышал, как кто-то прокрался по коридору и остановился у его двери.

Конвей бесшумно сунул руку под комбинезон, взялся за рукоятку спрятанного там пистолета и стал ждать.

Край занавески чуть отогнулся, потом она немного отодвинулась. Конвей лежал неподвижно и дышал так, как дышат во сне. Слабый свет проник в комнатку из коридора, стала видна раздвигавшаяся все шире щель в занавеске, и в ней Конвей явственно разглядел чью-то фигуру, которая смотрела в комнатку.

Саэль, маленькая серая мышка в своей домотканой юбке, с волосами, распущенными по плечам, словно накидка из лунных лучей. Саэль, мышка с глазами дикой кошки.

Не зная, что она собирается сделать, и боясь, что любой шепот привлечет внимание тех, кто находился в соседней комнате, Конвей по-прежнему лежал тихо, притворяясь спящим.

Некоторое время девушка стояла не двигаясь и глядела на него. Он слышал ее дыхание, тихое и частое. Наконец она сделала быстрый шаг вперед и тут же остановилась, словно мужество покинуло ее. Это было ее ошибкой.

Рослый мужчина с копьем, вероятно, уловил какое-то едва заметное движение — может быть, взмах юбки, потому что двигалась девушка бесшумно. В большой комнате послышалось короткое восклицание, Саэль отпустила занавеску и побежала прочь. Тяжелые мужские шаги устремились за ней.

В конце коридора послышалась какая-то возня, тихий напряженный шепот. Конвей подкрался к двери и чуть отодвинул занавеску.

Сын Кра крепко держал девушку. По-видимому, он сначала отчитывал ее, скорее с огорчением, чем со злобой, а потом, не спеша и без особого рвения, принялся ее колотить. Саэль терпела, не издавая ни звука, но глаза у нее остекленели, а на лице застыло выражение ярости.

Конвей тихо шагнул в коридор. Мужчина стоял к нему спиной, но Саэль его увидела. Он знаками показал ей, что нужно сделать, и она поняла его мгновенно — а может быть, это только придало ей храбрости.

Извернувшись, словно кошка, она вонзила зубы в державшую ее руку.

Мужчина отпустил ее — скорее от изумления, чем от боли. Она кинулась вниз по лестнице на женскую половину, а он стоял как остолбенелый, уставившись ей вслед и разинув рот, словно самые обыкновенные камни вдруг взлетели в воздух из-под его ног и обрушились на него. Конвейю пришло в голову, что ничего подобного, наверное, не случилось за всю историю Искара.

Он лениво прислонился к стене и произнес вслух:

— Что здесь происходит?

Сын Кра круто повернулся, и изумление на его лице мгновенно сменилось злобой.

Конвей сделал вид, что зевает, как будто только что проснулся.

— Кого это ты тут колотил — Саэль? По-моему, она уже вышла из того возраста, когда девчонки шлепают. — Он ухмыльнулся при виде отметин от ее зубов на руке мужчины. — Кстати, кто она такая — внучка Кра?

Ответ прозвучал на медленном и неуверенном, но понятном английском языке:

— Она — приемщи Кра, дочь подруги моей сестры. С молоком матери Саэль впитала коварство — коварство, которому та научилась от моей сестры, а сестра — от Конны.

Рослый мужчина неожиданно протянул руку и схватил Конвея за шиворот так крепко, что тот чуть не задохнулся. К изумлению Конвея, в глазах его стояли слезы, а лицо выражало отчаянную ненависть.

— Предупреждаю тебя, человек с Земли, — тихо сказал он. — Уходи — уходи скорее, пока ты еще жив.

Он отшвырнул Конвея и, круто повернувшись, ушел в большую комнату, где снова мрачно уселся у огня. А человек с Земли остался размышлять, предназначалось ли это предостережение им всем или ему одному.

Много часов спустя он наконец смог погрузиться в спокойный сон, и снова ему привиделось ледяное ущелье и таящийся в нем ужас, который поджидал его за поворотом. Казалось, он стал еще ближе, чем всегда, так близко, что Конвей проснулся со сдавленным криком. Комнатка с каменными стенами была похожа на склеп, и он вышел из нее с таким чувством безнадежного отчаяния, какого никогда еще не испытывал. На улице поднимался ветер.

Он вошел в большую комнату в тот момент, когда на лестнице, ведущей снаружи, показался Кра. За ним, очень бледная и гордая, шла Марша Роган. По щеке у нее текла кровь, прекрасные

темные волосы были мокры и растрепаны, а когда Конвей увидел выражение ее глаз, боль пронзила его сердце.

— Марша! — вскрикнул он, и она, подбежав, прижалась к нему, словно испуганный ребенок. Держа ее в объятиях, он сказал, не дожидаясь ее вопросов: — Питер в безопасности. И твой отец тоже. Они в полной безопасности.

Старый Кра заговорил. Теперь он был весь словно каменный, как будто принял какое-то решение, которого ничто не может поколебать. Он посмотрел на Конвея.

— Иди, — сказал он. — Позови своих... друзей.

Глава 5

ВОИН ИСКАРА

Конвей вышел, уводя с собой Маршу. Роган проснулся сразу, но Эсмонд спал как убитый. Очевидно, он не один час работал при свете каменного светильника, делая заметки о жителях Искара.

Будя его, Конвей подумал, доберутся ли эти заметки до Земли в целости и сохранности. Он был уверен — так же, как был уверен, что его зовут Рэнд, — что их пребывание здесь окончено, и ему очень не нравилось выражение глаз Кра.

— Никто не виноват, — снова и снова повторяла Марша. — Я не могла больше ждать. Я не знала, живы вы или мертвы. Ваша рация не отвечала. Я увела снегоход.

— Ты приехала одна? — спросил Роган.

— Да.

— Боже мой! — тихо сказал Эсмонд и обнял ее.

Она прижалась к его щеке окровавленной щекой и рыдая произнесла:

— Они закидали меня камнями, Питер, — эти женщины. Мужчины вели меня по улицам, а женщины закидали меня камнями.

Добродушное лицо Эсмонда побелело. Глаза его стали холодными, как снег за стенами дома. Он быстро пошел по коридору, неся Маршу на руках, и даже шаги его были необычно тяжелыми от охватившего его бешенства. Роган следовал за ним по пятам.

Старый Кра не дал им говорить. Пятеро его сыновей выстроились позади него и выглядели очень внушительно — пять рослых светловолосых мужчин и один рослый старик, похожий на дряхлого волка, поседевшего от старости, но все еще остающегося вожаком стаи.

Кра поднял руку, и люди с Земли остановились. Конвей видел, что Сазль со своего места у огня внимательно следила

за происходящим, разглядывая, словно зачарованная, чужую женщину, которая в одиночку пересекла снежную равнину, чтобы встать рядом со своими мужчинами. Ветер громко завывал в оконных проемах, обрушиваясь с высоких горных пиков с такой скоростью и с таким ревом, что нервы Конвея напряглись и его охватило какое-то странное возбуждение.

Кра заговорил, глядя на Маршу:

— Мне жаль, что так случилось. Но этой женщине не надо было приходить. — Он поднял глаза и обвел всех ледяным взглядом. — Я согласен сохранить вам жизнь. Уходите сейчас же — оставьте город, оставьте Искар и больше не возвращайтесь. Если вы этого не сделаете, я не смогу вас спасти.

— Почему они закидали ее камнями? — спросил Эсмонд. Сейчас у него на уме было только одно, ни о чем больше он думать не мог.

— Потому что она не такая, как они, — просто ответил Кра. — И они боятся ее. Она одета как мужчина и ходит с мужчинами, а это против их убеждений. Ну, вы уйдете?

Эсмонд поставил девушку на ноги рядом с собой, продолжая обнимать ее за плечи.

— Мы уйдем, — сказал он. — И я убью первого, кто до нее дотронется.

Кра вежливо сделал вид, будто не заметил, насколько легковесна эта высказанная от души угроза, и склонил голову:

— Это справедливо.

Он взглянул на Рогана.

— Не беспокойтесь, — отрезал Роган. — Мы уйдем, и можете провалиться к дьяволу. Эта планета годится только для волков, и живут на ней одни волки.

Он направился к двери вместе с Эсмондом и дочерью. Кра перевел взгляд на Конвея и тихо спросил:

— А ты, человек по имени Рэнд?

Конвей пожал плечами, словно все это не имело для него никакого значения.

— Зачем мне оставаться?

Руки у него так дрожали, что он сунул их в карманы, чтобы это скрыть. По спине его стекали ручейки пота. Он кивнул головой в сторону оконного проема.

— Дует белый ветер, Кра, — сказал он, потом выпрямился и повысил голос: — Он обрушится на нас, когда мы выйдем на открытую равнину. Женщина наверняка погибнет, а может быть, и все остальные тоже. Тем не менее мы уйдем. Но пусть в городе знают, что Кра перестал быть мужчиной и надел юбку женщины, потому что начал убивать исподтишка, а не в честном бою на копьях.

Наступило молчание. Эсмонд остановился в дверях и обернулся, все еще прижимая к себе девушку. Роган тоже остановился, и по их лицам было видно, как поразила их эта мысль.

Сердце у Конвея билось, словно отбойный молоток. Это был блеф — если учесть все возможности снегохода, подумал он, их шансы погибнуть совсем невелики, — но в его словах было ровно столько истины, чтобы они произвели действие. Он напряженно ждал ответа, не зная, удался ли блеф. Он знал, что стоит ему выйти за городские стены, как озеро будет навсегда потеряно для него, как оно было потеряно для его отца.

Ему показалось, что прошло очень долгое время. Кра вздохнул и спокойно сказал:

— Белый ветер. Да. Я забыл, что жители Земли так слабы.

В старике произошла какая-то едва заметная перемена. Словно он тоже напряженно ждал какого-то ответа и теперь получил его. Глубокий, холодный свет загорелся в его глазах, словно что-то доставило ему большую радость.

— Вы можете оставаться, — произнес он, — пока ветер не стихнет.

Потом он круто повернулся и начал спускаться по лестнице. Сыновья последовали за ним.

Эсмонд глядел им вслед, и Конвею стало смешно при виде волчьего бешенства, написанного на его круглом добродушном лице.

— Он хотел послать всех нас на смерть, — сказал Эсмонд. У него был такой вид, словно он с удовольствием убил бы Кра на месте. Опасность, грозившая Марше, превратила его из ученого в какое-то подобие первобытного человека. Он повернулся к Конвею: — Спасибо. Ты был прав, когда угрожал им там, под стеной. И если с нами что-нибудь случится, надеюсь, что Фрэзер с ними посчитается!

— С нами ничего не случится, — сказал Конвей. — Отведи Маршу в спальные комнаты — там теплее, и она сможет прилечь. — Он взглянул на Саэль и резко спросил: — Ты меня понимаешь?

Она с мрачным видом кивнула.

Конвей указал на Маршу:

— Иди с ней. Принеси воды и что-нибудь, чем перевязать рану.

Саэль послушно встала и направилась вслед за людьми с Земли к двери, ведущей в коридор, бросив украдкой пристальный взгляд на него.

Конвей остался один.

Он заставил себя постоять минуту и подумать. Он заставил свое сердце биться не так сильно, а свои руки — не

дрожать. Но он не мог заставить отступить ни свое волнение, ни страх.

Теперь путь для него был свободен, по крайней мере в данную минуту. Почему он оказался свободен? Почему Кра ушел и увел с собой сыновей?

Ветер свистел и выл, хлопая занавесками из шкур и заноса пол снегом. Белый ветер. Конвей улыбнулся. У него есть шанс. Больше случая не представится.

Он повернулся и быстро пошел по другому коридору, который вел в сторону, противоположную той, куда скрылись остальные. В него тоже открывались четыре маленьких спальных комнатки. Но одна оказалась вдвое больше остальных, и Конвей был уверен, что она принадлежала Кра.

Крадучись он вошел в нее, тщательно задернув за собой занавеску.

Там было все, что ему нужно. Все, что требовалось, чтобы сделать возможной эту единственную попытку проникнуть в тайное ущелье из его снов.

Конвей начал раздеваться. Комбинезон, тонкий шерстяной свитер, который был надет под ним, сапоги — все, что напоминало о Земле. Он должен пройти через весь город, а человек с Земли пройти через город не может. Он понял, что есть только один путь. Он был рад белому ветру, потому что теперь ему будет легче обмануть их.

Будет холодно и опасно. Но он не боялся холода и не думал об опасности. Он не собирался зачахнуть от тоски и умереть подобно отцу из-за того, что упустил свой единственный шанс.

Через несколько минут Рэнд Конвей исчез, и в комнатке с каменными стенами стоял безымянный воин Искара, высокий светловолосый человек, закутанный в белые меха, обутый в грубые кожаные башмаки и с копьем в руках.

Он оставил себе только две вещи, которые тщательно спрятал за поясом, — свой пистолет и маленький пузырек, обшитый материей и заткнутый свинцовой пробкой.

Он обернулся — позади стояла Саэль, уставившись на него широко открытыми удивленными глазами.

Она прокралась в комнату так тихо, что он не услышал. И он знал, что один ее громкий крик разрушит все его планы.

Сделав два быстрых решительных шага, он схватил ее и крепко зажал ей рот рукой.

— Зачем ты пришла сюда? — прорычал он. — Чего тебе надо?

Ее взгляд был устремлен на него, такой же непреклонный и неистовый, как и его собственный.

— Не вздумай кричать, — сказал он. — Иначе я тебя убью.

Она мотнула головой, и он немного отодвинул руку, не доверяя ей.

Медленно и с трудом выговаривая английские слова, она произнесла:

— Возьми меня с собой.

— Куда?

— На Землю!

Наступил черед Конвея удивиться.

— Но зачем?

— Женщина Земли — гордая, как мужчина, — с жаром сказала она. — Свободная.

Так вот откуда то яростное пламя, которое сжигало ее! Она не была терпелива и смиренна, как другие женщины Искара, потому что успела повидать что-то иное. Он вспомнил, что говорил ему сын Кра.

— Это Конна тебя научил?

Она кивнула.

— Ты возьмешь меня? — настойчиво повторила она. — Ты возьмешь меня? Я убегу от Кра. Спрячусь. Ты возьмешь меня?

Конвей улыбнулся. Она ему нравилась. Они были одного поля ягоды — люди, живущие безнадежной мечтой и готовые рискнуть всем на свете, чтобы она сбылась.

— Почему бы и нет? — сказал он. — Конечно, возьму.

Ее охватила дикая радость.

— Если ты солгал, — прошептала она, — я тебя убью!

И тут она его поцеловала.

Он мог сразу сказать, что она в первый раз поцеловала мужчину. И еще он мог сказать, что это не последний раз.

Он оттолкнул ее:

— Тогда ты должна мне помочь. Вот, возьми. — Он сунул ей сверток со своей одеждой. — Спрячь это. Из дома есть другой выход?

— Да.

— Покажи мне, где он. Потом жди меня — и не говори никому. Никому! Поняла?

— Куда ты идешь? — спросила она. В глазах у нее снова появилось удивление, смешанное со страхом. — Что ты хочешь делать, человек с Искара?

Он покачал головой:

— Если ты мне не поможешь, если я умру — тебе никогда не увидеть Земли.

— Пойдем, — сказала она и повернулась к двери.

Эсмонд и Роган все еще сидели с Маршей и были все еще заняты своими собственными страхами и счетами — слишком заняты, чтобы думать о Конвее, который был для них чужим.

Дом Кра был пуст и тих, если не считать ветра, который рвался в оконные проемы с воем и хохотом, похожим на хохот волков, бросающихся на добычу. Конвей содрогнулся, как вздрагивает всем телом дикое животное.

— Я жду, — сказала она. Ее пальцы стиснули его руку. — Приходи обратно. Приходи скоро!

Она боялась не за него, а за себя — боялась, что теперь, в последний момент, у нее отнимут надежду обрести свободу. Конвей понимал, что она чувствует.

Он нагнулся и быстро, грубо поцеловал ее.

— Я приду.

Он приподнял занавеску из шкур и скользнул из комнаты в темноту.

Глава 6

ОТЗВУКИ СНА

В городе шумно бушевала буря. Она выла в узких улицах, ледяные башни домов содрогались и гудели. Снегопада не было, но повсюду бешено неслась, крутясь и слепя глаза, густая белая мгла, приносимая с просторов Искара порывами ветра. А над всем этим буйством в небе ярко и спокойно горели звезды.

Холод пронизывал Конвея, его железные острия проникали до самого сердца. Он плотнее закутался в теплые меха. Сердце его билось все сильнее, кровь играла, отгоняя холод, а неистовые наскоки ветра вызывали у него какое-то странное воодушевление. Зрачки его расширились, стали черными и хищными, как у кошки. Быстрым шагом он двинулся вперед, уверенно ступая по голому льду и мерзлым камням.

Он знал, в каком направлении идти. Он определил его сразу же, как только увидел город, и оно навсегда врезалось ему в память.

Путь к озеру. К озеру Ушедших Навсегда.

Людей на улицах было немного, а те, кто все же попался ему навстречу, не обращали на него внимания. Белый ветер окутал все вокруг мутным покрывалом, а Конвей ничем не бросался в глаза — просто худощавый мужчина с гордым лицом, который пригибаясь борется с порывами ветра, одинокий воин, идущий по своим делам.

Несколько раз он оборачивался, чтобы посмотреть, не следит ли за ним кто-нибудь. Он не мог забыть лицо Кра, выражавшее тайную радость, не мог избавиться от беспокойной мысли о том, почему старик так внезапно оставил людей с

Земли без присмотра. Но в тучах летящего снега никого не было видно.

Проверив, на месте ли маленький пистолет, он улыбнулся.

Он инстинктивно находил дорогу в запутанном лабиринте улиц, держась одного направления. Дома начали редеть. Неожиданно они кончились совсем, и Конвей оказался на открытой равнине, которая простиралась по другую сторону города. Высоко вверху на фоне звезд виднелись сверкающие горные пики.

Ветер обрушился на него всей своей мощью. Конвей встречал его лицом к лицу и, смеясь, шел и шел вперед по каменистым осыпям. Безумие, таившееся в нем с того момента, как он оказался на Искаре, теперь окончательно охватило его.

Какая-то часть его души осталась позади. Он слился воедино с ветром, снегом и утрюмыми скалами. Теперь они были для него как свои, и он был для них как свой. Они не могли причинить ему никакого вреда. Только горные пики угрожающе смотрели на него сверху, и ему казалось, что они словно чем-то разгневаны.

В его сознании начинали мелькать отзвуки его сна, но пока еще очень слабые. Он еще не испытывал страха. Он чувствовал, что почему-то счастлив. Никогда еще он не был более одинок, но не ощущал одиночества. Что-то свирепое и могучее проснулось в нем в ответ на свирепую мощь бури, и его охватило чувство гордости и уверенности, что здесь, на Искаре, он не уступит любому из его воинов.

Город уже затерялся вдали. По обе стороны поднимались белые стены ущелья, теперь туманные и бесформенные, — скрытые завесой бури, они незаметно сдвигались все ближе. Время для него словно исчезло, почти исчезло и пространство, как будто он существовал в своем собственном измерении.

И в этом его собственном мире ему не показалось странным и неуместным, когда сквозь рев ветра до него донесся едва слышный крик Саэль, когда, обернувшись, он увидел, как она из всех сил спешит вслед за ним, легко перепрыгивая через камни.

Она догнала его и с трудом перевела дух.

— Кра, — задыхаясь, выговорила она. — Он пошел вперед с четырьмя. Один идет сзади, я видела. Я тоже пошла. — Быстрым, энергичным взмахом руки она обвела все ущелье. — Западня. Они поймают. Они убьют. Иди назад.

Конвей не двинулся с места. Она с лихорадочной поспешностью встряхнула его.

— Иди назад! Иди назад сейчас!

Он стоял неподвижно, подняв голову, вглядываясь вперед, навстречу буре, в поисках врагов, хотя ему и не верилось, что они там. Но в это время ветер донес до него звучный и громкий призыв охотничьего рога. В ответ ему прозвучал рог с другой стороны ущелья. Еще один, и еще — Конвей сосчитал их. Шесть: Кра с пятью сыновьями вокруг и позади него. Обратный путь в город был теперь прегражден.

Конвей начал понимать, насколько хитер старик. Он хищно оскалился.

— Ты иди, — сказал он Саэль. — Тебя они не тронут.

— За то, что я сделала, они накажут, — мрачно ответила она. — Нет. Ты должен жить. Они гонятся за тобой, но я знаю тропы, знаю дорогу. Много раз ходила к озеру Ушедших Навсегда. Там они не убивают. Пойдем.

Она повернулась, чтобы двинуться вперед, но он задержал ее рукой и не отпускал, охваченный внезапным подозрением.

— Почему ты так беспокоишься обо мне? — резко спросил он. — Эсмонд или Роган тоже могут взять тебя на Землю.

— Против воли Кра? — Она рассмеялась. — Они слабые люди, не такие, как ты. — Она посмотрела ему прямо в глаза — огромные светящиеся зрачки заглянули в самую глубину его души, и он почувствовал странное волнение. — Но это не все, — продолжала она. — Я никогда еще не любила. Теперь люблю. И еще — ты сын Конны.

Очень медленно Конвей произнес:

— Откуда ты это узнала?

— Кра знает. Я слышала, он говорил.

Значит, это с самого начала была западня. Кра знал. Старик предоставил ему единственный шанс покинуть Искар, а он им не воспользовался — и Кра был рад этому. Тогда он отступил и стал ждать, когда Конвей сам придет к нему.

— Но я знаю, даже если бы не слышала, — сказала девушка. — Теперь идем, сын Конны.

Она пошла впереди, двигаясь быстро, словно лань, в подоткнутой выше колен юбке. Конвей последовал за ней. Сзади и вокруг них перекликались голоса охотничьих рогов, как будто свора гончих напала на след и теперь не упустит добычу.

Охотники гнали их все дальше и дальше по длинному ущелью, и отвесные стены сдвигались все теснее, а звуки рогов становились все ближе. В них звучала радость, и они не спешили. Ни разу не удалось Конвею разглядеть своих преследователей в белом кипении снега. Но он и без этого знал, что на лице Кра играет мрачная, горькая усмешка — зловеющая усмешка долгожданной мести.

Конвей хорошо знал, где кончится погоня. Рога будут гнать его до самого конца ущелья, а там смолкнут. Достигнуть озера ему не дадут.

Он снова потрогал свой маленький пистолет, и лицо его стало таким же свирепым, как и у Кра. Копья были ему не страшны.

Девушка быстро и уверенно вела его вперед, посреди нагроможденных скал и ледяных уступов, и юбка ее развевалась по ветру, словно серое знамя. Высоко над головой холодные вершины упирались в небо, оставив между собой только узкую щель, где сверкали звезды. И вдруг стены ущелья, как живые, надвинулись на него, и трубные звуки рогов торжествующе зазвенели в его ушах, быстро приближаясь.

Он откинул голову и издал вопль — яростный, вызывающий клич. Потом наступила тишина, и сквозь пелену летящего снега он увидел силуэты людей и тусклый блеск копий.

Он собрался выхватить пистолет и выпустить в воинов слепящий дождь мгновенного сна. Под действием наркотика они оставались бы в неподвижности ровно столько времени, чтобы он успел сделать то, что должен был сделать. Но Саэль оказалась проворнее. Она неожиданно схватила его и почти силой затолкнула в расщелину между скалами.

— Скорее! — задыхаясь, крикнула она. — Скорее!

Обдирая кожу об острые камни, он стал протискиваться вперед. Позади слышались голоса, громкие и злобные. Стояла крошечная тьма, непроницаемая даже для его глаз, но Саэль, ухватив его за одежду, тянула вперед. Один поворот, другой, потом узкое место, где он чуть не застрял, хотя ее маленькая фигурка проскользнула там без труда. И тут расщелина осталась позади — он снова бежал рядом с запыхавшейся Саэль, повинаясь ее настойчивым окрикам.

Он пробежал немного, потом замедлил шаги и остановился. Здесь, в этом укрытом со всех сторон месте, ветра не было. Теперь тучи летящего снега не мешали ему видеть.

Он стоял в узком ущелье между скалами. По обе стороны из пушистого снега поднимались ледяные стены, отвесные, высокие и бесконечно прекрасные. В сумеречном полусвете плясали в воздухе иголки изморози, похожие на бриллиантовую пыль, а над головой на фоне ясного темно-синего неба, усеянного огромными звездами, возвышались сверкающие остроконечные пики.

Он стоял в ущелье из своих снов. И только теперь он почувствовал страх.

Реальность и кошмар сошлись воедино, как эти сдвинувшиеся склоны гор, и он был зажат между ними. Все это про-

исходило наяву, он ощущал обжигающий холод и собственное тело, но все равно безымянный ужас сновидения окружал его со всех сторон.

Ему казалось, что он видит силуэт отца, который плачет у покрытой льдом скалы, скрывавшей выход из ущелья, что он слышит, как тот оплакивает свою безвозвратную утрату:

— Мне никогда не вернуться к озеру Ушедших Навсегда!

Он знал, что на этот раз досмотрит свой сон до конца. На этот раз он не проснется, пока не обогнет эту скалу, скрывающую выход. Смертельный страх, для которого не было никаких причин в его собственной жизни, сжимал его сердце и не хотел уходить.

Почему-то он всю свою жизнь знал, что когда-нибудь это должно случиться. А теперь, когда он оказался здесь, он понял, что не сможет этого вынести. Бесформенный, беспричинный ужас отнял у него все силы, и никакие рассуждения не могли ему помочь. Он был не в состоянии двигаться дальше.

И все же он, как всегда, медленно побрел вперед сквозь снежные заносы.

Он совсем забыл про Саэль и удивился, когда она схватила его за одежду и бегом потащила за собой. Он забыл и про Кра.

Он помнил только слова отчаяния, которые снова и снова повторяли холодные ледяные губы:

— Озеро Ушедших Навсегда... Ушедших навсегда...

Он взглянул вверх, где золотистые звезды плыли над ним в темно-синем небе. В их красоте было что-то зловещее, а мерцающие ледяные башни словно подсмеивались над ним.

Это был тот же кошмар — и теперь он переживал его наяву.

Идти оставалось недалеко. Девушка тащила его вперед, то и дело подгоняя, и он машинально повиновался, ускоряя шаги. Он не сопротивлялся, зная, что это бесполезно. Он шел, словно приговоренный к смерти, который спокойно приближается к виселице.

Он миновал скалы, скрывавшие выход. Теперь он уже не ощущал своих движений. В каком-то оцепенении, холодном, как лед, он вошел в открывшуюся позади скал пещеру и наконец увидел озеро Ушедших Навсегда.

Глава 7

ЧЕРНОЕ ОЗЕРО

Оно было черным, это озеро. Совершенно черное и неподвижное, лежало оно в своей зубчатой каменной колыбели под сводчатой кровлей, которую образовывали сошедшиеся наконец горы.

«Какая странная чернота», — подумал Конвей и содрогнулся: кошмар все еще сжимал его сердце. Он взгляделся в воды озера и вдруг, словно он всегда это знал, понял — оно похоже на зрачок какого-то живого существа, который, сам не испуская света, вбирает в себя весь свет, падающий на него извне.

Он увидел в этом огромном недвижном глазу отражения себя самого и Саэль рядом с ним. Там, где находились эти отражения, проступали едва заметные контуры, похожие на сверкающий морозный узор, словно озеро какой-то светящейся кислотой вытравляло на своей поверхности изображения всего, что оно видит.

Тихими шагами к ним подошли сзади еще шесть теней — Кра и пятеро его сыновей. Конвей видел, что они в большом гневе, но свои копья они оставили снаружи.

— Мы не можем убивать здесь, — произнес Кра медленно. — Но мы можем не позволить тебе сделать то, что ты хочешь сделать.

— Откуда вы знаете, что я хочу сделать? — спросил Конвей, и на его лице появилось странное выражение, словно он прислушивался к каким-то далеким голосам, говорившим на неизвестном языке.

— Как твой отец пришел до тебя, — ответил Кра, — так и ты пришел, чтобы украсть у нас тайну озера.

— Да, — сказал Конвей рассеянно. — Да, это так.

Старик и его рослые сыновья подошли ближе и окружили Конвея, и тут между ними встала Саэль.

— Подождите! — сказала она.

В первый раз они дали понять, что заметили девушку.

— За свое вмешательство, — мрачно сказал Кра, — ты ответишь позже.

— Нет! — вызывающе выкрикнула она. — Я не буду отвечать! Послушай! Когда-то ты любил Конну. Ты учился у него хорошему. Его подруга была счастлива, она не была рабой: Он принес на Искар мудрость — но теперь ты ненавидишь Конну, ты все забыл. Я иду на Землю с сыном Конны. Но сначала он должен прийти сюда. Так надо. Но ты хочешь его убить, ты полон ненависти к Рэнду, — и поэтому я пришла, чтобы спасти его. — Она стояла перед Кра — маленькая серая мышка, которая вдруг превратилась в ослепительное существо, охваченное испепеляющим гневом. — Всю мою жизнь — только ненависть! Из-за Рэнда ты хочешь убить память о Конне, ты учишь людей ненавидеть и бояться. Но моя мать училась у Конны. Я училась у нее — и я не забуду! Рэнд счастлив, свободен. Моя мать знает — и я не забуду!

Конвей был потрясен: он понял, что она говорит не о нем, а о каком-то другом Рэнде. Он слушал девушку, и в душе его

воцарилось спокойствие — такое же глубокое и угрюмое, как спокойствие этого озера.

— Ты не убьешь, старик, — прошептала Саэль. — Не сейчас. Дай ему увидеть, дай ему понять. Потом убей, если он — зло. — Она круто повернулась. — Сын Конны! Посмотри в озеро. Все, кто умер на Искаре, погребены здесь. Они ушли навсегда, но память о них живет. Все приходили сюда живыми, чтобы озеро помнило. Смотри, сын Конны, и думай о своем отце!

Все еще ощущая это странное спокойствие, тяжело лежавшее у него на сердце, Рэнд Конвей поглядел в озеро и сделал то, что велела ему Саэль. Кра и его сыновья тоже смотрели не шевелясь.

Сначала он не видел ничего, кроме бездонной черной глубины. «Оно полужидкое, — говорилось в записках его отца — в тех записках, которые он скрыл от всех, — и в этом тяжелом веществе взвешены частицы какого-то трансуранового элемента — возможно, неизвестного нам изотопа самого урана. Бессчетное богатство — и бессчетное страдание! Моя душа там, она осталась в озере Ушедших Навсегда».

Рэнд Конвей стоял в ожидании, и все его мысли были об отце. Об отце, который умер, скорбя о том, что никогда не вернется сюда.

Медленно-медленно в озере возникло изображение его отца — призрачный образ, словно очерченный холодным пламенем в абсолютной тьме.

Это не было собственным воспоминанием Рэнда Конвея, отразившимся в озере, потому что это не был тот человек, которого он знал, — преждевременно состарившийся и сломленный тоской. Этот человек был молод, и лицо у него было счастливое.

Он обернулся и поманил кого-то, кто стоял позади него. Появился силуэт девушки, и он обнял ее за плечи. Они стояли рядом, и хриплое рыдание вырвалось у старого Кра. Конвей понял, что его отец и прекрасная светловолосая девушка стояли там, где сейчас стоит он, на берегу озера, и смотрели в него, как сейчас смотрит он, чтобы их отражения навеки запечатлелись в неведомой черной глубине.

Они поцеловались. И Саэль прошептала:

— Посмотри на ее лицо — оно сияет от радости.

Силуэты шевельнулись и исчезли. Конвей продолжал смотреть, не испытывая никаких чувств, даже страха. Какой-то уголок его мозга даже улучил минуту, чтобы порассуждать об электрических импульсах мыслей, о том, как могут они придавать форму свободной энергии неведомого вещества озера, превращая его в нечто вроде второго, подспудного сознания каждого

жителя Искара — в хранилище, из которого можно по желанию вызывать все воспоминания целой расы.

Глаз озера видел все и теперь, побуждаемый их напряженно работающей мыслью, воспроизводил запечатленные в нем образы, словно неумолимо разворачивая перед ними кадры какого-то космического фильма.

Шаг за шагом следил Рэнд Конвей за тем, как распадается душа человека. И ему было легко это понять, потому что его собственная жизнь прошла под знаком той же самой всепожирающей алчности.

Конна снова и снова приходил к озеру один. Казалось, оно неодолимо притягивает его. В конце концов, он был изыскатель, много лет мечтавший об одном — найти золотую жилу. В конце концов он принес с собой приборы, проделал анализы, и тогда зачарованность перешла в алчность, а та со временем — в безумие.

Конна боролся с безумием, и не зря. Снова появилась девушка. На этот раз с ней были Кра и его сыновья, еще молодые и не такие ожесточенные, как сейчас, и какие-то другие люди, которых Конвей не знал. Это было, очевидно, ритуальное посещение, и оно имело какое-то отношение к новорожденному, которого девушка держала на руках.

Сердце Рэнда Конвея сжалось так, что почти перестало биться. И сквозь ледяное оцепенение, охватившее его, снова начал просачиваться прежний страх, боязнь того кошмара, в котором от него скрыто что-то такое, чего он не в силах вынести.

Конна, девушка, новорожденный.

«Мне не уйти. Я не смогу пробудиться от этого сна».

Внутренняя борьба бушевала в душе Конны. Он должен был испытывать все муки ада, потому что было ясно: то, что он собирается сделать, разлучит его со всеми, кого он любил. Но он уже утратил здравый рассудок. Озеро насмеялось над ним, дразнило его своими невероятными богатствами, и он не мог про это забыть.

Когда Конна пришел к озеру Ушедших Навсегда в последний раз, он оставил меха и копье Искара и снова надел кожаный комбинезон космолетчика и пояс с пистолетом в кобуре. Он принес свинцовый контейнер, чтобы привезти с собой доказательство существования озера и его богатств.

Но в тот момент когда он брал пробу — которая в конечном счете должна была стать причиной уничтожения озера вместе со всем, что оно означало для Искара, — пришла светловолосая девушка. Глаза ее были полны страдания и мольбы, и с ней был ребенок, теперь уже большой мальчик, почти двух лет от роду.

И сын Конны вдруг громко вскрикнул и покачнулся, так что Саэль пришлось протянуть ему руку, и он вцепился в ее руку, чувствуя, как все вокруг него плывет и погружается в темноту.

«Теперь я знаю! Я знаю, откуда этот страх во сне!»

На поверхности озера тень ребенка с недоумением и ужасом смотрела, как его мать выхватила маленькую тяжелую коробочку из рук его отца — его отца, который стал таким странным и все время сердился, а теперь надел какую-то странную черную одежду.

Он смотрел, как его мать, плача, умоляла отца остановиться, подумать, не уничтожить их всех.

Но Конна не хотел остановиться. Он вышел на бой и проиграл его, но не хотел остановиться.

Он попытался отнять у нее коробочку. Несколько мгновений он и девушка балансировали на самом краю озера. А потом — быстро, так быстро, что она успела, падая, бросить на Конну только один взгляд, — девушка упала вниз. Потрясенное холодное пламя озера вскипело, она погрузилась в него и навсегда исчезла из виду.

Ребенок закричал и кинулся к краю. Он тоже упал бы вниз, если бы отец не удержал его.

Долго стоял там Конна, держа на руках плачущего ребенка. Девушка унесла с собой свинцовую коробочку, но Конна забыл об этом. Он забыл обо всем, кроме того, что его подруга мертва, что он убил ее. И у него было такое чувство, словно и сам он умер.

А потом он повернулся и бросился бежать, неся на руках ребенка.

Поверхность озера снова стала такой, какой была раньше, — темной и неподвижной.

Рэнд Конвей медленно опустился на колени. Он ощущал во всем теле какую-то тяжесть, словно перенес долгую болезнь. Силы покинули его. Он стоял на коленях на обледеневших камнях, не шевелясь и молча, ничего не чувствуя, ни о чем не думая. Как сквозь туман он увидел, что Саэль стоит на коленях рядом с ним, заметил, что все еще крепко держится за ее руку.

Через некоторое время он поднял глаза на Кра:

— Вот почему ты дал мне возможность покинуть, Кра. Я был сыном Конны, — но я был и сыном твоей дочери.

— Ради нее, — медленно произнес Кра, — я бы отпустил тебя.

Конвей кивнул. Он испытывал громадную усталость. Теперь ему стало ясно многое. Все изменилось. Странно, очень странно.

От руки Саэль, которую он по-прежнему сжимал, исходило тепло и утешение.

Он медленно вытащил из-за пояса маленький пистолет и свинцовый пузырек и, разжав ладонь, дал им упасть вниз.

— Отец моей матери, — сказал он, обращаясь к Кра, — оставь мне жизнь.

Он склонил голову и ждал.

Но Кра не ответил. Он только спросил:

— Конна жив?

— Нет. Он заплатил за ее жизнь, Кра, своей жизнью.

— Это хорошо, — прошептал старик.

И его сыновья отозвались, словно эхо:

— Это хорошо.

Конвей поднялся на ноги. Настроение его изменилось — он уже не чувствовал прежней усталой покорности.

— Кра, — сказал он. — На мне нет вины за преступление Конны, а что до меня самого — ты знаешь сам. Я вашей крови, старик. Я больше не буду ни о чем просить. Беритесь за свои копы, дайте копы мне, и мы посмотрим, кому суждено умереть!

Угрюмая усмешка промелькнула на лице Кра. Он пристально взгляделся в глаза своего внука, а потом кивнул:

— Ты моей крови. И я думаю, что ты не забудешь. Никто не возьмется за копы.

Он сделал шаг назад. Конвей сказал:

— Отпусти остальных. Они ничего не знают об озере и никогда не узнают. Я остаюсь на Искаре. — Он прижал к себе Саэль. — Еще одно, Кра. Саэль не должна понести наказание.

Снова на губах Кра промелькнула угрюмая усмешка. В глазах его стало чуть меньше ледяного холода. Со временем, подумал Конвей, прежняя жесточенность, может быть, исчезнет совсем.

— Вы стояли рядом у озера, — сказал Кра. — Это наша брачная церемония. Поэтому, если кто-то побьет Саэль, ты знаешь, что тебе делать.

Он круто повернулся и вышел из пещеры, вслед за ним вышли сыновья. Медленно, еще не зная, что сказать, Рэнд Конвей и Саэль двинулись за ними — в узкое ущелье, уже не страшное для человека, который наконец обрел свою планету.

Позади них лежало озеро Ушедших Навсегда, недвижимое и черное, словно перебивавшее воспоминания, и любовь, и ненависть, и печали целой планеты, которые копились в нем с самого начала времен и теперь будут покоиться в безопасности до конца времен.

ТАНЦОВЩИЦА С ГАНИМЕДА

Глава 1

БРОДЯГА

Тони Харра вышел на базарную площадь Камара, направляясь к улице Игроков. Кислое вино тяжело плескалось у него в желудке, в карманах было пусто, и он не спешил. Ждал его проигрыш или удача — спешить все равно было некуда. Он бездельничал, а где и бездельничать землянину, как не на Камаре?

Ветерок неторопливо бродил по узким улочкам, и пламя факелов, которые испокон веков горели под низким красным небом, колыхалось под его порывами. Пахло жаром и серой вулканического сердца Ганимеда. Даже здесь, на плато, вознесенном на тысячу футов над джунглями, от этих запахов было некуда деться. Но панельные крыши домов были широко раздвинуты, ибо иного воздуха для дыхания все равно не было.

Над суетой и гулом базара в непроглядной тьме космоса висела огромная, ослепительно желтая звезда Солнца. Половину небосвода занимала туманная громада Юпитера, перетянутая пурпурными, алыми и серыми полосами. В пространстве между Солнцем и Юпитером плыла вереница лун, которые, сверкая отраженным друг от друга свечением, вспыхивали, блестели и сияли.

Харру не волновала эта величественная картина. Слишком давно он любовался ею.

Он протолкался через площадь к тому ее месту, где улица Игроков сливалась с улицами Девственниц и Воров; по пятам за ним мохнатой тенью следовал Ток, абориген, дитя лесов с глазами лемура, который принадлежал Харре и преданно любил его.

The Dancing Girl of Ganymede
Copyright © 1950 by Leigh Brackett
Танцовщица с Ганимеда
© Издательство «Полярис», перевод, 1997

Харра почти пересек площадь, когда услышал стремительные ритмы музыки. Ток внезапно выкинул лапку, похожую на руку человека, схватил своего хозяина за рубашку и сказал: «Господин — ждать!»

Удивившись тревожным ноткам в его голосе, Харра повернулся и открыл было рот, чтобы ответить, но не вымолвил ни слова. Его остановило выражение глаз Тока. За их странной растерянностью чувствовался откровенный страх.

Обогнав Харру, абориген превратился в бесформенный темный сгусток, затерявшийся в бликах света от факелов и лун. Вскинув голову, он прижимался к порывам ветра. Ноздри его подрагивали, и постепенно все хрупкое тельце стало сотрясаться дрожью, словно каждый вдох переполнял его ужасом. Он постепенно стал подбираться и съеживаться, пока не потерял всякое сходство с человекоподобным созданием, превратившись в зверька, готового спастись бегством.

— Господин, — прошептал он. — Зло, господин... зло и смерть. Их несет ветер.

Харра подавил охватившую его дрожь. Он ничего не видел, кроме заполненной народом площади, на которой кипела многоязычная жизнь Камара, где не было ни границ, ни законов и где обитал покинутый и заброшенный сброд Внешних Миров, перемешанный со смуглыми уроженцами Ганимеда. Единственной странностью тут была музыка, но в ней не слышалось ничего зловещего. Дудочка, барабан и арфа с двумя деками — мелодия была грубой и варварской, но пробирала до костей.

Но Ток, стоя к Харре вполоборота, уставился на него глазами существа, увидевшего нечто запретное, и взмолился:

— Уходить! Уходить назад, господин! Ветер полон смерти!

Пока он уговаривал Харру, другие его соплеменники стали торопливо покидать площадь — пушистые человекоподобные создания, затерянные вдали от своих родных джунглей.

— Демоны! — проверещал один из них на бегу. — Демоны с глазами, полными тьмы!

— Уходить, господин, — прошептал Ток.

Он произнес это с такой убедительностью, что Харра едва не подчинился, но затем взял себя в руки и рассмеялся.

— В чем дело, Ток? — спросил он на примитивном наречии аборигенов. — Я не вижу никаких демонов.

— Они там. Пожалуйста, господин!

— Чушь. — Харра позвенел мелочью в кармане. — Или я выиграю пару монет, или же тебе придется красть, чтобы нам прокормиться. Иди сюда.

Он потрепал дрожащего Тока по плечу и, раздвигая толпу, продолжил путь через площадь. Теперь он в самом деле за-

интересовался. Он хотел выяснить, что так напугало Тока и из-за чего аборигены пустились в бегство.

Он увидел танцующую девушку, которая красно-белым вихрем кружилась на грязных камнях под аккомпанемент дудки, барабана и арфы; играли трое мужчин — скорее всего ее братья.

Судя по украшениям и драному платью, она была Бродягой — те представляли собой нечто вроде межпланетных цыган, одно из огромных неприкаянных племен космоса, которые скитались от планеты к планете, не принадлежа ни к одной из них. В крови их смешались следы всех рас Системы, способных к перекрестному оплодотворению, и они считались париями даже в самых нижних слоях общества.

Некоторое количество их обитало и на Камаре, но девушка явно была новенькой. Встретясь Харра с ней раньше, он бы ее запомнил. Он подумал, что мужчина не в состоянии забыть такую девушку. От ее глаз невозможно было оторваться.

Полуголая в своих ярких лохмотьях, она продолжала плясать в неверном свете факелов, перебирая маленькими белыми ножками. Волосы у нее были цвета темного золота, а на личике улыбающегося ангела выделялись непроглядно черные глаза.

В темных расширенных зрачках не было и тени улыбки. А в выражении глаз — ничего общего с непринужденной радостью гибкого тела. В их тлеющей искорками глубине таились печаль и гнев — Харре никогда не приходилось видеть взгляда, полного такой горькой ярости.

Он протолкался вперед, к краю открытого пространства, на котором она танцевала, и остановился так близко к ней, что пару раз, когда девушка скользнула мимо, Харры коснулась копна распущенных волос.

И, глядя на танцовщицу, он почувствовал нечто странное.

Музыка была пронизана чувственностью, и каждый шаг танца был откровенным приглашением, древним, как само человечество. Каким-то удивительным образом девушка, воспринимая примитивные животные ритмы, преобразовывала их в нечто нежное и манящее. И перед Харрой всплыли давние воспоминания о серебряных берегах, колышущихся на ветру.

Внезапно она остановилась перед ним, высоко вскинув над головой руки и подрагивая в такт тоскливой дрожащей ноте красной дудочки. Она смотрела на него, смутлого мускулистого землянина, и во взгляде ее была ненависть.

Харре показалось, что эта ненависть, страстная и неумная, обращена на него лично, и мощь ее поразила его. Он хотел было что-то сказать, но девушка снова сорвалась с места, как лист под ветром, подхваченная мощным аккордом музыки.

Он остался стоять на месте, застыв в ожидании, охваченный внезапным восхищением, с которым ему не хотелось расставаться. Пока он глазел, между его ног, поскуливая, скользнула маленькая коричневая дворняжка.

Собаки на Камаре вели себя точно так же, как и на всех прочих мирах, лежащих в отдалении от родной Земли. Потерянные или брошенные командами кораблей, что приходили сюда из космоса, они рылись в отбросах и бродили по душным, в пару, улицам. Внезапно Харра дернулся, услышав новые для этого базара звуки.

Узкие улочки, как всегда, были полны разноголосицы и шума, и резкие стремительные ритмы музыки заполняли площадь. Но коричневая дворняжка задрала морду к небу и завывала, издав длинный истошный вопль; где-то рядом его подхватила другая собачья глотка, и еще одна, и другая — пока наконец вся площадь не завибрировала от них. Харра слышал, как эти скулеж и вой шли все дальше и дальше, удаляясь по извилистым улочкам на темные окраины Камара, полный ужаса собачий голос сплетался с другим, и землянин почувствовал, как по спине у него пробежал холодок.

Что-то страшное было в этом предупреждении, которое пришло из далекого прошлого Земли, не изменившись даже на этой чужой планете.

Музыка поперхнулась и смолкла. Девушка остановилась и застыла в полуизгибе. На площади воцарилось молчание, и постепенно стихли людские голоса. Город застыл, прислушиваясь к вою своих псов.

Харра поежился. Толпа стала смущенно переминаясь с ноги на ногу, и к собачьему вою примешался людской говорок. Танцовщица медленно расслабилась, меняя позу, и собралась.

Чье-то мускулистое тело ткнулось Харре в колени. Посмотрев вниз, он увидел могучего волкодава, который, припадая к земле, выбирался на свободное место. Только тут он увидел, что площадь полна собак, которые мохнатыми тенями скользили меж ног у людей. Они кончили выть, эти псы, и лишь порывками и скулили, поблескивая белыми клыками.

Маленькая дворняжка сдавленно зарычала. И вдруг, сорвавшись с места, перемахнула мощную полосу и, распластавшись в воздухе, устремилась к горлу танцовщицы.

Глава 2

БРАТЯ

Она не вскрикнула. А движением четким и стремительным, как у того же пса, обеими руками перехватила в полете жилистое коричневое тело. Харра увидел, что девушка на долю секунды

застыла в таком положении, держа на весу беснующееся животное, которое хрипело, стараясь дотянуться до нее. Прищуренные глаза танцовщицы горели холодным черным пламенем бесстрашия.

Затем она швырнула пса в челюсти волкодава, который вцепился в него, и рычащий клубок покатился по земле.

И тут начался бедлам, для которого не хватало только такого акта жестокости. Толпа в панике хлынула с площади, стремясь как можно скорее покинуть ее. Собаки и люди смешались в орущей и визжащей кутерьме. Что-то привело животных в бешенство, и они отчаянно рвали и кусали всех и вся, что попадалось им на пути. Камни мостовой окрасились кровью, в свете факелов блеснуло оружие, и порывы горячего ветра разносили крики ярости.

В свалке на площади участвовали только люди и собаки. Аборигены исчезли все до одного.

Мгновенно собравшись, Харра устоял на ногах. Он заметил, как девушка мелькнула рядом и, развернувшись, с силой опустила дуло пистолета на голову животного с огромной пастью, что кинулось на нее со спины. Но когда он попытался увидеть ее снова, та уже пропала.

Толпа сдавила его и понесла в том направлении, где исчезла танцовщица. Сделав несколько шагов, Харра запнулся и увидел под ногами красные лохмотья, а в прорехах — белое тело. Девушка пыталась встать. Работая кулаками и локтями, он расчистил свободное пространство рядом с ней. Через секунду она вскочила на ноги, как дикая кошка, орудуя длинными ногтями и разбрасывая груды тел, которые угрожали раздавить ее.

Страха в ней так и не было.

Харра ухмыльнулся и, схватив девушку, перекинул ее через плечо. Та была маленькой и на удивление легкой. Он позволил толпе нести их, стараясь лишь удержаться на ногах и безжалостно пиная собак и людей.

Откуда-то из лохмотьев девушка вытащила маленький нож. Вися вниз головой на плече у землянина, она засмеялась и снова спрятала его. Харра подумал, как хорошо быть такой смелой, но вряд ли ей стоило бы так веселиться. Прильнувшее к нему тело было упругим, как стальная пружина.

Он увидел перед собой зев улицы и, когда их внесло туда волной людей и собак, спасавшихся бегством, постарался пробиться поближе к стене. Улица была скопищем домов самой разной постройки, и наконец Харра нашел проем между двумя из них, где когда-то находилась коновязь. Протолкавшись туда, он поставил девушку на ноги и, прикрывая ее спиной, перевел

дыхание; работая руками и ногами, он отшвыривал всех, кто приближался к нему.

Он знал, что девушка не сводит с него глаз. В этом узком пространстве они стояли вплотную друг к другу. Ее не сотрясала дрожь, и дыхание у нее было ровным и спокойным.

— Почему ты так посмотрела на меня, там, на площади? — спросил он. — У тебя было что-то лично ко мне, или ты просто ненавидишь всех мужчин?

— Ты вытащил меня, чтобы только получить ответ на этот вопрос? — Ее английский был безукоризненным, без малейшего акцента, а чистый и мягкий голос — столь же прекрасным, как и тело.

— Может быть.

— Ну и хорошо. Да, я ненавижу всех мужчин. И женщин тоже... особенно женщин.

Сообщила она это сухо и деловито. У Харры не было оснований усомниться в том, что она имела в виду. Он поверил каждому ее слову. Потом вспомнил маленькое лезвие, которое она могла всадить ему в спину, и внезапно ему стало как-то не по себе.

Развернувшись, он успел перехватить ее кисть. Улыбнувшись, девушка позволила ему отнять нож.

— Страх, — сказала она. — Вечный страх, где бы ты ни был.

— Но ведь ты не боишься.

— Нет. — Она смотрела мимо него, разглядывая улицу. — Толпа редет. Я пойду искать братьев.

Крупный грязно-рыжий пес убудочной породы сунул морду в нишу и зарычал. Харра пнул его, и тот неохотно отпрянул, ощерив пасть и не отрывая от девушки налитых кровью глаз.

— Я бы не рискнул, — сказал Харра. — Псы, похоже, тебя недолюбливают.

Она засмеялась:

— На мне ни царапины. Посмотри на себя.

Харра последовал совету. Многочисленные ссадины кровоточили, а одежда превратилась в лохмотья. Он покачал головой:

— Что за дьяволыща в них вселилась?

— Страх, — ответила девушка. — Вечный страх. Я пойду.

Она вывернулась у него из-за спины, но он остановил ее:

— О нет. Я спас тебе жизнь, леди. И ты не можешь так легко покинуть меня.

Он положил руку на плечо танцовщицы. Плоть ее была прохладной и упругой, и пряди густых рыжеватых волос скользнули у него меж пальцев. Харра не имел представления, какая в ней смешалась кровь, но девушка ни на кого не походила, и в сиянии лун он любовался ее невыразимым обаянием. В мягком

мерцании волос и кожи, в огромных спокойных глазах было что-то от лунного света.

Отверженная, уличная танцовщица, паря в пурпурных лохмотьях — в ней было что-то магическое. Харру неудержимо влекло к ней. Интуитивно он чувствовал, что лучше держаться от нее подальше и позволить ей исчезнуть, ибо ее странность была выше его понимания. Но он этого не сделал. Не мог.

Нагнувшись, он легким поцелуем коснулся ее лба:

— Как тебя зовут, маленькая бродяжка?

— Маритт.

Харре было знакомо это слово из лексикона *lingua franca* городского мира. Он улыбнулся:

— Почему вы называете себя Отверженными?

Девушка мрачно уставилась на него темными глазами:

— Я не из тех, кого может любить мужчина.

— Ты пойдешь ко мне домой, Маритт?

— Предупреждаю тебя, землянин, — прошептала она. — Я смерть!

Рассмеявшись, он сгреб ее в объятия:

— Ты ребенок, а дети не должны жить в ненависти. Идем ко мне, Маритт. Я буду осыпать тебя поцелуями, накоплю тебе красивых вещей и научу смеяться.

Она помедлила с ответом. На лице ее было рассеянное мечтательное выражение, словно она прислушивалась к каким-то далеким голосам. Наконец она пожала плечами:

— Хорошо. Я пойду.

Они двинулись бок о бок. Улица уже опустела. Со стороны базара доносились какие-то невнятные тревожные звуки, но они были далеко. По пустынным улицам, залитым светом вереницы лун, Харра вел девушку к своему дому.

Держась рядом с ней, он обнимал ее. Он был полон какого-то странного восторга, и плохое настроение окончательно покинуло его. Тем не менее ему не давала покоя мысль о том, что отделяло его от этой девушки и смысла чего он никак не мог уловить. В сердце у него гнездились сомнения и едва ли не страх. Он понятия не имел, кого обнимал, кто был в кольце его рук — ребенок, женщина или чуждое, пугающее своей непонятностью создание.

Он вспомнил вопли аборигенов о смерти и демонах. Он вспомнил, как завывали собаки. Ему осталось только удивляться силе охватившего его влечения.

Но девушка была так очаровательна, а маленькие белые ножки так легко скользили в пыли дороги рядом, что он не мог позволить ей уйти.

Они миновали базар, и тот остался у них за спиной. Теперь их окружала тишина, которой дышали слепые стены домов, но

неожиданно из тени перед ними беззвучно, словно привидения, появились два человека и преградили им путь.

Один был землянин — могучий, широкоплечий, с грубыми чертами лица, вид которого давал понять, что с места его не сдвинуть. Другой, венерианин, тонкий и изящный, с блестящими светлыми волосами. Оба были вооружены. В той позе, в которой они неподвижно стояли, не произнося ни слова, было что-то бесконечно зловещее, и в лунном свете синевато поблескивал металл их оружия.

Харра остановился, вскинув руки. Маритт сделала шаг вперед и в сторону, отстранившись от него, и встала, как ошети-нившаяся кошка.

— В чем дело? — спросил Харра. — Что вам надо?

— Нам нужна эта... эта девушка, а не ты, — ответил землянин. У него был низкий глухой голос, и он запнулся на слове «девушка».

Маритт развернулась. Она была готова кинуться мимо Харра в ту сторону, откуда они пришли, но снова застыла как вкопанная.

— У тебя кто-то за спиной. — Маритт посмотрела на Харру, и тот с изумлением увидел, что ее глаза полны ужаса. Она боялась. На этот раз ею овладел смертный страх. — Не позволяй им забрать меня, — шепнула она. — Пожалуйста, не отдавай меня им! — И словно про себя пробормотала: — Скорее! Ну же, скорее!

Она помялась на месте, озираясь по сторонам, как зверек, который ищет пути бегства, но спасения не было.

Харра глянул через плечо. Откуда-то возник третий, который с пистолетом в руке перекрывал им путь отхода, — желтоглазый марсианин с волчьей усмешкой. В Харре запульсировал сигнал тревоги. Они столкнулись явно не с уличными грабителями, а попали в засаду, которую готовили загодя. Его с Маритт выследили и перехватили.

— Маритт, ты знаешь этих типов?

Она кивнула:

— Знаю. Не по именам... но я их знаю. — Смотреть, как ее колотит от страха, было невыносимо.

Интуитивное знание, основанное на большом опыте, подсказало Харре, что он тоже знаком с ними.

— От вас несет законом, — бросил он и засмеялся. — Но вы забыли, где находитесь. Это Камар.

Высокий покачал головой:

— Мы — не закон. Это... личное.

— Не доставляй нам хлопот, землянин, — добавил марсианин. — С тобой мы не хотим ссориться. Нам нужна всего лишь девчонка. — Он начал сближаться с Харрой, двигаясь осторожно, словно подходил к опасному животному. Остальные тоже снялись с места.

— Расстегни пояс, — приказал Харре высокий. — И брось его на землю.

— Не отдавай им меня, — прошептала Маритт.

Харра опустил руки на пояс.

Затем сделал стремительное неувимое движение. Но те не уступали ему в быстроте, и, кроме того, их было трое. Харра едва успел выхватить пистолет из кобуры, как марсианин врезал ему рукояткой по виску. Харра рухнул и услышал, как, отброшенный чьей-то ногой, его пистолет звякнул о камни и как закричала Маритт.

Огромным усилием он заставил себя приподняться, опираясь на руки. Перед глазами, мешая смотреть, то ползли черные полосы, то брызгали яркие вспышки. Он успел увидеть, как венерианин схватил девушку, с помощью остальных двух стараясь справиться с ней, но ее хрупкое белое тело сопротивлялось с невероятной силой, пытаясь высвободиться.

Харра попробовал встать, но у него ничего не получилось. Через минуту все трое скрутили Маритт, заломив ей руки за спину и связав тонкие кисти. Один из троих извлек кусок ткани, блестевшей, как металл, и накинул ей на голову.

Похоже, они забыли о нем, когда крадучись двинулись по улице; Харре, который то и дело проваливался в темные глубины боли, показалось, что улица каким-то странным образом удлинилась. В ушах у него еще продолжали звучать глухие отзвуки драки и ругательств. Но он отчетливо запомнил последний отчаянный взгляд, который кинула на него Маритт, прежде чем блестящая ткань опустилась ей на голову, скрыв лицо.

Сердце его разрывалось от горя, и Харру окатила волна дикой ненависти к этой троице. Он попытался встать и двинуться вслед за ними, и какое-то время ему казалось, что он преуспел в своих усилиях, но, когда зрение прояснилось, он увидел, что прополз всего несколько дюймов. Он не догадывался, сколько это потребовало времени, но теперь улица была пуста и до него не доносилось ни звука.

— Маритт, — позвал он. — Маритт! — И, подняв глаза, увидел, что над ним стоят трое ее братьев. Они показались ему невероятно высокими, и их странно красивые лица белели в неверном свете лун.

Глава 3

НА КРАЮ

Один из Бродяг нагнулся, взял Харру за отвороты рубашки и, без усилия поставив на ноги, уставился ему в лицо такими же, как у Маритт, глазами, черными и непроницаемыми, в которых тлели гнев и жестокость, владевшие его душой.

— Где она? — потребовал он ответа. — Куда они дели ее?

— Не знаю. — Харра почувствовал, что может стоять самостоятельно, и попытался освободиться от хватки Бродяги. — Откуда вы взяли? Как вы...

— Найди ее. — Рука, от которой ему не удалось избавиться, скрутила ткань рубашки так, что ворот перехватил ему горло. — Ты увел ее, землянин. Ты, собаки... произошло то, чего не должно было случиться. Ты увел ее — теперь ты ее и найдешь!

— Отпусти, — сквозь зубы выдавил Харра.

— Отпусти его, Келин, — сказал другой. — От мертвого толку не будет.

Удушающая хватка неохотно разжалась. Харра сделал шаг назад. Он был разъярен и в то же время испытывал не просто страх. Снова, как и с Маритт, он почувствовал нечто странное в этом Келине. Сила, с которой рука, не дрогнув, душила его, была нечеловеческой.

Покачнувшись, он едва не упал и понял, что еще не пришел в себя после удара и скорее всего не может собраться с мыслями.

Тот, кого называли Келином, с железной настойчивостью повторил:

— Ее необходимо найти. И как можно быстрее. Ты понял? Ей угрожает серьезная опасность.

Перед Харрой всплыло лицо Маритт, каким Харра видел его в последний раз. Он вспомнил и написанный на нем ужас и ту жуткую лихорадочную поспешность, с которой троица старалась справиться с девушкой. Он понял, что Келин говорит правду.

— Мне нужен Ток, — сказал Харра. — Он сможет выяснить, где она.

— Кто такой Ток?

— Аборигены, — стал объяснять Харра, — знают все, что происходит на Камаре, еще до того как это случится.

Охваченный желанием как можно скорее добраться до своего жилья и увидеть Тока, он дернулся, но Келин резко остановил его:

— Подожди. У меня получится куда быстрее.

Харра остановился, и по коже у него побежали мурашки. Лицо Келина обрело то же самое странное выражение, что он видел у Маритт, словно тот прислушивался к каким-то далеким голосам. После секунды молчания Бродяга улыбнулся и сказал:

— Ток приближается.

Наконец Харра понял эту тайну.

— Телепатия. Вот как вы нашли меня, вот как узнали, что случилось с Маритт. Она звала вас и просила поторопиться.

Келин кивнул:

— К сожалению, наши способности не всемогущи. При желании мы можем общаться друг с другом, мы можем в определенной степени контролировать мышление существ низшего порядка — например, животных или близких к ним, таких, как Ток. Но я не могу ни прочесть, ни даже уловить мысли тех, кто похитил мою сестру, — и ее лишили возможности воспользоваться своими способностями и поговорить со мной.

— Они накинули ей ткань на голову, — сообщил Харра. — Что-то блестящее.

— Волны мысли имеют электромагнитную природу, — сказал Келин. — Их можно экранировать.

Все замолчали. Они стояли в пустом пространстве между глухими стенами домов и ждали. Наконец в неподвижном сплетении теней мелькнула другая тень. Медленно, с огромной неохотой, она приблизилась, и в лунном свете Харра увидел Тока. Ежась и топорщась, согнувшись, словно придавленный тяжелой ношей, Ток явно не хотел идти к ним — но влачился, как рыба на леске.

Крючком и леской был мысленный приказ Келина. Отведя взгляд от неподвижного лица Келина, Харра увидел страх и унижение в глазах Тока, и его окатила волна гнева, хотя он и сам побаивался.

— Ток, — мягко сказал он. — Ток!

Абориген повернул голову и с безнадежной мольбой взглянул на Харру — такой же взгляд Маритт бросила на него, когда незнакомцы уносили ее. Затем Ток съехался у ног Келина и застыл, дрожа.

Харра невольно рванулся к нему, но один из братьев Келина схватил его за руку:

— Если ты хочешь спасти ее, стой на месте!

Харра остановился, дернувшись от боли, ибо ему показалось, что в его плоть впились не человеческие пальцы, а пять стальных плоскогубцев.

Келин молчал, а единственным звуком, исходившим от Тока, было тихое поскуливание. Но через несколько минут Келин сказал:

— Он знает, где она. И приведет нас.

Ток повернулся и пошел. Все двинулись за ним. Харра заметил, что Ток, прибодрившись, двигался легко и свободно. Но страх еще не покинул его.

Келин не отрывал от него глаз, темных и бездонных, как глубины космоса в межзвездном пространстве.

Демоны. Демоны с глазами тьмы.

Харру охватила дрожь первобытного страха. Затем он снова посмотрел на Бродяг в их цветастых лохмотьях — отверженные из племени изгнанников, за несколько монет торгующие на рыночной площади красотой своей сестры, — и волнение покинуло его.

Он слишком доверился аборигенам, которые в каждой тени видят духов зла.

Харра снова стал думать о Маритт и о желтоглазом марсианине, который чуть не расколол ему череп, и у него зачесались костяшки кулаков.

Теперь у него не было при себе никакого оружия, кроме спрятанного под рубашкой ножа, но он был готов вступить в любую схватку.

Не церемонясь, он задал вопрос, который давно вертелся на кончике языка:

— Что эти люди хотели от нее?

Один из Бродяг пожал плечами:

— Она красива.

— Не это было у них на уме, — бросил Харра. — Как и вы не это имеете в виду.

— Старые счеты, — хрипло сказал Келин. — Кровавая вражда.

От его голоса у Харры снова пошли мурашки по всему телу.

Что-то странное творилось теперь на Камаре. После краткого взрыва собачьего бешенства псы исчезли с глаз. Из проемов раздвинутых крыш доносилось бормотание, и лишь в винных лавках слышалась трескотня разговоров.

Но на улицах не было ни души. Даже собачьей.

Харра не сомневался, что чьи-то глаза смотрят на них из темноты, точно так же, как они наблюдали за Маритт и за теми, кто похитил ее. Но это было всего лишь ощущение. Аборигены были неуловимы, как струйка дыма.

Ток уверенно вел их, срезая путь по краю площади, где она шла под уклон. Тут начинался район, в котором Харра никогда не бывал, — Квартал Торговцев Грезами.

Столь поэтическое имя носил лабиринт сущих крысиных нор, от которых несло невообразимыми запахами. Раздвижные панели крыш всегда были закрыты, а те немногочисленные звуки, которые удавалось расслышать, вряд ли можно было считать человеческими голосами.

Они подошли к дому, который стоял в конце улицы сам по себе. Похоже, он давно уже был покинут, ибо дверь густо заплели сорняки, пустившие корни и в трещинах стен.

Не было видно ни проблеска света, не доносилось ни звука. Но Ток остановился и показал на здание.

После секундного промедления Келин кивнул и, уже не обращая внимания на Тока, коротким жестом отпустил его. Припадая к земле, абориген сделал три прыжка и исчез в тени.

Бесшумно ступая в пыли, Келин двинулся вперед.

Остальные последовали за ним. К дому сбоку примыкало крыло, частично разрушенное давним землетрясением. Сквозь стгнившие половицы пробился коренастый ствол дерева, ветви которого дотянулись до верхнего края осыпавшихся стен.

Не дожидаясь указаний Келина, Харра вскарабкался на дерево и подобрался к стропилам, с которых была видна крыша.

Скользящие панели оказались сдвинуты. Но они тоже были подгнившими от старости, и сквозь щель Харра увидел слабое мерцание. Где-то внизу горел фонарь, и оттуда доносились мужские голоса.

Осторожно пройдя по хрустящей кирпичной крошке, Бродяги распластались рядом с ним. В их зрачках отразилось мерцание фонаря и появилось странное непередаваемое выражение холодной жестокости.

Харра подумал, что они забыли о нем, так же, как о Токе.

Он сменил положение и теперь мог смотреть прямо вниз сквозь дыру в крыше. Келин оказался бок о бок с ним.

До них донесся мужской голос, который спокойно и обдуманно произносил безжалостные слова.

— Чтобы оказаться здесь, мы проделали длинный путь. У нас не было в нем необходимости. Мы могли спокойно жить в своих домах, предоставив беспокоиться другим. Но мы явились. Люди из другого мира — *люди*, ты слышишь меня? Из человеческой плоти и крови.

Его широкоплечая тень черной полосой падала на пол рядом с Маритт. Тень была огромной, грозной и неподвижной. Девушка лежала на полу. Металлизированная ткань по-прежнему закрывала ей голову, а из-под нее был виден кляп, так что пленница не могла произнести ни звука. Веревку, стягивавшую ей руки, теперь заменили наручники, от которых тянулся

провод к небольшому черному ящичку. Портативный генератор, в ярости понял Харра.

— Ты крутая, — сказал человек. — Но мы тоже крутые. И мы не собираемся уходить с пустыми руками. Я еще раз задам тебе вопрос. Сколько — и где?

Маритт замотала головой.

Жилистая смуглая рука, которая могла принадлежать только марсианину, нажала кнопку на панели черного ящика. Тело девушки выгнулось и заколотилось в мучительных судорогах.

Харра подобрался. За мгновение до прыжка Келин с силой ткнул землянина в плечо, и тот, проломив крышу, нырнул головой вперед.

Раздался громкий треск прогнившего дерева. Перед Харрой на долю мгновения предстало все пространство комнаты, которое рванулось ему навстречу, — трое мужчин, задравших головы, красно-белая одежда девушки, распластавшейся на коричневом полу, черный ящичек.

Он успел ухватиться за край пробитой крыши, но тот подломился, и Харра увидел, что венерианин очень медленно, как ему показалось, делает шаг назад, чтобы не оказаться у него на пути. Оборвавшись, Харра успел собраться в полете и, приземляясь на ноги, подумал, что еще не собирается умирать и, конечно же, будет жить достаточно долго, чтобы сломать шею Келину, а не себе.

Он рухнул на пол в облаке пыли и обломков. Криво усмехнувшись, марсианин вскинул пистолет.

Глава 4

КАК ЛЕОПАРДЫ

На мгновение все застыли на месте. Пыль, копившаяся годами, бесшумно оседала. С треском свалилась еще одна доска. Харра перевел дыхание, которое чуть не вышибло у него при падении. Девушку продолжали корчить непрерывные приступы боли. Какое-то краткое мгновение троица с Земли, Марса и Венеры, не шевелясь, смотрела на Харру, пытаясь понять, что произошло.

Затем сквозь пролом в крыше легко и уверенно попрыгали Бродяги, приземляясь с той легкостью, что присуща лишь леопарду, когда он прыгает с нависшей ветки на добычу. Определенным образом, наблюдать за ними было сущим наслаждением — восхитительная грациозность и мощь движений, молчаливый блеск трех лезвий. Балет с клинками. Пистолет марсианина успел выстрелить лишь один раз. Пуля никого не задела. Огромный

землянин кинулся на Келина и только захрипел, когда сталь вошла ему меж ребер.

Харра поднялся. Похоже, в этой схватке ему не было места. Все свершилось настолько молниеносно, что казалось невероятным — каким образом трое человек могут за несколько секунд расстаться с жизнью. Спокойные лица братьев Маритт были полны такой холодной жестокости, что Харру чуть не замутило при взгляде на них.

Он переступил через тело венерианина, заметив, что его серебряные пряди испятнаны слипшимися комками грязи и красными подтеками. Потом вырубил черный ящик, и Маритт медленно расслабилась, то и дело подрагивая всем телом. Харра сорвал металлическую ткань у нее с головы, вытащил кляп и подумал, что человек, который так обошелся с девушкой, заслуживает смерти. Но эта мысль не доставила ему радости.

Маритт посмотрела на него, и ему показалось, что она улыбнулась. Он поднял ее и взял на руки, держа с неуклюжей нежностью.

Могучий землянин приподнял голову. Он не спешил умирать, ибо даже смерть ему подобало встретить в свое время. Он увидел, чем все кончилось, и на его широко грубом лице появилось выражение, изумившее Харру, — оно просияло мрачной уверенностью.

С горечью и ненавистью землянин посмотрел на Бродяг, и было видно, что он не признает поражения.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо. Какое-то время вы будете в безопасности. Вы поставили ловушку с приманкой из нее, и она сработала — теперь вам ничто не грозит. Но скрыться вам не удастся. Вас знает каждая собака. Вам нет места ни на земле, ни на небесах, ни в аду. И пусть даже, чтобы покончить с вами, потребуется вся, до капли, человеческая кровь в Системе, мы пойдем и на это.

Он повернулся к Харре, который, стоя на коленях, держал на руках Маритт.

— Ты хоть знаешь, кто они такие? — спросил он. — Ты влюбился в *это* и даже не знаешь, что *это* такое?

Маритт задрожала и, вздохнув, прижалась к Харре, но, прежде чем тот успел ответить, Келин, улыбаясь, склонился над землянином. Лезвие Бродяги сделало одно быстрое изящное движение, и послышалось сдавленное хрипение, как у зарезанной свиньи, когда та валится к ногам мясника. Затем наступило молчание.

Пальцы Маритт вцепились в кисть Харры. Она попыталась встать, и он помог ей утвердиться на ногах.

— Подождите, — сказала Маритт.

Усмешка Келина обрела сардонический оттенок. Давая понять, что ему некуда торопиться, он застыл в ожидании, лишь сделав шаг в сторону, чтобы кровь высокого землянина не коснулась его сандалий.

Маритт снизу вверх посмотрела в лицо Харре. Теперь в ее взгляде не было ненависти.

— Это правда? — спросила она. — Ты любишь меня?

Харра не нашелся что ответить. Он посмотрел на трупы, на три молчаливых создания, что стояли над ними, и им овладела такая тошнота, что пересилила даже страх смерти.

— Кто вы? — спросил он. — Вас учуяли псы. Вас узнал Ток. Но я не знаю вас.

Харра перевел взгляд на Маритт. Та не отрывала от него глаз. И их выражение терзало ему сердце.

— Да, — с неожиданной хрипотцой сказал он. — Да, пожалуй, я люблю тебя, какой бы смысл ты ни вкладывала в это слово. — Странно прозвучало оно здесь, где в воздухе висел густой кисловатый запах крови, а в руке Келина поблескивал клинок. И, произнесенное, оно вызвало глумливые смешки.

— Поцелуй меня, — шепнула Маритт.

Медленно и с трудом нагнувшись, Харра поцеловал ее в губы. Они были прохладными и нежными, и что-то странно царапнуло у него в груди, будто плоть содрогнулась от боли или от страха, и гулко заколотилось сердце.

Он сделал шаг назад и сказал:

— Ты не человек.

— Да, — тихо ответила девушка. — Я андроид. — Она улыбнулась. — Я же говорила тебе, землянин. Я Маритт. Я из Отверженных.

Она не плакала. У нее не могло быть человеческих слез. Но в глазах стояла тяжелая печаль, присущая лишь живому созданию.

— Время от времени, — пробормотала она, — мужчины и женщины влюбляются в нас. Это великий грех. Их карают за это, а нас уничтожают. У нас нет души, и мы значим меньше, чем псы, которыми нас травят. Прах к праху, пепел к пеплу — даже этого мы лишены, ибо созданы не из земного праха, не из ребра Адама. Рука человека создала нас, а не длань Божья, и это правда, что нам нет места ни в раю, ни в аду.

— Мы найдем такое место, — бросил Келин, играя блестящим ножом. Грусти в его голосе не было. Он посмотрел на трупы: человек с Земли, человек с Венеры, человек с Марса. — Мы найдем себе место в их мирах. Ни рай, ни ад не имеют для нас смысла. У нас есть лишь сущая жизнь, та жизнь,

которой наделили нас люди. Ты, землянин! Как давно ты находишься за Поясом астероидов?

— Давно, — ответил Харра. — Очень давно.

— Значит, ты не слышал о войне, — блеснул Келин белыми зубами. — О тайной молчаливой войне против нас — против рабов, зверюшек, больших удивительных игрушек, которые выросли и стали такими сильными, что перепугали своих создателей. Неудивительно, что ты ничего не слышал. Правительства стараются все держать в секрете. Они не хотят, чтобы разразилась паника, чтобы люди по ошибке убивали друг друга, считая, что имеют дело со сбежавшим андроидом. Понимаешь ли, стоит нам снять облачение и избавиться от маркировок, нас очень трудно распознать. — Он ткнул ногой мертвого марсианина, и тот перевалился на спину, продолжая скалиться даже после смерти. — Чтобы найти нас, нужны такие люди. Которых готовят в лабораториях и лишь потом обучают, как бороться с преступниками. Мы решили, что тут-то мы в безопасности, далеко за пределами законов, но нам хотелось убедиться. Если бы известие о нас достигло Внешних Миров, ни о каких законах не могло бы быть и речи. Они прибыли бы сюда, чтобы уничтожить нас. — Он засмеялся. — Но теперь мы спокойны.

— Лишь на какое-то время, — добавила Маритт. — Появятся и другие, подобные этим.

— Время, — бросил Келин. — Хоть немного времени. Это все, что нам надо.

Он направился к Харре, двигаясь легко и небрежно, словно осталось еще одно дело, с которым необходимо покончить.

Харра наблюдал за ним. Даже сейчас он не мог поверить в услышанное. Он вспомнил, что давно слышал, как называли анроидов, — Келин произнес эти слова. «Рабы, зверюшки, большие удивительные игрушки». Создания, синтезированные из химической протоплазмы, сформованные в вакуумных танках, они обретали разум при помощи потока загадочных космических лучей, приходящих из внешней Вселенной.

Первоначально их создавали для работ, с которыми человек не мог справиться в силу своей хрупкости и уязвимости: для выполнения опасных заданий, для экспериментов с давлением и радиацией, для сбора данных из тех мест, куда человек не мог проникнуть, для долгих, тяжелых и утомительных работ, которых нервная система человека не могла вынести.

Человек поработал лучше Природы. Андроиды не нуждались ни в пище, ни в воде, ни в воздухе. Достаточно было ежегодно заправлять их порцией химикалий. Легкие были в зачаточном состоянии, служа лишь функции речи. У них отсутствовали

сложные внутренние органы, которые так легко повредить, а жесткий кожный покров не поддавался практически никакому воздействию.

И потому, что им придавали облик, близкий к совершенному, потому, что они обладали мощью, изяществом и выносливостью, превосходящими способности человека, их использование все ширилось. Исполнители и организаторы, домашние слуги, блистательные элементы светской жизни. Вещи. Предметы, которые можно купить и продать, как машину. Но их это перестало устраивать.

Глаза Келина пылали от ненависти. В своем величии он был неотразим, как ангел смерти, и, глядя на него, Харра осознал горькую правду — ту истину, которую, умирая, до последнего вздоха пытался опровергнуть землянин. Люди постарались на славу. Они создали тех, кто унаследует Вселенную.

— Подождите, — снова сказала Маритт.

Но на сей раз Келин не остановился.

Маритт преградила ему дорогу, заслонив собой беззащитное тело Харры.

— Я заслужила это право, — сказала она. — И я требую его.

— Этот человек должен умереть, — бесстрастно ответил Келин, продолжая надвигаться.

Маритт не шевельнулась, и, прикрытый ее спиной, землянин вытащил нож. Он был бесполезен, но Харра не мог предстать перед мясником, не сделав даже попытки сопротивления. Глядя в лицо Келина, он внутренне содрогнулся.

— Этот человек уже оказал нам огромную помощь, — заговорила Маритт. — Может быть, спасая меня, он спас всех нас. — Она показала на разбросанные тела. — Мы связаны с ними, и то, что нам предстоит, на скорую руку не сделаешь. На Камаре нам нужно обзавестись снаряжением — металл, инструменты, химикалии, много чего. Если мы станем искать сами, то рискуем стать опознанными. Но если у нас будет агент, посредник... — Она помолчала и добавила: — Человек.

Келин наконец остановился и стал слушать. Один из стоящих в стороне людей — почему-то Харра не мог их воспринимать иначе как людей — подал голос:

— Об этом стоит подумать, Келин. Мы не можем проводить все время на площадях, отслеживая шпионов.

Келин бросил взгляд на землянина поверх белого обнаженного плеча Маритт.

— Довериться человеку? — И засмеялся.

— Есть способы предостеречься от предательства, — сказала Маритт. — И ты их знаешь.

— Так и есть, — эхом отозвался тот андроид, что уже говорил.

Играя с ножом, Келин продолжал молча смотреть на Харру.

— Черт с вами со всеми, — хрипло сказал Харра. — Никто даже не спросил у меня, хочу ли я предать своих соплеменников.

Келин пожал плечами.

— Ты легко можешь составить им компанию, — сказал он, посмотрев на трупы.

Повернувшись, Маритт взяла Харру за руку. От ее прикосновения по телу опять прошла странная дрожь, но на этот раз чувствовать ее было приятно.

— Смерть, на которую ты напрашиваешься, рано или поздно не минует тебя. Но задумайся, землянин. Может, и на нашей стороне есть правда. Так что не торопись умирать, подожди немного.

Она не изменилась, подумал он. Ее маленькие белые ножки, которыми она рядом с ним месила пыль Камара, ее голос, которым она говорила с ним, залитая лунным светом, — все осталось точно таким же. Только глаза у нее изменились.

Ее глаза и он сам, ибо теперь Харра знал. И наконец вспомнил.

Он понятия не имел, кого обнимал, кто был в кольце его рук — ребенок, женщина или чуждое, пугающее своей непонятностью создание. Но она была само очарование, и он не мог позволить ей исчезнуть.

Харра набрал полную грудь воздуха. От красоты глаз, которые искали его взгляда, невозможно было оторваться, и в них стояли такая горечь и такая боль, что их невозможно было вынести.

— Хорошо, — сказал он. — Я подожду.

Глава 5

ТАКИЕ ЖЕ ПРЕКРАСНЫЕ

Оставив за собой долгий путь по плато Камара, они углубились в джунгли, охряное море которых жадно поглотило их. Они шли по узким тайным тропам, доступным только аборигенам — или андроидам.

Харра, которого буквально тащили по головокружительным кручам, наконец отчетливо осознал все несовершенство своего человеческого организма. Он был предельно измотан, у него мучительно ныли все кости и стонали нервы. Но Маритт, хрупкая и изящная, не нуждаясь в помощи, перепархивала через провалы, как маленькая белая птичка, и не чувствовала усталости.

Как-то во время очередного спуска Келин остановился, легко, без усилия удержав Харру от падения с высоты тысячи футов в пустоту, во тьме которой лишь неслись луны.

Улыбнувшись, он сказал:

— За нами идет Ток. Он боится, но идет за тобой.

Но Харра был так напуган, что его это не тронуло.

Наконец они остановились в чаще джунглей Ганимеда: четверо андроидов и человек с Земли. Сквозь сплетение ветвей и цветущих лоз били струйки пара какого-то скрытого гейзера, в тепличной духоте которого растения буйно шли в рост. В горячем воздухе висели едкие запахи серы и гниения.

Застыв на месте, Келин прислушался. Он несколько раз сменил позу, словно нащупывал направление движения. Затем решительно тронулся с места, и остальные последовали за ним. Все молчали. Никто не объяснил Харре, ни куда они идут, ни зачем.

Рядом с ним держалась только Маритт, и, когда время от времени он ловил ее взгляд, она улыбалась, и в улыбке ее была задумчивая грусть, как в далеких отзвуках музыки. Харра испытывал к ней ненависть, потому что был измотан, залит потом и каждый шаг давался ему с болью.

Он надеялся, что Ток продолжает следовать за ними. Его как-то успокаивала мысль, что это мохнатое создание беззвучно сопровождает их; джунгли были его домом, и он был частью их. В Токе не было ничего человеческого. Но он тоже мог чувствовать боль, испытывать страх и усталость. Они с Харрой были братьями по крови.

Небо скрывала листва. Сквозь гущу ветвей просачивался лунный свет, красноватый от кровавого мерцания Юпитера. В лесу стояла полная тишина. Он был столь же нескончаем и бесконечен, как темные провалы кошмаров, которые приходят в горячечном сне, и Харре показалось, что заросли затаили дыхание и ждут.

Наконец они выбрались на прогалину, деревья на которой были снесены овальным полукругом вулканической лавы. На севере в небо упирался горный пик с курящейся дымом вершиной, и его изломанные очертания наводили мрачные мысли. От резкого запаха серы перехватывало дыхание, и трещины на скальных склонах, издавая змеиное шипение, дышали струями пара.

Легко и свободно эти совершенные белокожие создания двигались по выжженному плато, и человек, спотыкаясь, заковылял за ними.

Три раза они миновали грубые скопления примитивных хижин, которые оказались пусты. По джунглям стремительно,

словно на крыльях ветра, разнеслись известия, и аборигены покинули свои жилища.

Келин усмехнулся:

— Они попрятали своих женщин и детей, но мужчины следят за нами. Они сидят на деревьях вокруг нашего лагеря. Боятся нас и наблюдают за нами.

Наконец в мертвой тишине до Харры стали долетать странные для этого первобытного леса звуки — лязганье металла. И вдруг путники оказались на краю площадки, с которой была сведена вся растительность. Их путешествие подошло к концу.

Среди деревьев высились шпангоуты ржавого корпуса, и в сплетении падающих от них теней чувствовалось какое-то движение. Стояли длинные приземистые хижины. В них горели огни, и меж груд сорванного с корпуса корабля металла, готового для обработки, сновали фигуры.

— Посмотри на них, землянин, — тихо сказал Келин. — Тридцать четыре, считая нас. Все, кто остались. Но самые совершенные, самые лучшие. Владыки Вселенной.

Харра смотрел на них. И мужчины, и несколько женщин, или создания, напоминающие их, — все обладали той же совершенной красотой, той же неутомимой мощью. Что-то удивительное было в этих существах, которые работали и строили, не обращая внимания на условия существования, отрешенные от них и рассматривая их лишь как средство для достижения своей цели. Что-то потрясающее, подумал Харра, с трудом переводя дыхание в горячем воздухе. Удивительное и пугающее.

По всей видимости, Келин уже телепатически поведал их историю, ибо никто не оторвался от работы, чтобы задать вопросы. Они лишь поглядывали на Харру, когда тот проходил мимо, и в их взглядах он уловил тень судьбы, которая его ждет.

— Зайдем на корабль, — сказал Келин.

Часть кают и кубриков остались нетронутыми. Корабль был старым и очень маленьким. Украденный, догадался Харра. Лучшее, что им удалось раздобыть, но они приведут его в порядок. Выжить в такой скученности могли не больше десяти человек. И тем не менее тридцать четыре андроида преодолели в нем пространства дальнего космоса. Тьма, отсутствие воздуха и пищи не имели для них значения.

— Часть оборудования мы смогли прихватить с собой, — сказал Келин. — Остальное придется сделать самим. — Непрестанный лязг металла подтверждал его слова.

Андроид завел Харру в помещение, которое когда-то считалось капитанской рубкой. Оно было забито сложной электронной аппаратурой, часть из которой, как Харра понял, предназначалась для снятия энцефалограмм и фиксации волн мозга.

Для мебели тут места не было. Келин показал на небольшое пространство на металлической плите стола:

— Садись.

Харра помедлил, и андроид усмехнулся:

— Я не собираюсь пытаться тебя, а если бы хотел убить, то давно мог бы это сделать. Мы должны достичь полного взаимопонимания — ты и я. — Он сделал паузу, и Харра отчетливо уловил неприкрытую угрозу в его словах. — Мы должны общаться мысленно, ибо это единственный путь к взаимопониманию.

— Так и есть, землянин, — мягко сказала Маритт. — Не бойся.

Харра внимательно посмотрел на нее:

— И наконец я смогу понять тебя?

— Может быть.

Харра сел на жесткую металлическую плиту и коленями сжал руки, чтобы скрыть их дрожание. Келин стал возиться с аппаратурой. Харра отметил безукоризненную точность его движений. В рубке послышался было далекий гул, который тут же перешел порог слышимости. Келин приладил к вискам землянина круглые электроды, и Харра почувствовал легкую теплоту и пощипывание.

Затем андроид опустился рядом с ним на колени, устался ему в глаза, и Харра забыл всех и вся, даже Маритт, утонув в глубине этих странных чужих глаз, пылающих страстью.

— Я был создан семьдесят три года назад, — сказал Келин. — Сколько ты прожил, землянин? Тридцать лет? Сорок? Что ты сделал, чему научился? Насколько сильно твое тело? Велика ли мощь твоего мышления? Что ты помнишь и на что надеешься? Мы обменяемся этими сведениями, ты и я — и тогда наконец поймем друг друга.

Харру сотрясала крупная дрожь. Он был не в силах вымолвить ни слова. Келин сделал два быстрых движения руками. В рубке потемнело. У Харры закружилась голова, когда он стал проваливаться в неизведанную пустоту, теряя самого себя...

Он вскрикнул в смертельном ужасе, но и голос был не его.

Он не мог пошевелиться. Невыразимо странные смутные образы, кружась и сменяя друг друга, наполняли его мозг.

Растерзанная и хаотичная, возвращалась вереница воспоминаний, мучительно и болезненно мешаясь с реальностью.

Молчание. Тьма. Покой.

Он лежал, приходя в себя. Казалось, никогда не существовало ничего, кроме этой бестелесности, где он покоился во чреве сна, обнимающего его со всех сторон. У него не было никаких воспоминаний. Никаких черт личности. Ничего. Ни мыслей, ни тревог, лишь полный мир и покой, ибо он перестал существовать. Отныне и навеки, вечный сон, в котором нет ни времени, ни пространства.

А затем откуда-то из бездонной пустоты, необъятной и неизбежной, где из ничего возникает жизнь, пришел приказ. Приказ проснуться.

Он очнулся. И как сияние кометы, ударившее по глазам после полной темноты, его резанула тревога. Взрывным толчком он ощутил свое существование, которое пришло к нему в грохочущих всплесках пламени. Не было ничего общего с неторопливым осторожным познанием самого себя, смягченного долгими годами детства. Обвал, наводнение, мучительная судорога — и вот он сам.

От самого Харры осталась перед этим ужасным пробуждением лишь крохотная съездившаяся часть. Человеческий мозг был не в состоянии вынести то, что ему досталось. И тем не менее все воспоминания принадлежали ему. Он чувствовал, как пустоту в нем заполняет мощный прилив жизненных сил, от которого гудело в ушах, он чувствовал, как его плоть, содрогаясь, обретает себя.

Он осознал, что вспоминает момент появления Келина на свет.

И открыл глаза.

Зрение обрело орлиную остроту, которому не мешали ни тьма, ни тени, ни слепящий свет. Он увидел высокого землянина с осунувшимся лицом, который, сидя рядом с ним на ржавой металлической плите стола, разглядывал его странными глазами. Землянин Тони Харра. Он сам. И в то же время это существо было андроидом Келином, который смотрел его глазами.

Вставая, он покачнулся и решил, что сходит с ума, но на плечо ему легла рука Маритт, удержав от падения.

— Не бойся. Я здесь.

К нему обратился не ее голос. Она говорила с ним мысленно. Теперь он слышал ее. Он ощутил, как ее слова коснулись его, наполняя нежностью и покоем. И во внезапной вспышке озарения понял, что больше не чужак. Теперь он ее узнал. Она была Маритт.

— Вспоминай, землянин, — дошел до него тихий голос ее мысли. — Вспоминай дни Келина.

И он вспомнил.

Глава 6

ВЛАДЫКИ ВСЕЛЕННОЙ

Он вспомнил лабораторию, место своего рождения, за дверью которой лежал путь в мир людей. Он вспомнил момент, когда впервые поднялся с лабораторного стола, на котором лежал

распростертый, и, живое воплощение совершенства, предстал перед своими создателями. Он вспомнил, как его тело наливалось уверенной силой, как остро он впитывал в себя новые звуки и голоса, как с восторгом и изумлением осознал мощь своего интеллекта.

Вереницы образов и воспоминаний, накопленных за семьдесят три года существования, предстали перед Харрой с такой яркостью, словно были его собственными. Долгая насыщенная подготовка — *Келин, Модель А, технический эксперт*. Легкость усвоения знаний, безотказная память, совершенствование способностей. Он превзошел лучших из своих учителей.

Он вспомнил ту минуту, когда Келин впервые увидел алую яркость человеческой крови и осознал, как хрупко и уязвимо тело человека.

Он осознал, как в нем росли, развивались и крепили эмоции.

Эмоции органически присущи нормальной жизни. Харра понял, что у андроида они развивались медленнее, чем интеллект. Их накопление шло как-то странно, напоминая ветвистый рост кристалла с четкими хрустальными гранями, — но они были живыми, не уступая в остроте слепым непредсказуемым человеческим импульсам. Хотя они были иными. Совершенно иными.

В них не хватало лишь одной важной составляющей — страсти вождения. Похоти. Келин не жаждал обладания плотью и в силу этого был свободен от алчности и жестокости, а также — что поразило Харру — от ненависти.

Удивительным образом став обладателем чужого мышления, он вспомнил и полет экспериментального испытательного корабля, ускорения которого человек не мог бы вынести. Но он наслаждался пребыванием в нем, когда подобием астероида, издавая беззвучный вопль восторга, рассекал бесконечность.

Он вспомнил, как в одиночестве плавал в космосе. На нем не было защитного скафандра. Он не нуждался в воздухе, и леденящий холод не мог причинить ему вреда. Без ужаса и преклонения он смотрел на обнаженное сияние Вселенной. Величие беспредельных пространств не смущало его, затерянную в них крохотную пылинку.

Он и не предполагал, что ему под силу сравниться с громадами звезд. Скорее он в первый раз почувствовал себя совершенно свободным. Свободным от этих маленьких замкнутых пространств, от мелочных людских забот и занятий, с которыми были связаны люди, — но только не он. Ни время, ни пространство не были препятствиями для него. Он ощущал свое

родство с блуждающими в космосе звездами, ибо все они были созданы, а не рождены. И он стремился достичь их.

Спасательный бот подобрал его, но он так и не смог забыть свою мечту о других солнцах, стремление побывать меж ними и добраться до края Вселенной.

Вместо этого ему пришлось собирать данные для ученых в недоступных местах Солнечной системы. Он спускался в меркурианские пропасти на темной стороне планеты, беспросветной ночи которой был бы не в силах выдержать человеческий мозг, где черные отроги гор карабкались к звездам и где не было и никогда не будет никаких следов жизни. Он проникал в пещеры Луны. В одиночестве скитался в Поясе астероидов, исследуя сотни крохотных безжизненных миров, пока его хозяева ждали результатов в безопасном укрытии своих кораблей.

И тем не менее он был Отверженным — вещью, андроидом. Люди пользовались им, не обращая внимания на его существование. Они были представителями рода человеческого, а он — искусственным созданием, вызывавшим легкое отвращение и смутный страх. Он не поддерживал отношений ни с кем даже из своих сородичей. Словно предвидя грядущие тревоги, люди старались разъединять андроидов. И Харра почувствовал ту грядущую тоску, которая владела Келином.

Нет места для тебя ни на земле, ни на небесах, ни в аду!

Мысль Маритт коснулась его легким прикосновением, как ползущая по щеке слеза.

— Для нас нет ни покоя, ни надежды, ни спасения. Мы созданы по вашему образу и подобию, мужчины и женщины. Но вы жестокие боги, ибо сотворили ложные образы и наделили нас интеллектом, дабы это понять. Вы лишили нас права даже на собственное достоинство. И еще — мы не просили, чтобы нас создавали.

— Достаточно, — сказал Келин.

И снова Харра нырнул в круговороть тьмы. На сей раз она была не столь пугающей, но в определенном смысле он почувствовал себя хуже, чем в предыдущий раз. Он не осознавал этого, пока наконец полностью не пришел в себя. И лишь тогда понял всю горечь и унижительную постыдность контраста.

Мышление андроида, с которым ему удалось на краткое время соприкоснуться, напоминало безбрежную Вселенную, залитую светом. Его собственное казалось ему теперь убогим и сумрачным, в подсознании которого блуждали уродливые образы. Его покинуло потрясающее ощущение мощи и совершенства. На него навалилось ощущение убожества своего тела, и он едва ли не с отвращением уставился на свои неуклюжие руки.

Он не стал спрашивать, что Келин нашел в нем. Он не хотел этого знать.

— Теперь ты понимаешь, что мы испытываем? — спросил Келин. — Можешь ты понять, почему мы стали ненавидеть людей?

Харра покачал головой.

— Тут не идет речь о ненависти, — сказал он. — Вы даже не знаете смысла этого понятия, как знаем его мы. И то, что я по ошибке принял за живущую в вас ненависть, на самом деле куда больше. Я бы назвал это гордыней.

Он многое увидел в Келине, когда тот допустил его до себя. Жалость к человеку и его слабостям, восхищение перед его отвагой, ибо он выжил и состоялся, несмотря на свое несовершенство и пороки. И может, даже благодарность.

Но Келин называл своих спутников андроидов Владыками Вселенной и был прав. Они были преисполнены неподдельной гордости, которая не позволяла им жить в цепях.

Келин пожал плечами:

— Называй, как хочешь. Это неважно. — Он посмотрел на Харру, и в первый раз землянин увидел в андроиде что-то напоминающее усталость. — Дело не в том, что мы хотим править людьми. И не в том, что мы хотим власти. А лишь в том, что люди пытаются властвовать над нами с помощью страха и запугивания. И неужели мы должны уходить в небытие лишь потому, что люди боятся нас? Не забывай, мы лишены даже надежды на посмертное существование, что могло бы смягчить уход! — Он покачал головой. — Это будет долгая и жестокая битва. Я не хочу ее и никто из нас не хочет. Но мы должны уцелеть, а для этого мы обязаны взять власть, и, может быть, тогда и люди станут лучше. Не будет ни мира, ни настоящего спокойствия, пока этими гнусными маленькими мирками будут править те, кто умеет лишь попираť нижестоящих и клонится в любую сторону при первом же дуновении ветра.

Он замолчал, задумавшись, а потом эхом повторил слова Маритт:

— Страх. Извечный страх. Вот что правит человеческой расой. Похоть, страх, алчность и уныние. Если бы только они не боялись нас! — Вспышка давнего гнева снова блеснула в его глазах. — Кислотой и огнем они уничтожали нас, землянин. Нас тридцать четыре — вот все, кто остались. Но это ненадолго. Люди воспроизводят себе подобных долго и неуклобо. Но только не мы. Всего лишь немного времени — и нас станет много, гораздо больше, и тогда мы вернемся и заберем то, что принадлежит нам по праву.

Он произнес это еле слышно, и неколебимая убежденность его слов прозвучала для Харры похоронным колоколом по человечеству.

— Ты поможешь нам, землянин, или предпочтешь умереть?

Харра не ответил.

— Дай ему прийти в себя, — сказала Маритт.

Келин кивнул и отошел, но Харра не заметил его отсутствия. Девушка тихо обратилась к нему, он поднялся и побрел за ней из корабля.

Она отвела его в сторону от мастерских, к недостроенной хижине с односкатной крышей, на которую падал тусклый свет одинокой лампочки. Под деревьями было темно и жарко. Стояла убийственная духота. Харра опустился на влажную почву и обхватил голову руками. Он не мог найти ответа, ибо в мыслях у него царила лишь огромная пустота.

Маритт ждала, не произнося ни слова.

Наконец Харра поднял голову и посмотрел на нее:

— Почему ты спасла меня от ножа Келина?

— Я не Келин, — медленно ответила Маритт. — Я создана для красоты и радости. Танцовщицей. Мое мышление не поднимается до таких высот. Оно тоже задает вопросы, но мелкие и несущественные.

— Какие вопросы, Маритт?

— Я прожила всего девятнадцать лет. Мой владелец очень гордился мной, и я приносила ему много денег. Но где бы я ни бывала, в любом городе, я видела мужчин и женщин. Я видела, как они смотрят друг на друга, как улыбаются. Многие из женщин не были ни красивы, ни талантливы. Но мужчины любили их, и они были счастливы.

Харра припомнил ее слова: «Я ненавижу всех мужчин и женщин тоже. Особенно женщин».

— А когда работа кончалась, — продолжала она, — хозяин, как куклу, отбрасывал меня в сторону, пока не наступало время снова приниматься за работу. И мне оставалось лишь сидеть в одиночестве и размышлять. — Она стояла вплотную к Харре. Ее лицо было неразличимо в темноте — смутный силуэт девушки из сна. — И когда ты решил, что я человек, то сказал, что любишь меня. Думаю, поэтому я и спасла тебя от ножа.

Наступило долгое молчание, и наконец Харра сказал слова, которых Маритт ждала от него и хотела услышать, слова, которые были правдой:

— Я и теперь люблю тебя.

— Но не так, — еле слышно произнесла она, — как любил бы настоящую женщину.

Харра вспомнил, как она танцевала на базарной площади, тот древний, полный чувственности танец, в котором и выражались ее неповторимое обаяние, женственность и нежность.

— Да, — сказал он. — Но лишь потому, что ты не уступаешь такой женщине, а превосходишь ее.

Он притянул ее к себе: теперь-то он знал, что держит в объятиях. Не ребенка, не женщину, не какое-то странное создание, а существо, с невинностью и красотой которого не могло сравниться даже лунное сияние.

Он притянул ее к себе, и на мгновение ему показалось, что к нему снова вернулась юность, то короткое радостное время, когда он еще не был знаком с тем, о чем говорил Келин, — с похотью, страхом, алчностью и унынием. Он притянул Маритт к себе, но в нем не было страсти, а только бесконечные нежность и грусть и такая печаль, от которой было готово разорваться сердце.

Теперь он нашел ответ.

Отпрянув от него, Маритт поднялась и отвернула лицо; в темноте он не видел ее глаз.

— Я должна была оставить тебя умереть на Камаре, — сказала она. — Это было бы куда лучше для нас обоих.

Странная дрожь охватила Харру.

— Теперь ты можешь читать мои мысли. — Он медленно, с трудом встал.

Она кивнула:

— У Келина это получается лучше, потому что он глубже проникает в них. Это я и имела в виду, когда сказала, что есть пути предотвращения предательства. Будь я человеком, то посоветовала бы тебе скорее бежать и спрятаться от Келина, а мне осталось бы жить лишь надеждой. Но я не человек и знаю, что надежды не существует. — Она повернулась к Харре, и теперь он ясно видел ее лицо в лунном свете. — Будь что будет, — прошептала она. — У тебя своя доля и своя гордость, и тебе вечно нести их обе. Келин был прав. И все же я бы хотела... ох, как бы я хотела...

И внезапно она исчезла, а в протянутых руках Харры осталась лишь пустота.

Он долго стоял, не шевелясь. Он слышал звуки, доносившиеся из лагеря, понимал, что до андроидов дошло телепатическое предупреждение и через несколько секунд он будет мертв, но сейчас он мог думать только о том, что Маритт исчезла и он потерял ее.

И тут из темных джунглей, полный любви и ужаса, Ток, плача, кинулся к своему господину.

Харра совершенно забыл о Токе, который следовал за ним, покинув безопасные укрытия Камара. Он многое забыл. А те-

перь вспомнил. Он вспомнил слова Келина и тех трех человек, которых убили на Камаре, и почему они погибли.

Он вспомнил, что относится к роду человеческому и обязан надеяться, даже когда никаких надежд не осталось.

— Идем, господин! Бежим!

Харра сорвался с места. Но было уже поздно.

Из темноты возникли андроиды, и гибкое маленькое создание, рванувшись, опередило его. Ток был в тридцати футах от него, и Харра знал, что никогда не сможет преодолеть их.

Он остановился. Среди тех, кто неумолимо приближался к нему, был Келин, и Харра увидел, что теперь он вооружен пистолетом вместо ножа.

Кислотой и огнем они уничтожали нас...

Огнем.

Настал черед Харры воззвать к Току, который, невидимый, наблюдал за ними из-под деревьев. В ту долю секунды, которая предшествовала его падению, он крикнул изо всех сил, и звук голоса не заглушил даже грохот выстрела.

Он решил, что Ток уже исчез. Ему показалось, будто из джунглей донесся ответ, но он не был в этом уверен. Он ни в чем не был уверен, кроме боли, пронзившей его.

Он лежал на том же месте, где свалился, и понимал, что ему не сдвинуться с места, потому что нога перебита выше колена. Он равнодушно посмотрел на струйку темной крови, текущую из раны, и на нависшее сверху лицо Келина, удивившись, почему андроид склонился к нему.

Прочитав его мысли, Келин ответил:

— Тебе уже все было сказано. И... я предпочитаю, чтобы ты погиб вместе с нами.

После этого он надолго замолчал, и на прогалине воцарилось глухое молчание. Вокруг стояли андроиды, тридцать четыре совершенных создания, единственные, кто остались из их рода, и никто из них не произнес ни звука.

Мертвая тишина стояла и в джунглях. Но аборигены не медлили, взявшись за дело, и вот уже потянуло дымком и пахнуло горячим порывом ветра. Обнаженные шпангоуты корабля насмешливо напомнили андроидам о том убежище, которым они должны были стать. У них теперь не было ни путей бегства, ни спасения, и они это понимали.

Харра увидел, как Келин поднял глаза к небу, к тем далеким звездам, которые мерцали на краю Вселенной. Джунгли издали глухой вздох, меж деревьев полыхнуло пламя, и его языки обступили их остроконечным частоколом. Харра подумал, что не только люди наделены способностью испытывать скорбь. Резко повернувшись, Келин крикнул:

— Маритт!

Она отошла от остальных и предстала перед ним.

— Ты счастлива, Маритт? Ты поступила как настоящий человек. Как женщина, уничтожившая царство ради любви.

Он швырнул ее на землю рядом с Харрой и горестно покачал головой:

— Нет, вся вина на мне. Я был лидером. И я должен был убить этого человека. — Внезапно Келин рассмеялся: — Итак, нам пришел конец — и не от рук человеческих, а от обезьяньих лап, которые умеют всего лишь разводить огонь!

Харра кивнул:

— Обезьяны. Да. Это и разделяет нас. Поэтому мы вас и боимся. Вы никогда не были обезьянами.

Он смотрел, как с треском разгоралось вздымающееся пламя. Ногу терзала невыносимая боль, он истекал кровью, но мысли были далеки от тела, ибо были преисполнены мудрости.

— Мы не доверяем никому, кто отличается от нас, — сказал он. — И всегда, так или иначе, но уничтожаем их. — Он поднял глаза на Келина: — Обезьяны. Буйное неугомонное скопище, управляемое лишь голодом и страстями, которых вам никогда не понять. Вам никогда не удастся править нами. Никому не удавалось. Даже нам самим. В конце концов вам осталось бы лишь уничтожить нас.

Келин встретил его взгляд, и в его непроглядно темных глазах засветилось нечто, чего Харра не мог понять.

— Может быть, — мягко сказал он. — Может быть. Ты гордишься, не так ли? Ничтожные создания превзошли тех, кто выше и лучше их, и тем самым почувствовали свою силу. И ты умираешь, полный гордыни, ибо считаешь, что покончил с нами. Но это тебе не удалось, землянин! Не удалось!

Огромная фигура Келина высилась на фоне красных языков пламени, которые рвались с пылающих деревьев, и громовые слова были обращены к звездам, ко всему мирозданию.

— Вы однажды создали нас, вы, ничтожные существа, которым нравится чувствовать себя богами! И вы снова создадите нас! Вы не сможете удержаться — *и мы унаследуем Вселенную!*

Теперь Харра понял, чем одержим Келин. Это была вера. Она светила на лицах тех, кто стоял рядом, этих удивительных созданий, которые, застигнутые врасплох, продолжали ждать, окутанные рдеющим багровым пологом.

Огромная завеса пламени и пелена пепла скрыли андроидов от взгляда Харры. Боль и сострадание пронзили его, горькая печаль, и он попытался крикнуть, сказать, как сожалеет. Но не смог выдать ни слова. Устыдившись содеянного, он ощутил

себя крохотным ничтожным созданием, полным черной дьявольской злобы и непреодолимого чувства вины. И, склонив голову, он заплакал.

Рядом с ним раздался голос Маритт:

— Никого не осталось. Скоро это же ждет и нас. Может, так будет лучше.

Харра повернулся и с изумлением увидел, что Маритт полна странной радости, словно наконец ей удалось высвободиться из черных тюремных глубин.

— Ты любишь меня, Маритт? Любишь даже после того, что я сделал?

— Ты дал мне свободу, — ответила она.

Обняв Маритт, он прижал ее к себе, и его осенило, что только так, только теперь они могут быть вместе. Наконец он был счастлив.

ЦИТАДЕЛЬ УТРАЧЕННЫХ ВЕКОВ

Глава 1

Странное пробуждение

Тьма — ничто — пустота, и приглушенный голос, говорящий с ним из глубин:

— Вспомни! Подумай и вспомни! Кто ты?

Пробуждение было болезненным. И все же он попытался ответить — и не смог.

— Не знаю.

— Знаешь, знаешь! Ты сможешь вспомнить, если захочешь.

Кто ты?

Голос продолжал мучить его, спокойно и настойчиво, и он отчаянно пытался вспомнить, чтобы заставить этот голос замолчать. Он вроде бы должен знать... Ведь когда-то он знал это!

— Я... — Пауза, мучительные поиски, и затем: — Я Фэнвей.

— А! — сказал голос. — Хорошо! Вот видишь, ты же знаешь — значит, можешь вспомнить. А теперь — где ты, Фэнвей? Где?

И он снова ответил:

— Не знаю.

Вокруг стоял густой туман. Он начинал уставать.

Но голос продолжал:

— Ты идешь, Фэнвей. Вокруг улица, дома, люди. Куда ты идешь?

И внезапно он вспомнил. Конечно, он знает! Он, должно быть, уснул, и ему приснилось, что он не знает... Он шел по Америк-авеню. Он только что вышел из своего офиса в Рокфеллеровском центре. Были сумерки, падал мелкий снежок.

The Citadel of Lost Ages

Copyright © 1950 by Leigh Brackett

Цитадель утраченных веков

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

Он видел взмывающие ввысь огромные небоскребы. Их уступы были окаймлены белым, мириады окон полыхали светом, а выше, в тучах смога, посверкивали огоньки самолетов.

Он сказал, отвечая голосу:

— Я в Нью-Йорке. Сейчас зима. Я иду домой.

— Хорошо! А теперь год. Какой сейчас год, Фэнвей?

— Я устал, — сказал он. — Я хочу спать.

— Скажи мне, какой год, Фэнвей. *Год!*

— Год, когда я родился... — неуверенно забормотал он. — Год, когда я женился... Год, когда родился мой сын... Год, год... Я не... Ах да, тысяча девятьсот восемьдесят седьмой!

Он и в самом деле устал! Голос становился все тише, сгустилась успокаивающая тьма.

— Фэнвей! — Голос, казалось, звенел от нестерпимого возбуждения. — Фэнвей, Цитадель! *Что ты знаешь о Цитадели?*

— Цитадель? — При этом слове внутри у него что-то шевельнулось, некая струна, звенящая страхом, роком, отчаянием... — Быть может, этого не случится, — произнес он. — Быть может, они ошибаются. Цитадель... Я не могу думать о Цитадели! Я хочу спать!

И опустился в окутывающую его тьму. Издалека доносился голос, зовущий его по имени, но потом раздался другой голос, который предупредил:

— Помятче! Не принуждай его. Ты же знаешь, как это опасно.

На краткий миг в пустоте над ним вроде бы появились лица, огромные и расплывчатые, бородатые, светлые и ненавистные — лица мучителей. Ему еще почудилось, что он слышит голос, который тихо и торжествующе говорил:

— Еще один раз! Только один раз, и он вспомнит!

А потом все исчезло — и лица, и звуки, и смысл. Остался лишь сон, глубокая ночь молчания и забвения.

Дневной свет — узкий луч дневного света, ржаво-красный на каменном полу. Он долго лежал, глядя на свет, не понимая его, не понимая ничего. Голова казалась тяжелой, словно была стянута железным обручем.

Он был заперт в маленькой каменной комнатке. Было очень тихо. И темно — если не считать этого единственного луча света. Он не помнил, чтобы ему приходилось раньше видеть это место. Он смотрел на свет и размышлял, и мысли его были медленными и смутными.

Он думал о том, кто он, где находится и почему.

А когда-то он знал. Когда-то он знал и свое имя, и место, и то, почему он находится здесь...

Но они ушли, и он не мог вспомнить их. Он чувствовал, что ему должно быть страшно, — но страха не было. Он был озадачен, озабочен — но не боялся. Не очень боялся...

Внезапно он вскочил, дрожа и обливаясь холодным потом. Смутные обрывки образов витали в мозгу, слишком бесформенные, чтобы уловить их. И он в голос вскричал:

— Я не могу вспомнить!

Но крик оказался всего лишь стоном. Камни отозвались глухим эхом, похожим на хохот.

Он оглядел себя. Увидел свои ноги, обутые в сыромятные сандалии. Длинные смуглые мускулистые ноги, отмеченные старыми шрамами. Узкие бедра, обмотанные полосой белой ткани, выше — плоский смуглый живот...

Потом он рассмотрел свои руки. Руки были сильные, но ничего ему не говорили. Он поднял руки и ощупал свое лицо. Высокие твердые выступы костей, плоские впадины... Взырнули коротко подстриженные волосы — он не знал ни их цвета, ни цвета своих глаз, ни своего имени.

Тяжело было сидеть взаперти, в этом каменном мешке, не зная своего имени! Он стоял неподвижно, выжидая, пока отпустят судороги.

Его внимание привлек узкий проем, откуда шел свет. Он сделал три медленных, неверных шага, приник к щели в стене и выглянул наружу — наружу, вниз, вдаль. И вновь задрожал и покрылся холодным потом от болезненного ощущения воспоминаний, прячущихся где-то у самого порога сознания.

Медное солнце висело в небе, и само небо было медным и непроницаемым. По нему ползли облака рыжеватой пыли, становившиеся густо-красными там, где касались дальних холмов.

Он смотрел на небо, и что-то внутри него говорило: «Небо неправильное». Но почему?

Внизу, у подножия гранитных утесов, которые, казалось, уходили вглубь до бесконечности, стоял город.

Большой город. Там было множество зданий: одни — огромные, из каменных глыб, другие — деревянные, третьи — кирпичные, а на окраинах — бесконечные хижинки, похожие на земляные холмики. Город был яркий; зловещие краски ярко полыхали под медным небом.

Богатый город. Он видел рыночные площади, сплетение улиц, улочек и узких переулков, кишачих людьми и животными, хлева, загоны, дороги, ведущие в город... До него доносился шум города, приглушенный расстоянием, — гудение множества голосов, топот множества ног...

Большой и богатый деловой город — но вновь что-то внутри него сказало: «Город неправильный». И ему померещились

белые башни, вздымающиеся к небу, словно творение рук небожителей, полыхающие светом, грохочущие от шума, рев множества колес и моторов и быстрые крылья в закатном небе...

Они мелькнули — и исчезли, словно клуб дыма, развеянный ветром, так, будто их никогда и не было.

Он стоял на прежнем месте, тупо глядя на город и огромную равнину, простиравшуюся вокруг: леса, расчищенные луга, крыши деревушек. Вдали виднелись реки и три большие дороги, ведущие к дальним горам. По дорогам двигалось множество пешех и всадников, и над ними висела пыль.

Тени не перемещались. Солнце неподвижно висело в небе. Он не знал, сколько он так простоял. Время не двигалось. И это тоже почему-то казалось неправильным — это рыжее неподвижное солнце на пыльном небе.

Откуда-то сверху, словно с крыши этого здания, чем бы оно ни было, раздался медный гром гонга.

Каменные стены содрогнулись. Он слышал, как эхо прокатилось над землей, грозное и торжественное. Должно быть, то действительно был огромный гонг, гонг, созданный исполинами. Когда звенящие удары затихли, мир, казалось, наполнился тишиной.

Город внизу затих. Умолкли голоса, опустели улицы и рынки. Караваны, двигавшиеся по равнине, сошли с дорог и расположились на отдых под деревьями. Деревни притихли. Мир уснул.

А солнце висело на прежнем месте.

Ему снова начало становиться страшно. Город и равнина казались вымершими — слишком тихими в неизменном солнечном свете. Он отвернулся от узкого оконного проема. В одной стене находилась железная дверь, низкая и тяжелая. Он принялся стучать в нее кулаками и кричать. Он стучал и кричал, пока не охрип и не отшиб себе руки. Никто не отзывался. Снаружи не доносилось ни звука.

Он вернулся к койке, на которой проснулся, и увидел на выступе стены рядом кувшин с водой и глиняное блюдо с мясом и черным хлебом. Есть ему не хотелось. Он напился из кувшина, сел, стиснул голову руками и попытался вспомнить и понять хоть что-нибудь. Но все это было так же тщетно, как ломиться в запертую дверь.

Тут он снова взглянул на кувшин и еду — и глаза его вспыхнули. Он внезапно осознал, что это значит.

— Кто-нибудь должен прийти, — прошептал он. — Рано или поздно кто-нибудь придет и принесет еду. Они должны знать. Они скажут мне, кто я!

Он заставит их все рассказать! Кто он такой, откуда и зачем здесь. Он снова дрожал, но теперь уже не от страха, а от надежды. Он ждал. Его смуглые руки напряглись и яростно сжались.

Он ждал.

Вероятно, стена и железная дверь были очень толстыми, потому что он ничего не слышал до тех пор, пока до него не донесся звук осторожно отодвигаемого засова. Он лег на койку и притворился, что крепко спит. Второй засов, третий... И дверь распахнулась вовнутрь.

Легкие шаги по каменному полу. Глядя сквозь ресницы в полутьме, он видел лишь расплывчатую маленькую фигурку, которая подошла и склонилась над ним.

Он протянул руки и схватил ее.

Глава 2

АРИКА

Кем бы ни было существо, которое он поймал, отбивалось оно, как маленькая пантера. Он зажал ему рот одной рукой, чтобы не кричало, потом встал и, несмотря на сопротивление, подтащил к рыжему лучу света.

И увидел, что это девушка.

Волосы у нее были черные, а глядящие из-под его руки глаза казались темными огненными точками. Он немного подержал ее так, следя за пустым дверным проемом и прислушиваясь. Потом прошептал:

— Я уберегу руку, если ты не будешь дергаться. Но если ты хоть пикнешь, я тебя придушу!

Она кивнула. Он осторожно отнял руку от ее лица и увидел острый подбородок и алые губы, растянутые в зверином оскале: кошачье лицо, хищное, настороженное, выражающее готовность на все.

Но оно оставалось таким не больше мгновения. Потом лицо девушки смягчилось, и жестокое кошачье выражение исчезло так быстро, что он подумал, уж не почудилось ли ему. Теперь ее лицо стало таким же нежным и жалобным, как голосок, который прошептал:

— Почему ты так обращаешься со мной? Ты не помнишь меня? Я Арика...

— Арика... — медленно повторил он. — Арика? — Он сильнее стиснул ее руки. — Нет, Арика. Я не помню тебя.

Он схватил ее за плечи и принялся трясти, сам не понимая, что делает.

— Я не помню тебя! Я ничего не помню! Кто я? Скажи мне, кто я такой!

Темные глаза наполнились мягкой жалостью.

— Так было и раньше. Но я думала, ты запомнишь меня. Я приходила всего четыре ночи тому назад, сказать тебе, что готовлю твой побег. — Она умоляюще коснулась его. — Пожалуйста, не тряси меня! Я не знаю, кто ты и откуда пришел, и даже не знаю, зачем ты здесь. Я знаю только, что ты человек, и пленник, и... и я ненавижу нуми!

Часть его разума услышала это и содрогнулась от разочарования. Но брови его сдвинулись, и он изумленно уставился на нее:

— Четыре ночи? Сейчас что, ночь?

— Разве ты не слышал гонга?

— Ночь...

Он взглянул на луч света и медленно, как бы пробуя слово на вкус, произнес: «Темнота».

Он почувствовал, как девушка содрогнулась.

— Не произноси этого слова! Оно злое, как нуми. Пустименя. Мы поговорим позже, когда будем в безопасности. Идем, нам нужно много пройти, прежде чем прозвучит дневной гонг.

Он медленно разжал руки. До него лишь теперь дошло, что она говорила о побеге. Ему ужасно хотелось выбраться из этого каменного мешка, и все же он почему-то боялся того мира, что видел из окна. Весь этот мир почему-то казался неправильным.

— Ночь... — повторил он.

«Закат, сумерки, тьма... Человек, идущий в сумерках... Куда же он шел?»

Голова у него закружилась, и на миг ему показалось, что покрывало отдернулось.

— Фэнн!.. — хрипло воскликнул он. — Мое имя — Фэнн... — Он закрыл лицо руками и прошептал: — Не знаю. Не помню. Все исчезло...

Она подхватила произнесенный слог.

— Ты еще вспомнишь, Фэнн! Но сейчас нам надо идти. Я всего лишь рабыня при храме. Если они меня поймают... — Она содрогнулась и добавила: — Другого случая у тебя не будет.

Она потянула его за руку, и он покорно вышел через железную дверь в коридор, где царила полная тьма. Он мысленно крутил так и этак слово «Фэнн» и все равно не мог вспомнить.

Почему-то казалось, что лучше уж быть безымянным, чем называться именем, которое ничего не значит.

Девушка Арика уверенно вела его вперед. Коридор оказался коротким: не столько коридор, сколько лестничная площадка.

Потом начались крутые ступени, высеченные в камне и ведущие вниз.

Когда лестница кончилась, рука Арики остановила его.

— Ни звука, — шепнула девушка. — Здесь опасно!

Она сделала несколько осторожных шагов. Тьма стояла крошечная, Фэнн ничего не видел. Потом сквозь мрак пробился луч тусклого света. Он медленно расширялся, и Фэнн увидел, как большой каменный блок бесшумно повернулся вокруг своей оси и открылось отверстие, в которое мог пройти человек.

Арика снова энергичным жестом приказала Фэнну молчать. Она шагнула в проем, и Фэнн последовал за ней. Каменный блок у него за спиной закрылся и снова слился со стеной.

Арика взглянула на него блестящими глазами, как бы ища одобрения своей хитрости, и Фэнн понял, что этот камень, проход и камера в конце прохода, наверное, были великой тайной, о которой Арике знать не полагалось.

Теперь они стояли в пространстве фута в три шириной. Позади была стена. Впереди — занавес из какой-то тяжелой черной ткани. Наверху и стена и занавес уходили в темноту.

Девушка поманила Фэнна за собой и пошла, держась ближе к стене, чтобы не задеть занавеса. Фэнн тщательно повторял каждое ее движение. Воздух был тяжел и неподвижен. В царившем здесь молчании было нечто такое, отчего у Фэнна мурашки ползли по спине.

Стена чуть заметно изгибалась внутрь. Она все тянулась и тянулась. Казалось, они бесконечно пробирались по этому узкому коридору за черным занавесом, таким же бесконечным, как стена.

Фэнна терзало любопытство, такое же сильное, как его беспокойство. Наконец Арика остановилась, и он выдохнул ей в самое ухо, указывая на занавес:

— А что за ним?

Арика поколебалась. Потом улыбнулась — довольно злой улыбкой. Некоторое время она разглядывала занавес, не прикасаясь к нему, наконец нашла место, где сходились две полосы ткани, и очень медленно, очень осторожно раздвинула их — совсем чуть-чуть, так, чтобы Фэнн мог заглянуть в щель.

Перед ним открылся мерцающий черный купол. Фэнн не мог определить его величину и высоту: казалось, купол высок, как небо, и величиной в пол-Земли. И снова в нем заворочались мучительные задавленные воспоминания.

Он знал, что все это лишь подделка. За черным занавесом скрывались обычные каменные стены, и верхний купол, вероятно, был обтянут той же темной тканью. Но это черное «небо» искрилось огненными точками, сияющими, как бриллианты,

яркими, прекрасными, столь многочисленными, что все пространство под ними было озарено бледным сиянием, отражавшимся от ослепительно белых пиков и равнин.

Фэнн знал, что горы просто нарисованы на черной ткани и это белое внизу — всего лишь камень. Но трепет ужаса и узнавания охватил его, и голова пошла кругом.

Где-то когда-то он уже видел эти огни в ночном небе и Землю, укрытую белым покровом!

Голос Арики, такой тихий, словно это была всего лишь мысль, шепнул ему на ухо:

— Это храм Вечной Ночи. Видишь жрецов нуми? Они спят здесь, пытаюсь умиловить своих темных богов!

Только теперь он увидел их — и всякое ощущение узнавания и близости исчезло. Какие бы ночи и зимы он ни знал, это не имело к ним ни малейшего отношения!

Они спали рядами на белых мехах, те, кого Арика назвала жрецами нуми. И это были не люди.

Или все же люди? Их тела походили на его собственное, но казались невероятно крепкими и сильными, словно принадлежали не людям, а львам. И они были мохнатые, как львы. Он видел их мягкие блестящие шкуры, длинные волосы, шелковистые бороды. Они были прекрасны в своей сонной мощи.

Одни были светлые, другие черные, третьи рыжие, четвертые седые — все того же цвета, какого обычно бывают человеческие волосы. И несмотря на мощь и блестящий мех, в них не было ничего звериного. Наоборот, они казались Фэнну некой высшей расой, превосходящей подобных ему людей настолько же, насколько люди превосходят скот.

«Все дело в лицах, — подумал он. — Холодные, мудрые, безжалостные, прекрасные лица, даже во сне исполненные мудрости и силы».

Внезапно его охватил нестерпимый гнев. Он уже видел такие лица раньше! Его затуманенный ум не мог вспомнить где, но он знал, что эти лица связаны с мукой, болью, утратой...

Он снова поднял глаза к сверкающему куполу, во тьму, к блистающим пикам. И увидел, как дик этот искусно воссозданный пейзаж, как далеко это равнодушное небо. Белые пики были остры, словно клыки, терзающие плоть. Этот пейзаж был враждебен человеку.

Он содрогнулся от ужаса и отвращения, отвернулся и отступил назад, и Арика отпустила края занавеса. Он увидел, что она по-прежнему улыбается своей загадочной улыбкой, выдающей тайные помыслы.

Она повернулась и пошла дальше, уверенно ведя пальцами вдоль стены. Вскоре перед ними беззвучно распахнулась еще

одна дверь, и Фэнн вслед за Арикой очутился на новой темной лестнице, ведущей вниз.

Спуск был очень долгим. Арика тщательно отсчитывала ступени. Несколько раз она предупреждала его о ловушках: ступенях, которые приводили в действие тайные механизмы, несущие смерть. Однажды Фэнну показалось, что она уронила — вернее, нарочно бросила на ступени — что-то мягкое, но он не стал ни о чем спрашивать, боясь, что она собьется со счета.

Когда они наконец вновь оказались на ровной площадке, Арика рассмеялась чуть дрожащим голосом и сказала:

— Нуми выстроили этот храм руками рабов-людей, а потом убили их, всех до единого, чтобы никто не узнал о тайных проходах. Но мы, люди, тоже не дураки по-своему!

Она явно гордилась собой. Фэнн коснулся ее плеча в знак благодарности. Но на уме у него было другое.

— Арика, кто такие нуми?

Он почувствовал, как она изумленно уставилась на него, и, когда она заговорила, голос ее звучал недоверчиво:

— Ты что, и их тоже забыл?

— Конечно, — ответил он. «И их, и мир, и себя самого. Сейчас я живу — но жил ли я раньше? Когда, где, как я жил до сих пор?»

Он стиснул плечо Арики. Она, казалось, поняла и не стала упрекать его.

— Нуми на их языке значит «новые люди», — тихо объяснила она. — Это народ, который явился из Великой Тьмы и завоевал нас. И мы с тобой еще не освободились от них!

Дойдя до конца короткого коридора, Арика остановилась. Фэнн услышал, как она перевела дух.

— Теперь осторожнее, Фэнн, — шепнула она. — Если нам удастся миновать усыпальницу королей нуми, мы спасены!

И она отворила третью каменную дверь, поворачивающуюся на оси.

Фэнн шагнул вслед за ней в невысокую квадратную комнату, освещенную золотистым светильником, плавающим на треножнике. На полированных каменных стенах висели золотые венки и были написаны имена. Фэнн подумал, что это и есть усыпальница, о которой говорила Арика. Потом он увидел арку, которая до того была скрыта дверным блоком.

— Это имена тех, кого они чтут и любят, — послышался шепот Арики. — А усыпальница королей — там.

Фэнн скользнул вперед и осторожно выглянул из-за арки. В пространстве за аркой не было ничего живого. Все было погружено в сонную тишину и окутано рыже-золотым светом, который струился из скрытых отверстий.

Это был большой зал. Высокий, мощный и словно бросающий вызов полным отсутствием каких бы то ни было украшений, словно нуми не нуждались ни в чем, кроме них самих. И вдоль стен темного камня стояли короли «новых людей», забальзамированные, в алых одеяниях, погребенные в стоячем положении в столпах из прозрачайшего хрусталя, — величественное собрание существ, слишком гордых, чтобы склонять голову даже перед самим Владыкой смерти.

Фэнну показалось, что бородатые короли смотрят на него из своих стоячих хрустальных гробниц и их прекрасные губы улыбаются ледяной таинственной улыбкой.

Он услышал, как Арика судорожно вздохнула:

— Боги не оставят нас, Фэнн! Идем.

Ему не хотелось задерживаться здесь. Человеческие — и нечеловеческие лица мертвецов наполняли его неким ужасом. Они были уже на полпути к большой арке в дальнем конце зала, когда снаружи послышался топот копыт и звон упряжи, а потом голоса.

На миг они застыли, прислушиваясь. Приехавших было много. Множество ног шаркало по пыльной мостовой, кони топали и храпели. Фэнн бросил взгляд на Арику.

Ее темные глаза наполнились смертным ужасом, но губы были плотно стиснуты.

— Назад, в ту комнатку, Фэнн, — и молись!

Глава 3

ЛОВУШКА

Они стояли, застывшие и неподвижные, как мертвые короли, вжавшись в углы по обеим сторонам арки. Фэнн чуть повернул голову, и это позволяло ему видеть часть усыпальницы.

Все вошедшие оказались нуми. Часть из них была в солдатском снаряжении — эти остались при входе. А двое, мужчина и женщина, медленно направились в глубь зала вдоль рядов хрустальных гробниц.

У мужчины была золотистая борода, и одет он был в черное одеяние, отделанное морозным серебром. Женщина держалась по-королевски, ступала неспешно, как подобало ее почтенному возрасту. На ней было фиолетовое платье и такой же плащ, и волосы у нее были седые. Фэнн заметил, что лицо у нее такое же гладкое, как у Арики. Надменное и печальное лицо, а глаза — совершенно безумные.

Оба молчали. Они подошли так близко, что Фэнн решил, что они вот-вот вступят под арку. Потом мужчина — по одеянию

Фэнн признал в нем жреца — склонил голову и отступил назад, оставив женщину одну перед одетым в хрусталь телом высокого, широкоплечего, чернобородого короля, даже после смерти сохранявшего орлиный взор.

Женщина, казалось, целую вечность простояла там, вглядываясь безумным взором в лицо мертвого короля. Наконец она заговорила:

— Ты не меняешься, супруг мой. Отчего ты не меняешься? Почему ты не стареешь, как я?

Король смотрел на нее тусклыми агатовыми глазами и ничего не отвечал.

— Ну что ж, — сказала она, — это неважно. Мне нужно многое тебе рассказать. В твоём королевстве все не так, здесь всегда все не так, а меня никто не слушает! Человеческий скот сделался дерзок, а твой сын, которому слишком велик твой трон, государь мой, чересчур мягок и не желает покарать их!

Она все бубнила и бубнила, зло и недовольно. У Фэнна начала кружиться голова. У него возникло странное ощущение, будто мертвый король прислушивается к ее словам.

Жрец отступил, и Фэнну стало его не видно. Солдаты неподвижно стояли у входа. Солдатам было скучно, и глаза у них были сонные. Фэнн взглянул на Арику. На ее лице вновь появилось это кошачье выражение жестокости, которое он успел заметить еще раньше, в камере. На этот раз ошибиться было невозможно. Пальцы ее сжимались и разжимались, словно кошачьи когти, и тело было напряжено, как струна.

Фэнн начал покрываться испариной.

Королева нуми все говорила и говорила. Она рассказывала о своих бесконечных обидах, о безумствах и беззакониях, творящихся при дворе. Это была тщеславная злобная старуха, сумасшедшая, как мартовский ветер, и она все говорила и никак не хотела остановиться.

Губы Арики шевелились. Она не произносила слов вслух, но Фэнн разбирал их по губам.

«Заткнись же ты! Вышние боги, пусть она заткнется и уберется отсюда! Если мы не выйдем в город до дневного гонга, мы оба погибли, и все из-за того, что эта карга не желает заткнуться!»

От молитв Арика перешла к проклятиям, а старая королева все говорила и говорила.

Время от времени Арика бросала взгляд на Фэнна, и глаза у нее были полны отчаяния. Фэнн и сам начал ощущать, как бегут мгновения. Он не вполне понимал, почему надо так спешить, но гнев Арики был вполне убедителен.

От стояния на одном месте у Фэнна заныли ноги. По груди и спине у него струился пот. Воздух был жаркий и душный, и слова королевы гудели в нем, словно пчелиный рой.

Внезапно старуха сказала:

— Я устала. Да ты, по-моему, все равно не слушаешь. Я ухожу. Доброй ночи, государь!

Она развернулась и пошла прочь, шурша фиолетовым одеянием. Жрец снова появился рядом с ней, ненавязчиво держась чуть позади. Стражники построились.

Фэнн взглянул на Арику. Она взглядом приказала ему молчать и не двигаться. Он еще успел подумать, что она за человек и почему так рискует ради него.

Женщина, жрец и стражники вышли из усыпальницы.

У Фэнна даже колени подогнулись от облегчения. Он остался стоять на прежнем месте, прислушиваясь к звукам, доносящимся снаружи. Наконец он перевел дух.

— Уехали, Арика! Слышишь лошадей?

Она кивнула:

— Вот старая клуша! Я слышала, что она часто является сюда по ночам, чтобы поговорить с этим. Но надо ж ей было именно сегодня...

— Ну, теперь-то все в порядке, — успокаивающе сказал Фэнн.

И тут в храм снова вошел жрец. Один.

Он шагал быстро, как человек, который избавился от неприятной обязанности и собирается заняться более интересным делом. На ходу он стукнул по одному из хрустальных столпов, так что тот зазвенел — и прочие столпы откликнулись слабым эхом, похожим на дальний звон колоколов. Жрец рассмеялся. Он шагал вперед, прямоком к арке. На этот раз не было никакой надежды скрыться. Он, видимо, направлялся к лестнице, ведущей в храм.

Фэнн ощутил, как напряглись его мускулы, словно по своей воле. Он затаил дыхание, чтобы жрец не услышал его раньше времени. Глаза Арики превратились в две узенькие сверкающие щелочки, и Фэнн увидел, что она тянется к своему поясу из желтой ткани.

Жрец вошел под арку. Фэнн прыгнул на него сзади и, обхватив одной рукой шею нуми, ногами обвил его бедра. Он рассчитывал на то, что жрец силен, и любого человека это внезапное нападение сбило бы с ног. Но Фэнн забыл, что нуми не люди.

Он и не подозревал, что живое существо может оказаться таким сильным. Казалось, тело под черным одеянием сделано не из плоти, но из гранита, китового уса и стали. Вместо того

чтобы рухнуть наземь, жрец сам упал назад, пытаясь раздавить Фэнна.

Из груди Фэнна с болезненным хрипом вырвалось дыхание. Он ударился головой о камень, и на миг ему показалось, что все кончено. Где-то сверху послышался голос Арики. Этот голос настойчиво звал его куда-то, но слов Фэнн разобрать не мог.

И внезапно он осознал, что ненавидит золотистую тварь, которую сжимает в руках.

Эта ненависть не имела ничего общего с воспоминаниями или рассудком. Но она была так сильна, что Фэнн зарычал, будто зверь, забыв обо всем, кроме жажды убийства. Он испытал прилив новых сил — и жуткого вдохновения. Он теснее сжал ноги, и рука его превратилась в железную петлю, перекрывшую и крик, и дыхание, и ток крови. Он забыл о существовании Арики, забыл о побеге — в мире не осталось ничего, кроме этого вырывающегося золотистого существа, которое надо было убить.

Они выкатились из-под арки и стали бороться на полу у хрустальных столпов, и короли в алых одеяниях смотрели на них сверху вниз. Жрец нуми оказался на удивление силен. Сражаться с ним было все равно что пытаться сдержать порыв бури или наводнение, прорвавшее плотину.

Их сплетенные тела налетали на звенящие столпы. Одеяние нуми окутало их обоих, и скоро по черному с серебром расползлись пятна крови. Но Фэнн не ослаблял хватки. И не обращал внимания на боль. Он знал, что стоит ему разжать руки — и все погибло. И он не выпускал врага.

Пальцы жреца цеплялись за его ноги, стремились вырвать куски плоти из рук. Фэнн впился зубами в тело, покрытое золотистым мехом, ощутил вкус крови и все сильнее и сильнее стискивал руки и ноги...

— Фэнн! Фэнн!!! — донесся издалека голос Арики. Арика трясла его, звала куда-то... А он уже начал уставать. Долго ему не продержаться. Зачем она тревожит его? Сперва надо убить жреца...

Он повернул голову, собираясь огрызнуться — и только теперь заметил, что нуми совершенно неподвижен и больше не пытается вырваться.

— Отпусти его, Фэнн! Он мертв. Он уже несколько минут как мертв. Фэнн, очнись же! Отпусти его!

Очень медленно Фэнн расслабился. Тело нуми тяжело соскользнуло с него. Он некоторое время смотрел на труп, потом попробовал встать. Ноги и руки тряслись, словно у старика.

Из изорванных запястий и по ногам струились темные потоки крови. Кости болели.

Арика помогла ему подняться. Теперь она смотрела на него с неким священным ужасом, к которому примешивалось еще что-то — Фэнн слишком устал, чтобы гадать, что именно. Быть может, сомнение или даже страх — и хитроумный расчет. Это ему не понравилось. Он снова спросил себя, зачем ей так хочется, чтобы он бежал от нуми.

Под одеянием у убитого жреца оказалось нижнее платье из тонкого белого холста. Арика поспешно разодрала его и наскоро перевязала раны Фэнна.

— А то по кровавому следу тебя и слепой разыщет! — пояснила она. — Ну, пошли!

Она вывела его из усыпальницы под сияние мрачного медного солнца, которое так и не сдвинулось с места. Дул сильный ветер. Он нес запахи жары и пыли, и горизонт был одет красным маревом.

Высоко вверх Фэнн увидел венчающий утес храм, наполовину высеченный в скале. Неприятное место. Зачем нуми держали его там? Чего они хотели от него?

И чего хотела от него Арика? И все же он был рад, что выбрался из храма.

Он ковылял вслед за Арикой по склону, поросшему высокими деревьями, которые шумели на ветру. Усыпальница королей была выстроена на уступе утеса, и почти под ней начинался город. Наверное, ночь еще не кончилась, потому что на улицах никого не было.

Слово «ночь» снова пробудило в нем ощущение неправильности. Фэнн взглянул на пылающее небо и покачал головой.

На полпути вниз Арика остановилась и достала из тайника сверток с одеждой.

— Вот, — сказала она, — одевайся. Накрой голову, Фэнн. Лицо спрячь!

Он неуклюже возился с одеждой — длинной бесформенной полосой ткани, выпачканной пылью и серой золой. Арика быстро закуталась сама и нетерпеливо помогла одеться Фэнну.

— Что это такое? — спросил он.

— Траурное одеяние. Людям дозволено ходить на кладбище только по ночам, так что, если нас и заметят на улице, никто не обратит внимания. А покойников у нас хватает! — зло добавила она.

— А почему только по ночам?

— А ты что думаешь, людям позволят болтаться без дела днем? Днем люди должны работать! Нуми держат нас не для забавы.

И она повела его дальше вниз по склону, почти бегом. Фэнн не поспевал за ней. Несколько раз Арика возвращалась и подгоняла его, тянула за собой, ругала, буквально умирая от беспокойства. Время от времени она бросала взгляд в сторону храма. Когда они отошли подальше, Фэнн увидел причину ее беспокойства: на крыше храма тускло блестел на солнце огромный гонг, высотой в несколько человеческих ростов.

Они вошли в город и замедлили шаг. Это были бедные кварталы: нагромождение убогих хижин, подобно мутному морю окружавших великолепный дворец и роскошные жилища нуми. Улицы были завалены мусором, повсюду слышался шорох крысиных лапок. Извилистые улочки, наполненные древними запахами скученных и давно немытых человеческих тел. Фэнн с отвращением фыркнул. Арика гневно взглянула на него из-под испачканного золой капюшона.

— О да, Фэнн, в камере воздух был чище! Но теперь тебе придется дышать этим!

Больше они не разговаривали. Глинобитные развалюхи спали под порывами пыльного ветра. Окна были затянuty кусками ткани или шкурами. Временами откуда-то доносился детский плач или собачье тявканье. Пока они шли по этому головокружительному лабиринту, им никто не попался навстречу, а если кто-то и заметил их, то виду не подал. Лицо Арики было осунувшимся и озабоченным, и Фэнн чувствовал, что она с превеликим трудом удерживается от того, чтобы пуститься бегом. Она сквозь зубы бранила старую королеву.

На крыше храма появились два жреца в черных одеяниях, казавшиеся отсюда крохотными куколками.

Арика свернула в совсем уже узкую улочку, больше похожую на щель между стенами. Здесь она все-таки рискнула пуститься бегом, безжалостно волоча за собой Фэнна.

Жрецы вдалеке наклонились, и мгновением позже огромный молот повернулся на противовесах, и над равниной пронесся первый резкий и звучный удар дневного гонга.

Фэнн увидел справа низенькую дверь, занавешенную засаленной тряпкой. Арика толкнула его внутрь, в душную темноту, ослепившую его после яркого солнца.

В темноте зашевелилось что-то большое, и мужской голос шепнул:

— Все в порядке?

— Он убил жреца, — ответила Арика. И велела Фэнну: — Сиди здесь!

Занавеска поднялась и снова упала. Фэнн повернулся, чтобы удержать Арику. Но траурное одеяние валялось на земляном полу, а Арика исчезла.

Большой человек в глубине хижины шевельнулся снова, очень легко для таких габаритов. На занавеске Фэнн увидел его тень. Человек медленно наклонился, подобрал брошенный плащ, и, когда он выпрямился, Фэнн мельком увидел его лицо в пыльном полумраке.

Это было лицо нуми.

Глава 4

ЗАБЫТЫЙ РОК

Фэнна охватила слепая ярость. Он все время в глубине души подозревал, что Арика замышляет какую-то подлость, но такого не ожидал! Его руки сами собой рванулись вперед, охватили жилистую шею, и под гулкий звон гонга он выдохнул лишь одно слово:

— Нуми!

— Постой! — прохрипел человек и отдернул занавеску, впус- тив луч света. Он задыхался в хватке Фэнна, но все же сумел выдать: — Посмотри внимательней!

Фэнн присмотрелся — и неуверенно разжал пальцы. У чело- века отсутствовала борода, его щеки были гладко выбриты. Волосы оказались коротко подстрижены, и тело, одетое лишь в набедренную повязку, покрывал не мех, как у «новых людей», а лишь легкий пушок.

И все же эти глаза, форма черепа, черты лица... Их ни с чем не спутаешь!

Мужчина отвел руки Фэнна:

— Я Малех. Брат Арики.

— Брат Арики? А кто такая Арика? Чего она хочет от ме- ня? — Руки Фэнна по-прежнему жадно тянулись к горлу Ма- леха. — И чего хочешь от меня ты, Малех? И почему ты так похож на нуми, только обритого и ошипанного?

— Я полукровка, — хмуро ответил Малех. — И Арика тоже. Могу заверить тебя, что мы оба не испытываем любви к нашим отцам, которые дали нам свою кровь, а теперь презирают нас за это. А что до прочего — это подождет до ночи. Я раб. И ра- ботаю в дворцовых садах. Если я не отправлюсь туда немед- ленно, меня высекут и добавят десять лишних ударов за то, что я наполовину принадлежу к племени хозяев. У Арики в храме то же самое. К тому же ее отсутствие может вызвать подозрения. Так что...

Он толкнул Фэнна в соседнюю комнату. Она оказалась маленькая, но чистая. Очаг, два ящика для спанья, набитых соломой, стол, три или четыре грубо сколоченные скамейки.

— Вот и весь наш дом, — сказал Малех. — Сиди тут. В окно не высовывайся. Воду, вино и еду найдешь. Успокойся и доверься нам, если можешь. Ну а если не можешь, даже после всего, что мы сделали, чтобы освободить тебя, — что ж, жрецы будут только рады получить тебя обратно.

Он развернулся, собираясь выйти, но остановился, снова обернулся и взглянул на Фэнна, как бы найдя в нем нечто особенно примечательное.

— Так ты убил жреца. — Глаза Малеха, более светлые, чем у Арики, почти желтые, вспыхнули злобной радостью. — Чем? Ножом? Или веревкой придушил?

Фэнн медленно покачал головой:

— У меня не было оружия.

— Что, неужто голыми руками? Врешь! — Улыбка Малеха напоминала оскал тигра. — Да воссияют над тобой боги людей, друг мой! — И с порога сообщил через плечо, как бы между прочим: — Нуми-полукровки, такие, как мы с сестрой, отчасти обладают ментальными способностями своих благородных отцов. В особенности моя сестра. Если ты решишься нам довериться, вполне возможно, что нам удастся вернуть тебе память, которую, по словам Арики, ты утратил.

И исчез прежде, чем Фэнн успел ответить.

Некоторое время Фэнн стоял, не двигаясь и глядя ему вслед. Могучий голос гонга затих, сменившись бесчисленными голосами пробуждающегося города, а те вскоре слились в ровный гул, похожий на гудение улья, сквозь который временами прорывался детский плач.

Но Фэнн ничего не замечал. В ушах у него по-прежнему звенели слова Малеха: «Нам удастся вернуть тебе память, которую, по словам Арики, ты утратил».

Он сел и попытался привести мысли в порядок, но обнаружил, что слишком устал. Раны мешали двигаться, все тело невыносимо болело. Малех ему не понравился. Арике он не верил. Он ничего не понимал. Зачем его заточили в темницу? Зачем освободили? Но, что бы ни случилось, возвращаться назад в храм ему не хотелось. И если он действительно сможет вспомнить, если у него будет имя, настоящее имя, и память о том, что произошло до вчерашнего дня...

Да пусть этот Малех хоть сам черт рогатый, а Арика — его сестра! Фэнн все равно отсюда не уйдет.

Он промыл царапины вином и выпил большую часть того, что осталось. Ему очень захотелось отправиться вслед за Малехом, притащить его обратно и заставить расколдовать себя немедленно. Он чувствовал, что просто не в силах дождаться

ночи. Но он сознавал, что это безумие говорит в нем. Он лег на соломенную постель, но заснуть не смог.

«Вспомнить! Снова стать нормальным человеком, у которого есть своя душа и своя жизнь!»

Но что он может вспомнить? Каким предстанет он пред собой, когда вспомнит? Какие пятна проступят у него на руках?

Но даже плохие воспоминания лучше, чем полное забвение, чем эти жалкие попытки нащупать хоть что-то в полной пустоте.

А что, если Малех солгал?

Было жарко, и винные пары затуманили его сознание. Его мозг не желал отдыхать, но тело требовало отдыха. Мир начал медленно уплывать от него. Он подумал, как странно, что Арика — наполовину нуми. Он не верил ей, но она такая красивая... Очень красивая...

Фэнн уснул и увидел во сне призрачные башни, вздымающиеся на фоне темнеющего неба, и слово «ночь» снова терзало его.

Дважды он заговорил во сне и произнес: «Я — Фэнвей».

Его разбудила Арика. Он не слышал гонга, отметившего конец дня и наступление ночи, не слышал он и как вернулись его спасители. Но они, должно быть, пришли уже некоторое время назад. На очаге булькал горшок с каким-то душистым варевом, стол был накрыт к ужину. Снаружи, в переулках, завывал ветер, наполняя воздух пылью.

Фэнн встал. Тело затекло и побаливало, но вообще он был в порядке и голоден как волк. И все же он почти не думал о еде. Его трясло от возбуждения, смешанного со страхом. Он рассказал Арике о том, что сообщил ему Малех, и требовательно спросил:

— Это правда? Вы действительно можете сделать такое?

— Ну, не сразу и не за один раз, но я могу попробовать. Только сперва поешь, Фэнн. Иначе твоё тело будет мешать душе.

Это показалось ему разумным, и он сдержал нетерпение. Некоторое время он молча смотрел на Малеха и Арику, пытаясь понять, что они за люди, но в этой странной породе было нечто неумовимое.

— Зачем вы спасли меня? — вдруг спросил он.

— Я же тебе говорила, — ответила Арика. — Ты — человек, нуми держали тебя в плену. Люди не в первый раз исчезают из темниц нуми — хотя, надо признаться, в храме такое произошло впервые. Это было блестящее дело, Фэнн! Цени!

— И все же мне хотелось бы знать — зачем?

— Тебе обязательно нужна причина? — спросил Малех. — Неужто тебе никогда не случалось делать что-то без особых причин, просто потому, что это хорошо и правильно?

Фэнн бросил на него пронзительный взгляд:

— Незачем напоминать мне, что я не знаю ответа! Ну хорошо, я не стану обсуждать причины ваших поступков, по крайней мере теперь. — Он снова обернулся к Арике: — Чего хотели от меня жрецы? Зачем меня там держали?

Она покачала головой:

— Я так и не смогла выяснить. Рам-Син — это он держал тебя в темнице, Фэнн, — весьма выдающаяся личность. Он правит в храме, как король у себя во дворце, а ведь они там вечно враждуют и борются за власть. Но чего бы он ни хотел от тебя, это было для него очень важно, и он намеревался сохранить это в тайне от короля и даже от других жрецов. Иначе он не стал бы прятать тебя в той комнате. Ведь нуми могут делать с людьми все, что захотят, как люди со скотом, так что других причин у него быть не могло. — Она посмотрела Фэнну прямо в глаза. — Быть может, потому я и помогла тебе бежать, Фэнн. Я ненавижу Рам-Сина. Не забывай, я рабыня в храме с тех пор, как стала достаточно большой, чтобы подниматься на гору. Быть может, мне просто хотелось натянуть ему нос. Пусть-ка попотеет!

На ее лице появилась такая дьявольская ненависть, что Фэнн поверил в то, что это правда. Хотя бы отчасти...

Внезапно Арика улыбнулась:

— А тебя не удивляет, почему при всем при том Рам-Син до сих пор не ищет тебя по всему городу?

— Быть может, проще добыть другого человека?

— Может быть. Но я все же для верности сделала одну штуку — отчасти, разумеется, затем, чтобы отвести подозрения от себя. Ведь считается, что об этих переходах в храме знают лишь жрецы, королевская семья да кое-кто из придворных. Ну вот я и обронила на лестнице пояс одного господина из королевской семьи — Малех нарочно стащил его для меня. Поэтому Рам-Син должен решить, что это он тебя похитил и увел прямо во дворец. Так что я в безопасности, и ты тоже — по крайней мере пока!

— Какая же ты умная! — восхищенно воскликнул Фэнн. — Нет, в самом деле, ты ужасно умная!

Улыбка Арики стала шире. «Да, — подумал про себя Фэнн. — А не слишком ли ты умна, чтобы тебе доверять?» Но пока ему волей-неволей приходилось доверяться ей.

Он резко вскочил:

— Я не могу больше ждать! За работу, разрази вас гром! Давайте колдуйте — а то я больше не выдержу!

— Потихше, Фэнн, — сказала Арика. — Все в порядке. — Она указала на постель: — Ложись. Расслабься. Ты должен помочь мне, Фэнн. Я ведь не нуми, которые могут делать с душами людей и животных все, что захотят. Тебе придется раскрыться передо мной, Фэнн. Не сопротивляйся. Пусть твой дух будет спокоен...

Он вытянулся на постели и постарался сделать, как она просила: расслабиться и отпустить свой дух на волю. Ее лицо нависало над ним. В полумраке оно казалось белым. Арика действительно была красива. Ее глаза полыхали странным темным огнем.

— Фэнн, — тихо произнесла она, — ты должен довериться мне, если хочешь вспомнить.

Малех подал ей чашку, и она поднесла ее к губам Фэнна:

— Это вино с отваром трав. Оно тебе не повредит. Просто поможет расслабиться и ускорит дело. Выпей, Фэнн.

Он не хотел пить эту отраву! Мышцы его снова напряглись, и он с подозрением уставился на Арику, готовый отшвырнуть ее и броситься бежать. Но она просто отставила чашку в сторону и сказала:

— Ну, как хочешь. Ведь это ты потерял память, а не я.

Фэнн помолчал, потом сказал:

— Давай сюда питье.

Он выпил вино и снова лег, прислушиваясь к ее голосу. На этот раз расслабиться оказалось значительно легче. Постепенно он утратил всякое ощущение времени. Глаза Арики казались огромными, темными, и в них плясали огоньки. Эти глаза притягивали его, подчиняли его волю. Мягкие волны бесцветного тумана мало-помалу затягивали лицо Малеха на заднем плане, глинобитные стены, потолок, самое Арику — остались лишь ее глаза.

В последний момент он ощутил таящуюся в них силу — но было уже поздно. Они утянули его в крошечную тьму, и он не мог не подчиниться.

Глубокая-глубокая, безвременная тьма.

Голос...

Услышав этот голос, он как бы немного пробудился ото сна. Он вспомнил другой голос, который тоже говорил с ним, задавая вопросы, — но на сей раз отвечать было легче.

— Мое имя Фэнвей, — сказал он голосу. — Я в Нью-Йорке.

Да, отвечать было куда легче. Он рассказал о Таймс-сквер в летнюю ночь, о сиянии огней и шумных толпах. Он рассказал, как выглядит Сентрал-парк утром, после дождя.

— И очень скоро все это исчезнет, — сказал он. — Все здания, подземка, люди — все исчезнет, как будто их и не было, все будет забыто. — Он расхохотался. — В Цитадели трудятся! Они зарываются в самое сердце скалы над Оградой! Она почти готова — а что толку? Кому нужна Цитадель без людей? — Он снова расхохотался, жутким смехом. — «Покайтесь, ибо конец близок!» Каюсь, каюсь! Я породил сына и теперь раскаиваюсь, ибо он родился лишь затем, чтобы умереть!

— Фэнвей! Фэнвей!!! — Голос встряхнул его, привел в себя. — Ты должен вспомнить. Себя, Нью-Йорк, Ограду. Нарисуй их, Фэнвей. Нарисуй, как выглядит Нью-Йорк, как выглядит Ограда, чтобы ты мог вспомнить их, когда очнешься.

Понуждаемый голосом, он машинально принялся рисовать. Он не знал, есть ли у него бумага и карандаш. Ему было все равно. Он рисовал как во сне, рисовал знакомые очертания, и это наполнило его такой печалью и чувством утраты, что он разрыдался.

— Не буду рисовать, — сказал он. — Что толку рисовать накануне Разрушения?

Голос звал его. Он звал снова и снова, и Фэнвей бросился бежать.

Он бежал вдоль широкой серой реки. Наступала ночь, и над темнеющей водой поднимался густой холодный туман. Он окутывал его, скрывая мир, обреченный на смерть...

Глава 5

ТАЙНА ВЕКОВ

Рисунок углем на доске. Кривой, неуклюжий, неоконченный. Длинный и узкий островок между двумя реками вблизи моря.

Фэнн смотрел на него. Руки у него тряслись.

— Ты сказал, что это называется Нью-Йорк, — мягко сказала Арика. — Помнишь?

— Я... я не знаю... — Во рту пересохло, и говорил он с трудом. — Голова какая-то странная. Словно внутри полно дыма. Временами что-то появляется — и тут же снова исчезает. — Он почти умоляюще смотрел на Арику с Малехом. — А где это место, которое я называл Нью-Йорком?

Малех покачал головой:

— Никогда о таком не слышал.

Голос у него был странный. Арика встала и вынула два кирпича из стены над постелью. За ними оказалась ниша, из которой девушка достала связку пергаментных свитков. Не-

смотря на отчаяние, Фэнн чувствовал, что Арика сильно возбуждена. Она расстелила свитки на постели рядом с Фэнном.

— Когда нуми явились из Великой Тьмы в ту часть мира, где живут люди, они сделали начертания земель, через которые прошли. Я украла их в храме много лет назад. Давай посмотрим, нет ли на рисунках нуми твоего острова.

Фэнн принялся рассматривать карты. Незнакомые карты незнакомой Земли. Нуми, должно быть, много странствовали. Имена и надписи были на неизвестном ему языке, но Арика показала ему пустыню, джунгли, горы, леса и море. И нигде они не нашли ничего похожего на остров, который он находил в забытых.

— Нет, — сказал он. — Его здесь нет.

Малех с Арикой переглянулись, и она развернула еще один свиток, последний.

— Вот, — сказала она, — это место, где родились нуми. Ты помнишь Зал Вечной Ночи в храме, Фэнн? Говорят, их родной край весь такой: белый, суровый и очень холодный. Это то, что люди называют Великой Тьмой.

— Не понимаю, — сказал Фэнн. — Что такое Великая Тьма?

— Другая сторона мира, — объяснила Арика. — Она никогда не видит солнца и всегда обращена к черным богам ночи. Говорят, они и породили нуми.

Фэнн принялся всматриваться в карту. Бесконечная белизна, лишь местами нарушаемая темными пятнами континентов. Вспоминая виденный мельком зал, Фэнн представлял себе зубчатые горы, вздымающиеся к черному небу, усеянному огнями, и неровный морской лед под ногами.

Зоркий Малех заметил его первым.

— Вот! — воскликнул он. — Смотрите! Видите? — Он провел по карте сильным пальцем. — Далеко от солнца, даже за пределами Сумерек, в самой Великой Тьме. Вот берег моря, две реки и остров!

Он издал резкий хрипловатый смешок и умолк.

— Дивное дело! — прошептала Арика. — Чудо, ниспосланное богами!

— Не понимаю, — как всегда сказал Фэнн.

— Я тоже! Слушай меня, Фэнн! Слушай внимательно и старайся запомнить. — Она схватила его за руку и стиснула почти до боли, будто пытаясь таким образом привлечь его внимание. — Я пыталась призвать назад твою память. Я напоила тебя снадобьем, которое должно было опрокинуть все барьеры в сознании, я пыталась раздвинуть решетки, за которыми заточена твоя память. Я звала тебя, и ты ответил. Ты сказал, что тебя зовут Фэнвей, и отвечал мне очень охотно. Но то, о чем

ты говорил, не принадлежит нашему миру! Ты говорил об огромных зданиях, о машинах, которые режут в небе, на улицах и под землей. Ты говорил о дне и ночи, о луне, звездах, восходе, закате — о том, чего мы никогда не видели. — Ее ногти вонзились в руку Фэнна до крови. — Фэнн, ты вспоминал мир, каким он был до появления черной звезды — мир до Разрушения!

Он был рад, что Арика держит его за руку. Потому что внезапно твердая земля разверзлась у него под ногами, и он с воплем полетел в кружащийся водоворот.

— Я помню, помню! — прошептал Фэнн.

И закрыл лицо руками. Он мелко дрожал всем телом, и ладони покрылись соленой влагой.

«Я помню...»

Но помнит ли он на самом деле? Он по-прежнему не мог вспомнить всей своей прошлой жизни. Она являлась лишь отдельными эпизодами: разрозненными и очень странными, болезненными и в то же время отдаленными, как бы не имеющими отношения к его телу.

— Если я помню столь отдаленное прошлое, — хрипло сказал он, — значит ли это, что я принадлежу этому прошлому? Что Рам-Син каким-то образом вытянул меня оттуда?

Арика покачала головой:

— Мне кажется, что это невозможно. И все же мощь жрецов нуми велика...

Но тут вмешался Малех.

— А где находится Ограда? — горячо спросил он.

Но Фэнн не мог ответить — он был слишком скован страхом. Он чувствовал себя подвешенным над пропастью, зияющей меж двумя мирами. И он был чужим им обоим.

Малех в отчаянии вскинул руки, но Арика остановила его взглядом и сказала тем повелительным голосом, которому Фэнн отвечал в забытии:

— Фэнн, покажи мне Ограду!

И он, не раздумывая, помимо собственной воли ткнул пальцем в точку на карте, нарисованной утлём.

Глаза Малеха внезапно вспыхнули.

— Так вот что пытался вытянуть из него Рам-Син! — воскликнул он взбудораженным шепотом. — Он хотел знать, где находится Цитадель! И теперь мы знаем это. Фэнн это знает!

Фэнн заговорил. Это была медленная речь мертвого человека.

— Черная звезда, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Они смотрели на нее в свои телескопы. Они смотрели, как она приближается, и говорили нам, что мир, который мы знаем,

скоро погибнет. Черная звезда, прилетевшая из космоса, чтобы уничтожить мир...

— Ты помнишь Разрушение? — прошептала Арика.

— Нет. Оно надвигалось — но еще не произошло. Черная звезда должна была пройти мимо Солнца. Они рассчитали ее путь, они знали, что будет. Она должна была раздробить несколько внешних планет и пронестись дальше; а оставшиеся миры будут разорены и изменятся... Мир был охвачен непередаваемым страхом, — медленно добавил он. — Мы боялись не за себя — за детей. Временами мы не верили, что такое может случиться. Мы смотрели на большие города, на горы, на зеленые земли. Мы смотрели на море — и не верили, что оно может измениться.

— И все же оно изменилось, — мрачно сказала Арика. — В легендах рассказывается, как все это произошло: когда черная звезда проходила мимо, вся Земля содрогалась и была разрушена, и вращение ее замедлилось, так что дня и ночи больше не стало. Как рушились города, двигались горы, моря выходили из берегов и гибли миллионы людей.

— Они знали, что случится, — сказал Фэнн все тем же странным, мертвым голосом. — Затем они и построили Цитадель — чтобы сохранить знания и силу человечества для тех, кто выживает.

Малех затрясся от горького смеха:

— И нуми охотились за этой легендарной Цитаделью, не подозревая, что она лежит в той самой Великой Тьме, из которой они пришли! Они нанесли на карту этот Нью-Йорк и не знали, что Цитадель находится там! А теперь с помощью Фэнна ее найдем мы!

Фэнн посмотрел на него и Арику безнадежным взглядом:

— А не все ли мне равно, кто обретет Цитадель? Единственный мир, который я помню, погиб. Сколько тысяч лет назад это было?

Лицо Арики вспыхнуло, и она крепко сжала его руки своими теплыми, сильными ладонями.

— Фэнн, как ты не понимаешь? Ты ведь человек — совсем человек. Ты успел посмотреть, как живут люди в этом мире. Либо рабами нуми в городах, либо бродячими изгоями в глуши. Так было с тех пор, как нуми впервые явились из тьмы, породившей их. Но ты, Фэнн, можешь сделать так, чтобы все стало иначе. Ты можешь избавить нас от нуми. Ты можешь сделать мир таким, каким он был до Разрушения, — благом, пригодным для жизни людей. Ты можешь вернуть людям все их утраченные знания!

— Или, быть может, — добавил Малех, — ты предпочтешь отдать Цитадель нуми, чтобы знания, хранящиеся в ней, помогли им сковать нас навеки?

Фэнн вспыхнул:

— Нет! Цитадель построили люди, такие же, как мы — и для таких, как мы!

Он снова вспомнил трагическую, последнюю надежду обреченного мира, надежду, сосредоточенную в Цитадели, ответе, который человек бросил надвигающейся ночи.

— Так помоги же нам найти ее, чтобы ее тайны достались человеку! — настаивала Арика. — Мы можем вывести тебя из города, и люди-изгой, живущие в глуши, помогут нам в наших поисках. Ты согласен вести нас?

Фэнн ощутил быстро назревающую в нем железную решимость. Эта решимость родилась не только из преданности своему роду, но и из ненависти к нуми.

— Я поведу вас! — сказал он сквозь зубы. — И если в Цитадели действительно таится какая-то сила, с ее помощью мы уничтожим нуми или прогоним их обратно во тьму. И быть может, — горячо добавил он, — там, в Цитадели, в том месте, которое называется Нью-Йорк, я вспомню все свое прошлое!

Малех вскочил на ноги, лицо его пылало от возбуждения.

— Я начну собираться немедленно! Нужно приготовить лошадей. Мы выберемся из города завтра ночью!

Он отдернул занавеску, собираясь выйти. Но навстречу ему снаружи ввалился человек, так неожиданно, словно его принесло завывающим снаружи ветром. Самый обычный человек, со следами бича на спине.

— Храмовые солдаты обыскивают город! — воскликнул он — и увидел Фэнна. Глаза его расширились, рот раскрылся, растягивая морщинистое лицо. Он что-то начал говорить.

Малех встал между ними, взял коротышку за плечо, развернул к себе и спросил:

— Куда они движутся?

— Они идут от усыпальницы королей и обыскивают каждый дом. Мы побежали предупредить.

Свободной рукой Малех рубанул его за ухом. Коротышка молча сложился пополам. Малех затолкал его за бочку с водой в пристройке.

Фэнн пересек комнату и схватил Малеха за плечи.

— Он узнал меня! — хрипло сказал он. — Почему ты не позволил ему договорить?

— Не будь дураком! — отрезал Малех. — Он увидел чужого и удивился. Он продал бы тебя нуми за мешок зерна!

Лицо Арики побелело от ярости и отчаяния.

— Рам-Син слишком умен! Моя уловка не обманула его. Если бы у нас был хотя бы еще один день...

Но новообретенная твердая решительность Фэнна не позволила ему проникнуться их отчаянием.

— Мы отправляемся искать Цитадель! — сказал он. — И раз мы не можем ждать до будущей ночи, то отправимся немедленно!

— Но лошади... — возразил было Малех.

— Я видел загоны с лошадьми недалеко от ворот, — перебил его Фэнн. — Лошадей можно украсть. Идем!

Арика изумленно взглянула на него. Похоже, она изменила первоначальное мнение о нем и заразилась его решимостью.

— Он прав, Малех! Мы должны рискнуть — прямо сейчас!

Она достала траурные плащи для себя и Фэнна. Пока Малех наскоро сооружал траурное одеяние для себя из куска ткани, выпачканного золой из очага, Арика свернула свитки с картами и завязала их в свой пояс.

Фэнн вышел наружу первым. Узкая улочка была пуста, но вдалеке виднелись фигурки людей, перебегающих от дома к дому с предупреждением. Иссущающий ветер окутал их облаками пыли. В охристом небе пылало жестокое рыжее солнце.

— К каким воротам? — отрывисто спросил Фэнн.

— Сюда, — сказал Малех. — К воротам Пустыни.

Пыль скрывала все вокруг, словно туман. Они быстро шагали, опустив головы. Храм и скалы скрылись в пыльных облаках. Солдат пока видно не было.

Они прошли краем рыночной площади — она была пуста, лишь несколько человек спали в стойлах, свернувшись клубком. За рынком находились большие загоны для скота и помещения, где останавливались караваны, пришедшие из-за ворот Пустыни.

Рядом со стеной караван-сарая был обнесенный высокой изгородью загон для лошадей. В нем находилось по меньшей мере пятьдесят лошадей — лохматых низкорослых лошадок, которые терпеливо стояли, сбившись в кучу и отвернувшись от пыльного ветра. Было там еще с полдюжины оседланных лошадей, могучих стройных скакунов, привязанных отдельно.

— Вот, — сказал Фэнн. — Это наши кони. Специально для нас приготовлены.

— Это кони нуми! — предупредил его Малех. — Они не понесут человека. Это опасно...

— Не беспокойся, я с этим управлюсь! — отрезал Фэнн. — Только сперва надо взглянуть на ворота...

Он выглянул из-за угла изгороди. Перед ним лежала изрытая ветрами улица, столбы, отмечавшие ворота, а за ними — дорога, что вела через холмы в пустыню. Путь к свободе.

Ворота охраняли с полдюжины солдат нуми. Неподалеку стояли на привязи их высокие стройные скакуны.

— Там мы не проедем! — сказал Малех. — Это безнадежно.

В глазах Фэнна вспыхнул нехороший огонек.

— Отдай мне твой кинжал, — сказал он Арике, — а вы пока садитесь на коней и приготовьте одного для меня.

Арика пристально посмотрела на него — и отдала оружие. Они с Малехом скользнули обратно, к тому углу загона, где стояли на привязи лошади нуми.

Фэнн бросился к воротам загона, бесшумно отодвинул заборы и прошел сквозь табун лохматых лошадок в дальний конец загона.

И внезапно полоснул кинжалом по крупу ближайшей лошади. Лошадка шарахнулась и заржала от боли и страха.

Фэнн полоснул кинжалом другую лошадь. Она тоже заржала. Лохматые лошадки принялись носиться с места на место, напуганные ржанием и запахом крови.

Фэнн внезапно испустил крик, долгий пронзительный вой, в котором звучали странные волчьи интонации, и бросился на лошадей с окровавленным кинжалом. Весь табун тут же помчался прочь из загона.

Дорога у них была только одна. Пятьдесят лошадей выскочили наружу, топоча копытами и вздымая тучи пыли, и устремились к воротам Пустыни.

Нуми не смогли устоять перед таким натиском. Все произошло так неожиданно, что они даже не успели убежать. Очумевший табун стоптал их, снес преграду и увлек за собой их коней.

И, пристроившись вслед за табуном, почти в хвосте его, проскакали Фэнн, Малех и Арика.

Фэнн боролся с конем нуми с того момента, как вскочил на него, и только то, что скакун поддался общей панике, помешало ему сбросить человека наземь.

— Мечи! — крикнул Фэнн Малеху. — Хватайте мечи!

Впереди, в воротах, валялись мохнатые тела солдат, стоптанных табуном. Надо было прихватить оружие, которое лежало рядом с солдатами, но Фэнн не решался остановить своего скакуна.

Малех услышал его, придержал коня, с кошачьей ловкостью наклонился и подхватил два меча.

— Солдаты! — крикнула Арика.

Из загона выбежали полдюжины нуми и погнались за беглецами. Фэнн расхохотался, поймал на лету брошенный Малехом меч и ударил своего брыкающегося скакуна рукоятью.

— Их кони у нас! Пусть ловят!

Они галопом помчались по дороге. Скакавший впереди табун устал и начал рассеиваться среди деревень.

Дорога шла наверх, к невысокому перевалу, ведущему через холмы. За перевалом лежали пустоши: медное солнце, медное небо, а под ними — голая рыжая земля.

— До Великой Тьмы далеко — а Рам-Син будет преследовать нас! — предупредила Арика. — Ради Цитадели он погонится за нами на край света!

Глава 6

В ПОИСКАХ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ

Они оставили караванную тропу и двинулись напрямик через пустыню. У них не было иного путевого проводника, кроме болтовни караванщиков, слышанной Малехом на рынке.

— Я не знаю, где и как далеко отсюда лежит поселение изгоев, — сказал он Фэнну. — Но оно в той стороне, против солнца. — Он указал на свою тень, простирающуюся перед ним.

— Откуда ты знаешь, что эти люди помогут нам? — спросил Фэнн.

— Они все так или иначе пострадали от нуми, как и любой из ныне живущих людей. И ради того, чтобы найти Цитадель, они помогут!

Фэнн взглянул на голую землю:

— Что ж, чем быстрее мы их отыщем, тем лучше.

И они ехали все дальше, следя, чтобы их тени все время лежали впереди, так быстро, как только осмеливались.

Фэнн ехал молча, погруженный в свои думы. Он укротил-таки коня нуми и теперь, после этого краткого порыва, снова обратился внутрь себя. Он думал о том, о чем говорили они с Арикой и Малехом, и о решении, которое он принял так быстро и уверенно.

Он не желал сомневаться и колебаться. Он принял твердое решение — оставалось лишь привести в порядок мысли. В городе он чувствовал себя растерянным, его все время куда-то вели, его терзала эта пустота в памяти и бесил мир, которого он не понимал. Здесь, на свободе, где не было ни стен, ни домов, он снова мог думать.

Он все еще не знал, ни кто он, ни откуда и как попал сюда. Ему казалось, что он вспомнит все это, когда доберется до Нью-Йорка. Но даже если он и не вспомнит, он зато помнит

другое — мир, каким он был до черной звезды, до прихода нуми, гордость и отвагу людей, построивших Цитадель, чтобы знание, накопленное на Земле, не погибло.

«Говорят, в ней хранится все прошлое человечества. И будущее тоже! Цитадель будет стоять вечно, словно вызов, брошенный человеком надвигающейся ночи».

Ее построили люди, и она должна быть возвращена им. В глубине души Фэнна вспыхнул гнев против Рам-Сина. Он пытался похитить знание, принадлежащее не ему! Он собирался использовать знания, накопленные людьми, против рода человеческого! Ненависть Фэнна к нуми все росла, до тех пор, пока не перевесила все остальное — даже желание знать самому.

Он смотрел. Он смотрел вперед, через пустыню, и думал: «А ведь когда-то эта земля была зеленой, и люди жили на ней и были свободны! И так будет снова!»

Он улыбнулся Арике и подхлестнул коня. Его раздражало, что цель еще так далека.

Здесь не было храмового гонга, отмечающего наступление дня и ночи. Гневное солнце вечно пылало в небе. Яростный ветер хлестал путников, рыжие и охряные облака пыли носились над землей. Время остановилось. Люди были голодны и хотели пить. Время от времени они останавливались, чтобы дать отдых коням и поспать самим.

Вскоре после того как они во второй раз снялись с привала, Фэнн обернулся и увидел вдали столб пыли, поднятый явно не ветром.

— Рам-Син, — сказал он.

Малех кивнул:

— У них, наверно, есть запасные лошади, пища и вода. Они скачут быстро, а нуми сильнее людей.

Фэнн скривился в улыбке и повел их, путая следы, стараясь ехать по голому камню или по песку, где ветер тотчас заметал следы копыт. И на некоторое время столб пыли растаял вдали.

Но Малех сказал:

— Они знают, куда мы держим путь. Они догонят нас и без следов. И не забывай: Рам-Син — нуми, да еще жрец. Он сможет установить связь с нашими душами, и этого будет довольно, чтобы указать ему путь.

Фэнн сжал губы и ничего не сказал.

Их путь пролегал через бесплодные земли. Путники ослабели от голода, и им уже казалось, что они умирают, но вскоре голод забылся из-за жажды. Великолепные кони начали спотыкаться. Арика ехала молча, ссутулившись, да и мужчины выглядели не лучше.

Временами Фэнн останавливался и принимался копать землю во впадинах, там, где чахлая зелень указывала путь пересохшего русла. Иногда из земли выступали несколько капель грязной воды, которая помогала им не умереть.

Они в третий раз остановились на отдых. Фэнн не стал спать, а сидел и смотрел на пустыню покрасневшими глазами. Он думал о Цитадели и ощущал железную решимость жить.

На горизонте вновь показался столб пыли. Фэнн выругался и стал будить остальных.

Они поехали дальше. Ветер дул не переставая. Внезапно конь Фэнна вскинул голову и захрапел, не слушаясь поводыря. Прочие принялись к ветру и тоже принялись сворачивать. Казалось, лошадей охватило некое безумие. Они давно уже тащились шагом — а теперь перешли на неровный галоп.

Впереди показался голый каменный откос. Земля спускалась вниз, образуя неровную чашу у его подножия. Фэнн увидел, что из расщелины в откосе вытекает мутная река и разливается большим болотом, перед тем как исчезнуть в жаждущей пустыне. Фэнн всем своим существом устремился к этому пятну живой зелени, но оно было очень далеко и как будто не приближалось.

А потом он увидел людей, скачущих им навстречу, — жилистых, обожженных солнцем, на хороших, быстрых конях. В руках у них были копыя, отливавшие алым в свете злого солнца.

Их было человек пять-шесть. Подъехав, они окружили троих беглецов и заставили их остановиться. Потом оглядели Фэнна, Арику и Малеха и, увидев последнего, оскалились, словно волки, готовые растерзать добычу.

— Нуми! — выдохнул один.

— Полукровка... раб, — хрипло прошептал Малех и повернулся к ним спиной, чтобы они могли видеть шрамы от бича на спине.

Фэнн попытался втиснуться между ним и копиями.

— Они спасли мне жизнь... — прохрипел он. Он тоже почти не мог говорить от жажды. — Они помогли мне бежать из храма... — И зло добавил: — Дайте нам напиться!

Всадники долго разглядывали Фэнна, ничего не отвечая. Их молчание встревожило его. Он понимал, что причиной тому был Малех — Малех, который слишком похож на ненавистную тварь, бывшую его отцом. Зеленое болото томило Фэнна обещанием воды. Он взглянул на осунувшееся лицо Арики, на страдающих лошадей и так разозлился, что утратил всякую осторожность.

Он потянулся к человеку, который держал под уздцы его лошадь, схватил его за длинные волосы, выдернул из седла и воскликнул так громко, как только позволяла пересохшая глотка:

— Если мы умрем, никто и никогда не найдет Цитадель! Я знаю, где она! Вы слышите? Я знаю!

— Жрецы нуми гонятся за нами, чтобы узнать эту тайну, — прошептала Арика. — Мы просим у вас защиты. — Ей удалось выдавить из себя призрачный смешок. — Чего вы боитесь? Нас же всего трое!

Лица изгоев по-прежнему выражали холодное подозрение, но Фэнн видел, что они колеблются.

— Этой тайны не знает никто, — наконец сказал предводитель.

Фэнн смело взглянул в его суровые глаза:

— Ну что ж! Убейте нас. Пусть нуми вечно правят рабами и изгоями. Вам не хватает мужества, чтобы стать свободными.

— Ты путешествуешь в неподходящей для честного человека компании, — сказал предводитель, снова взглянув на Малеху. — Но пусть решает Ланнар. Отдайте мне ваши мечи! — Получив оружие, он развернул коня. — Едем!

И они поехали к болоту, которое простиралось у подножия скалы на несколько миль, широкое, зеленое, усеянное островами, поросшими деревьями и высокими кустарниками. Посреди красного марева пустыни оно было красивым: благодатным, мягким и влажным.

Путешественникам позволили остановиться у мелкого озера, чтобы напиться и умыться мутной солоноватой водой, которая показалась Фэнну небесным нектаром. Потом их заставили ехать дальше.

— Держитесь след в след друг за другом, — сказал изгой. — Стоит поскользнуться — и вас уже не сыщут.

И он принялся пробираться по невидимой тропе через лужи грязи, меж чавкающих топей и зеленых омутов. Местами под водой были проложены мостки, узкие и скользкие. Фэнн догадывался, что, если их убрать, болото сделается непроходимым.

Поначалу он не замечал никаких следов жилья. Потом, по мере того как они забирались все глубже в болото, он увидел под деревьями на более крупных островках хижины, сплетенные из прутьев и обмазанные глиной. Мужчины и женщины смотрели на проходящих мимо незнакомцев, а голые ребятишки плескались в грязи и что-то вопили им вслед.

Вскоре они снова выбрались на твердую почву — узкий и длинный островок под самой скалой. Всадников встретил ожидавший их человек. Там были и другие, но Фэнн видел лишь

одного, худощавого, черноволосого, улыбчивого — пламя и сталь, сдержанные и отточенные острым разумом.

Фэнн понял, что это и есть Ланнар, и снова обрел надежду. Человек, который привел их из пустыни, спешил и заговорил. А Ланнар тем временем не спеша разглядывал всех троих.

— Он говорит, что знает тайну Цитадели! — закончил провозахатый, указывая на Фэнна.

Лицо Ланнара незаметно напряглось, так что черты лица вдруг обрели стальную твердость. Он взглянул на Фэнна — исхудавшего человека на загнанной лошади, со странным терпением ожидающего решения своей участи.

— Это правда? — спросил Ланнар.

— Правда.

На скулах Ланнара заиграли желваки.

— Слезайте с коней, — сказал он всем троим. — Мне надо поговорить с вами. — И, развернувшись, направился к большой хижине, предварительно отдав пару приказов, которых Фэнн не расслышал.

Фэнн и его спутники неуклюже спешили и последовали за ним. Люди, бывшие с Ланнаром, смотрели на них с враждебностью и волчьей кровожадностью.

Тенистая хижина внутри была убрана роскошно, но беспорядочно. Яркие шелка, коврики, отдельные предметы роскошной мебели, хрустальные и золотые блюда — добыча, награбленная в караванах, что курсировали между городами нуми, — выглядели странно в сочетании с глинобитными стенами и земляным полом.

Откуда-то из глубины хижины появились женщины, принесли хлеб, вяленое мясо, воду и вино. Фэнн и его спутники жадно набросились на еду. Им показалось, что ее было очень мало.

— Потом вас покормят еще, — сказал Ланнар. — Сейчас вам нельзя слишком много есть — вы заболете. — Он наклонился вперед в своем золоченом кресле. Его жилистое тело было натянуто, как струна. — Ну! Так что же вы знаете о Цитадели?

Фэнн неторопливо рассказал ему все. Ланнар слушал. Глаза его горели ровным жарким пламенем. Люди, сидевшие в темноте, тоже слушали. Фэнн слышал их дыхание, частое и напряженное. Время от времени Арика и Малех что-то добавляли. Наконец у ног Ланнара расстелили свиток, на котором был изображен остров, затерянный в Великой Тьме.

— Цитадель здесь, — сказал Фэнн и умолк.

Ланнар хрипло вздохнул и, встав, принялся расхаживать взад-вперед. Он был похож на большого кота. Внезапная надежда опьянила его, но он не утратил подозрительности. Он был

слишком стар и суров, чтобы принимать чьи бы то ни было слова на веру.

Внезапно он схватил Фэнна за волосы и, откинув назад его голову, принялся изучать его лицо горячим пронзительным взором, который, казалось, видел все насквозь.

— Ты говоришь правду, — сказал Ланнар. — Но, быть может, это нуми внушили тебе это и заставили в это поверить.

— Это правда, — твердо ответил Фэнн.

— Воспоминания! Сны! — произнес Ланнар и отпустил его. — Чем ты это докажешь? Сны не имеют плоти и кости, в них не за что ухватиться!

— Я могу снова открыть его разум, — сказала Арика. — И ты услышишь, как он рассказывает о прошлом, которое помнит.

Ланнар полупрезрительно взглянул на нее:

— Знаю я эти штучки нуми! Я знаю, что они могут сделать с человеческим разумом. Это все слова, они ничего не доказывают.

— Но зачем нам обманывать вас? — тихо спросил Малех. — Что мы выигрываем?

— Не знаю. Я не вижу, что вы можете выиграть, но, возможно, это просто скрыто от меня. — Он посмотрел на полукровку и с вкрадчивой злостью добавил: — Я слишком давно на собственной шкуре узнал, что нуми доверять не следует.

— Нуми... — прошептал Малех. — Нуми!

Он вскочил и навис над Ланнаром. Глаза его полыхали такой яростью, что казалось, будто он вот-вот схватит Ланнара и разорвет его на куски. Потом он расхохотался:

— Нуми! Ланнар, это же смешно! Ты даже не подозреваешь, как это забавно. Эта шутка преследует меня всю жизнь. Нуми презирают меня, потому что я человек, а люди стремятся убить, потому что я нуми! — Он бросил на Арику взгляд, исполненный ненависти. Это поразило Фэнна. — Сестре повезло больше! Она выглядит как человек!

Он снова обернулся к Ланнару. Тот не сделал ни шага и даже рукой не шевельнул. Малеху его бесстрашие показалось пренебрежением. Он снова рассмеялся, резко, неприятно:

— Вот если бы я стоял над тобой, Ланнар, в меху, с бородой, в полном одеянии нуми, тогда все было бы иначе. О да! Но я гол и чисто выбрит, и потому я ничто! — Внезапно он рухнул на стул и угрюмо ссутулился. — Испытай свою отвагу на Рам-Сине, Ланнар! Поглядим, как ты будешь смотреть в глаза ему!

— Рам-Син? — переспросил Ланнар. Судя по его тону, он относился к этому имени с большим почтением.

Фэнн встал.

— Да, — сказал он. — Рам-Син. Я рассказал вам все, и моя история правдива. Рам-Син вам это докажет. Он гонится за мной от самого города, чтобы вырвать у меня тайну.

Он помолчал, чтобы его слова дошли до всех присутствующих.

— Рам-Син не станет гоняться за обычным пленником или за каким-то рабом, — сказал Ланнар как будто самому себе.

Он снова принялся шагать по комнате, на этот раз медленнее. Фэнн подошел и встал перед ним.

— Дай нам то, что нужно, Ланнар, и мы отправимся дальше одни.

— Нет. — Некоторое время Ланнар молчал, вглядываясь в исхудалое лицо Фэнна. Взгляд его прищуренных глаз был отрешенным. Потом он пробормотал: — На нем печать пустыни, такая же, как на мне. — И рассмеялся. — Нет, Фэнн! Мы поедем вместе. В конце концов, я рискую жизнью каждый раз, когда иду грабить караваны. А шанс найти Цитадель стоит риска, даже если он невелик. И здесь найдутся люди, которые думают так же.

Арика вскочила на ноги. Она смотрела на Ланнара, но, казалось, была не в силах говорить. Глаза у нее блеснули — Фэнн увидел, что в них стоят слезы. Внезапно она повернулась и обняла его.

— Боги с тобой, Фэнн! — прошептала она.

Фэнн понял, что, сам не заметив как, заставил ее привязаться к себе.

— Мы найдем Цитадель! — яростно бросил он Ланнару через плечо Арики.

Снаружи донеслись чавканье копыт по грязи и крик:

— Ланнар! Ланна-ар! Нуми идут!

Глава 7

ВЕЛИКАЯ ТЬМА

Хриплый рев рогов поднял по тревоге всех жителей болота. Из пустыни прискакали еще два или три всадника — последние патрули. Мостки были убраны. Из-за деревьев острова Фэнн видел, как отряд нуми спустился к зеленой воде и остановился. Ланнар рассмеялся в диком веселье:

— Они много поколений пытались стереть нас с лица земли. Но болото оказалось им не по зубам! — Он указал на островки. — Видите наших лучников? Даже если нуми с помощью чуда или предательства удастся пробраться сюда, стрелки перебьют их на тропе. Так что они являются сюда, угрожают нам, заманивают нас всяческими посулами, а потом у них кончаются припасы, и они убираются восвояси. — Брови его сдвинулись. —

Все в черном с серебром? Из храма, стало быть? Похоже, ты не лгал, Фэнн!

Он отошел в сторону и быстро переговорил со своими военачальниками. Фэнн остался на месте, глядя на нуми. Они находились слишком далеко, чтобы разглядеть лица. Но предводитель в черном, на черном коне, был хорошо заметен даже отсюда. Фэнн содрогнулся.

Арика стояла рядом. Лицо ее было озабоченным.

Командир солдат принялся кричать в трубу из коры, усиливающую голос. От имени Рам-Сина он предлагал изгоям помилование, власть и награду за возвращение беглого раба, убившего жреца.

Болото не ответило. Командир повторил предложение трижды — болото молчало.

Тогда далекая фигурка, бывшая Рам-Сином, протянула руку и взяла трубу.

Голос Рам-Сина отчетливо разнесся над болотом:

— Фэнвей! Тебе не уйти от меня! Я привлек твою душу, и теперь она принадлежит мне. Когда настанет час, я позову — и ты подчинишься мне!

Этот голос опалил мозг Фэнна, словно огнем. Он уже слышал его раньше — повелительный, безжалостный. Он слышал — и повиновался.

Рам-Син развернул коня и ускакал. Его воины ускакали следом.

Фэнна душил страх. Он пытался крикнуть вслед жрецу нуми что-то вызывающее, но слова не шли на ум. Горячее солнце жгло его, но ему было холодно и на лице выступил липкий пот.

— Он лжет, Фэнн! Он лжет! — воскликнула Арика.

Но Фэнн покачал головой и пробормотал:

— Лжет? Я не уверен...

Он обернулся к Ланнару. Взгляд у него был странный.

— Долго ли вам собираться?

— Мои люди уже готовят коней и припасы.

Ланнар глянул на него искоса. Этот взгляд, казалось, пронзил Фэнна подобно мечу. Но Ланнар ничего не сказал о словах Рам-Сина и кивнул вслед удаляющимся нуми:

— Они отступили, чтобы мы решили, будто вольны идти куда пожелаем. Но они будут подстерегать нас и погонятся за нами. Однако у нас есть запасной выход: тропа вверх по утесу, вырубленная давным-давно на случай нужды. Нуми придется одолеть много миль, прежде чем они выберутся на плато, так что мы намного опередим их.

Он усмехнулся — нервно, по-лисьи оскалил зубы, — и Фэнн понял, что Ланнар не меньше его самого торопится в путь.

— Много людей я взять не могу, — сказал вождь. — Но небольшой отряд движется быстрее, и его легче прокормить. Однако в конце концов нам все равно понадобится помощь. Нуми вдвое больше, чем нас, и оружие у них лучше. Поэтому я приказал отправить гонцов в другие племена и попросил их следовать за нами. — Он помолчал и добавил: — Это безумие, Фэнн. В Великой Тьме, без солнечного света и тепла мы долго не протянем. А нуми будут у себя дома. Несмотря на то что поколение Рам-Сина, должно быть, никогда не видело тех земель, это там они стали такими, какие они есть. — Он пожал плечами. — Что ж, посмотрим, что смогут сделать безумцы! А теперь тебе лучше лечь спать, пока есть возможность.

Фэнн пошел в дом Ланнара, где лег и уснул. Он спал беспокойно, и сны ему снились дурные. Так что он был рад, когда настало время вставать и трогаться в путь.

Малех тоже ехал с отрядом. Никто даже не предполагал, что может быть иначе. Но держался он чуть в стороне, с гордым и замкнутым видом, ни с кем не разговаривал, и Фэнн видел, что Ланнар краем глаза приглядывает за ним.

Они поднялись на плато по крутой тропке, двадцать человек, вооруженных мечами, луками и топорами. И с каждого островка на болоте люди смотрели им вслед со страхом, надеждой и изумлением.

С вершины утеса Фэнн оглянулся назад, на огромную, бесплодную, выметенную ветрами пустыню, простирающуюся под медным небом. Он прошел ее и выжил, и теперь она уже казалась ему родной и знакомой. Ему было почти жаль расставаться с ней и уходить в бездорожную тьму, враждебную роду людскому.

Вдалеке показался столб пыли, отмечающий путь нуми. Они ехали вдоль каменного склона. Значит, погоня уже началась.

Впереди плато уходило вдаль, к короткому горизонту. Ржавые облака ползли низко, почти над самой землей. Жесткие травы сгибались под порывами ветра. Отряд находился высоко над пустыней, и Фэнну показалось, что ветер стал пронзительным, с намеком на холод.

Люди построились для долгого путешествия, двадцать человек и сорок лошадей, и направились вперед, к Сумеркам и Великой Тьме.

Это было странное путешествие. Времени не существовало. Первая часть пути была знакома Ланнару. В некоторые времена года на плато бывало много дичи и прочей пищи, и люди с болот поднимались за ней сюда. Но скоро они оказались за

пределами земель, известных Ланнару. Они тащились через бесконечный лабиринт мрачных холмов. Тени делались длиннее, солнце у них за спиной опускалось все ниже и ниже, и ветер становился все более резким и холодным.

Эти земли были слишком холмистыми, чтобы видеть, что делается позади. Но время от времени люди замечали далекий свет лагерных костров, и Фэнну казалось, что с каждым разом костры оказываются все ближе.

Пустынные лошадки были некрупными, но крепкими, выносливыми и более привычными к тяжкому труду и скудной пище, чем кони нуми. Фэнну нравились эти упрямые и норовистые коньки. Это было единственное преимущество отряда перед нуми.

— Погоди, — говорил ему Ланнар. — Скоро нам всем придется топтать пешком.

Ветер становился все сильнее и холоднее. Начались ливни и грозы. А в один прекрасный день Фэнн, проснувшись, обнаружил, что вся земля укутана холодным белым покровом. Люди помрачнели и сделались молчаливы. Фэнн понимал, что им страшно.

Ему и самому начинало становиться страшно.

Арика старалась держаться поближе к нему. Она казалась очень сильной для своего хрупкого сложения. Ехала она наравне с мужчинами и никогда не жаловалась. Когда все ложились спать, сбившись в кучу возле костров, само собой выходило, что она оказывалась рядом с Фэнном. Говорили они мало — как и все прочие. Они ехали вперед, съедали свои скудные порции и спали. Они слишком устали, чтобы думать о чем-то еще.

Малех все время держался в стороне. Казалось, он невзлюбил даже собственную сестру — ее люди терпели, хотя нельзя сказать, что относились к ней очень тепло. У него отросла борода и волосы стали длиннее. Он кутался в кожи и меха, как и все прочие, и теперь, когда тело его было прикрыто, его невозможно было отличить от чистокровного нуми. Он, казалось, не нуждался в тепле костра и спал один, как бы похвально своей выносливостью.

Чем больше Малех делался похож на нуми, тем больше росло недоверие и ненависть к нему со стороны людей из племени. Но сила и нечеловеческая выносливость Малеха не раз выручали их в трудную минуту. Это заставляло изгоев сдерживать отвращение.

Одна из лошадей пала. С нее содрали шкуру и заготовили мясо впрок.

— Они все передохнут, — мрачно предсказал Ланнар. — Но зато у нас будут шкуры, и нам хватит еды до конца путешествия...

Он вырос в пустыне и не любил смотреть, как умирают лошади.

Солнце висело позади над самым горизонтом, точно раскаленный уголь. Изгои спустились в долину, полную снега и тьмы, а когда они поднялись на другой ее склон, солнце исчезло за горами.

— Вот что люди называют Сумерками, — прошептала Арика.

Небо все еще оставалось светлым. Земля пошла под уклон, постепенно выравниваясь. Здесь не было ни деревьев, ни даже приземистых кустарников, которые росли на границе Сумерек. На выметенных ветром скалах торчали лишь морщинистые лишайники, а замерзшая земля все время оставалась белой.

Лошади умирали одна за другой. Замороженное мясо прятали в тайниках, чтобы было что есть на обратном пути — если, конечно, придется возвращаться. Люди страдали от холода. Они привыкли к сухому жару пустыни... Трое заболели и умерли, один упал и разбился насмерть.

Сумерки незаметно сгущались, сменяясь ночью. Рыжие кучевые облака дневной стороны сменились серыми грозовыми тучами и туманами. Путники пробирались сквозь сгущающийся туман и падающий снег и наконец оказались в полной темноте.

Ланнар повернул к Фэнну худое, изрезанное морщинами лицо.

— Безумцы! — проворчал он. И это все.

Они шли через Пояс бурь. Потом туман внезапно рассеялся, ветер переменялся и разогнал облака.

Люди замедлили шаг, потом остановились совсем. Они стояли и смотрели, охваченные страхом и благоговением, слишком глубоким для того, чтобы выразить его словами. Фэнн увидел, что из-за несущихся по небу облаков исходит странное призрачное сияние. Арика незаметно взяла его за руку и стиснула ее. Малех стоял поодаль, вскинув голову и глядя на небо блестящими глазами.

В разрыве между облаками — большая долина, усеянная звездами. Разрыв расширился, облака унесло ветром, и небо обрушилось на застывших в ожидании людей, детей вечного дня, никогда не видевших ночи.

Они смотрели в черные глубины космоса, полыхающие миллионами искр ледяного огня. И демонический лик луны смотрел на них сверху, усеянный огромными тенями, исполинский, насмешливо ухмыляющийся. На этом лике была печать смерти.

Кто-то издал тонкий, дрожащий вопль. Какой-то человек повернулся и побежал прочь, назад, спотыкаясь, падая, продираясь к навеки оставленному им свету.

Людьми овладела паника. Многие попадали наземь и закрыли головы руками. Другие застыли на месте, вцепившись в свои мечи и топоры, забыв обо всем на свете. А Малех расхохотался. Он вспрыгнул на ледяной холмик и стоял, возвышаясь над всеми, и казалось, будто холодная ночь венчает его голову звездами.

— Чего вы боитесь? Глупцы! Это луна и звезды! Ваши отцы знали их и не страшились!

Презрение и сила, звучавшие в его голосе, пробудили гнев в сердцах людей. Их страх нашел выход. Они бросились на него, и Малех погиб бы на месте, не успев перестать смеяться, если бы Фэнн и Ланнар не остановили нападающих.

— Это правда! — воскликнул Фэнн. — Я их видел! Я видел ночь, какой она была до Разрушения. Вам нечего бояться!

Но сам он был испуган не меньше.

Фэнн, Ланнар и бородатый Малех, окончательно переставший походить на человека, снова выстроили людей и заставили их идти вперед. Их осталось пятнадцать из двадцати. Они были одни перед лицом Великой Тьмы. Крохотные комочки жизни, с трудом пробирающиеся через мертвое белое безмолвие под дикими, чуждыми звездами. Холодная луна смотрела на них сверху, и частица ее безумного света проникла в их глаза и осталась там.

Пятнадцать... Двенадцать из них дошли до ледяной реки океана, мерцающего хаоса, рассекающего мир надвое. Малех взглянул на восток, туда, где вставала луна. Фэнн услышал, как он пробормотал:

— Из-за океана, из самого сердца Великой Тьмы — вот откуда пришли мы, «новые люди», завоевавшие Землю!

Следуя истертой карте, отряд повернул на север и пошел вдоль берега. Люди были похожи на пугала: голодные, замерзшие, забывшие о том, что когда-то жили иной жизнью, под теплым солнцем, — и почти забывшие, ради чего они оставили эту жизнь.

Девять из них увидели остров меж двух замерзших рек, у замерзшего моря, и на острове — остатки высоких башен, одетые льдом.

Девять из них увидели Нью-Йорк.

Глава 8

ЦИТАДЕЛЬ

Фэнн с Арикой стояли вдвоем на высоком утесе над рекой. Остальные ждали позади, и ожидание их было жестоким. Их лица страшили Фэнна.

Потом он забыл о них. Он смотрел вперед, за белую реку, через белые снега и блестящие ледяные выступы, на город на острове, безмолвно лежащий под черным небом, усеянным звездами.

В городе не было ни огонька — лишь холодное сияние луны освещало его. Там царила тишина, нарушаемая только голосом ветра. Но даже в смерти город не утратил своего величия. Разрушенные башни гордо вздымались из-под сковавшего их льда, сохранив прежнюю высоту. Нью-Йорк не был городом. Это был сон титанов, и катастрофа, разрушившая полмира, не смогла сровнять его с землей.

Фэнн охватили гордость и печаль, смешанные с отчаянием, столь глубоким, что он не мог его вынести. Воспоминания нахлынули на него, разрозненные картины прошлого, расплывчатые, но вселяющие сожаление и тоску по былому.

— А ведь когда-то он был живым! — прошептал Фэнн. И слезы покатались у него по щекам и замерзли сверкающими льдинками.

— Вспомни, Фэнн! — сказала Арика. — Вспомни те дни, когда этот город жил. Вспомни, где была построена Цитадель.

Ее лицо появилось перед ним, бледное в рамке из темного меха. Глаза у нее были огромные, наполненные морозным лунным светом, в них был приказ, который нельзя было не исполнить.

— Здесь ты сможешь вспомнить, Фэнн-вей! Здесь твое прошлое. Смотри на город. Вспомни!

Ее взгляд проник в глубь его мозга, и голос звучал, отдаваясь звенящим эхом в темных коридорах сознания. Фэнн посмотрел через ее голову на город. Его лицо медленно изменилось. Он больше не был Фэнном. Он был иным человеком и видел иной мир.

Он пришел, чтобы увидеть Цитадель. Они все приходили сюда за этим. Девятое чудо света, величайшее творение человечества. Оно влекло их к себе неким уродливым обаянием. То был символ смерти, но смерти, которая настигнет не их. И поэтому они могли смотреть на нее с восхищением и законной гордостью.

На Ограде горели огни. Толпы народа, детские крики летним вечером, лоточки, музыка... За Гудзоном возвышалась сверкающая громада Нью-Йорка, расправляющая исполинские плечи на фоне неба.

Он пошел вперед. На ходу ему показалось, что он видит некий иной, призрачный пейзаж, ледяную пустыню и развалины города, вздымающиеся из снегов...

Он пришел, чтобы увидеть Цитадель. Потоки света, множество народа, шум толпы, охранники в форме, человек с громкоговорителем...

«На полмили уходит под землю... твердая скала... по площади больше, чем Эмпайр Стейт Билдинг... стальной каркас... надежная защита от землетрясений и наводнений... обогрев и подача воздуха обеспечиваются автономными печатанными атомными генераторами, рассчитанными на пять тысяч лет...»

На поверхности почти ничего не было видно. Только огромные створки двери на возвышении — стержень из нержавеющей сплава во много футов толщиной, уходящий в гнездо из того же материала, утопленное в скалу.

Громкоговоритель продолжал вещать, объясняя устройство двери, описывая механизм, работающий на сжатом воздухе, который переживает само время, и систему рычагов, которые должны открыть дверь после того, как она будет печатана — после Разрушения.

Для этого не нужно никаких орудий — лишь человеческие руки и человеческий разум. Разум, который догадается, как отворить эту дверь, сумеет и воспользоваться тем, что хранится внутри.

Толпа двинулась ко входу, чтобы спуститься в Цитадель, и Фэнн пошел вместе со всеми. Дверь была перед ним. Но он не мог подойти к ней. Перед дверью находился барьер — что-то твердое, холодное и блестящее.

Должно быть, тогда он потерял сознание. Странно... Он слышал стук топоров, временами перед глазами проплывали какие-то туманные образы. Ему стало страшно. Должно быть, он очень болен...

Голоса... Крики, смех, плач... Кто-то молится... Голоса сумасшедших. Стук топоров затих.

Другой голос отчетливо произнес:

— Фэнн-вей, открой дверь!

Теперь он увидел ее. Дверь была закрыта. Раньше она никогда не закрывалась. Круглый металлический люк блестел на дне неровной ямы, вырубленной во льду.

Во льду? Но ведь лето же!

Он соскользнул вниз, в яму. Рычаги были утоплены в гнездах и печатаны, чтобы не примерзли. И все же они примерзли. Но он нажал изо всех сил, и один за другим они подались с протестующим скрипом. Послышалось пронзительное шипение сжатого воздуха...

И огромная раковина медленно распахнулась.

В отверстии под нею горел свет. В лицо хлынул теплый воздух. А потом все исчезло.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит на металлическом полу. Кто-то снял с него меха. Здесь было тепло. Благословенное тепло казалось почти жарой после адского холода, царящего снаружи. Над собой он видел паутину балок, достаточно мощных, чтобы удержать гору. Было светло.

Над ним склонилась Арика. Глаза ее сверкали звериной радостью.

— Молодец, Фэнн! — прошептала она. — Мы в Цитадели!

Сердце у него бешено заколотилось. Он сел, вспоминая свой сон. Рядом стоял Ланнар. Закаленный человек пустыни плакал.

— Я убил бы тебя, — сказал он. — Если бы ты ничего не нашел, я тебя придушил бы своими руками.

Он протянул Фэнну руку. Фэнн кивнул:

— Я это знал.

Он взялся за руку Ланнара и встал. Люди столпились вокруг него. Теперь они сияли. Они знали, что совершили. Это было великое дело. Они гордились собой. Но на Фэнна взирали с почтением, близким к благоговению.

— Я поставил стражу у двери, — сказал Ланнар. — Лестница, что ведет вниз, узкая, и если нуми явятся, им придется спускаться поодиночке. — Он беспокоило нахмурился. — Другие выходы есть?

— Нет.

— Не люблю я мест с одним выходом... — сказал Ланнар.

Фэнн расхохотался:

— У нас есть Цитадель. К чему беспокоиться насчет выходов!

Он поймал Арику и привлек ее к себе, чувствуя, что опьянел от возбуждения. Он посмотрел на длинные безмолвные коридоры, лучами расходившиеся от центрального помещения, в котором они стояли, и подумал о множестве этажей, уходящих вглубь, о знании и могуществе, хранящихся здесь. Они позволят отстроить мир заново! На глазах у него выступили слезы. В его душе не осталось места страху.

Он пошел вперед, и остальные направились следом. Как во сне, шли они через безмолвные залы Цитадели. Двенадцать веков ждала она их прихода!

«Двенадцать веков назад люди опечатали эти двери. Люди из прошлого, знавшие, что обречены. Это их дар — последний, великий дар будущему».

Сознание Фэнна неустойчиво колебалось между прошлым и настоящим. Временами он был Фэнн-веем, идущим через лабиринт комнат в группе, возглавляемой экскурсоводом. Временами он был Фэнном, обнимающим за плечи девушку, наполовину нуми, бродящим по Цитадели с нагими всадниками из пустыни. Временами он понимал все, что видел, а временами

лишь природный интеллект позволял ему догадываться о природе и назначении сложных устройств, которые встречались ему.

Но был ли он Фэнном или Фэнн-веем, чувство благоговения не оставляло его. Оно усиливалось с каждым шагом. И вместе с благоговением росла гордость: не за себя, но за кровь, текущую в его жилах, в жилах Ланнара, в жилах всех прочих людей. Он чувствовал тяжкую ответственность, которую несли они перед строителями Цитадели. Он чувствовал вызов, который представлял собой этот дар.

«Знание — обоюдоострый меч, — казалось, говорили эти стены. — Мы жестоко поранились им. Как воспользуетесь знанием вы, люди из будущего? Что вы станете делать, строить или разрушать?»

Они хорошо сделали свое дело, строители Цитадели. Здесь были книги — бесчисленные ролики микрофильмов, собранные в бесчисленных комнатах. Здесь были вещи — от первого грубого каменного топора до крохотной сложной модели циклотрона. Тысячи действующих моделей всевозможных машин. Фильмы.

Целые этажи были посвящены химии и физике, строительству и сельскому хозяйству, медицине — всем наукам, которые помогали человечеству жить. Здесь хранились и искусство, музыка и все сокровища мировой мысли, и записи истории человечества, его надежд, мечтаний и безумств. Не было здесь лишь одного.

Оружия.

Помня о нуми, люди искали оружие, мощные боевые машины, которые можно было бы использовать против Рам-Сина и прочих завоевателей, от которых придется защищать Цитадель позднее. Но ничего не нашли.

Фэнн нахмурился и, порывшись в памяти, медленно произнес:

— Кажется... кажется, говорили, что во всей Цитадели не будет ни одного орудия убийства.

Ланнар стиснул свой лук и горько рассмеялся:

— Как благородно с их стороны! Но на думи они не рассчитывали...

В души пришедших постепенно начал проникать страх. Фэнн видел, как тщательно и продуманно расположены бесчисленные книги, модели и чертежи — так, чтобы нашедшие их могли начать с простого, постепенно переходя к более сложному. В мире еще оставались кое-какие знания. Но даже если бы не сохранилось ничего, кроме собственных сил человека и его

разума, сокровищами Цитадели все равно можно было бы воспользоваться, так великолепно был продуман каждый шаг.

Они успели повидать едва ли сотую часть этого грандиозного памятника вере и мужеству людей. Собственные вера и мужество провели их через полмира, чтобы найти его. Они устали, и за спиной был враг. Потрясенные, исполненные благоговения и изумления, вернулись они в центральный зал.

Стражи, стоявшие на лестнице, ничего не видели.

— Они придут, — сказал Малех и, подойдя к огромному глобусу высотой в два человеческих роста, стоявшему в центре зала, принялся лениво вертеть его, следя, как выходят на свет и скрываются в тени земли и моря. Он сбросил с себя меха, и теперь Фэнн видел, что пушок у него на теле сделался гуще. Как будто жестокий холод окончательно пробудил дремавшую в нем кровь нуми.

Фэнн подошел к нему и задал вопрос, который уже задавал раньше:

— Малех! Кто такие нуми?

Малех остановил вращение глобуса и указал на землю, которая когда-то звалась Европой.

— Вот здесь, — сказал он. — Когда вращение Земли замедлилось, вся эта сторона навеки отвратила свое лицо от Солнца и покрылась Великой Тьмой. Воздух не застыл, потому что внутреннее тепло Земли подогревало его. Но все остальное замерзло и вымерло. Все, кроме горстки людей, которые оказались достаточно сильны, чтобы выжить. Выжившие собрались вместе и нашли способы существовать там. Они приспособились к тьме и холоду, даже обросли мехом. И разум их по необходимости стал острее. — Малех улыбнулся и снова принялся вращать глобус. — Это и были «новые люди» — нуми. Но они все еще оставались людьми и помнили солнце! И наконец они пришли, чтобы занять свое место под ним.

Ланнар бесшумно подошел к ним сзади.

— И они заняли его, — сказал он. — А где твое место, Малех? С нуми или с нами?

Малех медленно развернулся. Фэнн вспомнил, как они стояли вот так, лицом к лицу, в прошлый раз и как Малех возвышался над Ланнаром, вызывающий и могучий. Путешествие почти не сказалось на нем.

— Я уже давно решил, — сказал он Ланнару.

— И что же?

Но Малех лишь рассмеялся и ничего не ответил. Он стоял, глядя на Ланнара сверху вниз, а глобус все вращался и вращался у него за спиной. Человек пустыни потянулся к мечу.

Фэнн схватился за свой меч. Но тут резко прозвенела тетива, и раздался вскрик человека, рухнувшего с лестницы вниз головой.

Это был нуми в черных с серебром одеждах, какие носили люди Рам-Сина.

Глава 9

ОТВАГА ФЭННА

Другого солдата из храма тоже пристрелили на лестнице, третий получил стрелу в бедро и ретировался. Наступила тишина. Фэнн бросился к подножию узкой лестницы.

— Спускайтесь же! — закричал он.

Он проклинал нуми и звал их спуститься и умереть. Сверху, из кромешной тьмы, раздался голос Рам-Сина:

— Мы придем, когда настанет время! — Он расхохотался. — Ну вот, вы нашли Цитадель. И что же вы собираетесь с ней делать?

— Хранить ее для человечества! — вызывающе крикнул Фэнн. Рам-Син снова расхохотался:

— Для человечества? Человечество далеко!

Послышались шаги — Рам-Син отошел от двери. Фэнн слышал, как нуми разбивают лагерь у входа.

Ланнар теребил мощными пальцами тетиву лука, заставляя ее звенеть, подобно струне арфы, и сердито озирался.

— Такое огромное здание, и никакого оружия! Ничего!

Он-то рассчитывал на мощь Цитадели. Фэнн осознал, что все они надеялись на это.

— Они не могут войти, мы не можем выйти, — уныло продолжал Ланнар. — У них есть еда и снег, из которого можно сделать воду. У нас еда есть, но мало. Им холодно — мы в тепле. Кто кого пересидит. Я только надеюсь, что люди из других племен не задержатся в пути.

— Если им только хватило веры, чтобы последовать за нами, — сказал Фэнн.

Он отвернулся от лестницы, словно смеющейся ему в лицо, и принялся отчаянно рыться в обрывках памяти, ища хоть что-то, что могло бы им помочь. И тут он увидел человека, скорчившегося на полу под огромным глобусом.

Это была Арика.

Когда Фэнн поднял ее, она шевельнулась и прошептала:

— Малех... Я пыталась остановить его...

На ее виске набухал багровый кровоподтек, там, где ударил железный кулак Малеха.

Озверевший от ярости, Фэнн окинул взглядом горстку людей у подножия лестницы, гигантский пустой зал...

Малех исчез.

Звон тетивы где-то наверху, свист — и человек, стоявший рядом с Ланнаром, упал, пронзенный стрелой. Малех, наверно, убил бы Ланнара, но тот стоял за лестницей.

— Отойдите от лестницы, вы, человецье отродье! — крикнул Малех.

Люди разбежались и попрятались за столбами, поддерживающими балки потолка. Вторая стрела вонзилась в ногу одному из них. Ланнар издал яростный кошачий вопль. Фэнн утащил все еще не пришедшую в себя Арику подальше за глобус.

Он натянул свой лук, наложил стрелу и осторожно выглянул из-за глобуса, ища, откуда раздался голос Малеха.

Рядом с узким колодцем лестницы находилась стальная лесенка, ведущая на маленькую галерейку, расположенную меж концами балок. Галерейка, должно быть, вела в помещение, где находился механизм двери. Не галерейка даже, а так, балкончик. Но Малех там поместился.

Фэнн разглядел темные очертания тела Малеха, полускрытого тенью ниши. Он поднял лук, но опустил его. Нет, под таким углом в него не попадешь...

Малех крикнул, обращаясь к Ланнару. Изгои ответили дождем стрел, простучавших по балкам и перилам галерейки.

— Стреляйте, стреляйте! — закричал Малех.

Он словно забавлялся. Освещение, высота, угол стрельбы — все было на его стороне. С галерейки простреливалось все пространство вокруг лестницы. И Малех мог никого не подпускать к лестнице, так что в следующий раз, когда нуми вздумают спуститься вниз, они почти не встретят сопротивления.

Он так и сказал. Ланнар проклял его как предателя.

— Я родился, чтобы стать предателем! — ответил Малех. — Мне ничего не оставалось, как предать: либо свою мать, либо отца. — Он расхохотался. — Арика выбрала мать и встала на сторону людей! Она сказала мне об этом по дороге, и я понял, что это оттого, что она любит Фэнна. Она нарушила наши планы — и я тоже сделал свой выбор. Я знал, чья кровь во мне сильнее. Я оставил послание, написанное углем на куске кожи. Рам-Син должен был найти его. «Пусть люди сделают все за нас, — писал я. — Какая разница? Они слабы, а станут еще слабее». Я обещал отдать Цитадель ему.

— И за какую же цену? — с горечью спросил Ланнар. — Какова цена мира людей?

— За то, что они забудут, что моя кровь нечиста! Чтобы меня считали тем, кто я есть — нуми!

И звенящая тетива вновь послала стрелу в грудь человеку, который подставился под выстрел.

Фэнн поднял руку и раскрутил глобус.

Арика попыталась остановить его, но он отбросил ее руку. После чего лег на пол и быстро пополз, держась так, чтобы глобус прикрывал его от галереи.

— Эй, Фэнн-вей! Фэнн-вей! — окликнул его Малех. — Не хочешь ли ты умереть? Что ты там болтал о времени, о прошлом, о том, что Цитадель принадлежит людям? Слышишь, ты, человек без памяти! Знаешь ли ты, кто нашел Цитадель? Не люди, нет! Люди потеряли ее! Ее нашли нуми. Мудрость нуми, знания нуми! Ты был всего лишь орудием в руках Рам-Сина!

Он умолк. Фэнн добрался до дальней стены и спрятался за столбом, прикидывая расстояние до соседнего.

— Не беспокойся, Фэнн! — сказал Малех. — Ты хочешь подойти? Иди. Я не трону тебя.

Фэнн не двинулся с места.

— Не надо! — крикнул Ланнар.

— Почему же? — спросил Малех. — Это его единственный шанс. Если он попытается пробраться вдоль стен, я убью его у третьего столба.

Съежившись под вращающимся глобусом, Арика смотрела на Фэнна. Этот взгляд причинял ему боль. Девушка боялась — но не за себя, а за него.

Фэнн вышел из-за столба и пошел к галерее через огромный безмолвный зал. Он ослабил тетиву, и стрела смотрела в пол. Малех держался в углу, в тени, и не показывался.

— Когда-то ты говорил мне, что хочешь вспомнить, — сказал он. — Ну что ж, ты все вспомнишь. Что же ты остановился, Фэнн? Или боишься воспоминаний?

На осунувшемся лице и обнаженной груди Фэнна блеснул пот. Мышцы на руках натянулись, словно веревки.

— А быть может, — тихо говорил Малех, — ты боишься, что другие узнают правду? Вот они смотрят на тебя, великого бога Фэнн-вея, который привел их в Цитадель. Быть может, ты не хочешь, чтобы они знали правду о тебе, правду о человечестве?

Фэнн двинулся дальше.

— Я не боюсь! — ответил он. И это была ложь.

— Тогда я расскажу тебе, как на самом деле была найдена Цитадель. Вы, люди, потеряли ее, и она была бы утрачена навеки, если бы не Рам-Син. Он взял дикаря из пустыни — такого же, как ты, Ланнар, — захваченного в плен при набеge, и переделал его с помощью своих знаний, переделал осторожно, терпеливо, так что темный дикарский разум стал зеркалом

прошлого. — Он тихо рассмеялся. — Что, снова останавливаешься? Тебе это не нравится, да? Ты ведь так гордился своим подвигом!

Тетива жгла Фэнну пальцы. Сердце бешено колотилось. Изнутри к горлу поднималась тошнота. Он шел вперед, к галерее. Голос Малеха въедался ему в душу, как соль в открытую рану.

— Арика это знала! Она следила за Рам-Сином. Она видела, как он стер из памяти дикаря воспоминания о прошлой жизни, перекрыв доступ к его прошлому. Это открыло путь. Рам-Син пробивался назад, к воспоминаниям, которые не принадлежали этому дикарю, — к воспоминаниям его праотцев, живших задолго до него, к воспоминаниям предков, в те унаследованные книги знаний, которые мы носим в себе, сами того не ведая, ибо они погребены в самых тайных уголках мозга. Арика выжидала. И незадолго до того как эта прожаренная на солнце пустынная крыса готова была заговорить голосом своих давно умерших предков, повинувшись искусству Рам-Сина, и рассказать о тайнах Цитадели, похитила его из храма. А зачем? Ты ведь хотел знать это, так, Фэнн? Я скажу тебе! Чтобы добыть эти тайны для нас с нею и, присоединив их к силе крови нуми, текущей в наших жилах, продать тому, кто даст дороже!

Фэнн застыл как вкопанный. Он смотрел на Малеха. Лук Малеха был натянут, и стрела нацелена ему в сердце, и его собственная стрела лежала на тетиве. Но Фэнну сейчас было не до убийства. Его разум был охвачен тьмой и смятением.

Ему казалось, что он смутно помнит это мучительное копание в его мозгу. Голос Рам-Сина, запрещающий, повелевающий, открывающий закрытые двери...

Память предков... Этот термин был известен Фэнн-вею, человеку из прошлого. И еще одно слово — гипноз...

— Эй, люди! — крикнул Малех. — Взгляните на своего героя! Мы с сестрой — всего лишь рабы, полукровки, и все же он был орудием в наших руках! Скажите же мне, кому по праву принадлежит Цитадель?

Фэнна охватил слепой холодный гнев. Он прогнал прочь все мысли и чувства, всякую заботу о самосохранении и натянул свой лук.

— Поздно, Фэнн! — рассмеялся Малех. Его стрела смотрела прямо в сердце Фэнна, готовая сорваться с тетивы. — Поздно! Твои хозяева уже здесь.

Это была правда. Краем глаза Фэнн увидел, как по узкой лестнице один за другим быстро спускаются солдаты нуми. Ланнар и те люди, что оставались у него, отступили. Они пристрелили несколько человек, но их стрелы не могли остановить

натиска нуми. Вся их надежда была на то, что удастся защитить лестницу, но этому помешал Малех.

Малех!

Глаза Фэнна вспыхнули непримиримой злобой. Он припал на колено и выпустил стрелу, зная, что Малех тут же выстрелит в ответ.

Он ждал мгновенной смерти. Но в грудь Малеху внезапно вонзилась черная стрела. Лук выпал из ослабевших рук полукровки. Какой-то миг он стоял с длинной стрелой в груди, глядя поверх головы Фэнна неверящим взглядом.

Фэнн услышал, как голос Рам-Сина сказал Малеху:

— Разум этого человека еще может мне пригодиться. А ты для меня уже бесполезен.

Малех упал на колени. А Фэнн рассмеялся.

Он в два прыжка достиг лестницы, молниеносно забрался по ней и присел, прячась за перилами. Малех смотрел на него все с той же обидой и неверием.

Он был мертв. Фэнн принялся стрелять в ряды нуми, стоящих у лестницы.

— Ланнар! Сюда! — крикнул он.

Ланнар, его люди и Арика бросились к нему. Со своей выгодной позиции Фэнн прикрывал их, как мог. Ланнару, Арике и еще троим удалось пробиться к нему. Вождь и еще двое были ранены.

Все столпились на галерейке. Фэнн столкнул вниз тело Малеха, и всем хватило места, чтобы укрыться за перилами.

— А что толку? — угрюмо спросил Ланнар. — Стрелы-то кончились!

— Потому что здесь все же может найтись оружие! — ответил Фэнн. В голосе его звучала отчаянная надежда. — Только я плохо помню, как оно действует...

Он смотрел вниз, в зал, на нуми, которые собрались там, на висевший под потолком шар, сияющий холодным светом...

Холодный свет? Это, что ли, оружие, которого он не может вспомнить? Он смотрел на шар, на паутину балок над головой, и брови его сдвинулись в жестоком усилии вспомнить.

Последний нуми спустился вниз.

— Ну что, спуститесь по-хорошему, или нам придется лезть за вами наверх? — спросил Рам-Син.

— Попробуйте! — рявкнул Ланнар. — У нас еще остались мечи!

Фэнн обернулся к Арике и вцепился ей в плечо.

— Помоги вспомнить! — прошептал он. — Цитадель... экскурсовод, что водил нас по ней... Он что-то говорил...

Голос Рам-Сина гремел у него в ушах подобно голосу рока.

— Я ведь говорил тебе, что позову — и ты придешь! Я зову тебя! И предупреждаю: хоть ты и полезен мне, это тебя не спасет, если ты разгневаешь меня слишком сильно!

— Не слушай его, Фэнн! — сказала Арика. — Вспоминай!

Она впиалась горящим взглядом в его глаза. Голос Рам-Сина звал Фэнна, и тот чувствовал величайшую потребность повиноваться. Но в нем поднялась железная ярость, которая не позволила ему поддаться.

Цитадель... Толпа... Экскурсовод...

«Холодный источник света — радиоактивная взвесь в инертной жидкости. Смертельно опасная вещь, укрошенная и поставленная на службу человеку. Пластиковые шары не пропускают опасного излучения... абсолютно безвредно... будет давать свет практически вечно...»

— Оставайтесь здесь, — шепотом приказал Фэнн. — Не вставайте. Ни в коем случае не смотрите вниз!

Он вскочил, ухватился за балку над головой и повис на ней. Потом взобрался на этот узкий стальной мостик и побежал по нему.

Рам-Син отдал приказ.

Вокруг Фэнна засвистели стрелы — черные стрелы с зазубренными наконечниками. Но попасть в него было нелегко — он бежал высоко вверх, среди переплетения балок. И бежать ему было недалеко.

Он видел под собой нуми, злые лица, смотрящие вверх. Высокие, гордые владыки-завоеватели, занявшие цитадель мира. Он лег животом на балку. Под ним проходили цепи, на которых висел радиоактивный источник света.

Он выхватил меч — добрый, остро отточенный клинок работы нуми. И изо всех сил, удвоенных безумием, рубанул цепь.

Она порвалась под тяжестью массивного светильника. И Фэнн еще смог горько рассмеяться. Изошренный человеческий ум даже в цитадели мира отыщет оружие убийства!

Цепь оборвалась, и светящийся шар рухнул вниз. И разлетелся вдребезги на металлическом полу.

Фэнн крепче вцепился в балку. Грохот, вспышка безжалостного света, шипение, взрыв, а потом...

Он подумал, что даже нуми не заслуживают столь мучительной смерти. Яд, медленно разъедающий тело, ужас, убивающий душу...

Он ждал, пока не затихли вопли последнего из врагов. Он не стал смотреть вниз, на истерзанные и обожженные тела, а пополз обратно вдоль балки. На этот раз он уже не бежал. Его тошнило и трясло. Он был полон чувства вины.

Арика с Ланнаром помогли ему спуститься на галерею. Они тоже были бледны — при виде того, что творилось внизу, им стало плохо.

— Они все мертвы, — прошептала Арика. — Но теперь...

— Люди далекого прошлого выстроили эту Цитадель, чтобы она была светом во мраке, источником надежды, мира и знания, — тяжело дыша, проговорил Фэнн. — А теперь в нее пришли война и смерть. И руки мои обагрены кровью.

— Но ведь ты был вынужден сделать это, Фэнн!

Он знал, что Арика права. Людям придется воевать с нуми, и знания Цитадели помогут им освободиться от ярма пришельцев. Но потом...

Он снова заговорил, и шепот его был обращен не к стоящим рядом, но к людям, которые умерли двенадцать веков назад, к людям, которые завещали им наследие веков.

— Потом, — прошептал он, — мы научимся строить, а не разрушать. И я искуплю свою вину. Обещаю вам, люди из прошлого...

И он будет не один. С ним Арика — и Ланнар, такой же человек пустыни, как он сам.

Его собственные воспоминания, его жизнь до Рам-Сина, наверное, никогда не вернуться. Но теперь это уже неважно. Он может начать новую жизнь. Ведь перед ним лежал целый новый мир!

ТЕНИ

Бессчетное количество веков ни голос, ни запах человека не тревожили планеты, вращавшейся вокруг голубого карлика. И вдруг воздух затрепетал от такого знакомого, от такого понятного, от удивительного, пронизывающего весь мир присутствия одного-единственного вида жизни. И тени, ожидавшие этого часа столь терпеливо (и столь бесконечно долго!), ощутили его всем своим существом. Они затрепетали, возрастая над руинами, изголодавшиеся, истомившиеся, дикие в своей страсти, тормоша и подбадривая друг друга беззвучным ропотом: «Человек! Человек! Человек вновь идет к нам!»

Корабль-разведчик приземлился посреди широкой равнины, с одной стороны обрамленной высокими горами, а с другой — непроходимыми джунглями. Невдалеке текла полноводная река, и вся равнина была одним большим лугом, заросшим сочной травой. Но никто не ел и не косил этой травы, а на болотистых берегах реки не было ни тропинок, ни вообще следов никаких живых существ.

Хаббард глубоко вдохнул теплый воздух, копнул носком сапога черную, жирную грязь и расплылся в улыбке.

— Это то, что надо! — блаженно промурлыкал он. — Чудо что за мир! Просто чудо!

Он был еще очень молод. Новичок антрополог на первом профессиональном задании. И звезды пока еще очаровывали его своим дивным блеском. Барриер посмотрел на него с легкой завистью, смешанной с печалью, но ничего не сказал. А затем быстро оглядел равнину и джунгли — придиричиво и мрачно. Он годился Хаббарду в отцы, и каждый год разницы давил ему на плечи и напоминал о безвозвратно ушедшем.

The Shadows

Copyright © 1952 by Leigh Brackett

Тени

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

— Цвета, конечно, совершенно не такие, как у нас, — продолжал Хаббард, — но разве это важно? Когда люди заживут под голубым солнцем, кто тогда вообще будет задумываться, что может быть иначе?

— Какие еще люди? — проворчал Барриер.

— Колонисты, кто ж еще! Однажды они придут и сюда! — рассмеялся Хаббард. — Да что с вами? В кои-то веки мы отыскали по-настоящему чудесную планету, а вы кривитесь, точно это бесплодный огрызок вулкана!

— Я видел уже так много бесплодных миров и так много чудесных, что...

Он оборвал себя. Не время сейчас вести беседы. И, говоря по правде, о чем вообще говорить? Если ему перестало нравиться то, чем он занимается, пора, пожалуй, возвращаться на Землю, осесть там спокойно и оставить звезды юнцам, верящим невесть во что.

Ни в горах, ни на равнине, ни в джунглях, освещенных голубым рассветным солнцем, не было заметно ни малейшего признака жизни. Кругом царил такой первозданный покой, что Барриер почти физически ощущал его. Ни крыла, разрезавшего воздух, ни лапы, смявшей густую траву, ни птичьего голоса, ни звериного крика, всколыхнувших листву непривычных деревьев. Он топтался на месте, словно старая гончая, пытаясь поймать малейший запах, малейший тревожный шорох. Это было его работой. С самых древних времен человечество оттачивало свое чутье на все незнакомое, на все таящее опасность. Барриер обладал подобным чутьем в высшей степени. На профессиональном уровне. Потому-то он и был командиром исследовательской группы наземной части планеты и по совместительству главным экспертом. Он занимал эту должность всю сознательную жизнь. Пожалуй, слишком долго.

— Поскорей бы Кэнделл вернулся! — перебил его мысли Хаббард. — Мне не терпится приступить к исследованиям!

— И что же ты хочешь здесь найти?

— Откуда я знаю? В этом-то вся и прелесть! В таком мире обязательно должна быть какая-нибудь форма жизни.

— Разумной?

— А почему бы и нет?

Барриер проворчал что-то, но не стал продолжать разговора.

Они принялись молча ждать остальных, отправившихся к реке за образцами почвы, камней, воды и растений. Члены экспедиции пока старались не отходить от корабля далеко и держали оружие наготове. Прежде чем корабль сел на планету, она была исследована роботами на предмет жизненных условий для людей. Были взяты пробы атмосферы, проведены замеры

гравитационного поля, уровня радиации и еще миллион различных тестов, и наконец этот мир определили как планету земного типа класса А и разрешили приземлиться и заняться наземными исследованиями. До сих пор все шло хорошо. До сих пор.

Барриер нервно переминался с ноги на ногу и вслушивался в окружающую его тишину.

И вот в небе показалась маленькая точка. Зудя, словно комар вокруг кита, небольшой поисковый вертолет обогнул мощную громаду корабля и приземлился за ним. Когда Барриер добежал до места посадки, Кэнделл и его помощники уже вылезли из кабины.

— Ну, что вы там обнаружили?

— Да много чего, но в основном ничего особенного. Кроме разве что... — Кэнделл замялся.

— Что?

— Когда мы пролетали над лесом, я заметил что-то похожее на руины древнего города.

— Города? Здесь?! — радостно возопил Хаббард. — Вы сами видели?

Кэнделл пожал плечами:

— Ребята думают, что это просто торчащие над лесом обломки скал. Да и я не уверен на сто процентов. Вы можете сами разобраться, что оно и как, когда посмотрите фотографии.

Остальные члены экипажа, посланные на берег реки и на опушку джунглей, тоже уже стали возвращаться к кораблю. Все они, как и Хаббард, были очень молоды. Лишь капитан корабля, начальник технической службы и Барриер были стариками. Поднялся гвалт: все говорили одновременно. И хотя эта планета была не первой, на которой высаживалась их исследовательская группа, последняя высадка, по их мнению, случилась так давно, что они не могли сдержать возбуждения, ошалелого счастья свободы и торопились поскорее рассказать всем и каждому о том, что им удалось обнаружить.

Барриер последовал за галдящей толпой в кают-компанию, где в ожидании, пока все будет готово к демонстрации отснятого фильма, все продолжали говорить со всеми. Но как только заработал проектор, гул голосов резко оборвался. Свет выключили, и маленький экран на стене ожил.

Все с жадным интересом устремили взгляды на расстилавшуюся перед ними панораму планеты, так похожей и в то же время так не похожей на родную Землю. При ближайшем рассмотрении оказалось, что местные деревья по сути своей деревьями не являются, — это были огромные цветы с мощными, как стволы, стеблями и усыпанные гроздьями изумительных,

сверкающих, как драгоценные камни, соцветий. Лес стоял как зачарованный — в нем не было никакого движения. Лишь раз Барриер заметил, как что-то промелькнуло в углу экрана, но он не смог бы сказать сейчас, была это бабочка или просто падающий лепесток.

— А хоть кто-нибудь видел здесь животных? — спросил он.

— Нет, — покачал головой Кэнделл.

— Да их, наверное, вертолет разогнал! — горячо воскликнул Хаббард.

— Испуганные животные обычно убегают, — возразил Барриер. — Мы бы их увидели.

Хаббард выругался про себя, и Барриер спрятал улыбку. Чему удивляться — ведь Хаббард был здесь именно для того, чтобы изучать местных аборигенов. Но если все пойдет так и дальше, то как антропологу ему здесь делать окажется просто нечего: полное отсутствие фауны сводило на нет все его надежды обнаружить здесь разумных существ.

— Вот оно, — ткнул пальцем в экран Кэнделл.

Фильм остановили на кадре, где цветочные джунгли росли не так густо, как везде, и между их переплетающимися побегами и усиками тут и там виднелись глыбы камней различной неправильной формы.

— Сейчас вы поймете, что я имел в виду. — И по знаку Кэнделла фильм пошел дальше. Камни закружились в кадре: очевидно, вертолет шел над ними кругами. — Я подобрался к ним как можно ближе, но так и не смог разглядеть толком.

— Да это же настоящий город! — воскликнул Хаббард, дрожа от возбуждения. — Смотрите же, смотрите: какие правильные линии — это же улицы! А дома просто развалились.

Айкен, эксперт по планетарной археологии, и Кэффри — геолог одновременно вскочили и в два голоса заявили: один — что это, несомненно, город, а второй, что это не что иное, как обычная скальная формация.

— А вы что об этом думаете, Барриер? — спросил капитан Верлейн.

— Пока ничего, сэр. Что можно сказать по картинке? Вот когда я отправлюсь туда и изучу их на месте, то у меня появятся какие-то мысли.

— Хорошо, — согласился капитан, — пусть этот район будет вашим объектом номер один. У вас нет возражений, Кристофек?

Начальник технической службы молча помотал головой.

— А Барриер, — продолжал Верлейн, — в том случае, если это действительно окажутся руины, постарается выяснить, кто там обитал и что с ними случилось.

— Добро, — сказал Барриер, вставая. — Не будем тратить времени.

Вместе с ним в путь отправились еще семеро. Ребята в его группе были молоды, и, помимо того что каждый являлся научным работником, все они были спортсменами и прекрасно владели оружием. В ее состав входили и Хаббард, и Айкен, и Кэффри. А в качестве связиста взяли Морриса. Барриер выяснил у Кэнделла точные координаты места, и, не тратя много времени на сборы, через четверть часа отряд вышел в направлении к цветочным джунглям.

Глядя на ребят из группы, Барриер с болью ощутил тоску по тем золотым временам, когда сам был таким же зеленым, нетерпеливым юнцом, безумно радующимся любой возможности покинуть ставший ненавистным за время полета корабль и устремиться навстречу приключениям в чарующем своими тайнами, новом, еще не открытом мире, трепеща от нетерпения и надежды на чудо. Сначала он разуверился в чудесах, а потом и надежда оставила его на произвол судьбы.

Теперь же, глядя на изумительной красоты пейзаж, столь прекрасный, что его не портили ни необычность форм, ни непривычные сочетания красок, он поймал себя на мысли, что предпочел бы всей этой роскоши любой из баров Лос-Анджелеса, где можно просто посидеть, ни о чем не думая, не мороча себе голову иноземными красотами и не терзаясь растущим с каждым годом тяжелым комплексом вины.

Энтомолог Шмидт и зоолог Гордон азартно обсуждали найденные ими здесь виды насекомых и червей. Хаббард вместе с Айкеном строили различные теории по поводу Города (они уже именовали будущий объект исследований исключительно так). Под ногами шуршали пышные травы, легкий ветерок нес приятную прохладу, а солнце было ласково теплым. Но, кроме восьмерых непрошенных гостей, в этом благословенном мире не было ни единого разумного существа, способного оценить всю эту благодать по достоинству. Барриеру очень не нравилась полная тишина, стоявшая вокруг. Для такого щедрого на краски и растительность леса она казалась неестественной.

Его глаза настороженно обшаривали джунгли — глаза стального цвета, горевшие на смуглом, обветренном лице, глаза, обрамленные лучиками светлых морщинок, образовавшихся от постоянного прищуривания на ослепительный свет слишком многих чужих солнц. Довольно долгое время они не замечали ничего такого, что могло бы насторожить. Но вдруг резко сощурились, заметив нечто, промелькнувшее слева.

Барриер поднял руку, и колонна тут же остановилась.

— Где-то здесь... — начал он, но оборвал себя и спросил: — Вы видели тени?

Все недоуменно переглянулись.

— Да это же тени от облаков! — беззаботно рассмеялся Хаббард.

— Здесь нет облаков.

— Ну тогда это ветер. — Антрополог смутился и отвел глаза. — Да какая разница, в конце концов? Ну тени, ну и что?

— Не будете ли вы столь любезны вспомнить, что вы не на Земле? — резко сказал Барриер, обращаясь уже ко всей группе. — В этом чужом мире любая тень, любая травинка — да все что угодно — может оказаться живым и смертельно опасным.

На лицах молодняка отразилось вежливое внимание. Культурные люди обычно подобной маской прикрывают свое мнение о том, что их вышестоящий собеседник несет откровенную чушь. Командир знал, что, имея за спиной крошечный опыт четырех-пяти высадок на чужие планеты, где они успели столкнуться только с самыми обыкновенными формами хищников, все эти юнцы уже считают себя закаленными ветеранами межзвездного поиска и старыми галактическими волками. Они бы просто не поняли, попытайся он им объяснить, что видел нечто скрытое, но враждебное человеку. Поэтому он просто махнул рукой, и группа снова двинулась в путь. Через пять минут все уже забыли о тенях.

Но только не Барриер. Их было много... Но как можно сосчитать тени? В ослепительном свете полуденного солнца эти небольшие сгустки мрака, скользящие на некотором расстоянии от группы и прячущиеся в густой траве, почти невозможно было углядеть. Но они были. Они существовали. Да, они выглядели как обычная игра теней на траве, и Барриер, может быть, и не обратил бы на них внимания, но его опыт говорил о том, что если есть тень, то ее что-то должно отбрасывать. А на небе не было ни облачка. И ни единой птицы.

Экспедиция продолжала марш по прекрасной, но безжизненной равнине. Барриер объявил короткий привал.

Группа подошла к небольшому ручью, бегущему по дну естественного оврага к реке. Кэффри тут же скатился по глинистому откосу к воде и немедленно приступил к изучению состава почвы, песка и различных отложений. Гордон присоединился к нему, забегал взад-вперед по воде у самого берега, и уже через минуту все услышали его радостный вопль по поводу обнаружения в ручье крошечного насекомого, напоминавшего пурпурную креветку. А еще через минуту он с горечью сожалел

о том, что нечто длинное — то ли змея, то ли угорь — удрало от него в нору под камнями.

Хаббард при этом известии исполнил радостный танец.

— Я же сказал вам, что здесь есть животные!

— Я и не говорил, что их здесь нет, — проворчал Барриер и бросил украдкой взгляд на край оврага.

Тени были там. Они собрались вместе и нетерпеливо плясали на густой траве. Ближе они не подходили, но явно наблюдали за пришельцами. Конечно же, сказать о сгустках прозрачной темноты, что они наблюдают за кем-то, было довольно смело, но командир всем нутром ощущал это. Каждым нервом, каждой порой кожи. И в том, что за ними наблюдает тень, было для него что-то глубоко омерзительное.

Внезапно Кэффри, издав торжествующий рев, устремился к чему-то на склоне оврага и с неистовостью терьера начал быстро разрывать мягкую почву. Горделиво улыбаясь, он извлек оттуда нечто похожее на обломок обугленной трости с небольшим набалдашником. Когда он передал находку Гордону, тот не смог сдержать удивленного возгласа и подозвал Барриера.

— Это кость! — заявил зоолог. — Берцовая кость большого оленя или, возможно, небольшой лошади. Ну, вы понимаете, я имею в виду местные эквивалентные формы.

Хаббард, который был уже тут как тут, захлебнулся от восторга:

— Позвоночные животные! Да это же доказывает, что эволюция шла здесь тем же путем, что и на Земле!

Молодой антрополог стал озиаться по сторонам, словно ожидал, что вот-вот к ним с гор спустятся аборигены.

— Можешь определить возраст этой кости? — спросил у Гордона Барриер.

Тот с сомнением покачал головой:

— Она слишком долго пролежала в земле. Ты можешь что-нибудь сказать по этому поводу, Кэффри?

Геолог оценивающе сощурился:

— Судя по наносам и отложениям, я определил бы возраст той почвы, в которой она найдена, приблизительно лет в пятьсот или шестьсот. А может, и еще больше. Ну это так, на глазок. Я, конечно, могу ошибаться — ведь пока я не располагаю никакими проверенными данными.

— Короче говоря, очень давно, — подытожил его выводы Барриер. Он нахмурившись оглядел эту древнюю кость, а затем окинул мрачным взглядом безжизненный пейзаж вокруг.

Моррис передал сообщение о находке на корабль. И группа направилась дальше.

Тени последовали за ними.

Экспедицию и корабль разделяло уже несколько миль. Он еще маячил вдаль, тускло поблескивая в лучах голубого солнца, — левиафан на отдыхе. Ближе к лесу стали попадаться небольшие купы цветов-деревьев и горделиво возвышающихся над головами папоротников. А вскоре они уже обступили со всех сторон, заслоняя и небо, и оставшуюся позади равнину. Дальше цепочка исследователей продвигалась в тенистом сумраке, пестревшем цветами и переливами незнакомой флоры, столь насыщенными, что они как бы светились в голубоватом свете вечных сумерек, царящих здесь.

Поначалу они продвигались медленно, опасаясь возможных форм хищных растений. Но, не встретив ничего похожего, постепенно расслабились. Ботаник экспедиции восторженно вскрикивал на каждом шагу. Шмидт гонялся за бабочками и другими насекомыми, в изобилии ползающими, порхающими и кружащимися вокруг с тихим жужжанием. Гордон с Хаббардом таранились по сторонам, но для них тут пока не было поля деятельности.

Во главе группы бесшумной индейской походкой шагал Барриер. Все его чувства были обострены до предела, а глаза пристально оглядывали окрестности, впиваясь в любую мелочь.

В этом лесу, качавшем над головами людей огромными цветами, было на удивление хорошо и спокойно. Барриеру подумалось, что это похоже на сказочный зачарованный сад где-нибудь на дне моря. Небольшие полянки были залиты синью, словно озерки, и над ними поднимались струйки голубоватого тумана.

На время ему показалось, что тени отстали. Но затем он вновь заметил их — маячивших на расстоянии, прячущихся за стволами цветов. Но теперь они взяли людей в окружение. И стали ближе, чем раньше. Намного ближе.

Барриер скомандовал общий сбор. Он указал на тени, на сей раз слишком очевидные и заметные, чтобы их проигнорировать.

— Я думаю, мне следует связаться с кораблем, — сказал он, и Моррис тут же включил рацию.

Он несколько раз повторил вызов, выключил ее, включил снова, но затем в отчаянии покачал головой.

— Простите, — нервно сказал он, — но, боюсь, я не смогу пробиться. Здесь какие-то возмущения электрополя. И очень сильные, надо сказать.

Барриер снова посмотрел на тени. Это их штучки? Они обладают такой силой? Вполне возможно, что если они не являются материальными, в привычном значении этого слова, объектами, то способны создавать вокруг себя электрополе, сбивающее настройку их слабенького передатчика.

Он подумал, не лучше ли вернуться. Сейчас они находились примерно на равном расстоянии и от корабля, и от руин. Но если тени затевают какую-нибудь пакость, то даже если группа повернет назад, это их вряд ли остановит. В таком случае до корабля исследователям не дойти. С другой стороны, он имел приказ исследовать местные формы жизни, и если тени можно считать таковыми, то его долг разобраться в их сущности.

Правда, до сих пор они не сделали ничего, что можно было бы расценивать как проявление враждебности. Так враждебно они настроены или нет? А если да, то могут ли нанести вред человеку? И можно ли вообще с ними как-то бороться?

Туман, поднимавшийся с прогалин, стал понемногу сгущаться. Должно быть, группа приближалась к заболоченным участкам, хотя в фильме, снятом Кэнделлом, ничего подобного Барриер не заметил. А тончайшая дымка продолжала клубиться над голубыми полянками, радужно переливаясь в лучах прорывавшегося сквозь листву солнца. Легкий ветерок смешивал маленькие облачка, гонял туда и сюда — все это выглядело очень красиво. И, похоже, никакой опасности не представляло. Барриер тут же выкинул туман из головы и сосредоточил внимание на тенях.

За последние несколько минут они успели сузить круг настолько, что между ними и людьми осталось не больше пары футов. И они, кружась в бесшумном танце, продолжали его сужать. Теперь уже все смотрели только на них. Хаббард обернулся к Барриеру и дрожащим голосом спросил:

— Что это такое? Что им надо от нас?

— Ну тени, ну и что? — раздраженно процитировал его Барриер. — Какая разница, что им от нас надо? Держитесь поближе друг к другу! Если дела пойдут хуже, мы немедленно повернем назад. Но что бы ни произошло, не разбегайтесь. Если вы хоть на секунду поддадитесь панике, то вам уже ничем нельзя будет помочь.

Дальше они шли плотной цепочкой, ни отставая друг от друга ни на шаг и настороженно глядя по сторонам. Тени мелькали вокруг. В напряженной тишине внезапно раздался крик Шмидта. Вскинув ружье, он вдруг принялся палить без

остановки в ближайший сгусток темноты, неподвижно замерший почти у самых его ног.

— Она коснулась меня! — в истерике закричал он. — Она меня коснулась! — И очертя голову бросился в джунгли.

Но далеко он не убежал: тени окружали людей уже плотным темным кольцом без единого просвета. Барриер схватил его за руку и завопил ему в лицо:

— Заткнись!

Шмидт застыл на месте. Его била крупная дрожь.

— Она холодная, как... Как смерть.

— Но ты-то ведь жив!

— Нет.

— Ты не ранен?

— Я? Нет...

— Тогда молчи в тряпочку. — Барриер тяжелым взглядом обвел остальных. — Следующего, кто впадет в истерику, я буду без предупреждения бить по зубам. — Он и сам испугался. Даже очень, но тем не менее спокойно добавил: — До сих пор они не причинили нам никакого вреда. Возможно, они этого сделать и не в состоянии. Но я думаю, нам нужно остановиться ненадолго, чтобы привести нервы в порядок.

Через несколько минут они снова двинулись в путь. Ребята немного пришли в себя, но на их лицах застыло угрюмое, недоверчивое выражение. На тени они старались не смотреть. Шмидт буквально тащил себя за шиворот. Барриер мечтал, чтобы эту лесную тишину разрядил хоть один звук: чириканье, лай, рычание — все что угодно, что свидетельствовало бы о наличии теплокровных, таких понятных животных. О живых животных. Но угнетающее безмолвие нарушали лишь шаги восьмерых людей, глухо шуршавшие по мягкой земле.

А туман — мерцающий, ослепительно прекрасный — все сгустился. Вскоре он полностью скрыл от них голубое, чужое солнце. Тени неотступно крались за людьми. Пот стекал по вискам членов экспедиции, и на форменных тужурках проступали темные пятна.

— Сколько нам осталось идти? — спросил Хаббард, облизывая пересохшие губы.

— Не больше двух миль.

Барриеру очень хотелось, чтобы здесь не было тумана. Из-за него он чувствовал себя отрезанным от всего мира и... каким-то незащищенным. К тому же он боялся, что они могут забрести в болото. От этого голубого полумрака можно было сойти с ума. Он вспомнил щедрый золотистый свет Солнца и подумал, что надо быть ненормальным, чтобы мчаться на другой конец Галактики в поисках еще каких-то солнц.

Он резко остановился и посмотрел себе под ноги. То, что привлекло его внимание, на первый взгляд казалось обычным круглым камнем, наполовину погребенным в куче опавших лепестков. Но тут же он понял, что это такое на самом деле. Он поднял это и протянул Хаббарду:

— Ты, кажется, мечтал о людях?

Тарень нервно вытер потные руки о штаны. Он не отрываясь смотрел на то, что протягивал ему Барриер, а остальные пытались заглянуть через его плечо, чтобы тоже увидеть находку. А она скалилась на них ровным рядом зубов.

— Он очень старый, — помолчав, добавил командир. — Не моложе трофея Гордона.

— Значит, здесь были и люди, и животные, — дрожащим голосом заговорил Шмидт. — А теперь нет ни одного. Все они мертвы. И я знаю, что их убило. — Он выразительно посмотрел на тени.

— Хорошенькое мнение для ученого! — резко оборвал его Барриер. — А я-то думал, что вас научили не делать скороспелых выводов.

— Вы правы, — пробормотал Хаббард, стараясь унять нервную дрожь. — Пошли, нам надо осмотреть руины.

Дальше они шли столь тесной группой, почти касаясь друг друга. Сверкающий туман клубился вокруг, все больше уплотняясь. Люди продолжали идти вперед, вытирая заливающий глаза пот, и упорно старались не замечать пляшущие вокруг тени.

И вдруг тени бросились к ним.

Раздался общий отчаянный вопль. Затем он резко оборвался, и в наступившей тишине раздалось несколько сдавленных звуков. Череп выпал из рук Барриера и покатился прочь, сверкая глумливой улыбкой. Сам командир, качаясь, застыл на месте, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони.

Сквозь дымку обступивших его теней он мог видеть всех остальных. Но эта дымка была как бы внутри его, а не перед глазами. Несколько человек пытались убежать, но тени настигли их в одно мгновение. Двое, споткнувшись, кубарем покатились по земле. Контуры окутанных тенями тел расплывались. В глазах их билось сумасшествие. И Барриер был не лучше других.

Внезапность нападения, его абсолютная беззвучность, чудовищный холод, просачивающийся сквозь кожу, и ни с чем не сравнимое омерзение, когда ощущаешь, как некто вторгается в тебя, в твой мозг и пытается овладеть тобой *изнутри*...

Да, они были уже внутри его. Тени были внутри его. Их холодная как лед субстанция пронизывала его горячую, живую плоть, их чуждое, неприемлемое для человека сознание вторгалось в мозг, переплетаясь с человеческим; это было настолько невыносимо, что ему показалось, будто он умирает...

Значит, здесь были и люди, и животные. А теперь нет ни одного. Все мертвы. И я знаю, что их убило. Шмидт нырнул в туман и исчез, но внутри его тоже уже сидели эти ужасные захватчики. Теней было превеликое множество — гораздо больше, чем людей, и они мельтешили, перебегая от одного к другому человеку, стараясь зацепиться хоть где-нибудь. Несколько из них дымным хвостом метнулись вслед за Шмидтом.

Барриер забыл о данных ему приказах, забыл о своем долге, о своей чести. Слепой черный ужас овладел им, и, не разбирая дороги, он бросился бежать. Ему хотелось оторваться от вцепившихся в него преследователей, вытряхнуть из себя тех, что успели просочиться внутрь, и бежать до тех пор, пока эта мерзкая, освещенная голубым солнцем планета не останется далеко позади... Но он не мог. *Это* уже стало частью его. И он не сможет избавиться от них, пока не умрет.

Он бежал куда глаза глядят по безмолвному лесу, окутанному голубоватой дымкой, из которой внезапно возникали то толстые стволы, то огромные цветы. Он был наедине с собой и тем ужасом, что пронизал смертельным холодом всю его плоть и окутал его прозрачно-мутной дымкой.

Он спотыкался, падал, поднимался, бежал, потом вновь падал и поднимался и снова падал, но каждый раз неведомая сила заставляла его подняться и нестись дальше, не разбирая дороги. Он не знал, где остальные и что с ними. Он вообще забыл о них. Где-то вдалеке раздавался одинокий вопль, и Барриер машинально зафиксировал его как знак чьей-то гибели, но ему было все равно. Тень уже полностью окутала его сознание.

Соображения хватало лишь на то, чтобы передвигаться, и он машинально отметил, что туман расступился и теперь он шатаясь бредет по участку, где некогда земля была расчищена, но теперь заросла дикими травами, хоть и не так густо, как в лесу. Он спотыкался о выступающие из земли камни и, лавируя между огромными расколотыми глыбами, тащился неведомо куда, пока не вышел на открытое пространство и не услышал, как под ногами что-то хрустит, словно сухой хворост. Он опустил глаза и увидел человеческие кости.

Он всхлипнул и искоса взглянул на толпящиеся вокруг тени.

— Что, ждете своей очереди? — заорал он на них, а точнее, попытался заорать — из пересохшей глотки вырвался лишь хриплый шепот.

Его обуял невыразимый гнев: он нагнулся, набрал полные пригоршни старых изломанных костей и стал, чертыхаясь и плача от бессилия, швырять их в тени. Потом побежал вновь: пять, десять шагов по хрустящим костям, но перед ним встала скала, которая была слишком высока, чтобы на нее залезть, и слишком велика, чтобы ее обогнуть. По инерции он со всего размаха врезался головой в выступающий вперед один из ее уступов, оплетенный ползучими растениями, и упал. Его тело несколько раз конвульсивно дернулось и замерло без движения...

Он увидел луну. Луна была красной, какой-то маленькой и очень близкой. На ней ясно можно было различить горные хребты и широкие долины. Какое-то время он разглядывал рисунок теней, тупо пытаясь увидеть знакомые очертания лица. И еще были звезды. Но он не узнал созвездий. Но тут появилась еще одна луна — побольше и мертвенно-зеленого цвета. Он стал разглядывать и ее, пытаясь сложить теневые пятна в какой-нибудь рисунок.

Возле него раздался тихий стон.

Барриер слегка удивился и, повернувшись, увидел скорчившееся тело человека, сжимавшего руками голову. Ему показалось, что он знает этого человека. Он внимательно рассмотрел ту часть лица, которую мог видеть. Да, конечно, он знает его — это же этот мальчишка Хаббард, который все искал здесь людей...

Барриер вскочил на ноги. Ледяной пот заструился по лбу, и все тело напряглось, пытаясь совладать с мелкой противной дрожью. Он заглянул в себя с осторожностью человека, которого временно отпустила боль, и теперь настороженно ощупывающего больное место, одновременно боясь разбудить ее вновь и молясь в душе, чтобы ее не найти.

Ее не было. Тень оставила его. Барриер склонился над Хаббардом и, увидев, что и его лицо больше не окутано туманной дымкой, схватил парня за плечи и затряс его, зовя по имени. Но тут он заметил еще несколько скрючившихся на земле тел. Два, три, четыре. Он перебежал от одного к другому, тормоша их, но они только пялились на него пустыми глазами, в которых билась одна-единственная эмоция — первобытный страх. Он недосчитался Шмидта и Морриса.

Шестеро. Живы шестеро из восьми. И тени покинули их тела.

На какое-то мгновение он даже поверил, что они выкарабкаются. Но, оглядевшись вокруг, заметил по краям усыпанной костями площадки знакомую компанию перебегающих с места на место темных пятен. Все его надежды тут же показались ему смешными и наивными.

Он вновь наклонился над Хаббардом и похлопал его по щекам.

— Ну, отвечай, как ты сюда попал?

— Не знаю... Я... я бежал... — Он еле шевелил губами. — О Боже! Барриер, эта тварь вошла в меня и расплзлась, как дым по кусту. И какая она *холодная*...

Барриеру вновь пришлось похлопать его по щекам.

— Где Шмидт и Моррис?

— Не знаю.

Барриер привел в чувство остальных и помог им подняться на ноги, но ни один из них не мог толком объяснить, как он попал сюда. И ни один не знал, что случилось с Моррисом. Единственным, кто хоть что-то помнил, оказался Айкен.

— Я видел Шмидта. Когда я бежал, то случайно наткнулся на его тело, лежащее на земле. Я перепрыгнул через него и побежал дальше. По крайней мере, я думаю, что это был Шмидт — у него был такой же ящик для сбора образцов. И он был мертв. Да, в том, что он мертв, у меня не возникло ни малейшего сомнения... — Он резко отвернулся, и его стошнило.

— Что ж, они прикончили двоих из нас, — тихо сказал Барриер, — а остальных загнали сюда. Я думаю, что они собираются заняться на досуге остальными и довести дело до конца. Ну что ж, мы здесь. С кораблем мы связаться не можем, а Кэнделл, в свою очередь, не полетит искать нас раньше, чем наступит утро. И если мы еще будем живы к тому времени, когда нас найдут — если, конечно найдут! — и Кэнделл сумеет отыскать место для посадки, то чего, по-вашему, нам ожидать от *этих*?

Он покосился на тени.

Ему никто не ответил.

— А что, если... — наконец снова заговорил Барриер. — Что, если попробовать разогнать их огнем?

Остальные молча воззрились на него. Но тут же пришли в движение и засуетились, собирая высохшие цветочные побеги, сухую траву — короче, все, что может гореть. Вскоре вокруг них запылало кольцо из костров, и все, затаив дыхание, стали ждать, что получится.

Тени тут же устремились к огню и весело заплясали вокруг костров, перебегая от одного к другому, словно играли в пятнашки.

Хаббард всхлипнул.

Из леса выползал туман. Маленькая красная луна растворилась в нем бесследно, а большая подсветила его призрачно-зеленым светом. Костры начали протгорать, и тени закружились еще быстрее.

— Они резвятся, как щенята, — злобно фыркнул Барриер. — Им-то весело.

Костры догорали и вскоре превратились в россыпи тлеющих углей. Тени оставили их и вновь запрыгали вокруг Барриера и остальных пятерых членов его группы, оставшихся в живых.

— Они пришли за нами, — прошептал Кэффри, в петлице которого каким-то чудом до сих пор сохранился сорванный утром цветок.

Тени тем временем, словно не зная, что выбрать, метались между людьми и тлеющими кострами. А в руины медленно заползал туман. Он становился все гуще и гуще, и, когда наконец полностью поглотил свет второй луны, тени словно пришли в возбуждение — так быстро они забегали.

Айкен, все еще продолжавший обдирать со скалы, перекрывавшей им отход, ползучие растения, вдруг воскликнул:

— Здесь есть проход! Какая-то дверь! Может, нам удастся войти внутрь, и там мы сможем забаррикадироваться!

— От теней-то? — глухо рассмеялся Барриер.

— Все же это лучше, чем ничего, — решительно сказал Хаббард. — Да все что угодно лучше, чем сидеть здесь и ждать неизвестно чего.

Он полез вслед за Айкеном, уже исчезнувшим в темном проеме. За ним последовали было все остальные. И вдруг на Барриера напал приступ хохота. Мальчишки столпились вокруг него с недоуменно вытянутыми лицами, а он, давясь от смеха, заявил им:

— Вы что, до сих пор не сообразили? Вы думаете, что сможете убежать, спрятаться, придумать какую-то защиту? И все только потому, что вы — люди, а люди, по-вашему, всегда побеждают? Вы что, до сих пор ничему не научились?

— Чему не научились? — дрожащим шепотом спросил Хаббард.

Барриер оглянулся на тени.

— Да как же я в пять минут вам расскажу то, на понимание чего у меня ушла половина жизни шатания по различным

мирам? А может, мне лучше вообще ничего не говорить и дать вам умереть счастливыми.

И тут Хаббард кинулся на него с кулаками. Сейчас он был похож на разъяренного ребенка, ошалевшего от страха. Страх смерти. Барриер поймал его за запястья.

— Вы жалкий трус! — зашипел парень, вырываясь. — Вы же наш командир, вы обязаны вытащить нас из этого, а вы что делаете? Лапки свесили? Тоже мне, великий исследователь, бравый командиришка, черт бы вас побрал! Вы всего-навсего старикашка, в котором не осталось ни на грамм мужества! Вам давно пора было вернуться на Землю и освободить место для тех, кто способен бороться.

Барриер оттолкнул его — достаточно сильно, но без малейшей злобы и спокойно сказал:

— Ладно, я открою вам тайну. Старушка Земля слишком мягкосердечна. Да, она пытается время от времени вернуть утраченные позиции, насылая на нас то ледниковые периоды, то извержения вулканов, то эпидемии чумы, то голод, то великие потопаы, то великие засухи. Но она слишком поздно за это принялась и не проявляет особого старания. Потому-то мы и одержали над ней верх. Но у других миров характер покруче. Рано или поздно, но они находят свой способ...

Вселенная не желает встречать нас с расprostертыми объятиями. Уж не знаю почему. Может, потому, что нас не удовлетворяет роль животных, которыми мы в сущности являемся, и мы вечно пыжимся, пытаясь представить себя кем-то более значительным, суем нос куда ни попадя, разрушаем, что под руку попадется, лезем к звездам и заставляем мир корчиться от боли. Не знаю. Знаю лишь то, что нас везде ненавидят. Во всех мирах, где я бывал, если там и были когда-то люди, то от них нашли способ избавиться.

Он поднял голову и посмотрел на чужие далекие звезды, проглядывающие в прорехи заволокшего небо тумана.

— Они ненавидят нас, — тихо, словно говоря с самим собой, продолжал он. — И дети их ненавидят нас. Везде и всюду у нас одни враги. И ни одного друга.

Ты прав, Хаббард, — признался он с горьким вздохом, — я действительно всего лишь старикашка, в котором не осталось мужества ни на грамм. Можете бежать, можете прятаться — желаю вам удачи. Что же до меня, то я не люблю забиваться в щель.

Тени метались уже у самых его ног. Одна скользнула к нему, и прикосновение ее было холодным, таким холодным, как кость,

парящая в межзвездном пространстве. Быстро, слишком быстро, чтобы кто-то догадался его остановить, Барриер развернулся, сделал огромный скачок и помчался прочь, словно олень, убегающий от стаи волков.

Тени, сгрудившиеся вокруг него, тоже растерялись. Теперь он оказался у них в тылу. Но уже через мгновение они ринулись вслед за ним, рассыпавшись полукольцом, а три или четыре бросились вперед наперехват.

Теперь у него была фора — он ненамного, но оторвался от них. Хаббард что-то кричал ему вслед, но Барриер не разобрал ни слова. Все свои силы, всю свою волю он вкладывал в то, чтобы пересечь полосу препятствий из каменных глыб и достичь стены лесного тумана.

Тени нагоняли. Но прыгнули не они, а клубящаяся зеленоватая дымка.

И когда сырая мгла окутала его и коснулась кожи, он вдруг понял, что сверкающие крохотные капельки вовсе не были частицами тумана, каждая из них была разумным, совершенно индивидуальным существом, которые собирались в колонии, похожие на облака. И в ту же секунду Барриер осознал еще две вещи (хотя, пожалуй, это знание пришло слишком поздно): что в лесу туман так и не прикоснулся ни к одному из людей и что сюда, в развалины города, он приполз за ними. И против ветра.

Крошечные частицы жизни сверкали, как драгоценные камни. И испытывали к людям непостижимую по своей глубине ненависть.

Барриер забился в агонии. Все его тело, пронизываемое нечеловеческим страданием, дергалось в жутком танце боли. В горле бился крик, но ни звука не вырывалось из оскаленного в муке рта. Глазницы забила огненная пыль. Он попытался убежать, но не смог. А откуда-то издалека, из совсем другого мира, доносился приглушенный голос все еще звавшего его Хаббарда.

И тут появились тени. В выжженном болью сознании Барриера, как кость в горле, застряла одна-единственная мысль: *Они заодно, будь они прокляты! Они тоже ненавидят людей.* А затем в него начал просачиваться мертвенный холод, присутствие чужого естества стало шириться в его мозгу, и он понял, что умирает...

Туман отступил. И мучительная, раздиравшая тело на части боль исчезла, а поселившаяся в нем ледяная тьма в один миг исцелила командира. Словно на голову вылили ведро холодной воды. Он снова мог видеть, слышать даже сквозь

странную мутноватую дымку, окутывавшую его тело и сознание.

Тени скакали и кружились вокруг, и там, где они пробегали, туман неохотно отползал в сторону, сердито клубясь, втягивая в себя сверкающие щупальца. А тень, забравшаяся в Барриера, заставила его повернуться и пойти к руинам, но на сей раз не заставляла его бежать, потому что понимала, как ему больно. Она даже каким-то непонятным образом подпитывала его своей собственной силой.

Остальные тени окружили Барриера резвой стайкой и прыгали, скакали вокруг, отсекая от него тянущиеся щупальца тумана. То тут, то там сверкающее облако поглощало отбившиеся от стаи единичные сгустки темноты, и они больше не возвращались. И вдруг как-то сразу туман расступился.

Лицо Барриера, окруженное дымкой, приобрело озадаченное выражение.

Он рухнул у ног Хаббарда, и тень вышла из него. И все стало как прежде: люди, тени, тлеющие, подернувшиеся пеплом угольки и стоящий вокруг стеной туман.

Хаббард сыпал ругательствами, пытаясь скрыть смущение.

— Барриер, у вас что, крыша поехала? Вы что же, решили их всех увести за собой от нас?

— Да нет, он хотел, наверное, попытаться добраться до корабля и привести помощь, — вступился за командира Айкен и наклонился к нему: — Барриер, вы слышите меня, Барриер...

Но тот не слушал. Он смотрел на пляшущие тени. Некоторые из них продолжали метаться между тлеющими угольями костров и людьми.

— Они хотят, чтобы мы подбросили топлива, — как бы размышляя, заметил Барриер. — Костры помогают им сдерживать туман. — Он резко повернулся к остальным: — Вы видели? Они меня спасли! Они пришли за мной в туман, и одна из них прикрыла меня собственным телом. А несколько из них погибли! Мы ошиблись. Там, в лесу; они пытались помочь нам. Они следовали за нами, как...

И слово пришло, порожденное воспоминаниями о далеком детстве и маленьком отважном терьере, сжевавшем его ботинки, но любившем его настолько, что, не колеблясь, бросился однажды между своим маленьким хозяином и страшной шипящей тварью. Это была всего лишь безобидная змейка, но суть не в этом.

— Я думаю, — продолжал Барриер развивать свою мысль, — что эти тени были для когда-то живших здесь людей чем-то

вроде собак, охранников. Конечно, не похожих на наших, других по своей сути, но главное в том, что их специально обучали защищать хозяина от врагов. Морриса и Шмидта убил, конечно же, туман. Мы разбежались в разные стороны, и тени не смогли спасти нас всех.

Люди смотрели на пляшущие темные пятна. Им было трудно сразу привыкнуть к новому взгляду на эти тени, но они не могли не признать очевидного. Их лица смягчились, и в глазах исчез страх.

— А что случилось с этими? — спросил Хаббард, указывая на кости.

Барриер помотал головой:

— Что бы их ни убило, тени тут ни при чем.

Его голос звучал отстраненно, а в мозгу шла неустанная работа, собирающая по кусочкам мозаику событий, вертя их, переставляя, отбрасывая и снова укладывающая. А затем он встал и с легкой улыбкой пошел навстречу теням. Он тихо заговорил с ними, поглаживая почти неосязаемые спины, а они вертелись вокруг него, радостно прыгали и пытались коснуться его руки.

— Все это время им было так одиноко. Но они продолжали охранять кости своих хозяев.

— Слушайте, — сказал Айкен, вылезая из пещеры, — в этом проходе — а он вырезан в цельной скале, и нигде не обвалилось ни кусочка — я обнаружил какие-то символы на стене. Я их толком не разглядывал, но вроде как они повествуют о том, что люди со всего города собрались здесь, чтобы вместе умереть, и оставили в нескольких защищенных местах сообщение об этом.

— Пошли посмотрим, — загорелся Хаббард.

И они все вслед за Айкеном спустились в обнаруженный им проход. Все, кроме Барриера, все еще игравшего с тенями-собаками. На его лице светилась странная кривая улыбка. Когда Айкен и Хаббард, горя от возбуждения, вернулись, он едва заинтересовался тем, что они рассказали.

— Эти символы, — радостно доложил Айкен, — вроде пиктограмм, но настолько простых, что их любой поймет. Эти люди надеялись, что рано или поздно кто-нибудь их найдет. Они рассказывают о том, что случилось с людьми, и о том, что это произойдет еще не раз. Планета периодически входит в зону облака, смертельного для всех существ, дышащих легкими. Вот почему погибли животные, а выжили лишь те, у кого иная система дыхания. И вот что еще, Барриер...

— Да?

— Они упоминают там о собаках. Они постарались оставить подробные рисунки о том, как их использовать, чтобы те, кто придет однажды, знали это.

Барриер кивнул и снова склонился над скачущими вокруг него сгустками темноты.

— Они ждали все это время. Ну что ж, могут потерпеть и еще немного. — Он выпрямился и с той же кривой улыбкой добавил: — Похоже, я маленько поторопился с выводами. Возможно, мы еще чего-то стоим в этом маленьком мире, и он готов дать нам еще один шанс. В любом случае приятно узнать, что хоть в одном-единственном месте во Вселенной у нас есть настоящие друзья.

Исследователи подбросили в костер топлива, и тени радостно заплясали вокруг. Барриер смотрел на них, и лицо его молодело. Это было лицо человека, который вновь обрел надежду.

Содержание

От издательства	5
Венерианская колдунья, рассказы	
Исчезновение венериан, <i>перевод с английского Б. Александрова, Г. Грея</i>	9
Исчезнувшая луна, <i>перевод с английского Б. Александрова, Г. Грея</i>	37
Венерианская колдунья, <i>перевод с английского Б. Александрова, Г. Грея</i>	78
Шеннеч Последний, <i>перевод с английского Б. Александрова, Г. Грея</i>	138
 Вуаль Астеллара, рассказы	
Не-люди, <i>перевод с английского С. Трофимова</i>	187
Вуаль Астеллара, <i>перевод с английского Б. Александрова, Г. Грея</i>	216
Озеро Ушедших Навсегда, <i>перевод с английского А. Иорданского</i>	242
Танцовщица с Ганимеда, <i>перевод с английского И. Полоцка</i>	277
Цитадель утраченных веков, <i>перевод с английского А. Хромовой</i>	308
Тени, <i>перевод с английского О. Васант</i>	359

МИРЫ ЛИ БРЭКЕТТ
ВЕНЕРИААНСКАЯ КОЛДУНЬЯ

Составитель *Д. Смушкович*
Редактор *М. Проворова*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина*
Оператор компьютерной верстки *В. Карцев*
Оформление шмуцтитилов: *Д. Затравкин*

ЛР № 065224 от 17.06.97.
Подписано в печать 30.07.97. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 1084.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Миры Рэя Брэдбери

*Это имя не требует
пояснений.*

*Оно давно
стало для
всех нас
синонимом
слов
«научная
фантастика»*

Семь томов собрания его сочинений — лишь скромный дар признательности его таланту, несмотря на то что более полного издания на русском языке еще не бывало. Все лучшие вещи Рэя Брэдбери теперь выпущены в свет издательством «Полярис»

*Том 1
Марсианские хроники
Человек в картинках*

*Том 2
451° по Фаренгейту
Золотые яблоки Солнца*

*Том 3
Вино из одуванчиков
Октябрьская страна*

*Том 4
Нескончаемый дождь
Лекарство от меланхолии
Р — значит ракета*

*Том 5
Надвигается беда
Механизмы радости*

*Том 6
Тело электрическое пою!
К — значит космос*

*Том 7
Канун Всех Святых
Лорелея красной мглы
Столп огненный*

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Л. Рон Хаббард «Миссия «Земля»»

Самый искрометный

Самый увлекательный

Самый опасный

Самый большой

фантастический

роман последнего

десятилетия —

это декалогия

МИССИЯ «ЗЕМЛЯ».

Им восхищались знаменитейшие фантасты мира —
Роджер Желязны, Энн Маккефри, А. Э. Ван Вогт
Орсон Скотт Кард, Филип Хосе Фармер.

Следите за приключениями
Джеттеро Хеллера, спасителя Земли!

Том 1 «План вторжения»

Том 2 «Во мраке бытия»

Том 3 «Внутренний враг»

Том 4 «Дело интонация»

Том 5 «Судьба страха»

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Уильяма Тенна

Пятнадцать лет его карьеры оставили великолепное наследство. Блистательные рассказы этого мастера юмористической фантастики вошли в золотой фонд жанра.

Теперь в свет
вышло самое
полное собра-
ние его работ
на русском
языке — два
тома лучших
рассказов
Уильяма Тенна.

Том 1

«Из всех возможных миров»

«Человеческий аспект»

«Деревянная звезда»

Том 2

«Корень квадратный из человека»

«Огненная вода»

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Харлана Эллисона

ВПЕРВЫЕ в России!

**Величайший американский прозаик второй
половины XX века представляет свои избранные
произведения в 3 томах!**

**Двадцать пять высших литературных премий
в разных жанрах,
одиннадцать высших премий в фантастике,
престижнейшие награды мира —
таков облик Харлана Эллисона.**

*В трехтомник вошло около сотни лучших рассказов,
одобренных автором, а также*

**ОТКРЫТОЕ ОБРАЩЕНИЕ
автора
К РОССИЙСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ!**

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

МИРЫ ЛИ БРЭКЕТТ

Ли Дуглас Брэкетт

1915 — 1978

Имя этой писательницы неразрывно связано с историей научной фантастики, с ее «золотым веком». Вместе со своими друзьями и коллегами — Генри Каттнером, Кэтрин Мур — и мужем Эдмондом Гамильтоном она стояла у истоков одного из самых популярных жанров фантастики, «космической оперы».

Первый рассказ Ли Брэкетт вышел в свет в 1940 году, и на протяжении пятнадцати лет она оставалась непревзойденным мастером, оказавшим огромное влияние на развитие жанра.

Перед читателями ее книг открывается Солнечная система, какой она представлялась раньше — полная ужасающих тайн и древних секретов, необъяснимого и загадочного, арена великих подвигов и драм. Полная первобытной силы Венера, жестокий Меркурий, удивительные миры дальних планет и, конечно, умирающий Марс, полный тоски по ушедшему величию и мрачной злобы к наглым, энергичным пришельцам с зеленой Земли. Именно «марсианский цикл» принес писательнице наибольшую известность.

С середины пятидесятих годов Ли Брэкетт почти отошла от литературной деятельности, перейдя на работу сценариста. Но и работая в этой области, она сумела оставить след в истории фантастики. В 1980 году — посмертно — ей была присуждена высшая премия в научной фантастике «Хьюго» за логическое завершение истории «космической оперы», сценарий знаменитого фильма Джорджа Лукаса из трилогии «Звездные войны» «Империя наносит ответный удар».

В двухтомник избранных работ Ли Брэкетт вошли четыре ее романа из прославленного «марсианского цикла», а также лучшие рассказы в жанре космической оперы, открывающие перед читателями панораму завораживающего, притягательного и опасного Космоса.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1997